ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

ОЛЕГ ДИВОВ • АНТОН ПЕРВУШИН • ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО • СЕРГЕЙ ВОЛКОВ • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

ОЛЕГ ДИВОВ • АНТОН ПЕРВУШИН • ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО • СЕРГЕЙ ВОЛКОВ • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ФЕДЕРАЦИЯ КОСМОНАВТИКИ РОССИИ
ФКР
1978

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

Дмитрий Богуцкий
Николай Немытов
Наталья Кушнир
Олег Дивов
Сергей Волков
Виктор Войников
Антон Первушин
Наталья Духина
Дмитрий Градинар
Майк Гелприн
Марина Ясинская
Юлиана Лебединская
Далия Трускиновская
Дмитрий Федотов
Игорь Вереснев
Евгений Филенко

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В87

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Составитель сборника *С. Чекмаев*

В87 **Второе** пришествие землян / сост. С. Чекмаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-04-089555-7

Сегодня космическая работа стала обыденностью. Отправка очередного экипажа на МКС не вызывает никакого ажиотажа, с куда большим интересом люди читают о курсе доллара, скандалах в семействах звезд и новых гаджетах. В школах больше не преподают астрономию, а недостаточная информационная поддержка орбитальных полетов приводит к тому, что люди просто не понимают, зачем вообще нужна космонавтика. В лучшем случае, осознают, что без спутников не будет телевещания и прогноза погоды. Айфоны и виртуальная реальность отняли у землян Марс и Венеру.

В год 60-летнего юбилея первого спутника, фактически положившего начало Космической эре человечества, отечественные фантасты размышляют о том, как же вернуть интерес к космосу..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

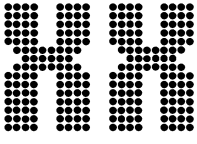
© Дивов О., Первушин А., Филенко Е., Богуцкий Д., Немытов Н., Кушнир Н., Волков С., Войников В., Духина Н., Градинар Д., Гелприн М., Ясинская М., Лебединская Ю., Трускиновская Д., Федотов Д., Вереснев И., 2017
© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089555-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нас ждут бездны открытий и мудрости. Будем жить, чтобы получить их и царствовать во Вселенной, подобно другим бессмертным.

Константин Эдуардович Циолковский



век — это не только история двух самых кровопролитных войн. В результате послевоенного противостояния сверхдержав ракеты, предназначенные для доставки ядерных зарядов, помогли человечеству начать освоение космического пространства. Но пламя космического мышления, которое позвало нас к звездам, зародилось еще раньше, и самые смелые умы всегда смотрели на космос не как на арену вооруженного противостояния, а как на бесконечное пространство, в котором люди смогут реализовать свой потенциал, обрести силу и величие. Перед лицом Вселенной мы — единое человечество с третьей планеты от Солнца, ведь далеким мирам все равно, что мы говорим на разных языках, носим разные флаги на шевронах и кожа у нас разных оттенков.

Сегодня входит в моду понятие «орбитальное мышление»: если смотреть на планету с орбиты, на ней не видно границ. Циолковский в начале прошлого века проектировал свои ракеты не для войны, а сегодня серьезные космические программы немыслимы без международного сотрудничества.

Сборник, который вы держите в руках, — переломный взгляд на будущее космонавтики. Здесь вы

увидите миры и судьбы людей, которые оставили позади мысли о распрях, санкциях, забыли о предрассудках. Вы узнаете, что вид homo sapiens, рожденный в колыбели Земли, может и должен стать межпланетным. Это наша судьба, и вся Вселенная — наш общий дом. Наша Вселенная.

Так называется проект, который разрабатывает студия «Планета Людей». Выбрать это название нас вдохновил роман Сент-Экзюпери, посвященный первым авиаторам. Он по духу предвосхищает первые шаги человека в Космос. Ну, а «Наша Вселенная» — компьютерная игра с образовательным содержанием, путь космического агентства «КОРОНА», которому предстоит начать свою историю на Земле, на космодроме «Реплекс-Аква» и повести человечество вслед за мечтой.

В разработке игры «Наша Вселенная» нас поддерживают: летчик-космонавт СССР Сергей Крикалев, начальник летно-испытательного отдела РКК «Энергия» Марк Серов, руководитель Московского космического клуба Иван Моисеев, специалист ЦНИИМАШ Владимир Пинчук и многие другие люди, связанные с космической отраслью. Мы знаем, что все получится, и этот сборник — первая ласточка, первая ступень на пути возвращения интереса к космосу.

Читайте прекрасную фантастику о космонавтике сегодня, и завтра мы можем сделать так, что мечта станет реальностью.

Сергей Чекмаев,
писатель-фантаст, сценарист, составитель сборника,
Алексей Борисов,
руководитель студии «Планета Людей»
(проект «Наша Вселенная» Realuniverse.ru)

ДМИТРИЙ БОГУЦКИЙ

ОРБИТА ЗАХОРОНЕНИЯ

Свой первый спутник я добыл еще в средней школе.

Я тогда валялся в реабилитационном центре, наглухо отлученный от Сети, восстанавливался после запущенной постигровой дистрофии и со скуки уже порядком повозился с многочисленной однорукой робототехникой, самодельными 3D-принтерами, коптерами с разным количеством двигателей и обвесом и прочим таким барахлом, что предлагали в мастерской реабилитационного центра. Концепция изготовления реальных объектов, а не их функциональных визуализаций, оказалась для меня на тот момент шокирующе свежей и прекрасной.

Помню, приехал дед Ильи, моего соседа по курсу реабилитации, нестарый, как я теперь понимаю, человек, забрал нас смотреть на подъем Орбитального Стапеля. И мы поехали на его машине за город, в поросшую зеленым лесом старую промышленную зону, к заброшенным заводам. Там он выгнал нас из салона, и мы на подгибающихся от слабости ногах бродили по заросшим травой рельсам, дурея от запаха горячей травы и креозота, пока он стаскивал тент с кузова внедорожника и, вращая лебед-

ку, вручную поднимал стартовую ферму с ракетой на ней. Небольшой такой подорбитальной ракетой класса «Подскок» длиной чуть больше роста человека — в те времена их уже вполне можно было арендовать. Полезной нагрузки такая ракета могла поднять не больше килограмма, но в нашем случае этого хватало за глаза.

Там я впервые увидел покетсат, «карманный спутник», что дед подогнал Илье за хорошее поведение, — когда он достал из контейнера черный куб пикосателлита для синхронизации со смартфоном Ильи перед запуском. Он вообще был великий мужик, дед Ильи, это я потом узнал, что он был одним из последних космонавтов-монтажников, работавших на Стапеле, а тогда, оказавшись одним из первых безработных космонавтов, не обломался и занимался своей непутевой семьей и отбившимся от рук внуком.

— Ух ты! — восхитился я, взвесив почти невесомый пикоспутник в ладони. — А откуда он взялся?

— Я сделал, — ответил дед Ильи, чем поразил меня в самое сердце: людей, способных изготовить нечто подобное, я не думал возможным встретить, а ведь он не выглядел небожителем. Он был самый обычный мужик: немногословный, в рыбацкой «цифре», прятал лицо от солнца под полями белой нейлоновой шляпы.

Мы установили куб покетсата под обтекатель ракеты, закрутили винты, отошли подальше, связались с ЦУПом, все честь по чести — частный взлет, получили данные на орбиту, все дела. И Илья дал на своем смартфоне команду на старт.

Ракета взревела и, едва не сшибив нас с ног ударной волной, резво прыгнув куда-то ввысь, мгновенно исчезла из глаз, оставив волну жара, за-

пах сгоревшего керосина и густой, расходящийся инверсионный след. Мы, раскрыв рты, пялились в опустевшее небо.

А потом дед Ильи нацепил на нас операторские очки, и мы увидели через камеру на борту ракеты, как внизу выгибается огромной бездонной чашей Земля.

А потом обтекатель распался, и я вместе с пакетсатом вылетел наружу из уходившей на посадку ракеты и продолжил дальше свой суборбитальный полет в абсолютном одиночестве в бездонном пространстве космоса...

Я был прямо там...

Мы могли вращать камеру, озираясь. Сбоку, сверху, опять сбоку проносилась затянутая облаками Земля. А потом вдалеке разгорелась яркая быстро вырастающая точка.

Это был Орбитальный Стапель, именно так — с большой буквы. Последнее достижение великой эры общемировых космических проектов. Я видел ее закат собственными глазами.

Без достаточной разрешающей способности камеры ничего мы, конечно, не увидели, пролетая мимо в сотнях километров ближе к Земле, а так почти лично присутствовали при конце эпохи. Я видел, как били выхлопы из множества двигателей маневровой системы Стапеля, похожего на ажурную сеть мостовых ферм, скреплявших многоэтажки цилиндрических обитаемых модулей и стволы параболических ферм с листьями солнечных батарей. Десятки двигателей в полной тишине выбрасывали потоки раскаленного газа, разгоняя всю эту махину, похожую на город, уводя его на все более высокую орбиту, все выше, туда, где его уже нельзя было толком разглядеть, — выше тридцати одной ты-

сячи километров, за геостационарную орбиту, на орбиту захоронения. Там находили последний приют аппараты, слишком большие или слишком опасные для спуска в атмосферу Земли, успокаиваясь там и не угрожая столкновением с аппаратами орбитами ниже.

Дед Ильи только вздохнул, прощаясь, как я теперь понимаю. Он там был, он его строил, теперь он его окончательно оставил вместе с непомерно большим куском жизни...

Это был день гибели традиционной космонавтики, но я тогда этого, конечно, не знал.

Я еще грезил, как однажды поднимусь на этот восхитительный и потрясающий Стапель, чтобы построить корабль, на котором я отправлюсь в глубокий космос к неоткрытым мирам.

Ничего этого, конечно, не сбылось.

Где-то через месяц, когда я уже был дома в теплом семейном кругу пристального отеческого попечения, похожего на домашнее заключение, все еще ограниченный в свободе и сетевом общении, с родительского соизволения со мной созвонился Илья.

— Тебе спутник случайно не нужен? — спросил он.

Я как-то даже не сразу его понял:

— Спутник? Это который спутник? Твой, что ли?

— Ага, мой...

— А тебе дедушка по башке за это не даст?

— Не даст. Он умер.

Когда даже твои прабабушки живы, трудно оценить смерть в другой семье. Я не нашелся, что сказать.

В доме у Ильи стояла тихая тенистая молчаливая печаль. В комнате дедушки на воздушном экра-

не все еще бежали строчки телеметрии от распределенного ЦУПа, автопилот вел спутник по его низкой орбите, даже после того, как за ним стало некому присматривать. Несколько юбилейных книг на полках, картина в тонкой металлической рамке, точнее, напечатанная маслом фотография — восход Солнца из-за пересекающихся дисков Луны и Земли, вид из космоса, откуда-то издалека, потому что это была оборотная сторона Луны.

С момента запуска покетсата я времени не терял. Все это время я засыпал бездны безнадежного незнания мешаниной спутанных фактов о реальном, невыдуманном космосе, и опознал море Москвы, в котором еще до моего рождения была брошена так и не восстановленная Единая Лунная станция — огромный проект, последний всплеск общечеловеческого глобализма, закончившийся черт знает чем...

Я посмотрел на синусоиду проекции орбиты спутника на поверхность Земли и прошептал:

— Летит.

— Ага, — безрадостно отозвался Илья. — Пока летит.

Время полета было не бесконечным, и оно истекало. Спутнику оставалось не больше трехсот оборотов. Это примерно две недели. Потом атмосфера, хотя и разреженная, все-таки затормозит низколетящий спутник, и он, падая к поверхности, сгорит быстрее, чем пылинка в газовом пламени. На Земле даже не заметят.

Спутник никому не был нужен, даже Илье.

— Когда дедушка умер, они мозг ему вытащили и заморозили, — пробормотал он. — У него там осложнения были из-за космоса. Из-за невесомости. Они его увезли, вроде ненадолго, провериться, а там он умер, мозг вынули и заморозили. Говорят, может

быть, когда-нибудь его разморозят, они говорят, будет жить в свое удовольствие в сгенерированном мире, где можно делать что угодно. Что он так сам хотел... Только он не будет жить в свое удовольствие — он это все ненавидел. Анестезия для сознания, говорил. Он так жить не станет, по-ненастоящему...

Он не хотел видеть спутник, думать о спутнике, беспокоиться и заботиться. Он хотел забыть, не заходить, не видеть, не вспоминать, не плакать. И забота о спутнике тяготила его непомерно.

И я не колебался ни мгновения.

— Если хочешь, я могу забрать твой спутник, — вполне искренне вызвался я. — Жалко же, если сгорит...

Илья готов был отдать его кому угодно.

К счастью, «кем угодно» оказался я.

Памяти моего смарта едва хватило на клиентскую часть доступа к распределенному ЦУПу. Илья передал мне права доступа, и спутник стал мой.

Он действительно стал мой. Спутник у тебя в кармане — это просто непередаваемое впечатление. Я шел домой и через его камеру следил, как над синью океана вращаются огромной спиралью облака. А если отвести камеру от Земли, черный космос тут же наполнялся навигационной индикацией, множеством отметок летящих аппаратов.

Чертова прога моментально отожрала под свои распределенные расчеты всю память смарта без остатка. Пришлось удалить все игры подчистую, а она еще потребовала вдвое больше, чем вообще было доступно. Но я все равно был счастлив, потому что это было оно, настоящее...

А проблемы мои только начинались.

Дома я безжалостно разнес былой свой игровой узел доступа в Сеть, переформатировав его в центр

управления. Родители были только рады. Бедняги не знали, как меня накрыло на этот раз. Спутник отправлял и получал телеметрию и, кроме того, усердно обменивался трафиком с аппаратами похожего класса на близких орбитах. Так я узнал, что близкий космос населен куда более плотно, чем было заметно. Частный космос, маленький и незаметный, процветал в тени умирающих всемирных гигантов ракетостроения. В списках распределенного ЦУПа стояли сотни имен и тысячи аппаратов. И никто в этой горизонтальной сети не терял свой спутник — когда тот уходил за горизонт, дружественный трафик поддерживал минимально необходимый канал связи, даже когда между нами оказывалась вся планета. Это было странно: ощутить естественную, как дыхание, взаимопомощь неведомых людей в неизвестных мне краях, языка большей части из них я даже не слышал раньше. Это была такая поддержка, что стоила очень многого.

И когда, лежа в постели, думал о спутнике, который наматывал в высоте свои последние витки — где-то один за час, — я понял, что не смирюсь и не дам ему погибнуть.

С этого момента я был твердо намерен сражаться за его выживание. Я вытащил смарт из-под изголовья, включил. Спутник потерял за сутки почти километр высоты, атмосфера стала уже достаточно плотной, чтобы замедлять его все заметнее.

Как у всякого спутника нового поколения, у него был трос ликвидации, километровый газомеханический тросик диаметром миллиметр, размотав который и пропуская через него электрический ток в магнитном поле Земли можно менять скорость орбитального аппарата на конце такого хвоста. В данном случае имелось в виду, что я, как ответственный

пользователь, выпустив трос, начну замедлять спутник вплоть до его спуска в более плотные слои атмосферы, где он экологично сгорит на хрен.

Сделал я ровно противоположное. Я начал медленно, но верно разгонять мой аппарат, орбита его при этом, естественно, повышалась, уводя его от Земли. Вопиющее нарушение протокола частного пользователя космических средств.

Утром со мной вышли на связь соседи по орбитам.

— Барон Суббота, отзовитесь. Вызываю Барона Субботу.

Это у меня такой ник остался со времен запойного увлечения смешанными с реальностью играми.

— Барон Суббота, вы нарушаете свой дивизион, отзовитесь.

— Говорит Барон Суббота, — отозвался я.

— Чего это вы вытворяете, молодой человек? У вас курс на снижение, а вы поднимаетесь.

— Я передумал, — не колеблясь, ответил я.

— Ну, если передумал, так выкупи орбиту и болтайся там на все деньги, дивизион-то ломать зачем?

— А сколько стоит выкупить орбиту?

Мне сказали сколько.

В те славные времена на такие деньги мальчик вроде меня мог неделю жить на всем готовом, и еще бы оставалось, чтобы вволю и без меры пережечь свободного времени в призрачных мирах. Стоило это тогда не очень дорого, хотя и побольше, чем астероид своим именем назвать.

Именные астероиды в те времена меня еще не интересовали, а вот на собственный спутник я запал. Но ничего подобного позволить себе я, конечно, не мог, хотя даже такой бросовый подержанный

спутник, как у меня, на низкой орбите с иссякающим запасом оборотов перед падением в атмосферу стоил, как подержанный автомобиль. Несколько больше того, что у меня обычно бывало в кошельке. Но вполне достаточно для того, что было у меня в голове. Хотя еще когда мы с Ильей баловались со стандартным функционалом покетсата, у меня уже мелькали мысли, как эффективнее можно использовать этот ресурс.

В общем, я поступил хитро. Я устроил общий чат в своем прежнем игровом клане.

— Вот, дивитесь, чуваки, тема. Нет, это не симулятор. Чего, графика слабая? Да что б ты понимал, балбес! Это круче в сто раз — это настоящий космос! Настоящий — это я тебе говорю! Реально можно спутником рулить, и квесты на орбите. Какие квесты? Ну разберемся там по ходу. Чем докажу, что настоящий? Чем, чем... Ну, хочешь, я его калибровочным лазером для камеры тебе в глаз посвечу? Сохраняться? Нельзя тут сохраняться — это же жизнь. Ну и иди, дурак набитый, — у меня тут и без тебя очередь из желающих ждет.

Оплата за «поиграться» с настоящим спутником стала первым ручейком, который проложил мне сияющую, вымощенную средствами и славой дорогу в небе.

Позже мы собрали наш первый «Мир орбитального пирата», и он стал моим первым большим проектом. В конце концов мы создали ту самую распределенную игру, свою, смешанную с реальностью, сепарированную реальность, с многотысячной аудиторией и множеством спутников в работе. Мифологизация и мистификация прежних космических достижений человечества тогда зашла за пределы

полного безумия, и для рядовых геймеров это была технология, неотличимая от магии, — мало кто нам верил, что все происходит в реальности.

А тогда я бился, как мог.

Я вовсю торговал доступом к спутниковой камере, торговал каналами связи и информацией. Я продавал климатические данные, сдавал системные ресурсы под распределенные расчеты, выступал свидетелем в судебных разбирательствах, поставлял данные всем любителям влезать в частную жизнь ближнего своего, готовых за свою страсть заплатить.

Я не собирался расставаться с моим спутником, едва его заполучив. Я мониторил его работу везде, где находился, ел ли, пил ли, ехал ли куда, даже между сном — напечатал себе наголовные очки для смартфона и наблюдал за показаниями приборов и трафиком обмена данными с другими спутниками группировки, — даже на уроках — вместо контрольных.

Одна только аренда орбиты высасывала средства пылесосом. Мне постоянно требовалась работа, честно оплаченная орбита.

— А ты можешь, сынок, предоставить эту видеозапись с такого же ракурса, но в более высоком разрешении? — спросил меня Артур Лимонов, основатель одной многообещающей детективной конторы.

— Гм. Технические условия применения камеры не позволяют...

— Хм, очень жаль. Были бы они чуть получше — я бы заплатил, — скривился Артур.

И что мне было ему ответить? Ну и как мне увеличить разрешающую способность камеры моего покетсата? Вот как? Ну?

Я лежал дома в постели в наголовных пилотских очках, невидящим взором следил за смещением звезд вдоль орбиты спутника, пока однажды решение вдруг не пролетело мимо меня километром выше.

— Кто знает, что это такое с огромной оптической линзой болтается вот на этой орбите? — задал я вопрос в орбитальном коммюнити.

Ответ пришел через пару минут:

— Это спутник-шпион времен холодной войны. Мертвый, естественно.

— А какое разрешение у его линзы?

— Ну и вопросы у тебя. Давай сам поищи в архивах. Нам потом и расскажешь.

Что ж, пришлось закопаться в архивах. Не в последний раз, кстати. Там я не только нашел технические данные на этот тип спутников, но и любопытное описание протокола соединения, применявшегося в прошлом веке для связи с дивизионом спутников-шпионов, и рекомендации по компиляции теплового виртуального лампового приемника-передатчика, и принцип формирования ключей доступа.

Около суток я сканировал подходящие частоты, пока не убедился, что спутник едва, но жив и ведет прием на штатной частоте. Еще полчаса мой смартфон ломал коды. Потом я получил доступ, произвел тестовую съемку и скачал снимок. Снимок оказался выше всяких похвал.

Теперь я мог все, что могут военные спутники-шпионы. Хотя и производства середины прошлого века.

Так я зазомбировал свой первый сателлит. Взял под контроль эту груду ничейного железа на орбите.

Это был только один из многих. Строительство сети из разнообразных заброшенных спутников оказалось на диво азартным увлечением. Барон Суббота — властелин спутников-зомби!

А контора частных детективов Артура Лимонова в обмен на интересные снимки обеспечила мне некоторый постоянный доход.

— А что, — вкрадчиво поинтересовался Артур, расплачиваясь. — Пойдешь ко мне работать? Мы таких дел наделаем, мир вздрогнет. Гарантирую.

— Ну, зачем же разрушать наши такие гармоничные отношения прозой труда по найму? — отшутился я.

— Ну, смотри, — недовольно протянул Артур. — Я второй раз не предложу.

А я смотрел. И очень внимательно. Меня все и так устраивало.

Тем временем проблемы нарастали. Шел расход реактивной массы для маневрирования. Увеличивался износ солнечных батарей и хвоста высоты, системной тепловой батареи, усиливалось помутнение линзы камеры, износ под ударами космического излучения ее матрицы, сбои в работе системы. Ком проблем рос и захватывал меня с головой, насовсем, навсегда.

А потом, вдруг, пришел Илья и потребовал спутник себе обратно.

— Он мой, — сказал он. — Мне его дедушка подарил. А ты его за деньги сдаешь.

— Так ты же мне его отдал!

— Ты его у меня выманил! А теперь я его забираю обратно. Он не твой. Он дедушкин! Скажешь — не могу?

Он, конечно, мог. А я остановить его не мог. Это был не мой спутник. Но орбита эта была теперь моя,

мои рабочие миссии, замаскированные под игровые квесты, мои соседи по дивизиону, мой мир, моя жизнь...

— Хрен с тобой, скотина, — отозвался я. — Раз уж дедушка подарил — забирай. Хотя без меня он уже давно бы сгорел. Хрен с тобой. Но орбиту я тебе не отдам. Она моя.

Он перехватил управление спутником, увел его на свою орбиту и ушел, оставив меня ни с чем.

Ну, почти.

Я ведь уже давно хотел большего.

Сама возникшая ситуация прямым текстом говорила мне о жизненной необходимости двигаться дальше, задуматься о диверсификации и четком юридическом основании для деятельности.

Размышляя над проблемами второго спутника, я определил для себя четыре пути решения проблем и расширения возможностей. Исправление все накапливающихся неисправностей моего подержанного спутника, покупка на все деньги нового модуля на Земле с нужным мне функционалом, долгое ожидание времени подходящего пуска с мало прогнозируемой орбитой в результате, а потом чехарда с попытками стыковки обоих частей. Или точно такая же чехарда, но с одним из модулей, который уже на орбите был, — прикупить по сходной цене у кого-то из товарищей по партии...

Или у кого-то отобрать...

В результате я прошел всеми четырьмя путями разом.

Не более чем через несколько часов после того, как я лишился своего первого спутника, у меня уже был другой, купленный с распродажи полумертвого хлама, но способный поддержать мои штаны по

взятым на себя обязательствам. Но, чтобы двигаться дальше, следовало взять новый качественный уровень.

Для этого пришлось выйти на связь с производителем спутников, штучная сборка, полная кастомизация, благо мы находились в одной агломерации. Россыпь кубсатов на столе в офисе производителя произвела на меня неизгладимое впечатление. Я держал в руках их неожиданно легкие корпуса и думал о точно такой же коробочке, летящей в высоком черном небе на высоте трехсот километров...

— Вы апгрейд провести можете? — спросил я, ощущая пальцами нити углепластика вокруг сотен маневровых сопл на гранях кубсата.

— Есть интерес к дистанционной космонавтике? — поинтересовался производитель, его звали Александр.

— Хочу расширить функциональность вот такого базового блока. Это мой список изменений конструкции.

— Давно занимаетесь? — спросил поставщик, считав список.

— Сто лет скоро, — угрюмо буркнул я.

После длительной возни и ожидания я получил то, что хотел.

— Если добавите немного, поставлю вас на ближайший экваториальный запуск, — добавил Александр. — У нас там яхта со стартовым столом. Через неделю соберем всех желающих на старт и выведем на орбиту.

— Идет.

— И еще у меня есть кое-что для вас...

«Кое-что» оказалось орбитами двух интересных с точки зрения старательства объектов. Двенадцать граммов рения на одном и десять на другом. И еще

германий, рутений и некоторый запас реактивной массы для пополнения того, что неизбежно потрачу на прожорливые маневры по стыковке. Информация стоила цены.

— Приятно иметь с вами дело! — заключил я, расплатившись.

— Возвращайтесь, когда закончите, — возражать Александр не стал. — Уверен, мы и в дальнейшем можем быть во многом друг другу полезны.

Я тоже был уверен.

Через неделю мой новый спутник был на орбите. Трепещите! Я вернулся! Это была адская машина смерти, та конструкция, что мне удалось собрать, — «Барон Суббота Второй», покоритель орбитальных спутников-зомби. Я был готов идти дальше. Я был готов зайти куда дальше, чем решался кто-либо еще...

Школу я, кстати, так и не окончил... Пустил, можно сказать, свою жизнь под откос ради бесполезной игры. Я не слишком расстроился — очень увлекся добычей рения и германия из обломков брошенных на орбите спутников. Начал этакое полулегальное орбитальное старательство. Утомившись ежедневно обосновывать реальность избранной стези, ушел, наконец, из отчего дома, снял целый этаж в так и не достроенном из-за кризиса прошлого десятилетия небоскребе, расположил там всю контрольную аппаратуру, мастерскую и параболическую антенну связи и место, где залечь на ночь, — спальный мешок в шатровой альпинистской палатке. Иногда я там спал не один. Дистанционные космонавты к тому времени начинали набирать определенную узкую популярность. Где-то между телетуристами и автогонщиками на ретромобилях.

А дело это — разборка мертвых спутников — оказалось азартным и рискованным. Хотя бы по-

тому, что норм и протоколов тогда на эту тему еще не сочинили и какое-то время можно было наслаждаться исключительной деятельностью вне закона.

Я нарвался, как раз когда нагнал второй из намеченных спутников — это был давно мертвый ретранслятор, беспорядочно вращавшийся в облаке более мелких обломков и газа из разорванных от усталости материала баков. Догнать его оказалось проще, чем синхронизировать вращение. Реактивной массы для маневровых двигателей оставалось рискованно мало. Отфильтровал на изображении с камеры бешено вращавшийся внешний мир — так ведь и стошнить может прямо на себя — и остался в почти неподвижном мире системы «спутник-спутник».

Ретранслятор на разборку был огромным, весил треть тонны и выглядел сильно разрушенным временем, ударами мусора и внутренним взрывом из-за прохудившегося топливного бака. Взрывом его практически вывернуло наружу. Я ввел покетсат в пробоину. Сверяясь с чертежами спутника, нашел нужные секции, любезно оголенные взрывом, и начал резать. Да, на борту «Барона Субботы Второго» теперь был свой плазменный резак, манипулятор, дополнительные баки, сопла, хвост из солнечных батарей — на апгрейд пришлось изряднейше потратиться, но эта груда орбитального металлолома мне сейчас все компенсирует. Редкоземельные металлы — по-прежнему лучшие друзья одинокого микрокосмонавта.

Я последовательно вскрывал платы, разогревал и выжигал плазменной горелкой контакты, собирая электромагнитом остывающие шарики металла — с германием не было проблем, с рением приходилось возиться куда дольше. Я почти закончил, когда понял, что освещение в полости спутниково-

го корпуса изменилось. Небольшое изменение общей орбиты, зафиксированное навигатором в системе «спутник-спутник», показало, что совсем рядом с нею появился объект, которого недавно тут вовсе не было.

Я бросил расплавленную плату, одним импульсом двигателей развернул спутник и на изображении с камеры увидел его. Это был совершенно посторонний неопознанный черный покетсат, почти вовсе не отражавший свет, соблюдавший полную радиомаскировку.

— А ты еще что такое?

И тут же я подвергся атаке. Меня попытались подбить электромагнитным импульсом из выброшенного щупа и одновременно провести взлом протокола соединения. Двойной абордаж! Только видал я уже таких резких жуликов, систему мою так просто не вскроешь, а вот импульс на корпус был неожиданным.

Кому-то тоже редкоземов захотелось?

В ответ я подпалил камеру нападавшего плазмой из горелки. Такого от меня никто, видимо, не ждал. Из-за импульса горелки мы закувыркались, сталкиваясь в стесненном пространстве. А параллельно я сам атаковал систему противника эксплоитом, выловив частоту его соединения с оператором и перехватив связь.

Через сорок секунд он был мой.

Я впервые захватил чей-то спутник, впечатления были непередаваемые. Быстро состыковавшись с обесточенным призом, я свалил оттуда. Ловите меня в космосе!

Тем не менее через пару часов мне позвонили.

— Барон Суббота?

— Допустим.

— Меня можешь звать Хоакин. Хоакин Медуза.

Внезапно я понял, что слышу не человеческую речь, а синтезированный голос автопереводчика. Было слышно, как автопереводчику что-то говорили по-испански.

— Чем обязан, сеньор Медуза?

— У тебя оказалась некоторая моя собственность. Признаю, я вел себя опрометчиво. Но сообщество, к которому я принадлежу, не признает поражений. Потому у меня есть к тебе одно предложение.

— Например?

— Можешь оставить себе мой спутник. Мне, собственно, нужен рений и только рений. Я буду даже столь любезен, что куплю его у тебя — за полцены, конечно.

— И зачем мне это делать?

— Затем, что никогда не узнаешь, как жмет владельцу его колумбийский галстук.

— Звучит впечатляюще. Но я подумаю.

И тут же я услышал сигнал экономайзера. На один из моих счетов поступили средства.

— Это оплата за металл, — негромко сообщил мне Медуза. — Не думай слишком долго. Или издержки возрастут.

Ну, я, конечно, передал ему рений. На рынке редкоземов стоило быть осторожным, а других покупателей у меня еще и не было. В нужное время на плато Наска к верным координатам, в паре сотен метров от полос в хвосте вырытого в грунте знаменитого геоглифа «Колибри», выехал бронированный гантрак перуанского филиала одного известного колумбийского картеля. Ушлые, рукастые ребятки ссыпались с него и резво раскопали металлический метеорит, такое вот совпадение, упавший там буквально за несколько минут до их прибытия. Повезло

им. Потом резко погрузились и свалили на юг. В пустыне только молчаливая воронка и осталась. Я наблюдал за этим местом со спутника-шпиона — синхронизировал падение посылки с его проходом над этим районом.

Я потом попросил Артура, моего подрядчика из детективного агентства, навести некоторые справки, осторожно. В общем, не врал Хоакин. И состоял, и мог, репутация у него была наработанная, убедительная. Славился он инженерными разработками на ниве технологического совершенствования нелегального своего бизнеса: кочующее по джунглям автономное ПВО картеля, автоматические микросубмарины для морской контрабанды, радаронезаметные рои дронов с инсектоподобным поведением для сбора урожая в зоне боевых действий — это все он. Повезло мне: тихо бортами разошлись.

Где-то через полгода он забрасывал мне удочку с денежным и совершенно незаконным предложением заняться на орбите синтезом некоторых сверхчистых материалов, но я соглашаться не поспешил. Вот только метамфетамина на орбите я еще и не варил...

Примерно тогда же я стал совершеннолетним в традиционном смысле слова. Пригоден для удаленной войны и прокси-размножения и полной ответственности всеми тканями тела по долговым обязательствам, но только не для курения электронных сигарет с эффектом сдвига сознания в пограничное состояние.

И все это время я ни на мгновение не забывал о Стапеле. Теперь, когда я стал неимоверно крут, удал и разнуздан, время для грандиозного восхождения в сорок тысяч километров за сокровищем на орбите захоронения пришло. И я его начал.

К тому времени я уже кое-что представлял из себя в определенных сферах. Когда не хватало людей для поддержки инфраструктуры распределенного ЦУПа, я начинал раздавать доступ своим игроманам в качестве сезонных квестов. Я уже в ручном режиме осуществил ремонт космического телескопа дружественных радиоастрономов, помогавших иногда нам с переброской трафика. А они, в качестве ответной любезности, вычислили для меня истинную траекторию Стапеля.

Собранный прямо на орбите на базе абордажного спутника Медузы аппарат, апгрейженный и перепрошитый, с хвостом электропроводящего подъемника длиной в два километра, начал свое неспешное вознесение на геостационарную орбиту. И продолжал его больше пяти лет.

А тот мой, точнее наш, первый спутник Илья, оказывается, банально спалил. Ему он был вовсе не нужен. Он просто очень хотел произвести впечатление на одну девушку. Идиот. После того как отобрал у меня спутник, он, утяжелив собранным космическим мусором, организовал его падение в плотные слои атмосферы над определенной территорией, устроив впечатляющий звездопад над домом Илюхиной зазнобы.

Звали ее Климентия. Ее страстью был не Илья, а эволюционная биология.

Климентия никогда не выходила из дома. Она была одной из первых жертв массовой истерической анорексии. Ей выжить удалось, ее родителям — нет. Многим тогда и так не повезло. С тех пор она предпочитала не видеть больше, чем одного человека одновременно.

В целом, я мог ее понять.

Все, кто занимался в это время космосом, были помесью антиквара и промышленного археолога. Кроме того, что они все были безнадежными романтиками. На Земле вообще было невесело. «Отлученные роботами» сражались за право на труд или подвизались в скромном хендмейде, поденном ручном труде или безудержном размножении. А на субкультуру карманных спутников никто не обращал внимания. С потерей космосом большого финансирования до нас никому не осталось дела. Иногда о нас упоминали по связанным ссылкам с выставки раритетной микроэлектроники или соревнований по запускам воздушных змеев. Киберспейсеры, виртуальные астронавты, транскосмонавты, мусорщики... Однако с момента запуска моей игры удаленного присутствия, формата смешанной реальности, владельцы частных пикоспутников стали очень модной субкультурой.

И действительно — кто был на Земле круче нас? Да никто, и не рассказывайте мне ничего другого. Круче нас были только настоящие космонавты, а мы были почти они, ведь никаких других и не осталось вовсе.

Мы потеряли космос по собственной вине, взявшись за непосильные проекты с негодными средствами, засрав доступные орбиты до непотребного состояния раньше, чем смогли заселить их.

Стратосферные шары заменили попадавшие телекоммуникационные спутники и дивизионы навигационных систем. Пилотируемая космонавтика умерла в забастовках наземного персонала аэрокосмических агентств. Обломки на орбите, сталкиваясь, множились, все плотнее закрывая небо железной крышкой. Вот так вышло, что к моим двадцати

годам в космосе не осталось никого, кроме нас — орбитальных старателей.

Климентия тем временем ушла от Ильи в институт эволюционных биосистем, изучала пищевой цикл погонофор и помпейных червей у бурлящих на дне черных курильщиков в Тихоокеанском разломе, биоценозы на дне Байкала. Провела натурально монашкой больше года в «Биосфере 22», безуспешно сражаясь с коллегами за устойчивость сконструированной биосистемы, рассчитанной на обитание сотни человек. А потом поехала изучать старые системы доставки биологических образцов на орбиту на заброшенном космодроме «Заполярный».

Там-то я с нею и познакомился. Не совсем случайно: мне стало интересно, и я решил посмотреть на нее поближе.

Ангар предстартовой сборки, «здание, под крышей которого видно северное сияние», медленно разрушался, зарастая льдом, но хранил еще автоматические шаттлы-грузовики, ходившие к Стапелю во времена его постройки. Я вычислил те, что совершали полеты хронологически последними, и теперь, сидя в ледяном и тесном нутре, подключившись к коммуникационному узлу бортового компьютера, полупроводниковому еще, копался в памяти, вручную перебирая директории.

— И что вы тут делаете? — спросила она меня, застав на месте преступления.

Я не спеша докачал содержимое памяти челнока, отключил смарт, выбрался из люка на покрытое грязью и чаячьим пометом крыло шаттла, где стояла в термопарке раскрасневшаяся от мороза она. Климентия.

— Набираю материал на диплом, — соврал я. — Промышленная археология. А вот что в этих гиблых

местах делает столь выдающаяся представительница рода человеческого?

— Ну, почему в гиблых, — удивилась Климентия. — Здесь жизнь просто кипит.

— Серьезно? — вполне искренне удивился я.

— Конечно, — серьезно ответила она. И это оказалось началом.

Я слушал ее весь день. А потом и часть ночи, пока добирались домой в моем вертолете.

Слушать ее было интересно и легко. Ее страсть и концентрация завораживали.

Я подарил ей кольцо из рения через неделю удаленных свиданий. А она мне — хрустальный шарик, наполненный водой, в котором плавала хромокреветка в созвездии обеспечивавших ее кислородом и питанием святящихся водорослей. Самодостаточный биоценоз, ее дипломная работа, ее космос в кармане — точнее, целый населенный мир... Она отдала ее мне после алого рассвета, встреченного вместе на последнем этаже моего небоскреба без окон, пока мы ждали ее аэротакси, укутавшись в теплый спальный мешок. Я был очень тронут.

— Для нее это — бесконечная вселенная, — произнесла Климентия. — У нее есть больше, чем доступно мне. Знаешь, она могла бы путешествовать в космосе, если бы кто-то придумал, как ее туда запустить. Однажды я хочу этим заняться. Я обязательно этим буду заниматься — космическими биоценозами. Потому что пока мы не сможем жить там, он не будет нам принадлежать. Я построю там свой собственный мир. И он будет таким, каким я захочу. И жить там буду только я. Ну и еще тот, кого я туда пущу, — улыбнувшись, она пихнула меня теплым лбом в плечо.

Я едва не проговорился, что среди сотен развалин на орбите захоронения есть та единственная станция. С секретом. С сокровищем. Но удержался. Не стал спешить. Это должно было стать сюрпризом, новым началом, следующим уровнем...

Может, не стоило тогда удерживаться... Нужно было обещать, удержать, умолять, обещать что угодно. Я не стал. И вскоре она вернулась к Илье. Дела у него шли совсем плохо, развилась геймерская депрессия, вернулась постэвентовая дистрофия, совсем плохо стало с целеполаганием в мейнстримной реальности. Трогательная инфантильность его теперь всех бесила, социальная неустроенность больше ничем не оправдывалась. Все его оставили один на один с собой. Климентия — нет.

Не знаю, почему она с ним осталась, — она ему даже женой не была. А я так и не научился строить длительные личные отношения. Может, он был для нее той светящейся креветкой в шарике воды, украшением ее личного микрокосма, в который акула вроде меня просто не помещалась?

Я занялся другим. Мы как раз запустили систему орбитального ремонта покетсатов. Разрабатывали проект сбора реактивной массы прямо на орбите для заправки двигателей. Меня не оставляла идея зенитно-пушечного транспорта. Славная экономичная пушка, забрасывающая на орбитальные высоты партии простейших грузов размером с пулю, которые нужно будет только перехватить. Вот только судьба предшественника, застреленного в Брюсселе еще до моего рождения, не очень вдохновляла. Хотя времена, когда такой зенитной артиллерией можно было что-то сбить на орбите, давно прошли.

А потом, через шесть лет подъема, «Черная Медуза» поднялась на орбиту захоронения, сбросив

на геостационарной орбите очередной спутник-ретранслятор. И времени на посторонние переживания у меня просто не осталось.

Я больше десяти лет не видел Стапель. Годы не слишком сказались на нем, безжизненный покой орбиты захоронения хранил его. Мы ушли в тень Земли, и тьма легла на его солнечные батареи.

Кубсат передавал тепловизионную картинку — на корпусе наблюдались обширные активные тепловые зоны, необычные для остывавшего десять лет тела. Я знал, где причалить, из файлов, найденных в едва живой оперативной памяти последнего шаттла, ходившего к Стапелю, и, синхронизировав скорость сближения до одного метра в секунду, повел кубсат в облет станции — к специализированным грузовым клапанам для жидкостей и газов. Через один из трубопроводов, закрыв за собой приемный клапан, я проник в давно опустевший водяной бак, где, вскрыв стеклопластиковую обшивку в верном месте, получил доступ к световодам информационной магистрали и подсоединился к ним. Дальше — дело техники, система Стапеля не обновлялась больше десяти лет, все уязвимости в ней известны наперечет, я быстро получил корневой административный доступ и приказал открыть аварийный лючок в коридор станции.

С глухим ударом полость бака заполнилась, кубсат крутануло потоком ворвавшегося воздуха и ударило об стенку, покрытую мохнатым инеем, оставшимся после вымерзших остатков воды. От балбес! — забыл про разность давления, а ведь сам стравил остатки газов из бака пред входом в него!

А на станции все еще есть воздух. По крайней мере, в этой части, давление лишь чуть ниже девя-

тисот гектопаскалей. Воздух теплый, около восемнадцати по Цельсию. Воздух влажный. Почти семьдесят процентов. Состав воздуха — азот, кислород, углекислый газ. Маловато кислорода, многовато углекислоты и почему-то азота... Словно кто-то часто дышал, а надышаться было нечем.

Тусклый аварийный свет подсвечивал коридор станции, глох в тусклой взвеси, плававшей в атмосфере станции, — сотни, тысячи коричневых чешуек, похожих на сброшенные надкрылья насекомых, плавали, слабозаметными потоками перемещаясь в толще малоподвижного воздуха.

Воздух на станции перемещался, хотя конвекционные вентиляторы были отключены — я проверил. Перемещался, а не должен был — тут нет гравитации, и нагретый с солнечной стороны воздух остается, где был. А тут его что-то перемешивало.

Я выбрал холодный реактивный режим для маневров «Черной Медузы», спутник, раздвигая чешуйки, медленно скользил по коридору, подсвечивая путь невидимым лучом инфракрасного прожектора. Чешуйки стремились облепить линзу, приходилось постоянно моргать металлическими «ресницами» камеры, разгоняя их. Вблизи они действительно очень напоминали сброшенный хитин насекомых.

Я как-то уже и не знал, чего ждать... Официально Стапель закрыли из-за недофинансирования и ошибок в проекте, о биологическом засорении не было ни слова...

А потом, повернув на перекрестке трех коридоров, я наткнулся на воду. Воды было много.

Мутные шевелящиеся шары медленно плыли вдоль коридоров, собирались вдоль стен в огром-

ные колеблющиеся массы, словно живые, — да они и были живые, в смысле, населены очень плотно.

Я различал какие-то водоросли, собиравшиеся в зеленоватые комки, явно наблюдал движение чего-то достаточно крупного, чтобы быть многоклеточным организмом. Чешуйки из воздуха налипали на воду, словно на толстую липкую пленку, нехотя тонули в ней, как в густом клее.

Больше десяти лет на этой станции теплилась жизнь, цеплялась за слабую конвекцию воздуха, сбивалась в сложно организованные водоемы в технических полостях, населенных хлореллой, и не спешила вымирать. Стабильный иноземный биоценоз — это был он. Мой приз. Мое сокровище.

— Охренеть, — прошептал я.

Как там говорила Климентия? Кто сможет создать устойчивый биоценоз — тот и сможет заселить.

Я нашел колонии известковых червей, прилепившихся к стенкам станции, удерживавших ветвями своей колонии воду и прогонявших через себя воздух, отфильтровывая из него чешуйки насекомых, — это они создавали конвекцию, позволявшую воздушным газам перемешиваться и избегать опасной концентрации кислорода или углекислоты. В биологическом отсеке я обнаружил, что контейнеры с образцами раскрыты, словно образцы намеренно выпустили, дав им шанс на выживание. Под лампами с аварийным освещением ютились скудные популяции слизней. Я узнал специально выведенный вид пищевых слизней с высоким содержанием протеина, предназначенных для питания космонавтов, — они тоже сумели выжить. Жирная плесень, вездесущий грибок и даже зеленый мох сражались за скудно освещенные стены, покрывая коридоры

мохнатым светящимся ковром, особенно буйным, богатым там, где свет Солнца периодически падал через иллюминаторы на стены станции.

Это было восхитительно. Это было чудовищно. Это было прекрасно. Чудовищно прекрасно.

Я все-таки попал в иной, живой неземной мир. А ведь уже и надеяться бросил.

А потом на меня напали. Прекрасный новый мир оказался опасен.

Через раскрывшийся технический люк в коридор вдруг посыпались сотни насекомых, треск надкрыльев, целеустремленный поток, стремящийся прямо ко мне, требовал немедленно убраться с их пути, вот только я и был их целью — точнее, бестолково заметавшаяся «Медуза». Один раз мне удалось увернуться и погнать покетсат к выходу со станции. Решительно прыгающий от стенки к стенке поток трескучих насекомых преследовал меня.

И это были тараканы, тысячи тараканов, паривших от стенки к стенке на широко раскрытых надкрыльях.

Это было похоже на медленную гонку во сне. «Медуза», огибая шары с водой, рвалась к баку с выходом наружу, вряд ли тараканам понравится безвоздушное пространство, но пока они рвались следом, сигая от стены к стене, образовывая явно заметный поток, и как раз непонимание того, что им было от меня нужно, заставляло меня не останавливаться.

Я почти ушел от них, просто немного потерял свою невеликую скорость на входе в бак.

Настигший поток забарабанил по корпусу «Медузы» сотнями тел, сбил ее с курса, закрутил вокруг оси, игнорируя усилия маневренных движков по стабилизации, потом ударил «Медузу» об стену раз,

другой, погас прожектор, подскочил уровень помех, а потом связь вовсе прервалась.

Я стащил с головы пилотские очки и ошалело произнес:

— Твою же мать...

Связь так и не удалось восстановить, хотя ретранслятор на геостационарной орбите получал от «Медузы» телеметрию двигателя и вспомогательных систем.

Понятно стало, что с этим делом мне одному удаленно не управиться. Был бы здесь человек, работавший на Стапеле, чувствовавший себя там, как у себя дома, настоящий космонавт из тех, что в живых-то уже не осталось.

Я глубоко задумался.

Остаться-то не осталось... Если не считать живым одного замороженного...

И я связался с Климентией. Очень я этого не хотел. Она тоже.

— Что тебе нужно? — приветствовала она меня.

Я передал ей запись с борта «Медузы».

— Где это? — спросила она, просмотрев запись.

— Это на Стапеле, — просто ответил я. — Да-да. Я все-таки добрался туда.

— Приезжай, — бросила она.

У нее дома мы посмотрели запись еще раз.

— Как ты думаешь, что им было нужно? — спросил я. — Чего они меня преследовали?

— Какой-то дефицит, — задумчиво произнесла Климентия. — Что-то необходимое, чего критически не хватает на станции.

— Например, что?

— Сложно сказать. Тепло, газ реактивной массы. Углепластик обшивки. Не знаю пока.

Она напряженно думала.

— Это прорыв, — произнесла она, наконец.

— Прорыв куда? — напряженно поинтересовался я.

— Ты все отлично понял, — ответила она непримиримо. — Это необходимо опубликовать. Нужно собрать экспедицию к Стапелю.

— Да щаз, — зло ответил я. — Он мой, и только мой.

— Он принадлежит международному консорциуму, — устало ответила Климентия.

— Его давно реорганизовали, да так, что правообладателей не осталось. Прошу тебя, не делай глупостей. Я уже там: давай работать с тем, что есть.

— Хм, — Климентия, прищурившись, посмотрела на меня. — А на самом деле тебе что от меня нужно?

— То, что мне теперь нужно, есть не у тебя.

В конце концов она согласилась дать мне десять минут на разговор с Ильей.

Годы его не пощадили. Не сказать больше.

— Ни хрена себе, — только и смог выдать я.

— Хорошо выгляжу? — слабо усмехнулся Илья.

— Нет. Продолжаешь играть?

— Да.

— Зачем?

— Не понял, о чем ты, — поморщился Илья в своем противоперегрузочном гамаке.

— Это я не понял. К чему это затянувшееся самоубийство? К чему это бессмысленное самосожжение в выдумках?

— А что? Мне было куда еще податься?

— Конечно, — ответил я. — Всегда найдется, куда податься. Я же нашел.

— Я не ты, — устало ответил Илья. — Это ты до-

волен тем, что имеешь, чего добился, а что я? У меня ничего как не было, так и нет. Уйти в этот твой космос? Да ты смеешься? Я не могу этого — ты этого не можешь, мой дед не смог, да и нет для меня никакого отличия твоей выдумки от любой другой: точно такие же картинки неведомых недостижимых миров. Что они есть, что их нет. Да хоть и никогда их не было! В вас же половина мира не верит, а другая сомневается, что вы вообще куда-то летаете. Предлагаешь сменить одну иллюзию на другую? Или по головам пойти, как ты? Ну уж нет. Я лучше так...

— А! Ну конечно — это я здесь плохой. И я виноват в том, что ты живешь как растение?

— Уж лучше бы был растением — хоть бы жизнь чью-то украсил, — прохрипел он. — Тебе-то что нужно от меня?

Подумав, я сказал прямо:

— Мне нужен мозг твоего деда.

— Да ты упоролся, — угрюмо ответил Илья.

В конце концов решили спросить у него самого.

От деда Ильи осталось немного. А что осталось, трудно было назвать человеком.

Родня подсуетилась, и он попал в программу реморфинга. Кору его головного мозга одним слоем клеток перенесли на односторонний клубок нейропроводящей ленты, длиной семьсот километров, сконфигурированный в довольно плотное ядро. После пробуждения общаться с ним станет можно только через виртуальный интерфейс. Климентия утверждала, что это такой замечательный интерфейс, что с ним можно детей завести. Ей, видимо, виднее. Я-то не пробовал — не знаю.

Вру — пробовал с одной моей девицей. Странно это было.

Климентия считает, то, с чем они там общаются, живое. Я бы так не сказал. Но они верят. Кто я такой, чтобы их переубеждать?

Его образ моргал, плыл, самофокусируясь и снова расплываясь. Сумеречное состояние после пробуждения не давало сформировать цельное представление о себе.

— Кто здесь? — спросил он.

— Это я, дедушка, — ответил Илья.

— Да. Узнаю тебя. Ты совсем не изменился. Не вырос.

Тут я был с ним согласен, хотя речь шла только о сгенерированном аватаре Ильи. Вечно десятилетний мальчишка.

— Что случилось со мной? — спросил дед.

— Ты умер, — зло и безжалостно ответил Илья.

Человек без внешнего представления о себе некоторое время молчал. Потом внезапно сказал:

— Не вовремя...

— Это точно! — Илья едва не всхлипнул. Я молчал. Климентия, как всегда, если разговор шел больше чем один на один, отсутствовала.

Образ пробужденного от небытия человека, наконец, сформировался, сконденсировался в того нестарого еще человека в рыбацком маскировочном комбинезоне и белой шляпе. В того, каким я его когда-то знал.

И я сказал ему:

— Вы хотите вернуться в космос?

— Конечно, — ответил он, не колеблясь.

И конечно, мы не смогли сохранить все в тайне. Буквально на следующий день все всплыло, и, в конце концов, я разобрался, кто это нас слил. Это был Артур Лимонов — мой детектив-подрядчик,

он пас меня по трафику с ретрансляторов, а может, и на меня самого что-то повесил, приглядывал за мной после дела с Хоакином Медузой, чуял жареное. Его друзья из правительства, почуяв клевый, еще никем не прибранный актив, взяли его в долю и начали рейдерский отжим необходимой инфраструктуры. Была объявлена несомненная опасность замусоривания орбит отработанными покетсатами, недостаточное госрегулирование, экологическая опасность, признаки несомненного насилия в космосе, даже пиратства — последствий деятельности сложившихся околоорбитальных преступных группировок, которым давно настала пора укоротить руки. Последовали массовая конфискация оборудования для управления спутниками, и, естественно, тут же произошла массовая потеря связи с ними, когда народ начал массово бросать управление и уходить в самоизоляцию, что привело к тому самому искомому замусориванию орбит. Следом провели национализацию распределенной сети управления полетами. Организованное под Артура Национальное агентство сверхмалого космоплавания начало спешно набирать бывших владельцев на госслужбу, рулить собственными спутниками за зарплату. Самых отпетых транскосмонавтов арестовали.

Я едва избежал ареста.

Я сидел, собирал новый манипулятор для орбитальных работ, когда группа захвата взорвала дверь на мой этаж и ворвалась внутрь. Я не стал разбираться, кто это там пожаловал, сорвался с места, сдернул со стены закрепленный там квадрокоптер с полуметрового размаха лопастями, пробежал мимо паливших в меня сетями спецназовцев и выпрыгнул прямо в небо через отсутствующее окно своего небоскреба.

В падении еле завел двигатели, и их тяги едва хватило, чтобы, грохнувшись на соседней крыше, я не выбил себе ступни из суставов.

Теперь я скрывался. Было нелегко. Ровно в тот же день, после того как в правительстве осознали, что не удалось меня взять за жабры, мою игру национализировали. От так вот. Выкупили по себестоимости.

Правда, из тех, кого набрали на работу в новоявленное агентство удаленной космонавтики, немногие продержались хотя бы полгода. На самом деле там не было для них места. Место предназначалось для других людей.

Национальное агентство уже снаряжало собственную экспедицию к Стапелю. Планы монетизации проекта были самые разнообразные, от разборки станции на редкоземы до торговли биоматериалами оптом.

Несмотря на Отрыв, на который я опережал всех, мой запас времени стремительно иссякал.

Я не переставал смотреть вверх. Небо влекло меня своими миражами, иллюзией самовластия, приманкой всевозможности. Но требовались ресурсы, люди, средства...

Я позвонил тем колумбийцам.

Итак. Семьсот два грамма живой массы. При реморфинге мозга деда Ильи использовали только ткани коры головного мозга, деятельность остальных отделов, влияние желез внутренней секреции и прочее имитировала система жизнеобеспечения, а она вся, вместе с плутониевой батарейкой, семь тысяч пятьдесят шесть граммов. И не убавить. Не на текущем технологическом уровне. Перегрузки. Ну, положим, против перегрузок есть у меня одна

идея. А кидать-то на орбиту чем? Не пушкой же? Это не стограммовый покетсат рогаткой на орбиту закинуть. Ракет такого класса давно не производят. Интересно, что сказал бы по этому поводу Хоакин Медуза, но я его спрашивать не собирался — себе дороже.

Я связался с Александром, моим производителем оборудования.

— Слышал, у вас проблемы, — приветствовал он меня.

— А у кого их нет?

— Это так, — не стал он спорить. — Чем могу помочь?

— У вас есть оборудование, способное вывести на орбиту вторую ступень с вот такими показателями?

— На Земле такое есть. На свалках и в музеях.

— А что из этого способно взлететь?

— Тут есть над чем подумать.

Пока обсуждали контуры, Александр упомянул между делом, что распределенный ЦУП неофициально все еще работает. Управляет чем-то. Не я один, похоже, отказался снять с себя последнюю рубашку ради будущего детишек неоэлиты. Сможем на них рассчитывать.

— Что ж, Александр, если другого варианта нет, остановимся на этом, последнем, — заключил я.

— Это самый рискованный из всех.

— Самый доступный и быстрый из всех. Это сейчас важнее.

— Ракетоплан придется инициировать вручную, чуть ли не зажигалкой.

— Значит, я справлюсь.

— Вы туда сами, что ли, собрались?

— Ну, а кого я туда еще пошлю?

— Придется работать в безвоздушном пространстве, и если что-то пойдет не так, это почти верная смерть.

— Значит, найдите мне в вашем музее скафандр поновее.

Девяносто километров — это почти космос. Небо черное за спиной, с жестоким глазом белого Солнца, а другую половину неба занимает голубой диск Земли.

— Ну, как там? — тихо спросил Илья.

— Так, как оно и есть на самом деле... — прошептал я, глядя на Землю сквозь ее отражение на прозрачном металле гермошлема. — Стоило того.

Огромный двухсотметровый зеркальный пузырь суборбитального аэростата плыл на границе космоса, там, где уже почти нет атмосферы. Земля отражалась в выпуклом боку. Аэростат должен был нести на борту телекоммуникационное оборудование, которое мы грубо, дисковой пилой, ломом и кувалдой демонтировали на старте. Подвесили меня и двадцатиметровую стартовую ферму со стокилограммовым ракетопланом под аэростатом на тросы и отпустили с богом, как птицу в небо.

Никто не ждал, что я вернусь назад.

Подъем длился почти сутки. Все это время аэростат числился неисправным, не вызывал подозрений. Связь держали через ретранслятор оборудования на борту капсулы, в которой покоился в стартовом анабиозе в противоперегрузочном геле мозг последнего живого космонавта.

Прежде чем впасть в предстартовый анабиоз, дед Ильи сказал мне:

— Обязательно сначала скажи «поехали», понял? И все получится.

— Понял, — ответил я.

Я установил стартовую ферму под аэростатом на необходимый уклон к горизонту. Двигатели сервоскелета скафандра тихо вибрировали — сам я в одиночку такую махину б не повернул, да даже без их усиления жесткие, раздутые внутренним давлением пальцы скафандра сжать не смог бы — слабоват я для таких дел. Это был скафандр деда Ильи. Мы его украли из дома родителей Ильи, когда готовились к старту. Самый лучший из существующих. А ракетоплан, что должен был вывести вторую ступень на нужную траекторию, — забытый студенческий проект Александра, вынесенный нами на руках под покровом ночи из хранилища дипломных проектов Бауманки.

Телеметрия от распределенного ЦУПа шла безупречно.

— К старту готов, — буркнул я.

— Начинаю обратный отсчет, — ответил Илья.

— Удачи, Саша, — произнесла где-то там Климентия.

— Постараюсь, — ответил я. — К зажиганию готов.

— Ноль, — отсчитал искусственный голос бортовой навигационной системы.

— Поехали, — прошептал я и дал зажигание.

Искра от замкнутых проводов подожгла топливо в камере двигателя ракетоплана, три сопла под некрашеным пером хвоста покраснели, затем побелели, ферму подо мной затрясло, как тележку на мостовой, едва не сбрасывая с себя. Но ракетоплан уже оторвался от фермы и мгновенно и бесшумно исчез во тьме.

— Пять секунд — полет нормальный, — сообщил Илья.

Ну, я за вас дико рад, потому что сам я лечу вообще черт знает куда!

Ферму со мной верхом крутануло отдачей от старта вокруг аэростата по огромной крутой кривой, небо и Земля кувыркались вокруг меня, кишки прижало к зубам, и я безжалостно обблевал все внутри шлема.

Аэростат разорвало завернувшимися стропами, ферма, кувыркаясь, полетела прочь от медленно и тихо разлетавшегося на мелкие сверкающие куски серебряного шара, стремительно уходящего ввысь, в черное небо.

— Саша, ты там как? — обеспокоенный голос Климентии.

— Бгл! — ответил я, и только успешная работа отсосов, стремительно откачивавших жидкость из гермошлема, спасла меня от потрясающей перспективы захлебнуться в собственной желчи.

— Ты падаешь слишком быстро!

Еще бы! Подо мной трехсоткилограммовая ферма, и скафандр весит как два меня, и летим, как выпущенные из огромной пращи!

Я смог протянуть руки, точнее — инициировать двигатели сервоскелета, и отцепился от фермы. Только страховочный трос снять не успел — меня тут же сорвало и раскрутило. Ферму и меня разнесло в равновесную взаимно вращающуюся тросовую систему, летящую к Земле.

— Ты падаешь слишком быстро!

Трос вырвало из скафандра вместе с карабином и куском оболочки, и воздух изнутри мгновенно вылетел вместе с фонтаном герметизирующей жидкости. Поток кислорода из аварийного бака разогнал алый туман, застивший глаза, когда пробоина на

груди заросла длинным уродливым полимерным полипом.

— Высота шестьдесят километров, быстро снижаешься. Замедляйся! Замедляйся!

Кажется, я должен что-то сделать, чтобы не падать так быстро. Кажется, я хотел раскинуть руки... выбросить первый вытяжной парашют на шестидесяти...

Последнее, что я слышал, были слова Ильи:

— Сто пятьдесят секунд — полет нормальный.

Выпустили меня через четыре года. Хорошее поведение, ходатайства общественных организаций, то да се. Сажали-то на пятнадцать... Не чаял выйти так скоро, признаюсь.

— Ну что ж, — сказал по-русски автопереводчик Хоакина Медузы. — Это было познавательно. Удачи во всех начинаниях, приятель.

Он похлопал меня по плечу на прощание и, зубасто улыбнувшись, степенно проследовал обратно в бокс особого режима, где и следовало обитать общественно признанному авторитету. Его-то закрыли пожизненно. Прошли мы по одному делу «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка» и тому подобное... Наше сотрудничество в итоге создало мне больше проблем, чем решило, как на воле, так и на зоне, ну да что уж тут рыдать, годы необратимо просраны, и нужно стартовать оттуда, где ты есть теперь.

Нюансы с незаконным стартом, угоном оборудования, занятием орбиты и присвоением бесхозного имущества на орбите захоронения после двухлетней деятельности международного трибунала по борьбе с новоявленным космическим наркобизне-

сом никто даже не вспомнил. И неудивительно, ведь Артур был главным свидетелем по делу, а там и его могли подтянуть на те же нары, за соучастие.

Я все-таки смог выпустить тормозной парашют. А дальше было дело техники, хотя в итоге меня снимали с вышки линии электропередач, как высоким напряжением-то не убило, не пойму...

Так и звали меня на зоне: Парашютист.

Некоторое время спорили, можно ли меня считать космонавтом, в том смысле, являюсь ли я первым осужденным космонавтом за решеткой, но решили, что раз полного витка выше ста километров я не сделал, то нет, недостоин. Ну и ладно.

Один хрен — я последний, кто видел Землю из космоса собственными глазами.

Я вытащил из непривычного кармана непривычно гражданской одежды свой сувенирный шарик с замкнутым биоценозом внутри, посмотрел через него на свет солнца. Едва различимая креветка продолжала свою одинокую размеренную жизнь. Она — тварь условно бессмертная, если ее кормить, никогда теоретически не умрет. Слава богу, я не из таких.

Где-то через год заключения заходил проведать меня Илья, передал мне этот шарик от Климентии, а она забрала его из отделения вещдоков следственного комитета. Ей отдали, она теперь звезда первой величины, она сумела воспроизвести биоценоз Стапеля на Земле.

— Спасибо тебе, — сказал я тогда Илье.

— Тебе спасибо, — отозвался он. Выглядел он сильно лучше, ходил, по крайней мере, сам.

— Дед не дает мне теперь расслабиться, — слабо улыбнувшись, объяснил он.

Это да. Дед его, с тех пор как мы вывели его на орбиту, откуда он успешно со второй ступенью до-

брался до Стапеля, где провел успешную стыковку, проник внутрь, нашел, починил и взял под контроль богатейший арсенал «Черной Медузы», обуздал бунт заселивших брошенный Стапель тараканов и теперь все эти годы напрягал буквально всех. Он был, несомненно, в своей стихии, и последствия длительного пребывания в невесомости, убившие его уже на Земле, ему больше не страшны. Там он был на вершине пищевой пирамиды, и ресурсов биоценоза хватало для производства достаточного количества калорий, чтобы поддерживать жизнь клеток его мозга. Вот так неожиданно возродились обитаемые внеземные станции и пилотируемая космонавтика. Кто хочет осваивать космос, тот живет там.

Тем временем на Земле новоявленное агентство сверхмалой космонавтки под чутким руководством Артура довело себя до кризиса управления, диверсификации и полной реорганизации. Агентство распродали с молотка: мой старый приятель, поставщик оборудования Александр, не упустил свой шанс и здорово на этом поднялся. Теперь за ним был ключевая доля спутникового рынка, и он распоряжался на ней железной рукой разумного монополиста. А Артура списали в нетрудоспособные. Адиос, скотина. Приятного тебе заката на одном гарантированном пайке.

Но мне, конечно, не вернули ничего. Будущее у уголовника со статьями вроде моей вообще безнадежно беспросветное, но у меня, тем не менее, оказалась пара предложений в органайзере.

Александр забрал меня от пенитенциарного центра и отвез на пристань, где я перешел на борт стартовой яхты, уходившей к экватору.

— Я там тебе кое-какие координаты отправил, поинтересуйся в свободное от основной работы время, — сказал он мне на прощание.

— Обязательно, — пообещал я, пожимая ему руку. Это было в моих интересах. Орбитальное старательство, видимо, меня заждалось.

Около суток, что мы шли в стартовый район, меня готовили к старту. Заменяли противоперегрузочным гелем жидкости тела, тем самым, опробованным на деде Ильи. Теперь это, благодаря стараниям Климентии, апробированная технология. Но процедура неприятная.

На палубу краном подняли из трюма мой снаряд-скафандр, заряжали его сжиженным воздухом и кристаллизованной водой.

В океан спустили сложенный каркас пушечного ствола, уже под водой он развернулся в двухкилометровую трубу, которая тут же начала намораживать на себя лед, что поддерживал заодно плавучесть пушечного жерла. Когда жерло одноразовой ледяной пушки сформировалось, начали электролизом разделять воду на два огромных пузыря кислорода и водорода.

Тем временем меня упаковали в снаряд, пожелали удачи и задраили люк-гермошлем. Подняли краном и опустили в жерло подводной пушки.

Ох, Хоакин, думал я, опускаясь все глубже и глубже между двух газовых пузырей, разъединенных лишь управляемой жидкостью, сидеть тебе за такие идеи действительно до смерти.

Яхта тем временем отчалила, оставив пушечный айсберг плавать на волнах.

А потом пошел обратный отсчет. Сознание застыло вместе с противоперегрузочным гелем в клетках моего тела, два огромных газовых пузыря подо мной с ревом урагана смешались, и проскочившая по всей длине ствола искра взорвала гремучую смесь.

Выстрел!

Айсберг взорвался, за миллисекунду до саморазрушения выбросив из жерла скафандр-снаряд, разогнанный до семи километров в секунду.

В облаке раскаленного газа на конце столба кипящего воздуха я пробил атмосферную толщу и через сто двадцать секунд вылетел в черное небо со звездами. Тут и противоперегрузочный гель меня отпустил, став снова водоподобной жидкостью.

А-а-а! Я в космосе!

Я снова вижу Землю со стороны!

Меня перехватили в апогее крутой параболы, уводившей обратно к Земле. Спутник-манипулятор, «рука в космосе», глубокая модернизация моего собственного проекта. Он перехватил меня, состыковался с моим скафандром, стал моей двигательной системой, способной втащить меня на высокую орбиту.

Приближаясь к усыпанному огнями Стапелю, я видел, как с Земли зенитным пушечным транспортером из района строительства второго Никарагуанского канала непрерывной огненной трассой запускают на орбиту только что вынутый морской грунт. А уже на орбите удаленный космический монтажник Илья перехватывал грунт и направленным лазерным укладчиком формировал из потока разогретой об атмосферу породы многослойную стену титанической полости искусственного астероида-циклера — больше километра в диаметре. Когда закончат эту полость, ее населят клонированной из биоценоза Стапеля биосистемой, и он будет почти совсем готов для трехлетнего полета к Марсу. А там — кто знает?

У залитого светом и охваченного деловитым движением дронов Стапеля меня встречал сам дед Ильи на борту старого абордажника «Черная Медуза».

— Добро пожаловать, — приветствовал меня он.

Я был благодарен старику — это ведь он поручился за меня. Благодаря ему я все-таки покинул Землю.

И теперь я буду строить межпланетные корабли.

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

БЕСПРИЗОРНИКИ

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Сергей Михалков
«А что у вас?».

— Максимка! Иди до... Максим, зараза! Башку сломаешь — домой не приходи!

На фоне окна второго этажа виднелся силуэт мамы Максима с поднятым в гневе кулаком. Танька фыркнула в ладошку. Илюшка оторвался от экрана-«газетки», прищурился, глядя на окно. Максим, висевший на турнике вверх ногами, раскачался и соскочил на землю.

— Хорошо, мам! — откликнулся он.

— Быстро домой!

— Ма! Мы Дмитрия Валентиныча ждем!

Женский силуэт в окне на мгновение замер, быстро поправил прическу, огладил талию, расправляя складки на платье.

— Дмитрия... Гм!.. Валентиновича? — повторила мама.

— Ага, — кивнул Максим. — У нас это... Ночные занятия по астрономии!

Танька уже тихонечко хихикала, закрывая рот ладошкой. Мамы двора дома 27 по улице Восьмого Марта очень уважали умного, вежливого, а главное — холостого учителя из пятнадцатой квартиры.

— Ну, раз так, — Максимкина мама высунулась из окна, оглядела скрытый сумерками двор (неловко получилось: вдруг молодой преподаватель стоял в тени тополей и слышал ее крик?), — раз так, то, конечно, занимайтесь. Но после — сразу домой! А завтра я спрошу Дмитрия Валентиновича: какие такие занятия по ночам? Понял?

— Да понял, понял, — пробормотал сын в ответ.

— Пять баллов, Сим, — Илюшка растопырил пальцы. — Врешь и не краснеешь.

— Да ладно, — отмахнулся Максим. — По-твоему, ей все в подробностях рассказать? Потом узнает сама.

— Скорее, увидит, — уточнил Илюшка.

— Ах, мам! У нас ночные занятия, — передразнила Танька, прогуливаясь по перекладине брусьев, словно в цирке по канату, — по астрономии, — кокетливо поправила волосы похожим жестом. — Ах, Дмитрий Валентнович? О, Дмитрий Валентинович!

— Артистка, — пробормотал Максим.

— Враль, — парировала Танька. — Тебе же от отца влетит, Сим.

— Как говорит наш общий друг и мудрец Ил, — врунишка указал на Илью, — это весьма проблематично.

«Мудрец» вздохнул, нажал на кнопку «непроливайки» — ученической ручки-компа, — вновь разворачивая из ее корпуса гибкий тонкий экран-«газетку».

— А разве мама не знает, что ты врешь? — спросил третий мальчик.

Он тихо сидел на скамейке, с удивлением наблюдая за происходящим. Эдик — так его звали — приехал из-за границы в гости к Таньке, мама которой приходилась двоюродной сестрой его отцу.

Максим взглянул на Эдика, как на говорящий камень.

— А разве я соврал? — враль пожал плечами. — Сейчас придет Валентиныч, проведет занятия. Ночные.

Эдик нахмурился — ответ скрывал какой-то подвох.

— Звучит правдоподобно, — пробормотал он, проглотив сомнения.

— Не заморачивайся. — Танька спрыгнула с брусьев. — Скоро все увидишь сам.

— Что увижу? — насторожился Эдик.

— Секрет, — девчонка приложила палец к губам. — Ты умеешь хранить секреты? — Она смотрела на гостя с загадочной улыбкой.

— Н-наверное...

Илюшка произнес беззвучную фразу в «газетку», экран булькнул в ответ, отправляя сообщение. У Таньки в кармашке брюк отозвалась «непроливайка»:

А во время звездопада
Я видала, как по небу
Две звезды летели рядом...

— Ниче себе, — Максим усмехнулся. — И на кого это у нас такой рингтон?

— Не твое дело, — прошипела Танька, доставая ручку-комп с мигающим зеленым огоньком входящего сообщения. Девочка развернула «газетку».

«Ты уверена в нем?» — писал Илья.

«Родители ушли в театр. Закрытие сезона. Куда его девать?» — набрала Танька пальцами по клавишам. Прозвучал колокольчик отправления.

— Ох, ох, — скривился Максим. — Меня бы постеснялись. Жених и невеста — голова, как тесто.

— Прекрати паясничать, — возмутился Илюшка. — Три месяца готовились, и что?

— Что? — Кривляка нахмурился.

— Скажем Валентинычу, что?

Илья вздохнул, потер пальцами переносицу. Эдик с самого знакомства вел себя странно. Например, не стал здороваться с ребятами за руку и спрятал ладони за спину. Может, в их стране так не принято?

Максим не упустил момент поиздеваться над чужаком. Плюнул в ладонь, протянул иностранцу:

— Замажемся на дружбу? — со своей привычной усмешкой предложил он. — Зови меня просто: Сим. Идет?

На что гость отступил, брезгливо морща нос.

— Прекрати! — вступилась за троюродного брата Танька. — Убери эту гадость!

— Ладно, — Сим остался доволен. Тряхнул пальцами, вытер о штаны.

Вот и получалось: с одной стороны, неприятно пожимать обслюнявленную ладонь; с другой — так все мальчишки в городе заводили друзей, и неписаный закон не вчера придуман.

— Не обращай внимания, — сказала Танька гостю. — Сим у нас немного с придурью.

— Сама дура, — беззлобно откликнулся Максим.

— А разве его не надо лечить? Разве за ним не должен присматривать врач? — пролепетал Эдик.

В общем, с общением не получалось. Не вовремя появился странный гость, очень не вовремя.

«Возможно, тебе придется остаться с ним», — скрипя душой «нашептал» в экран Илюшка.

— Еще чего! — вслух выпалила Танька, делая обиженный вид.

— Не понял, — растерялся Максим.

— Тебя не касается! — отмахнулась девчонка.

Из подъезда вышел высокий рыжий мужчина с большим тубусом за плечами и инструментальной сумкой в руках.

— Привет пилотам! — крикнул он друзьям.

Максим сорвался с места:

— Добрый вечер, Дмитрий Валентинович! Ого! Вы сбрили бороду?

Учитель приосанился, улыбнулся:

— В честь такого события... Пришлось.

Говорил Валентинович неспешно, немного растягивая слова, и отвечал после некоторой паузы, словно взвешивая каждое слово.

— В нашем отряде пополнение? — спросил он, заметив Эдика.

— Танькин троюродный брат с мамкой приехал, — пояснил Сим, многозначительно ткнул пальцем в небо: — Из-за границы.

При знакомстве учитель не подал Эдику руки, словно знал заранее — жёст напугает гостя. Возникла неловкая пауза, в которую тут же вклинилась Танька.

— Вот решила показать брату, чем мы занимаемся, — затараторила она. — Обменяться опытом.

— Что ж. Хорошо, конечно, — кивнул Валентиныч. — Тогда не будем терять время, — он передал инструментальную сумку Симу. — Выдвигаемся к «железяке». Мы должны успеть до часа ночи вернуться. Потом трассовики уйдут в парк, и придется топать пешком, что нежелательно. Ясно?

— Подумаешь, — Максим забросил сумку на плечо. — До Перовских скал не так уж далеко.

— Среди нас есть девушка, — напомнил учитель (Танька смущенно потупилась), — и неподготовленный человек, иностранный гость. Думаю, как радушные хозяева, мы должны позаботиться об Эдуарде.

— Ага, — Сим отвернулся, чтобы учитель не видел его усмешку.

— Извините, — подал голос иностранный гость. — Вы собираетесь выйти со двора?

Ребята переглянулись, Танька закусила губку: опасность остаться нянькой при брате становилась все реальнее.

— Мы едем в другой район города, — пояснил Дмитрий Валентинович. — Если хочешь — можешь остаться дома.

— Не знаю, — пожал плечами Эдик. — Но разве ай-дорс позволит детям покинуть двор без разрешения родителей, заверенного нотариально?

— Какой еще торс? — нахмурился Илюшка.

— Системная охрана двора, — пояснил гость.

Сим хмыкнул, а Валентиныч поднял руку, останавливая его.

— В нашей стране достаточно устного уведомления, — пояснил учитель и обратился к ребятам: — Ведь все сказали родителям, куда мы собираемся?

— Как же! Мама меня только что отпустила, — не соврал Максим.

— Илья?

— Мои знают, — ответил тот.

— Я всем сказала, — пылко заговорила Танька. — Сказала, что Эдик будет со мной и я глаз с него не спущу.

— Вот видишь, — сказал Валентиныч. — Все в порядке.

Эдик с сомнением посмотрел на мужчину и ответил:

— У вас, должно быть, очень крутой преподавательский диплом и хороший адвокат.

— Диплом есть точно, — подтвердил учитель.

Заграничный гость снова почувствовал недосказанность, но промолчал.

— Дмитрий Валентинович! — Танька выскочила вперед. — Я буду следить за Эдиком! С ним ничегошеньки не случится! Правда-правда!

За нее вступился Илюшка:

— У Таньки на «газетке» часть программы: возведение стартового стола, управление опорами. Скачивать на другую «непроливайку», распаковывать архивы — потеряем много времени, или на другой «непроливайке» не хватит памяти.

— Согласен, — кивнул учитель. — И раз у нас новый член команды, каждый из нас должен заботиться о нем. Ясно?

Пилоты согласились, а Танька едва не светилась от радости. Она хотела отправить Илюшке смайлик, но Максим вдруг тихо запел: «Я тебе, конечно, верю — разве могут быть сомненья».

— Дурак.

— Угу, — Сим довольно усмехнулся.

Электромагнитная трасса пролегала по центральным улицам. Трассовик — электроавтобус — доставил команду в старый город, откуда пилоты во главе с наставником двинулись пешком к Петровским скалам сначала по асфальту, а потом вовсе по узкой тропе.

— Ваш учитель очень богатый человек, — прошептал Эдик сестре, с опаской вглядываясь в ночной сумрак, освещенный лишь ручными фонариками ребят. — Очень амбициозный и талантливый.

Танька слегка растерялась.

— Насчет таланта ты прав, — согласилась она. — А в остальном... С чего ты взял?

— Он ведет нас по тропе без дипломированного проводника, без сопровождающих рейнджеров.

— И чего? — сестра не понимала, к чему клонит Эдик. Любой мальчишка или девчонка могли ночью отправиться в Петровские скалы на прогулку. Потом, возможно, влетит от родителей за опоздание к ужину и «недетское» время.

— Значит, он окончил академию рейнджеров и школу проводников, — гнул свое Эдик. — Два учебных заведения одновременно. Если бы не так, то учитель был бы старше лет на пять. Вот я и говорю: талантливый и амбициозный. А за обучение знаешь сколько заплатить надо?

— Нет, не знаю, — Таньке надоел разговор. — В нашей стране обучение бесплатное. Мы в малой академии проходим много предметов. А потом выберем, что понравится.

— Эй, вы, там! — окликнул их Илюшка. — Не задерживайтесь! Уже пришли.

«Железкой» оказался ржавый остов автомобиля с двигателем внутреннего сгорания.

— «Лада-Эллада», — хлопнул по крыше механических останков Максим. — Ее бы в музей. К нам в школу.

Илюшка цыкнул на него, погасил фонарь, и ночь обступила друзей со всех сторон.

Эдик судорожно вцепился в руку сестры:

— У-у вас секта? — прошептал он Таньке в самое ушко.

— Дурачок, — так же тихо ответила та и показала на небо. — Смотри.

Огни города остались позади, и ясное звездное небо раскинулось над ними.

— Красота, — завороженно произнесла Танька. — Млечный Путь. Кассиопея. Медведицы. Туманность Рака, — свободной рукой девчонка показывала брату созвездия, а когда взглянула на него, разочарованно вздохнула. Эдик зажмурился, мелкая дрожь охватила его тело.

— С-страшно, — клацая зубами, произнес он. — Космос — холодная бездна, смертельная для человека.

Максим в сердцах сплюнул:

— Придурок.

Танька обняла брата за плечи, принялась успокаивать.

— Возвращаемся, — тихо произнес Дмитрий Валентинович. — Так дело не пойдет.

— Нет! — Илюшка едва не подпрыгнул на месте. — Мы не можем! У нас все договорено! Когда представится такой момент?

Максим угрюмо молчал. Тогда заговорила Танька:

— Нет-нет! Не надо возвращаться! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Валентиныч, не надо, — она подбежала к учителю, молитвенно сложив ладони. — Он справится. Он сильный.

Гость опустился на колени, дрожа, как осиновый лист, обнимая себя руками.

— Дмитрий Валентинович, — подал голос Максим. — А как же: «Идти до конца к поставленной цели»?

— Не ценой жизни родных и близких, — парировал учитель. — Наша цель в данный момент не глобальна.

— Это, скорее, трудность на пути, — заключил Сим.

Учитель взглянул на мальчишку сверху вниз. Тот упрямо смотрел на преподавателя, не отводя глаз, пальцы на ремне инструментальной сумки побледнели.

— Достань одеяло, терм с чаем и стульчик, — распорядился Валентиныч. — Готовил запас для единственной девочки, а пришлось поить и согревать ее брата.

Максим быстро взялся за дело.

— Таня, тебе придется побыть сестрой милосердия, — сказал наставник девочке. — Пока.

— Хорошо-хорошо, — часто закивала Танька, укутывая Эдика в одеяло вместе с раскладным стульчиком, на который его усадили.

Илюшка протянул к ней руку.

— Что? — не поняла девчонка.

— Давай «непроливайку», — сказал тот. — Начинаем сборку стартового стола.

Ребята под руководством Валентиныча быстро установили вокруг остова три штатива в человеческий рост, закрепили на их вершинах ручки-компы — «непроливайки» — и активировали «газетки».

— А-а вы получили разрешение у хозяина а-авто или его н-наследников? — спросил Эдик.

Горячий чай и забота сестры постепенно приводили его в чувство.

— Получили, — соврала Танька (вот уж не было заботы искать хозяина старого хлама!). — Конечно, получили. У нас есть разрешение на все-все, —

она перешла на шепот. — Валентиныч, он меценат, очень богатый человек, — врала сестрица. — Знаешь, сколько он вкладывает в русскую науку? У него даже государственная премия есть за заслуги.

Брат недоверчиво покосился на нее.

— К-как Илон Маск, — пробубнил он.

— Круче, — отмахнулась девчонка. — Ваш Илон уже древний старик. А Дмитрий Валентинович — в расцвете сил.

Эдик взглянул на учителя, на то, как три радужных луча «непроливаек» лепят стартовый стол из старого автомобиля, и согласился с сестрой.

Машина дрогнула, с металлическим скрежетом осела, раскалилась до малинового цвета и стала таять прямо на глазах.

— Что п-происходит?

— Мы собрали 3D-принтер, — пояснила Танька. — Лазеры разогревают железо до температуры плавления и лепят фермы стартового стола.

Раскаленное железо дышало жаром. Надев защитные маски, ребята во главе с учителем следили за процессом, манипулируя лучами «непроливаек». Эдик высунул голову из-под одеяла, удивленно наблюдая за растущей конструкцией.

Танька взвизгнула от радости, когда дело было закончено и металл стал темнеть, остывать. В порыве она обняла брата, чмокнула его в щеку.

— Ой! Даже не верится!

— Полдела сделано, — выдохнул Дмитрий Валентинович, снимая маску, вытирая вспотевшее лицо. Он придирчиво осмотрел конструкцию, обойдя ее вокруг. Теперь «непроливайки» освещали ее дневным светом.

— Хорошая работа, Татьяна, — похвалил учитель. — Молодец. Пять баллов!

Танька закусила губку, заливаясь румянцем от радости: ее программу строительства одобрили.

— Сим, готовь автоматику, — распорядился учитель. — Ил, убираем штативы на стартовую позицию.

Илюшка мельком глянул на часы:

— Отставание от графика — две минуты сорок семь секунд.

— Наверстаем, — отмахнулся Максим.

— В-взрывоопасный снаряд! — заскулил Эдик, но никто не обратил на него внимания.

Ракету осторожно извлекли из тубуса, водрузили на стартовый стол, закрепили опорами. Белое веретено с надписью на корпусе: «Кассиопея».

— Контроль, — сказал Валентиныч.

Каждый стоял у своей «непроливайки», проверяя состояние всей системы. Даже Танька позабыла о брате: подскочила к штативу, стала листать графики и схемы.

— Здорово-здорово-здорово! — едва сдерживаясь, она захлопала в ладоши.

— Не отвлекайся, — строго произнес учитель.

Максим хмыкнул, покачал головой:

— Ну, ваще.

Танька потупилась, проверила показания, доложила по форме:

— Отклонения в пределах нормы! — голос дрогнул от волнения.

— Я бы не рекомендовал... — проблеял Эдик.

— Пятиминутная готовность! — объявил Дмитрий Валентинович.

Отступать было поздно. Что ж девчонке так не повезло с братом?

— Я вынужден...

— Всем отойти на стартовую позицию!

Со стороны «Кассиопея» смотрелась красиво, даже величественно. Танька достала свою маску визуализации, немного подумала, вертя ее в руках.

— Хочешь посмотреть? — протянула брату.

— Что именно? — с опаской спросил тот, пряча руки в складках одеяла.

— Взлет корабля. Все как на симуляторе, только лучше.

— У меня триста семьдесят четыре часа налета на симуляторе шаттла, — не без гордости сообщил Эдик.

— «Кассиопею» мы построили сами, — Танька улыбнулась. — Она настоящая. Ну, почти.

Брат поднял руку, замер в нерешительности.

— Бери. У меня есть запасная.

И он взял визуалку в руки.

— Давай, астронавт. И будет у нас почти «Союз-Аполлон», — подбодрила сестра.

Эдик сглотнул.

— Волга впадает в Каспийское море. Как бы чего не вышло, — с усмешкой произнес Максим.

— Минутная готовность! — объявил Дмитрий Валентинович.

Кто знает, что в тот момент больше повлияло на решение: колкие слова Сима или уговоры сестры? Эдик сбросил с себя душное одеяло, нацепил маску, тут же оказавшись в кабине корабля.

— «Кассиопея»! Это «Башня»! — раздался голос Дмитрия Валентиновича. — Начинаем отчет! Десять!

Несмотря на волнение, Эдик с интересом рассматривал кабину, жалея, что осталось мало времени на ознакомление с устройством корабля.

— Нравится? — спросила Танька, сидящая в соседнем кресле.

— Нравится — не нравится. Не засоряйте эфир! — ответил вместо нее капитан корабля Сим.

— Ноль! — отсчитал голос учителя. — Старт!

Показалось, что «Кассиопея» так и останется стоять на стартовом столе, и ничего не вышло, и долгая работа пошла прахом. Но вот с сильным хлопком под ракетой появился огненный шар, раскалился до белого цвета, вытянулся острым языком к земле, превращаясь в синее пламя.

— Первая ступень набирает расчетную мощность! — доложил бортинженер Илюшка.

— Убираем опоры! — ответила «Башня».

Фермы отошли в стороны, и «Кассиопея» стала медленно подниматься.

— Пошла, родимая! — закричал Максим, оглушая радиоканал. — Теперь мама увидит!

На радостях он хлопнул Илюшку по плечу.

— Не ори в эфире, — напомнил тот.

Рядом с ними еще один человек орал, сжимая кулаки, но в реве двигателей его вряд ли кто услышал бы. Тем более в маске визуализации. Забытая радость взлета вернулась к Эдику, ломая поставленные запреты.

— Добрейшего вам вечерочка, дамы! — в беседку вошел отец Максима, подсел к жене, чмокнул в щеку.

Женщина отстранилась, поморщилась:

— Ты бы побрился, леший нечесаный.

— Утречком брился, — приложив руку к груди, признался мужчина. — Так она ж растет, как зараза.

Он взглянул на сидящих за столом женщин: мама Татьяны — подруги Максима — с незнакомой теткой, одетые в вечерние платья, поздоровались.

— Сегодня праздник какой? — поинтересовался мужчина.

— Мы только из театра, — ответила Танина мама. — Ездили на закрытие сезона.

— О! — И к жене: — Слышь, мать? Может, нам тож как-нибудь — фьюить! — в театр или киношку намылиться? — Он обнял супругу за плечи.

Та взглянула строго, стряхивая руку, прошептала: «Вроде трезвый». Вслух произнесла:

— Вот слушаем про заграницу. К соседке сестра приехала.

Мужчина выпрямился — неожиданно как-то, — огладил волосы:

— А-а! Ну, так оно конечно. Гм! — протянул гостье руку. — Здрась!

Жена одернула, процедила сквозь зубы:

— У них так не принято.

Мужчина тяжело вздохнул: в женский разговор лучше не встревать. Тут свои правила. Поднялся и, ступив за порог беседки, спросил:

— А обормот наш где?

— Ой! — супруга всплеснула руками. — Да ракету они свою запускать поехали. Вот жду, — женщина взглянула на тонкие часики на руке, — с минуты на минуту стартуют.

— Ну ладно ваш Максимка, — подала голос мама Татьяны, — хоть пацан. Илюша тоже. А моя-то девка куда?

— Будет Терешковой или Савицкой, — ответил мужчина, доставая из кармана пачку «Примы». — Одним словом — женщина-космонавт, герой.

Немного подумал, взглянул на мамаш и спрятал сигареты. С этими не покуришь: «Дымишь, как паровоз!»; «Табачищем прет!».

— Постойте! — спохватилась заграничная гостья. — Так ведь мой Эдик сейчас с Таней. Он что, тоже?..

Она побледнела, достала из сумочки смарт-косметичку.

— П-пропущенный вызов, — заикаясь, произнесла гостья. — «Мама, мы в-в-вз-ззлетаем»? Кто в-взлетает? Куда?

В ответ где-то далеко за городом раздался хлопок. Через некоторое время на южной стороне неба появилась огненная черта, уверенно поползла к звездам. Люди выглядывали из окон, тыча пальцами в ракету. Кто-то восторженно воскликнул: «Это ж наши! Наши «космонавты» свою «Кассиопею» запустили!»

— Поехали! — загорланил папаша, размахивая над головой мастеркой.

— Да что ж ты так орешь?! — возмутилась жена, сияя от радости — соседи видели дело ее сына, хвалили и радовались за него.

— Штурмовать далеко море посылает нас страна! — не в тему запел отец «космонавта». — Молодые капитаны!..

— Где они?! — крик гостьи заглушил далекий рокот ракеты.

В один миг рассеянная женщина превратилась в разъяренную фурию, готовую убить за своего отпрыска.

— Да хрен их знает, — озадаченно ответил папаша.

— Вы не знаете, где ваши дети?! — голос перешел на визг.

— И че? Щас запустят эту, — он взмахнул руками, — и вернутся.

— Вернутся?! А если они там сгорели?!

— Типун тебе на язык, мадам!

Трясущимися руками гостья принялась листать смарт-косметичку, входя в сеть, выискивая нужную карту и сигнал сына.

— Беспризорные дети, — приговаривала она. — Дикость какая-то. Уму непостижимо. Беспризорники.

— На Петровских скалах они, — сказал отец Максима. — Тут и без навигатора понятно — ракета с той стороны взлетела.

— Такси! Такси!

Слова о беспризорниках не понравились маме Максима. Она вскочила с места следом за сестрами:

— Подождите! Я с вами!

— Не сходи с ума, — шепнул ей супруг, поймав за руку. — Максим уже взрослый, обидится, шо мы за ним бегаем.

— А если эту дуру придется держать? Глянь, как ярится. Я уж за сына боюсь, да и Валентиныча, может, защищать придется.

Муж почесал подбородок — мудрая женщина:

— И я с вами!

Программа была простенькой: разогнать спутник до первой космической, а потом, сделав виток вокруг планеты, включить самоликвидацию. Нанообшивка рассыплется в пыль и сгорит в плотных слоях атмосферы.

Визуализацию выключили через двадцать минут после выхода на орбиту. Встретили рассвет: голубая полоса по краю планеты расползлась в стороны, и яркая вспышка — Солнце! — ударила в глаза,

окрашивая поверхность Земли в перламутр. А еще послушали космический голос.

— Слышите? — тихонько произнесла Танька. — Такое впечатление, что на нашей планете вовсе нет суши. Планета Океан.

В эфире, словно глубоко под водой, ухало, гудело, перекликалось голосом китов.

— Пошла запись, — откликнулся Илюшка. — Отключаем визуализацию через... Пять! Четыре!..

И стало темно, звуки исчезли.

— Ну, что ж, — Валентиныч улыбнулся. — Поздравляю! Программа успешно выполнена: у нас теперь есть своя ракета-носитель.

Покрытые пылью и сажей «космонавты» стояли перед ним в шеренгу, держа в руках визуалки, словно шлемы первопроходцев. Только лица белели в сумраке ночи. Земля вокруг стартового стола парила. Автоогнетушители еще плевались пеной, гася мелкие язычки огня в траве.

— Как, астронавт? — обратилась Танька к брату. — Понравилось?

Тот смущенно пожал плечами:

— Круто. Только... — Он совсем скис и виновато произнес: — Я нашим родителям позвонил.

— И что? — не поняла сестра.

— Да нас весь город видел! — отмахнулся Максим. — Чи не тайна.

Свет фар двух элмобилей ослепил ребят. Хлопнули дверки салонов.

— Эдик! Эдик! — истошно завопила женщина.

— Все значительно хуже, — пробормотал Илюшка, высматривая среди взрослых своих родителей, и вздохнул с облегчением: не приехали.

Эдик втянул голову в плечи, словно ожидая удара. Женщина в вечернем платье подбежала к нему,

упала на колени, обняла. Следом подошли родители Максима, Танькина мама и двое патрульных полицейских.

— Вы-то чего? — недовольно произнес Сим.

— Я тебе сейчас покажу «чего», — мать хлопнула сына ладошкой по плечу. — Ты как с родителями разговариваешь? Я тебе таких «чего» покажу — мало не покажется.

— Цыц, женщина! — заступился за Максима отец и к сыну: — Мы так... На попутке. Посмотреть, — он протянул руку, — поздравить.

Обнял Максима:

— Молодец, сын. Горжусь.

Сим покосился на Илюшку, взглянул на Таньку — девчонка восторженно рассказывала матери о полете, пока та вытирала перепачканные уши дочери.

— Тебя всю надо в ванну, — наконец сдалась женщина, — целиком, — и поцеловала в чистый лоб.

— Арестуйте этого человека! — мама Эдика указала на Дмитрия Валентиновича. — Он похитил моего сына! Он едва не убил детей! Арестуйте!

Патрульные подошли к учителю, козырнули.

— Здесь небольшое недоразумение, — спокойно произнес наставник. — Мы из малой академии наук. Работаем совместно с заводом беспилотных аппаратов и малой ракетной техники.

Лейтенант кивнул:

— Завод «Фиолент». Знаем, — открыл «газетку», сверил данные на Дмитрия Валентиновича, пролистал разрешение на запуск.

— Педофил! Маньяк! — не унималась мать Эдика, и второму патрульному, сержанту, пришлось преградить ей путь.

— Спокойно, гражданочка! Товарищ преподаватель может подать на вас иск за публичное оскорбление.

Женщина задохнулась от возмущения:

— И-иск? На меня? Вы знаете, с кем разговариваете? Я иностранка! Я свободный гражданин иностранного государства!

— Прекрати, мама! — воскликнул Эдик. — Перестань!

Женщина замерла с открытым ртом.

— Никто меня не похищал. Я сам пошел с ребятами и Таней.

— Молчи, сынок, молчи, — мать прикрыла ему рот ладонью. — Ты в шоке, я понимаю.

— Я летал вместе со всеми, — признался Эдик, отстраняясь. — Я вновь летал в космос!

— Нет-нет. Мы же с тобой все решили: космос не твое, — гладя сына по плечам, уговаривала женщина. — Мы же договаривались, помнишь?

Она обернулась к лейтенанту:

— Вот видите! Видите, до чего довели Эдуарда эти беспризорники!

— Давайте обойдемся без оскорблений, — попросил ее патрульный. — Как вижу, у этих детей есть родители. А документы на запуск в порядке, — он вновь козырнул учителю. — Извините, Дмитрий Валентинович.

— Ничего-ничего. Я понимаю.

— А если вы, мамаша, так боитесь за своего сына — держите его при себе, — заявил лейтенант.

Женщина удивленно взглянула на полицейского:

— И вы не предпримете никаких мер?

— А какие тут меры? — Лейтенант снял фуражку, вытер платком вспотевший лоб (в июле но-

чи жарки). — Можно только пожелать удачных стартов.

— Моего сына подвергли опасности, его сбили с толку какими-то дурацкими идеями о космосе! — она в отчаянье сжала кулаки. — Знаете, сколько пришлось ходить к психоаналитику, чтобы выбить из его головы эту блажь — космические полеты?

— Не надо, мама! — Эдик испуганно взглянул на сестру.

Танька стояла, прижав руки к груди, с ужасом глядя на происходящее.

— Нет! Я знаю, что нужно моему сыну! — Женщина вытащила из сумочки предмет похожий на «непроливайку», направила его на Эдика.

— Не делай этого, мама! Не надо! Я буду юристом! Я сделаю все, что ты захочешь!

Предмет тихо пискнул в руках матери — Эдик замер, поник, руки безвольно повисли вдоль тела. Мать, наоборот, воспрянула духом, поправила сбившееся платье.

— Я знаю, что нужно моему сыну, — твердо повторила она. — Он не будет расти беспризорником. Ко мне!

Эдик подчинился — безвольной куклой подошел, позволил взять себя за руку.

— Завтра ты забудешь, — она взмахнула носовым платочком, которым только что вытирала потекшую тушь, — весь этот бред.

— О, Господи, — выдохнула мать Максима, когда такси с иностранными гостями укатило прочь. — Вы видели, как она его... выключила? — Женщина поцеловала сына в макушку, взлохматила вихры. — Уж лучше ты у меня будешь лоботрясом.

— Я буду космонавтом, мам, — не вырываясь из ее объятий, ответил Максим.

Женщина вздохнула:

— Да хоть сантехником. Ты уроки сделал?

НАТАЛЬЯ КУШНИР

РЕКОНКИСТА

Он стоял на ребре открытого люка, глядя на свои оранжевые ботинки с серебристым кантом. Аккуратно запаянные по шву, чтобы обеспечить полную герметичность. Стоял, не решаясь сделать шаг вперед. А когда наконец решился — ноги встретили пустоту. Он нелепо взмахнул руками. Тьма и холод окружили его со всех сторон, тонкий скафандр не продержался и минуты. Он отчаянно рванул забрало шлема, нелогично пытаясь получить хоть немного воздуха, но никакого забрала перед лицом не оказалось.

— Герман? Что стряслось? Ты во сне стонал, — Рина коснулась его плеча.

— Ммм, — он щелкнул пальцами, включая светильник над кроватью, недоуменно посмотрел на подушку, потом на руку. Рина поднялась на локте, щурясь на лампу.

— Воды принести?

Он прижал к носу салфетку, покачал головой:

— Да пустяки, Рина, руками доразмахивался, сейчас все пройдет.

— Дрался во сне, да? — улыбнулась она. — Даже и там борешься за справедливость.

— Вроде того, — рассказывать жене про сон не было ни малейшей охоты. Скажет ведь — «опять

эти твои фантазии». Нет уж, пусть сама придумает, что там ему приснилось.

— А может, льда? — Рина поднялась было, чтоб пойти на кухню, но Герман покачал головой:

— Все в порядке, спи давай. Прости, что напугал.

— Да все хорошо. Ты и сам попробуй еще поспать, рано совсем. Хоть тебе завтра и не на работу, — зевнула Рина, убедившись, что Герман и правда уже сам справился со злополучной травмой. Он хмыкнул, завернулся в одеяло и закрыл глаза.

За утренним кофе Герман, как всегда, листал на планшете «USA Today». Английский давно не пригождался, но рабочие инструменты надо держать в порядке. Когда-то столько сил угрохал на язык — совместная работа обязывала. И сам зубрил, и уроки брал, а все не получалось. Пока Рина не появилась. Только-только начала работать, и тут же поставили сопровождать экипаж. У Германа это был первый полет. А для станции — один из завершающих. До сих пор жалко.

Взяв с тарелки бутерброд с сыром, Герман открыл новую страницу газеты.

«Беспорядки в Белфасте».

«Очередная вспышка вируса птичьего энцефалита. Сотни жертв».

«Сепаратисты требуют отставки правительства Южного Сингапура».

«Встреча в Шарлотвилле — "зеленые" готовы выслушать позицию протестующих».

«Россия объявляет о возобновлении космических исследований».

Заголовок, выскочивший на новой полосе, был настолько невозможным, что Герман невольно взглянул на календарь — нет, все же не первое, а двенад-

цатое апреля сегодня, не розыгрыш, стало быть. Вот же заотдыхался на пенсии, чуть профессиональный праздник не забыл, от бывших коллег новости узнаю. Да еще какие новости. Если только не ошибка журналистов — где-где, а в Сети такое не редкость. Все еще, к сожалению. Никакие технологии не помогают.

Герман мазнул пальцем по экрану еще раз. Нет, не ошибка. «Россия готова к новому космическому проекту». Он пробежал глазами заметку. Удивительно, но сейчас английские слова вспоминались как родные. «Выделены значительные средства на реконструкцию ракетно-космического комплекса. В университетах столицы и трех крупных городов России объявлен набор в группы по специальностям «космонавт-исследователь», «космическая медицина» и «техник-космолетчик». Ветеранов космических программ приглашают на собеседование в Звездный городок».

Герман откинулся в кресле, рассматривая заголовок издалека. Вот бы Анджей порадовался. Он вздохнул. Жаль, не дожил друг его до добрых вестей. Эх, пан Кшесинский. Такая нелепая гибель — под колесами невнимательного водителя. Снова коммуникаторы эти чертовы, не заметил парень, что пешеход на зеленый свет шел...

Интересно, а что же ответят Штаты на такие инициативы России? Одной стране, пусть даже и окрепшей, не потянуть такое возобновление. Да и сколько времени займет возрождение утраченных технологий? Новых пилотируемых кораблей, насколько он помнил, к концу работы станции не придумали, а старые, российские, тоже вроде как свой ресурс выработали полностью. Были наши аппараты не особенно большими, зато надежными и быстрыми.

Доставляли на орбиту трех человек, забирали космический мусор со станции и преспокойно сгорали с ним в атмосфере. Отличные были «рабочие осли-ки», одно плохо — практически ручная сборка. На поток их производство поставлено не было. А ведь уговаривали упрямых коллег, сколько раз сетовали, что надо бы унифицировать и модернизировать «осликов», — все без толку.

Ворчание коммуникатора отвлекло от грустных мыслей. Герман терпеть не мог громких звуков и всегда отключал звуковой режим вызова, заменяя его виброзвонком. Несколько удивившись — день был рабочий, кому он, пенсионер, сейчас мог понадобиться, — он выдал звонившему доступ к своему коммуникатору и надел наушники:

— Герман Станев, слушаю вас, — сообщил он в пространство, почти ожидая услышать очередное «мы желаем вам добра, дом утеплим на ура», — рекламные звонки стали особенно назойливыми в последнее время.

— Господин Станев? Здравствуйте. Меня зовут София Иванова, я секретарь начальника Центра подготовки космонавтов. Вы располагаете временем, чтобы приехать в Звездный завтра, к девяти утра?

Герман смял кусок белого хлеба в шарик и покатал его по стеклянной поверхности коммуникатора, пытаясь понять, правда ли он услышал то, что услышал.

— Здравствуйте. Да, располагаю. Но...

— Прекрасно, спасибо, ждем вас завтра. Мы пришлем машину в семь сорок пять. Пропуск уже заказан. До встречи, господин Станев, — дама в коммуникаторе не тратила времени на пустые формальности. Спасибо, хоть по фамилии обратилась. В последнее время даже и это считается избыточ-

ным, в ходу безликое «приветствую», да еще и не с заглавной буквы написанное, если доводится прислать кому электронное сообщение.

Хлебный шарик стал серым и очень плотным. Герман машинально продолжал мять его в пальцах, бездумно разглядывая коммуникатор. Черт, про дресс-код не спросил, но, видимо, придется отыскать в дальней кладовке форму.

— Герман, ты вставать соби... — Рина вошла на кухню, держа в руках охапку цветущей черемухи. Весна в этом году выдалась ранняя и очень дружная, только что похолодало — и вот, повсюду эта белая метель с горьким запахом. Герман улыбнулся, бросил хлебный катышек в мусор и полез в шкаф за вазой.

— Нет, как видишь. Давай воды налью.

Он повернулся, чтобы открыть кран. Как кстати. Проще спросить, не глядя в глаза.

— Послушай, Рина, а ты случайно не помнишь, где моя старая форма хранится?

Черемуховый снег рассыпался по полу. Жена перестала улыбаться и побледнела.

— Зачем она тебе, дорогой?

— Да так, — Герман нагнулся, чтобы собрать увешанные белыми гроздьями ветки и поставить их в вазу. — Позвали побеседовать. В ЦПК.

— То есть мы правда начнем сначала? Я слышала утром в новостях, но думала — так, громкие слова по случаю праздника. Неужели? Но обещай мне, что никаких полетов больше, Герман. Прошу тебя. В твоем возрасте...

— В моем возрасте, Рина, один весьма известный астронавт прекрасно совершил замечательное путешествие на станцию и вернулся цел и невредим, — сообщил жене Герман из-за веток черемухи.

Та отняла у него вазу и сердито бухнула ее на стол. По темному дереву столешницы рассыпалось белое конфетти лепестков.

Остаток дня Герман провел в молчании, приводя в порядок запущенный с осени сад. Подрезал ветки, сгребал сухие стебли травы, рыхлил землю. Забор в паре мест починил, три столбика врыл заново. Обрезал сухую сливу, снес ветки на задний двор и разжег большой костер. Рина больше ни о чем не просила, молча переставляла коробки в дальней кладовке. Потом принялась готовить ужин. Поели они в молчании. Потом она поднялась и вышла из комнаты. Герман вздохнул. Окно было открыто, и в комнате тревожно пахло жженым деревом. «Давно мы не ссорились, и вот поди ж ты...» — подумал он с тоской. Дверь скрипнула.

— Герман, примерь, пожалуйста, — тихо попросила Рина, держа в руках что-то темное, большое и почти забытое, — мне кажется, ты с тех пор несколько похудел.

Герман сгреб жену в охапку вместе с идеально отглаженной формой летчика-космонавта и тихо коснулся губами родной макушки.

— Умница моя. Не бойся, никуда я не денусь. Поговорить позвали. Пока только поговорить. Мало ли, что им нужно.

Она прерывисто вздохнула и наконец-то посмотрела ему в глаза:

— Оденься, говорю, может, еще пуговицы перешивать придется. И не засиживайся сегодня долго, хорошо?

Он стоял на ребре открытого люка, глядя на свои белоснежные ботинки с черным кантом. Аккуратно запаянные по шву, чтобы обеспечить полную герме-

тичность. Стоял, ожидая напарника, а самому очень хотелось поскорее сделать шаг вперед. И когда напарник наконец-то показался в просвете люка, он не шагнул, а прыгнул, и почти сразу же больно ударился боком и рукой.

— Ой, — Рина быстро включила лампу, недоуменно рассматривая лежащего на полу мужа. — Что, после всех разговоров невесомость приснилась? Решил из койки выпрыгнуть, как на станции?

— Вроде того, — смущенно буркнул Герман, поднимаясь. Рина старательно смотрела на абажур лампы, чтобы не встретиться с ним взглядом. Сдерживалась, чтоб не рассмеяться. Да и права она, впрочем, — падать во сне с кровати не стыдно в семь. А вот в семьдесят семь уже несколько несолидно. Даже когда снится абсолютно реальный космос.

— Может, таблетку аспирина? — ровным голосом предложила она.

— Да нет, — пожал он плечами, не поддаваясь на провокацию, — думаю, дорогая, мы найдем более действенное обезболивающее. Из эндорфинового ряда.

Впервые за много лет он не завернулся в одеяло, чтобы просто уснуть рядом с женой.

Без четверти девять бодрый, подтянутый военный подал пропуск дежурному ЦПК.

— Герман Станев, меня ждут к девяти, — сообщил он молодому человеку в светло-сером костюме. Тот кивнул, возвращая Герману карточку:

— Благодарю вас, господин Станев. Следуйте за мной.

Кабинет начальника ЦПК был не слишком просторным. Но достаточно большим, чтобы шестерым людям, сидящим за большим столом, было удобно

разговаривать. Трое мужчин и две женщины перестали рассматривать презентации на планшетах и поднялись, приветствуя вошедшего. Герман предполагал, что встреча будет «в верхах», но не рассчитывал, что увидит в ЦПК не только пригласившего его для беседы седовласого генерала Чеканина. Советника президента по космическим исследованиям и генерального директора крупнейшей частной ракетостроительной корпорации «МАХ-3» было нетрудно узнать по фотографиям в новостных выпусках, миловидная дама рядом с гендиром оказалась главой реорганизованного недавно института космической биологии, а совсем юная девушка, видимо, переводчик, решил для себя Герман. На представление участников заседания время давно перестали тратить — титулы и имена легко прочитать в презентациях.

— Господин Станев, доброе утро, — начал генерал Чеканин, пожав Герману руку. — Благодарим, что вы смогли принять наше приглашение. Прошу садиться, господа. Итак — Герман Станев, бортинженер одного из последних наших пилотируемых полетов на МКС-4, суммарный налет 311 суток 20 часов 00 минут 54 секунды.

Дама из ИКБ уважительно кивнула, а девушка тут же повернула к ней свой планшет. Видимо, проверяла какую-то информацию. Переводчики часто переспрашивают, особенно цифры. Герман это хорошо знал.

Начальник ЦПК нажал несколько кнопок на своем планшете, окна затемнились, и началась очень официальная, сухая и торжественная презентация, сильно стилизованная под прошловековые выступления эпохи СССР. Герман пытался отслеживать логику происходящего, но скоро потерялся в пом-

пезных фразах: «Новая миссия человечества», «передовой фронтир», «время возвратить себе космос», «еще один шанс плодотворного сотрудничества» звучали громко и не несли в себе никакой полезной информации. Да, похоже, мы правда начинаем заново, но зачем и почему?

Кое-как дождавшись, пока смолкнет «протокольный» голос диктора из динамиков, Герман посмотрел на генерала Чеканина.

— Вопросы? — осведомился тот у всех присутствующих, но Герман мог поклясться, что все, кроме него, и так знали обо всем. Он тоже промолчал, решив выяснить все позже.

— В таком случае, — продолжил генерал, — слово за вами, господин Станев. Мы позвали вас сюда, чтобы вы помогли возродить нашу программу освоения космоса. Возглавив создаваемую заново комиссию по полетам.

Предложение оказалось столь же неожиданным, сколь фантастически интересным. Герман, стараясь не выказывать своего крайнего изумления, выдержал нужную для размышления паузу и склонил голову:

— Я буду счастлив принять ваше приглашение, господа. Правда, с одним условием: первый корабль новой серии поведу я сам.

Генерал сдвинул брови.

— Ожидаемо. Мы высоко ценим ваш опыт и знания, которые вы можете передать молодым космонавтам и астронавтам. В особенности — ваши навыки экспериментатора. Но не сочтите за бестактность. Вам — семьдесят семь лет, господин Станев.

Герман пожал плечами:

— Это отличный возраст, господин генерал. И прецедент уже создан.

Советник и гендир переглянулись, а девушка зарделась щеками и подалась вперед, желая что-то сказать, но осеклась, посмотрев на даму из ИКБ. И тут же снова принялась что-то разыскивать на планшете. Генерал упреждающе поднял руку:

— Мы вернемся к этому вопросу, господин Станев. Оставим последнее слово за медициной.

— С медиками не поспоришь, — признал Герман. — Хорошо, я согласен.

По весне Звездный был особенно хорош. И старинный, любовно сохраняемый памятник космическим первопроходцам серебрился высоким обручем у Дома Космонавтов, среди цветущих деревьев. Не зря сначала хотели назвать городок Зеленым.

Герман подошел к каменному космонавту, уверенно летевшему через символический люк не то в открытый космос, не то в один из отсеков станции. Коснулся серебристой перчатки.

— Тебе-то вот никто не запретит полеты, — сообщил он статуе. — А ведь скоро сто лет, как летаешь. И никому дела нет.

Как всегда, перед тем, как начать большую, ответственную работу, от космонавта Герман прошел прямо к памятнику Гагарину. Постоял молча и отправился домой. Жизнь набирала обороты, и пора была подумать о планах на будущее.

Полгода спустя Звездный встряхнулся и помолодел. Новый отряд космонавтов, набранный за каких-то два месяца, приступил к тренировкам очень быстро. Герман теперь был занят настолько, что иногда приходил домой только ночевать. Его видели то в ЦУПе, то на учебных занятиях в ЦПК, то на заседаниях Совета по космическим технологиям.

С расчищенного и возрожденного космодрома Североморска уже производились пробные запуски многоступенчатых ракет. Пока что беспилотные, но все знали, что очень скоро в космос вновь отправится первый после долгого перерыва экипаж.

Команды ЦУПов проводили длительные тренировки. Рина без труда прошла повторную сертификацию переводчика и теперь работала в привычном ритме: шесть недель в России, шесть — в Штатах. Как и не было пропущенных десятков лет. Ночные смены, синхронный перевод по трем каналам связи, привычные здания: ЦУП-Москва и ЦУП-Хьюстон, в которых и днем и ночью было одинаково светло. Вот только кофе стал существенно лучше, шутили ребята в синем зале — аналоге российского ГЗУ, главного зала управления. Еще бы — в любимой всеми столовой ЦУПа теперь вместо старой, всем надоевшей еще в прошлом веке кофеварки стоял отличный итальянский автомат «Бариста».

И, разумеется, вспомнили старые традиции, придумали новые. Не обошлось и без суеверий. Рина достала из заветной коробочки маленькую игрушку-талисман — пластмассового броненосца по имени Потемкин. Много лет назад она брала его с собой в ГЗУ для храбрости, а потом оказалось, что без Потемкина тренировку начинать уже как-то нехорошо. Так и прижился он в ГЗУ, вместе с плюшевым сурком. У сурка было важное дело: носить шарфик для значков с эмблемами экспедиций. Теперь сурок в своем шарфике давно обитал в Музее космонавтики в Хьюстоне, а талисманом новой космической программы предстояло стать победителю недавно объявленного детского конкурса. Эмблемы же для новых экспедиций, по давней традиции, предлагалось создавать самим космонавтам.

Новая программа освоения космоса широко освещалась всеми новостными каналами Интернета. Сначала ее называли звучным словом «Реконкиста». Но Герман, привыкший к емким аббревиатурам, довольно быстро предложил сократить красивую «Реконкисту» до «РКК» — так и прижилось.

Взяв самое лучшее из старой программы космического сотрудничества, Россия и США действительно быстро шли вперед. Герман больше не задумывался о причинах возобновления совместной работы — честно говоря, было совсем не до того. Дата пуска первого экипажа приближалась, а состав все еще не был утвержден. И Герман вовсе не был уверен, что ему удастся переубедить комиссию. Медики дадут добро — это он знал точно. Он в прекрасной физической форме, ни одного «подводного камня». Тело — еще один рабочий инструмент, как и английский язык. А инструменты следует держать в порядке.

За два дня до решающего заседания комиссии Герман взял отпуск. Как раз и Рина оказалась в России. В последние полгода им редко удавалось совместить графики и оказаться рядом. И вот — долгожданный вечер вдвоем.

Накрапывал легкий дождик, аллеи в Звездном золотились осенними переливами красок. Герман и Рина гуляли по дорожкам парка. Говорить не хотелось. Было достаточно просто быть рядом.

— Ой, — вдруг шепнула Рина, — смотри: ежик.

В кустах возле дорожки действительно деловито возился крупный еж. Герман присел было на корточки — поймать и полюбоваться, но вдруг расхохотался:

— А помнишь, как ты мне чуть полет не сорвала своими ежиками?

Рина посмотрела недоуменно, но тут же и сама рассмеялась:

— Слушай, а ведь и правда! Я тогда так обрадовалась, что его поймала, дай, думаю, ребятам покажу. В Америке они же редкость. Капюшон от плаща сняла и в капюшоне в пансионат притащила. А у вас карантин уже был.

— Угу, — кивнул Герман, напуская на себя суровость. — Обошлось, никто его потрогать не успел. Сама сообразила, молодец.

— Да еле утащила, слушай. Дин уже совсем собирался с ним целоваться, вот бы было дело, если бы вам полет перенесли из-за этого?

— Ну, не перенесли же, — Герман посмотрел вверх, на сходящиеся аркой ветви деревьев. — Хотя... Давай уговор: я ни гу-гу про ежей, а ты — про мой полет?

Рина нахмурилась. Вздохнула:

— Удержишь тебя, как же. Пусть завтра повезет.

Завтра настало слишком быстро. Герман считал, что он предусмотрел все. Но к столь бурным дебатам оказался не готов. Вот ведь два вечных камня преткновения — безопасники и медики. И ничего не меняется, ровным счетом ничего. Как раньше ругались, разве что на клочки друг дружку не рвали, так и сейчас. С безопасностью станции вроде бы удалось разрулить, а вот с медициной все сложнее, да еще когда к ней политика примешивается... Это вам не совещания на высшем уровне, когда все плакатно, протокольно и политически корректно. Чего только не наслушаешься.

«РКК — программа совместная. Если мы даем согласие на русского командира экипажа, то оба члена экипажа должны быть американцами».

«Но это неравноценный обмен, господа!»

«Не хотелось бы напоминать про возраст. И про то, как астронавты зовут главу программы».

«Ну, зовут они его «Прадед», подумаешь. Герман в отличной физической форме, не все молодые космонавты столько раз подтянуться могут. Про выносливость и общую подготовку и говорить нечего».

«Поддерживаю! С медицинской точки зрения все в порядке. Но нельзя исключить непредвиденное развитие событий на орбите. Поэтому ИКБ настаивает на том, чтобы оба члена экипажа имели медицинское образование».

Когда объявили перерыв, Герман вышел первым. Комиссия попросила полтора часа на последние размышления. Герман подумал и ушел из представительского здания. Хотелось простой, настоящей работы. «Отвезите меня в ЦУП», — попросил он водителя служебного транспорта. Тот понимающе кивнул.

В ЦУПе шла обычная тренировка, и, как всегда, пришлось долго ждать лифта. Наконец-то он доплелся до первого этажа, и из него выкатилась шумная компания молодых людей с видеотехникой. Один из парней показался знакомым, но Герману было некогда раздумывать, где он мог его видеть. Скорее всего, в отряде. Кому-то покрасоваться захотелось. Сюжет для видеоблога, поди, снимали.

Герман достал платок и вытер пот со лба. Коммуникатор вжикнул коротко — сообщение. Новости дня, все та же любимая «USA Today». За последние полгода Герману стало совсем просто общаться на двух языках сразу, как будто так и надо. Он взглянул на заголовок: «Состав экипажа определен». Стиснул зубы и открыл текст.

«Прения по составу первого экипажа РКК шли несколько часов. Наконец, придя к предварительному соглашению, комиссия готовится к утверждению кандидатов», — дальше дочитать не удалось. Но свою фамилию Герман успел увидеть. Выдохнул и поехал за кофе к «Баристе». А по пути вспомнил, что за парень встретился ему в лифте. Восходящая звезда Голливуда, Стенли Райз. Там как раз начали съемки первого за многие годы космического блокбастера про станцию «Мир». И он в одной из главных ролей. То-то посмотрел так обиженно — не привык, видимо, чтобы его не узнавали. Забавно получилось. Надо Рине рассказать.

На объявление результатов комиссии Герман успел вовремя. И удивился, увидев старых знакомых: Инну Дугину, ту самую даму из ИКБ, а рядом с ней — девушку-переводчицу. Ну, сейчас-то она тут для чего?

Дама из ИКБ поднялась, протягивая руку:

— Поздравляю вас, господин Станев. Комиссия утвердила вас как первого командира экипажа. Есть ли у вас предпочтения по составу команды?

Герман вздохнул. Был бы жив Анджей, были бы предпочтения. А сейчас...

— Я смогу сработаться с кем угодно, госпожа Дугина. Полагаюсь на выбор комиссии.

— В таком случае мы назовем кандидатов сами. Бортинженером станет Кристоф Кшесинский, недавний выпускник медицинской академии Балтимора, США. А космонавтом-исследователем — доктор Мария Нестерова из ИКБ. Мы надеемся на плодотворное сотрудничество.

Герман подумал, что иногда стоит читать презентации на этих чертовых планшетах, а не доверять

собственному воображению. А он-то решил — переводчица. И оба — не из отряда космонавтов, надо же. Но он сам сказал, что готов на любой состав. Позвольте, Кшесинский? Сын Анджея? Кшись? Но почему мне не сказали раньше? Вот это сюрприз!

Во время подготовки к полету очень много времени уделялось экспериментам. И освещали их в новостях тоже крайне подробно. Герман даже начал злиться — неужто вся программа РКК затевалась ради того, чтобы растить трехмерные кристаллы белка? Как будто это дело первостепенной важности. Но спорить не приходилось, тем более что растить кристаллы он умел и любил. Мария и Кристоф довольно быстро научились технике эксперимента в условиях земного притяжения, но вот повторять ее в невесомости пока что не выходило. Приходилось брать дополнительные часы на тренажере, то в нулевой плавучести, то в «двухэтажном» самолете. У Марии, серьезной и основательной, успехи появились раньше, а Кристофу порой мешала излишняя уверенность в собственных силах. Но постепенно удалось и наладить работу по выращиванию белков, и создать настоящую команду. Герман был доволен. К старту успели почти все.

В последний вечер перед стартом решили посмотреть «Белое солнце пустыни» и сыграть в подкидного дурака и в «Далекий путь Опоссума», объединив традиции обеих стран. Пока не удалось оставить командира дураком трижды, игру прекращать было нельзя.

— Почему? — поинтересовалась Мария серьезно. — Раньше считалось, что командир трижды дурак, да?

— Да нет, — рассмеялся Герман. — Просто традиция. Положено так. Было. Не хочется нарушать обычай, раз уж мы возвращаемся. Сдавайте карты, барышня.

«А вот еще одну традицию мы в новую программу не возьмем», — подумал он, решив не рассказывать ребятам совсем уж древнюю легенду про автобус перед стартом. — «Тем более что теперь нас туда не автобусом доставлять собирались, а спецвертолетом. Неудобно получится».

— Прадед, а правда, что раньше космонавты перед стартом... — Кшись внезапно осекся, покраснел и замолчал. — О, смотрите, у меня последняя карта! Все, командир трижды дурак, ложимся спать!

Видимо, двойные традиции помогли: «Белое солнце» и две правильно сыгранные партии в карты обеспечили отличный старт и плавный вход в работу. Невесомость встретила всех троих ласково — редкий случай, не пришлось терять время на адаптацию. Кшись, правда, немного пострадал, но освоился примерно через сутки. Марии вообще не пришлось привыкать, да и сам Герман на удивление быстро вошел в рабочий режим. И с удивлением узнал, что эти окаянные кристаллы и впрямь основная цель миссии. В ИКБ сумели показать, что белок, принявший невозможную в земных условиях конфигурацию, обладает совершенно иными свойствами и на его основе возможно создать эффективную вакцину от того самого фульминантного птичьего энцефалита, который успел погубить значительную часть населения Земли.

В первую ночь на орбите, закрепив гамак на стене модуля, Герман впервые счастливо улыбнулся, засыпая.

Он стоял на ребре открытого люка, глядя на свои ярко-синие ботинки с золотым кантом. Аккуратно запаянные по шву, чтобы обеспечить полную герметичность. Стоял и улыбался. Потому что внизу, по новой, только что открытой планете, ходил Кшись. И под его ногами земля из серой и безжизненной становилась совершенно земной — зеленой и радостной.

Он сделал всего один шаг.

Ноги утонули в мягком зеленом ковре.

«Добро пожаловать на Ка-Ро-Эл-Один», — произнес приятный голос.

Герман улыбнулся еще шире и понял, что просыпаться ему совсем не хочется.

ОЛЕГ ДИВОВ

НА ТРИ БУКВЫ

В начале было слово, и слово было в небе, и слово было МАШ.

Обалдевшая Москва таращилась вверх, где по черному небосводу летел квадрат цвета слоновой кости, а на нем ярко горели три красные буквы. По всему городу визжали тормоза, доносились глухие удары металла о металл. Публика на тротуарах стояла, как загипнотизированная.

Жаботинский закрыл окно, вышел в общий зал и рявкнул:

— Внимание! Кто с кем договаривался насчет... — он ткнул пальцем в потолок. — Звоните, обещайте денег, обещайте что угодно, но пусть забудут про нас. И пусть сотрут наш пресс-релиз. Его не было. Ничего не было. Мы в этом не участвуем. Мы знать

не знаем компанию «ПАКС» и вообще не интересуемся космосом. Как созвонитесь — бегом по домам и сидеть тихо! И не дай бог...

— Ину! — крикнули ему в ответ.

Он бросился к окну.

В вечернем небе над столицей висело новое ярко-красное слово.

И слово было ИНУ.

Жаботинский застонал.

Он в общем и целом сразу понял, что никакое это не начало, а форменный конец. Да такой, что загляденье просто. Случаются концы бесславные, а наш — с поистине космическим размахом. Гроб с музыкой. Пафосный, даже в некотором смысле изысканный конец деловой репутации рекламного агентства «А1» и его директора персонально. Годы пройдут, а коллеги будут говорить: «Помнишь, как накрылся Саша Жаботинский? И ведь неглупый был мужик...»

За тридцать лет в рекламе Жаботинский научился самые невероятные проколы выставлять подвигами, но тут он просто не видел шансов.

Прилетели, называется.

Проблемы с космической автоматикой у русских традиционные, давно и хорошо изученные, они не менялись со времен первых «лунников» — то гайка завернута от руки, то пиропатрон залили эпоксидкой, то по электронному блоку летает забытая шайба, а то и сам этот блок стоит с переворотом на сто восемьдесят градусов, да еще ласково обстукан киянкой, потому что не лез в гнездо.

Если просто отвалилась пайка, это даже как-то не по-нашему.

Поэтому, когда солнечный парус раскрылся на орбите штатно, но проектор системы контроля от-

чего-то не включился, Жаботинский сказал себе: «А ведь я молодец». Ни одной утечки, никаких слухов. Полет экспериментального парусного корабля начался успешно. По ночам в небе пролетает светящийся квадрат размером с полную Луну, красота-то какая, радуйтесь, люди.

Ну да, гладенький такой, равномерно освещенный квадрат. А вы какой хотели? В клеточку? В горошек? В цвет российского флага? Ну извините, в следующий раз. Спасибо за идею, мы подумаем.

Обошлось, в общем.

А все потому, что Жаботинский с юных лет интересовался космосом и более-менее представлял, до чего у нас хитрая автоматика. И уговорил всех-всех-всех, начиная с яйцеголовых из «ПАКС» и заканчивая рекламодателями, подписать совершенно зверские бумажки о политике конфиденциальности. Конкретно — о том, что никакого предварительного пиара у нашей затеи с нестандартным использованием проектора не будет. Рассказывайте про парус что угодно, а о проекторе и его задачах лучше вообще ни слова. Хвалиться начнем строго после события, если получится. И тогда мы — ух! Пошумим. Но заранее — не надо. Вдруг сглазим.

В итоге вышло так, что Жаботинский фактически засекретил сам проектор, которым ребята из «ПАКС» отдельно гордились. Случилась некоторая ругань, но Жаботинскому было крепко за полтинник, он на «связях с общественностью» съел, по собственному заверению, очень большую и очень невкусную собаку и попросту задавил молодежь авторитетом.

Проще всего оказалось договориться об игре в молчанку с «Роскосмосом». Там сидели те еще пиарщики в штатском, и они тоже столько дерьма съе-

ли за свою долгую скучную жизнь, что дай им волю, о самом существовании «Роскосмоса» никто бы не узнал никогда, а кто узнал бы, тут и помер. Они и молодым-горячим из «ПАКС» намекнули, что автоматика — штука тонкая, и если у вас прибор красиво работает на испытательном стенде, радоваться пока еще нечему. Это ж прибор. Может, он с утра хорошо себя показывает, а ночью — повиснет.

Частная компания «Прикладные Аэрокосмические Системы» начинала с микроспутников, потом стала запускать много микроспутников, а дальше загадочным образом в обход авторитетных и влиятельных конкурентов получила грант на солнечный парус — короче, у компании были свои духовные скрепки, заколки и булавки, и вякать против мнения старших товарищей она не стала.

Но, естественно, когда проектор накрылся, «спасибо» дальновидному и предусмотрительному Жаботинскому никто не сказал.

Никто не оценил четкости его работы: а ведь особый пресс-релиз агентства «А1» лежал у специально подготовленных и замотивированных людей в информационных агентствах как секретный пакет — в опечатанном конверте, по одному бумажному экземпляру на человека. И фиг кто вскрыл пакет без разрешения.

Да, было очень грустно и обидно, что накрылась красивая затея, украденная прямиком из классической фантастики «прокосмос»; но главной беды не случилось — никто не знал, как мы облажались.

Жаботинский поглядел на часы, прикинул в уме, как МАШ и ИНУ ложатся на «график проходов» корабля над Москвой, и решил пока не впечатляться. Авось пронесет.

Долбаный проектор, долбаная «ПАКС» с ее сверхнадежной автоматикой, долбаные программисты за штуку баксов...

В наушнике тренькнуло, он нажал кнопку, услышал взволнованный голос и сказал так убедительно, что даже сам себе поверил:

— Я твой должник по гроб жизни, если ты — никому и ничего.

— Что это вообще такое?

— Угадай с одного раза.

— Похоже на обрывок слогана. Хотели на парусе рекламу показывать?

— Естественно, — процедил Жаботинский. — Но как ты сейчас понимаешь, это не мы. Я буду все отрицать. И ты тоже! Если ты мне друг, конечно.

— Черный пиар — тоже пиар, — напомнили ему.

— Это сказки для лохов. Нам такой пиар не нужен. И выкинь наш пресс-релиз, ты его не видел.

— Саш, ты подумай, вас же все равно застучат рекламодатели.

— Какие? МАШ и ИНУ?

— Но ведь дальше что-то будет... Или не будет?

— Если не сумеем вырубить эту адскую машину, дальше может быть что угодно, — заверил Жаботинский. — Но мы тут ни при чем.

— Ну... А что случилось-то, ты понимаешь?

— Да ничего особенного. Там стоит проектор, совсем не для рекламных целей, конечно, и он время от времени должен подсвечивать парус. И вот он, падла, включился. С опозданием на неделю. А у него программа шибко умная, она кучу параметров обсчитывает, и по-моему... Слушай, это долго объяснять, давай так: у меня когда будет конкретика, я все тебе расскажу, строго по секрету, а дальше ты сам пользуйся.

— Погасло!

Жаботинский покосился на часы.

— Четко работает, сволочь. Когда не надо... Жди продолжения шоу через полтора часа. Могу даже намекнуть, что за слово полетит.

— И?..

— ВБА.

— Как?

— Передаю по буквам. Все. Будет. Афигенно.

— ВБА. А почему?

— По кочану, — отрезал Жаботинский.

— Я могу — со ссылкой на неназываемый источник?..

— Моги.

— А чего так странно... Кому надо показывать слоган по три буквы? МАШ... ИНУ... ВБА... Зачем?

— Затем, что я идиот, — сказал Жаботинский. — Потому что таких не берут в космонавты. Потому что все у нас через задницу, даже на орбите. Спокойной плазмы, товарищи, трам-тарарам...

В общем зале стоял деловитый гул: народ прилип к телефонам. А ведь это агония, подумал Жаботинский, напрасно мы трепыхаемся, нас и правда сдадут рекламодатели. Несмотря на все бумажки про конфиденциальность. Совершенно конфиденциально, на уровне намеков — сдадут. Вот как я сейчас намекнул. Умному — достаточно.

Вот ты какой — славный конец.

У маркерной доски оживленно шушукались психолог с арт-директором. Первый трещал клавишами бухгалтерского калькулятора, второй бодро черкал по доске фломастером. Жаботинский вспомнил, что на психфаке сдают высшую математику, а арт-директор кончал физтех, — и пошел к ним.

— Гляди, начальник, что у нас вырисовывается.

Жаботинский присмотрелся и молча кивнул. Он сам уже высчитал примерно то же, без вычислительной техники и профильного образования. Каждый модуль светится по минуте. Следующий проход корабля над Москвой длинный, больше трех минут. Значит, будет ВБА-СТИ-ОНЕ. Ну и славненько. «...Машину в "Бастионе", слоган кончился. Дальше проектор должен, по идее, показать настроечную таблицу контроля паруса, ради которой и был установлен на корабле. Но что решит программа? Очень умная программа за штуку баксов, сляпанная на коленке безвестным фрилансером, которая сейчас старательно дробит слоган по три буквы, чтобы его было хорошо видно.

Из самых лучших побуждений, трам-тарарам.

— Шли бы вы по домам, ребята, — сказал Жаботинский.

— А ты?

— А что я... Корабль тонет, а я капитан!

В ухе снова зазвонило.

— Я твой должник по гроб жизни, если ты — никому и ничего! — сообщил Жаботинский невидимому собеседнику и направился к себе в кабинет.

Психолог и арт-директор проводили начальника взглядами, полными сочувствия, переходящего в благоговейный ужас.

На корабле стояло до черта всякой аппаратуры, о назначении которой Жаботинский благоразумно не задавал вопросов. Парус считался задачей важной, но вторичной. Такого большого паруса никогда еще не делали, «ПАКС» должна была отработать раскрытие, управление, контроль состояния, экспериментально замерить тягу и так далее. Парус был настолько здоров, что теоретически, если ничего не

развалится и корабль проболтается на орбите по-настоящему долго, можно набрать вторую космическую скорость и улететь, но через сколько лет — десять или сто, — мнения расходились.

Чтобы считать дырки от метеоритов и проверять общее состояние паруса — равномерно ли натянут, не морщит ли где, и так далее, — к кораблю привинтили штуку под условным названием «проектор». Время от времени она передавала на парус нечто вроде настроечной таблицы. Оптика считывала таблицу, компьютер анализировал — простенько и остроумно.

Старый друг и бывший сокрусник Гена, которого Жаботинский называл для ясности «космическим инженером», именно так и отозвался об этой системе — типа, простенько и со вкусом, ловкие ребята.

Выпили они к тому моменту, как на грех, уже прилично.

«Проектор, значит... — сказал Жаботинский. — А большой парус-то, хорошо будет видно его?.. Ага... А чей кораблик, как мне найти этих ловких ребят?»

Через две недели он пришел в «ПАКС» со старым другом и сокурсником Петей, которого для ясности звал «наш человек в ЦУПе», и принес «презентацию» — лист ватмана два на пять с наложением траектории корабля на поверхность Земли и черновой раскладкой, где и в какое время парус будет виден в самом выгодном ракурсе, чей логотип надо в этой точке показывать и сколько денег за это брать.

Ловкие ребята малость обалдели, но Петя им объяснил: без паники, это наш человек в рекламе, старая школа, хе-хе, тоже Бауманку кончал.

Деньги ломились внушительные, а главное, сама идея-то какая.

Отойдя от первого шока, «ПАКС» превозмогла естественную жадность и начала вносить коррективы. Во-первых, ресурс проектора ограничен мощностью солнечных батарей. Во-вторых, раз такое дело, нефиг играть на руку геополитическим конкурентам, ищите рекламодателей среди наших. В итоге договорились о том, на что Жаботинский рассчитывал как на программу-минимум, — окучиваем московский регион.

Тут у Жаботинского включилась паранойя, и он сказал: делаем все тихо, а то не дай бог автоматика откажет.

Как в воду глядел.

На звонки, письма и сообщения в личку «ПАКС» не реагировала. Жаботинский позвонил Пете.

— Это ты удачно, — сказал тот. — «Паксы» как раз все тут. Ждут, как пойдет на следующем витке.

— А как пойдет? — спросил Жаботинский с замиранием сердца.

— А никто не знает, — жизнерадостно ответил Петя. — Они не могут выключить эту хрень, команда не проходит. Да по большому счету и не надо ее выключать. Наоборот, хорошо, что заработала. Рано или поздно она начнет показывать таблицу.

Жаботинский хотел снова застонать, но подумал. что многовато он стонет нынче, и просто вздохнул.

— Я тебя понимаю, — сказал Петя. — Но ты ж прикрылся вроде.

— Я накрылся, — сказал Жаботинский. — И, наверное, закрылся.

— Что, все так плохо?

— Будет. Печенкой чую.

— М-да... Тут руководитель полета чисто из интереса спрашивает: чего еще покажешь народу?

— У «паксов» есть список, — процедил Жаботинский. — Но раз сам руководитель... Следующий проход — длинный, будут три модуля, ВБА-СТИ-ОНЕ. В Бастионе. И, по идее, на этом все. Дальше программа должна показать таблицу. Но тут уж как она сама решит. Я боюсь, она захочет показать весь рекламный пакет с самого начала, раз он целиком не прошел. У нас там заряжено шесть логотипов и этот дурацкий слоган компании «Бастион»... Он был как раз в конце пакета.

— Что за программа такая... Своевольная?

— А это ты «паксов» своих спроси! — рявкнул Жаботинский. — Я должен был ее заказывать и тестировать, я! А они сказали: идите, дядя, на фиг, вам не положено, у нас своя программа есть, мы прямо в нее ваш пакет вкорячим, и все будет офигенно!

— Да расслабься ты, — попросил Петя. — Выпей успокоительного и не дрейфь. Я тут на посту, тебе буду докладывать.

— Спасибо... — только и сказал Жаботинский. — А этим гаврикам передай... Да ладно, ничего не надо. Они сами себя наказали. Но я бы знаешь что сделал на их месте? Свернул парус. А потом развернул.

— На фига? — удивился Петя.

— Не знаю, — отрезал Жаботинский.

И полез в шкаф за успокоительным.

Через полтора часа, когда над Москвой зажглось красное ВБА, Жаботинский сидел в кресле, баюкая бутылку коньяка, из которой не сделал ни одного глотка. Он ее просто так держал, для уверенности, что можно в любой миг высосать пузырь одним глотком и впасть в забытье.

Фразу «я твой должник по гроб жизни» он произнес к тому моменту еще трижды. Персонал «А1» был разогнан по домам. Над городом сгущалась ночь.

В социальных сетях росли конспирологические теории, одна другой нелепее. Информационные агентства за неимением лучшего тиражировали эту ахинею.

Ни один контрагент Жаботинского до сих пор его не сдал. Это было, черт возьми, здорово. Но все равно Жаботинский умирал со стыда.

Надо было настоять на своем. Надо было требовать. Надо было биться. Печенкой же чуял — накосячат они с программой.

Когда неделю назад проектор не включился, «паксы» начали разбираться, в чем ошибка, что именно сбоит. Как всегда в таких случаях, шли по цепочке, от простого к сложному. Грешили в основном на электрику, но попутно трясли и программистов. Выяснилось, мягко говоря, не страшное и даже не ужасное, а как всегда.

Программное обеспечение проектора делали по остаточному принципу, в последний момент. Взяли половину отпущенных на это финансов — и дали хорошим ребятам под честное слово. Хорошие ребята задачу проволынили и, чтобы сдержать слово, перекинули ее вместе с половиной денег своим друзьям. А друзья, опять уполовинив сумму, наняли крутого хакера, способного за день сляпать на коленке что хочешь. Но до крутого хакера дошли уже такие жалкие огрызки, что он решил пожалеть свое колено — и нанял за штуку баксов фрилансера из Мухосранска.

Программа-то у фрилансера вышла ничего себе. Как и просили, она обсчитывала кучу переменных — высоту орбиты, угол наклона паруса, уровень

его освещенности и так далее, — и соответственно настраивала проектор. Решала, попросту говоря, задачу «чтобы оптика четко видела настроечную таблицу» и попутно — «чтобы людям снизу было хорошо видно рекламу невооруженным глазом».

Жаботинский, услышав это все, начал бояться сразу.

«Паксы» чисто для профилактики расквасили нос своему ведущему программеру, отняли у него деньги и сказали Жаботинскому, что бояться, в общем, нечего. Все нормально. Тем более, ничего не работает.

Жаботинский начал бояться еще сильнее.

Печенка у него была чувствительная и подсказывала, что добром это не кончится. «А1» окучила семерых рекламодателей. Возвращать им солидные суммы предстояло «ПАКС», а агентство Жаботинского сидело на процентах, которые по договорам вообще не попадали под форс-мажор. Но всем было сказано, что вопрос в случае чего — решаемый. Рекламодатели отнеслись с пониманием. Дело такое — космос, автоматика... Тем более, экспериментальный корабль. Гайки, пайки, скрутки, прокладки, что угодно может накрыться.

Пожалуй, одно утешало Жаботинского — что не будет на орбите «Бастиона» с их слоганом. Шесть компаний дали логотипы, а «Бастион» уперся: хотим лозунг, и все тут. У вас один длинный проход на три минуты — как раз на три слова. Да, мы понимаем, что их будет трудно разглядеть даже по одному. Но если навести смартфон и слегка увеличить — самое оно. В этом и фишка, понимаете? Люди не ценят то, что бросается в глаза. А здесь включается элемент игры, элемент сотворчества. Будет качественное глубокое внедрение слогана... Жаботинский согласился.

Ну вот, доигрались.
Довнедрялись.
По самое не могу.

ВБА-СТИ-ОНЕ отгорело над Москвой, а Жаботинский так и не выпил, потому что обзванивал рекламодателей, умоляя их не делать поспешных выводов и резких движений, — когда в ухе зазвенело опять.

— Тут есть внезапная идея... — сказал Петя. — Попробуем одно радикальное решение.

— Что, все так плохо?

— Руководитель полета нервничает, скажем так. И начальство тоже... Волнуется. И некоторые компетентные ведомства. Короче, все на ушах стоят. Один Главный не нервничает, ему уже просто смешно.

— Уфф...

— Да погоди ты. Они попробуют сложить парус на всякий случай. На этом витке.

Жаботинский тяжело засопел.

— Ты чего? — удивился Петя.

— Ничего...

— Сложить парус — отличная мысль. Непонятно, как сразу не догадались, еще неделю назад. А тут, слава богу, пришел Главный и говорит: идиоты, сверните парус, а потом снова разверните, это должно перезагрузить всю систему...

— Ты наш разговор полтора часа назад совсем не помнишь?

— Честно? Совсем. Тут такая свистопляска... Извини. А это важно?

— Да, в общем, уже нет.

— Выпил успокоительного?

— Сейчас попробую.

— Ну вот и молодец, — сказал Петя и отключился.

Жаботинский выдернул пробку из бутыки, понюхал коньяк и отставил на стол.

Он еще не достучался до «Бастиона», а стоило бы.

Ну чисто узнать, сколько возьмут деньгами, чтобы ноги ему не переломали сгоряча. Хотя могли и заказать уже.

Еще примерно через полтора часа, когда в небе загорелось слово ЗАС, незнакомый ласковый голос в наушнике проворковал:

— Александр Самуилович? Добрый вечер. Меня зовут Иван Иванович, мне ваш номер дал Петр Андреевич. Это сугубо частный разговор, нам просто нужна от вас небольшая консультация...

Жаботинский закашлялся.

— Ч-чем могу?..

— Насколько мы знаем, команда на свертывание паруса не прошла.

— Вот как...

— Да, такая неприятность... Парус будет виден сегодня еще два раза. Сейчас две минуты и в полночь — совсем коротко, минута двадцать секунд. Я правильно понимаю, что каждый, как вы это назовете, «модуль» высвечивается по минуте?

— Верно. Два модуля сейчас, один в полночь.

— Вы не могли бы уточнить, как полностью звучит этот слоган?

— Компании «Бастион»? — уточнил Жаботинский.

— Да. Именно.

Жаботинский набрал в грудь воздуха.

— «Застрахуй машину в "Бастионе"».

На том конце линии повисло молчание. Считали буквы, наверное.

Жаботинский вместе с креслом подъехал к окну и посмотрел, как оно там.

Там было ТРА.

— А то ракетой его сбить? — задумался Жаботинский вслух.

— Ну зачем же так радикально... — сказал Иван Ивнович слабым голосом. — Простите, Александр Самуилович, а не могли бы вы завтра к нам зайти? Допустим, часиков в одиннадцать? Я закажу пропуск. Обсудим эту ситуацию, да?

— Да легко! — сказал Жаботинский.

Он сидел и глядел на бутылку, когда зазвонил внутренний.

— Извините, тут к вам посетители, — сказала охрана. — Мы, в общем, не должны бы... Как сами решите.

— Что, они плохо выглядят? — спросил Жаботинский.

Охранник заговорил глухо — прикрыл микрофон ладонью:

— Они в дымину. Но очень веселые. С корзиной шампанского и... Девушками. У вас праздник, что ли? Поздравляем.

— Ага, праздник... — буркнул Жаботинский.

— А дайте-ка мне трубочку... — донеслось издали.

— Прошу.

— Александр Самуилович! Здрасте! Спускайтесь к нам скорее и побежали! У нас очень мало времени, буквально за час надо успеть подготовиться! Мы тут нашли поблизости ресторан с выходом на крышу и уже обо всем договорились. Очень вас ждем! Умоляю! И все ребята просят! Ребята!..

— А-лек-сан-дрррр! — проскандировал хор в добрый десяток глоток, включая женские.

— Простите... — осторожно сказал Жаботинский. — А вы кто?

— То есть как?.. — опешил собеседник. — Виноват, не представился. Генеральный директор страховой компании «Бастион» к вашим услугам! Мы считаем, это исторический момент, и будем счастливы встретить его с вами вместе!

Жаботинский сделал пару глубоких вдохов.

— Второго такого раза не будет, Александр, если вы понимаете, о чем я. Ну реально же исторический момент. Идемте с нами, ребята очень просят.

— Минуту, — сказал Жаботинский. — Минуту, друзья...

Он встал, заткнул пробкой непочатую бутылку, а потом вдруг неожиданно для себя самого откупорил ее и крепко приложился к горлышку. Отдышался. Улыбнулся.

— Иду, ребята, — сказал он. — Бегу. Сейчас.

И быстрым шагом пошел к лифтам.

Действительно стоило поспешить. Верно говорят ребята: всего час остался, чтобы как следует подготовиться.

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Вот уже много дней и ночей
Мы летим, постигая вечность.
Звезды в линиях чертежей,
Уходящие в бесконечность...

В. Лазарев

Виток первый

«Союз-111» вывалился на орбиту Марса в расчетной точке. Компьютер провел диагностику систем, мягкий женский голос сообщил мне, что все в нор-

ме. И вот тут мне стало страшно. Ладони вспотели, в ушах застучало. Я пробежал взглядом по бегущим на дисплее строчкам, чувствуя, как немеют ноги. Их словно сковало льдом, а в ушах все стояли «Наташины» слова:

— ...прогноз работоспособности систем благоприятный. Подтвердите готовность выполнения полетной программы.

«Наташа» — традиционное имя речевого индикатора бортового компьютера. В фантастических книгах, где действуют крутые парни и мудрые киборги, искусственный интеллект всегда носит многозначительное имя. Нам, российским летунам, многозначительность ни к чему. Нам нужны простота и ясность. Поэтому наши бортовики зовут «Наташами». Сейчас моя «Наташа» просит подтвердить готовность выполнения полетной программы. А я обливаюсь потом и тупо таращу глаза на бурую стену Марса, косо падающую на корабль...

— Внимание! — Мне показалось или в голосе «Наташи» проявились тревожные нотки? — Зафиксировано падение мощности в генераторах абсолютного поля. Процесс накопления энергии приостановлен. Вероятность аварийной ситуации при активации генераторов — девяносто два процента. В остальном ситуация штатная. Корабль вышел на расчетную орбиту. Повторяю! Зафиксировано падение...

Я машинально вытер о себя защищенные перчатками скафандра руки и шумно выдохнул. Вот оно! Вот так Марс встречает незваных гостей. Все правильно. Теперь все правильно. Сохатый — гений. Жаль, я не могу отправить ему такое послание: «Виктор Николаевич, вы — гений».

Не могу, потому что с теми, кто навсегда покинул этот мир, связи все еще нет.

Виток второй

Мы познакомились два года назад. Он пришел ко мне без звонка — милая привычка людей, выросших в домобильную эру. Когда консьержка снизу спросила, знаю ли я Виктора Николаевича Лосева, я решил, что это просто кто-то ошибся квартирой, буркнул: «Нет!» и повесил трубку. Но спустя минуту она снова связалась со мной и раздраженно выкрикнула: «Академика Лосева знаете? Ну?»

Академика Лосева я знал. Точнее, я знал о нем. Поэтому, натянув джинсы, я помчался вниз, на ходу припоминая все возможные варианты извинений.

Потом мы сидели у меня на кухне. Сохатый был стар, фантастически стар. От него пахло аптекой. Седина стала желтой, кожу покрывали коричневые пятна. Я ужаснулся — передо мной был фактически живой мертвец. И только глаза, внимательные и чистые, как у ребенка, успокоили меня. Там жила капризная мудрость человека, разменявшего десятый десяток.

После того вечера я всегда называл его именно так — Сохатый. Про себя, разумеется. Никто бы не понял такой фамильярности по отношению к патриарху отечественной космонавтики.

Войдя, он достал из портфеля антикварную картонную папку, бутылку старого армянского коньяка, лимон и, по-стариковски растягивая гласные, спросил, как будто мы расстались вчера:

— Выспа-ался?

Я растерянно кивнул.

— Ну и сла-авно. Значит, ночью можно будет порабо-отать. А я вот, предста-авь, вообще не сплю. Говорят, это перед смертью быва-ает. У меня пять лет назад началось. Все ждал — вот-вот по-омру. Год

ждал, два, три... Надоело! Решил на-апоследок трях-нуть ста-ариной.

В его исполнении последняя фраза теряла всякий иносказательный смысл. Я поставил на стол стаканы, сунулся было к холодильнику, но он остановил меня властным жестом скрюченной подагрой руки.

— Ся-ядь! На Марс хо-очешь?

Я поперхнулся и закашлялся... Если бы за мгновение до его вопроса мы уже приступили к коньяку, дело могло бы кончиться конфузом просто космических масштабов. Но все обошлось. Он участливо похлопал меня по спине, а потом начал говорить...

О, он умел говорить! Патриарх, титан, начинавший еще с легендарным Бабакиным, когда под плакатом «Автоматы могут все!» отчаянные парни с логарифмическими линейками наперевес создавали межпланетные станции, первыми побывавшие на Луне, Марсе, Венере.

Занесенный в золотой фонд советской науки в тридцать пять лет, Сохатый пережил все ее взлеты и падения, всех ее создателей и губителей. Он пережил даже собственную персональную пенсию — перечислял ее в детский фонд.

До сих пор не знаю, как ему удалось уломать скрягу Курганова. Глава «Росавиакосмоса» очень не любил рисковать людьми, аппаратами, а более всего — деньгами. Но Сохатый, которому Курганов годился во внуки, пробил марсианский проект, пусть и при явно скудном финансировании.

— А нам мно-ого и не надо, верно, Са-аша? — монументально улыбался он, заочно записав меня в единомышленники. — Нам долететь, повертеться, виточков во-осемь, отметиться — и домой. Ты в Бо-ога веришь?

Заданный безо всякого перехода вопрос поверг меня в тихую панику. Старческий маразм — штука хитрая. И горькая. Вот сидит передо мной замшелый дважды Герой и семижды лауреат, пьет коньяк и несет чепуху.

Можно было вежливо попытаться свернуть разговор. Можно было сослаться на занятость и неотложные дела. В конце концов, можно было просто сказать: «Нет!»

Единственное, что смущало и удерживало меня, — это то, что Сохатый пришел именно ко мне и сидел сейчас перед дублером третьего уровня коммерческих полетов. Космонавтом, который ни разу не был не то что на орбите — даже в «зале ожидания». И который уже три месяца как втихаря подыскивает работу, чтобы уволиться из славных рядов «покорителей космоса»...

Виток третий

— Внимание! — в голосе «Наташи» явно зазвучали заботливые материнские интонации. — В ходе отладки программного обеспечения обнаружено выпадение кластеров на диске F. Программа контроля за энергетической системой корабля готова произвести перезагрузку и перейти на резервный диск L. В ходе перезагрузки возможны неполадки с энергопотребляющими приборами в системах ориентирования и связи. Подтвердите согласие на перезагрузку. Повторяю: в ходе отладки программного обеспечения...

Вот и «живая вода». Славно, славно... и, главное, — вовремя!

— Добро, Наташка, добро, — вслух сказал я и шлепнул пальцами по сенсору «ввод».

Все идет, как должно. Сохатый — гений. Теперь я готов высечь эту фразу на морщинистой физиономии старика Марса. Он заслоняет собой половину экрана. Жаль, у меня нет стокилометрового зубила и молота размером с Фобос.

Я смотрю Марсу в глаза. Я хочу увидеть там ответы на вопросы, которые не задавал. Впрочем, в сущности, все уже позади. Гудящая тишина баюкает меня, но спать нельзя — скоро сеанс связи с Землей.

Виток четвертый

ЦУП, судя по тону их сообщения, пребывает в легкой панике и, естественно, просит не паниковать меня. Так и хочется сказать им: «Расслабьтесь, ребята. Все в норме. Все так и должно было быть. К звездам идут через тернии — чтобы вернуться. Без терний возвращения не бывает».

Надо же — к звездам! Я улыбаюсь. До звезд мне, нам, человечеству — как... как до звезд. Мы пока делаем маленькие шажки. Мы только учимся ходить. И главное сейчас не то, сколько мы пройдем за первый раз, а то, разобьем мы себе лоб или нет.

Я рассматриваю Марс. Он совсем не такой, каким представлялся мне на Земле. Автоматы давно ответили на большинство вопросов. Может быть, в будущем тут и будут найдены вирусы, бактерии или даже лишайники, но такой жизни, какой бы нам хотелось, — на Марсе нет. Есть камень, песок, пыль, тлен, прах. Временами мне кажется, что я отсюда, с орбиты, чувствую запах. Так пахнет вечность, а вечность несовместима с жизнью.

Сохатый умер за три дня до старта, во сне. Очень старые люди уходят тихо, без мучений. Никто ни-

когда не узнает, что ему снилось, но Курганов, позвонивший мне в гостиницу, сказал, что Виктор Николаевич улыбался.

Когда гроб с телом академика под автоматный салют опускали в могилу на Ваганьковском кладбище, меня усаживали в кресло нашего «Союза-111». На таком названии для корабля настоял Сохатый. «В память о Володьке. Мы дружили. Странное совпадение — ты Комаров, и он был Комаров», — сказал он мне, когда проект утвердили и мы приступили к подготовке. Мне в какой-то момент стало жутко, но Сохатый был неумолим: «Нам бы еще полететь тринадцатого. Но это вряд ли, окошко закроется...»

«Союз-111» стартовал четвертого апреля. Синоптики давали путный прогноз только до шестого, и ЦУП решил не рисковать. На орбите я пристыковался к МКС-2, и вместе с дежурной сменой мы три дня навешивали на генераторный блок семнадцатиметровую «баранку» «дырокола». Потом было пятидневное ковыляние на малой тяге в точку перехода, напутствие президента, улыбки ЦУПовцев на мониторе и мои крепко зажмуренные глаза...

Виток пятый

— Работа энергонакопителей идет в штатном режиме, — информирует меня «Наташа». Теперь я отчетливо слышу в ее словах усталую улыбку хорошо потрудившегося человека. Смешно — все летуны втайне уверены, что их «Наташа» не такая, как у других, и у нее действительно существуют интонации, полутона и, чем черт не шутит, разум.

Мой приятель, хороший парень Колька Шаповалов, считал, что голос «Наташи» — это глас все-

ленского разума. Колька разбился во время испытательного полета на стратоплане под реестровым номером 777. Колька верил в удачу...

А Сохатый верил в себя и еще во что-то, чему нет названия. Возможно, в молодости он верил и в науку, но когда тебе девяносто шесть, наука становится всего лишь инструментом, штангенциркулем для измерения неизмеримого.

Я же... Я, наверное, не верю вообще ни во что. Поэтому вопрос про Бога, заданный Сохатым тогда, на кухне, показался мне простым и даже бессмысленным.

— Ну и дурак! — усмехнулся Сохатый, выслушав мое поспешное: «Нет, не верю». — Космо-онавт обязан верить в Бо-ога. Иначе он его не узнает, ко-огда встретит...

Виток шестой

Мы и вправду просидели всю ночь, до рассвета. Сохатый раскладывал на столешнице пожелтевшие листки из своей древней папки и, постариковски щурясь, зачитывал наиболее интересные, по его мнению, места. Временами мне казалось, что я уснул и вижу сон. Назвать выкладки седого академика бредом мне мешала вежливость. Но назвать их как-то иначе не давал здравый смысл.

Неожиданно Сохатый прервался и уставился на меня своими небесными глазами, точно хотел разглядеть что-то очень маленькое и незаметное.

— Ты во-от думаешь — вы-ыжил дед из ума, да? — прохрипел он и коротко хехекнул. — Нет, Саша, тут то-оньше. Но в одном ты прав: годы — моя беда. Ты мне нужен. Не обижайся, но, кро-оме

тебя, никто не согласится. Ты — неуда-ачник, Саша. Это гла-авное.

Потом, впоследствии, он часто повторял это: «Не обижайся». Наверное, в душе ему было неловко. Наверное, он переживал. Но надо отдать должное его характеру — со мной Сохатый был честен и откровенен. Он мог использовать меня втемную, мог! Но с самого начала, с той самой кухонно-коньячной ночи, я был посвящен во все его планы.

Обижался ли я?

Да. Обижался, и сильно.

Черт возьми, когда тебе прямо говорят, что ты идеальная подопытная мартышка для проверки бредовой теории, построенной на сплошной мистике и эмпирике, трудно не обидеться. Но я загонял свою обиду вглубь, в самые недра, в бездны, в пропасти, в ад, в ледяное озеро Коцит, потому что всякий раз говорил себе: «Это твой волшебный, последний и единственный шанс, Санек. Другого уже не будет. Никогда».

Знаю — Сохатый это понимал, мало того, я для него тоже был последним и единственным шансом.

Он нашел меня на «развалах» отдела кадров, нашел, точно следуя своей теории. Занятно. У него было три десятка параметров, по которым он подыскивал «идеального» пилота, который НЕ МОГ НЕ ВЕРНУТЬСЯ.

И я подошел по каждому из них.

Ближайшая ко мне кандидатура отставала от меня на восемь позиций. По числу витков, которые мне следовало намотать вокруг Марса.

Потом, когда проект, что называется, «пошел», я много думал о превратностях судьбы. Однажды даже спросил Сохатого:

— Виктор Николаевич, а если бы меня не существовало? Или если бы в картотеке вам не попалось мое дело?

— Тогда я бы еще покоптил с го-одок — и на Ваганьково, — спокойно прохрипел он в ответ и снова вытаращился в монитор, по неистребимой привычке напевая себе под нос песню из другой эпохи и другого мира:

А путь наш далек и долог,
И нельзя повернуть назад...

Виток седьмой

Несколько раз вечерами Сохатый вызывал меня в конференц-зал. Наверное, хотел внушить мне уверенность, «дать установку», поддержать психологически.

Я сидел в полумраке за овальным столом, а он расхаживал своей шаркающей походкой у огромного дисплея, «крутил кино» и хрипел пояснения.

С экрана на меня глядели люди, запечатленные в мраморе и бронзе, изображенные на гравюрах, рисунках, фотографиях. Про некоторых я знал, о большинстве слышал впервые.

Все они, по точному выражению Сохатого, были обреченными победителями, победителями-самоубийцами. Герои, первопроходцы, рыцари без страха и упрека, ведомые вперед жаждой славы и непомерным честолюбием. Молодые и сильные, опытные и мудрые, они мечтали оставить след на земле и в истории. И всех их, от Ермака, Василия и Татьяны Прончищевых, Фернана Магеллана, Генри Гудзона, Роберта Кука, Витуса Беринга, Георгия Седова — и до Роберта Скотта, Рауля Амундсена, Валерия Чкалова, Сигизмунда Леваневского, того же

Владимира Комарова, объединяло одно — они погибли. Погибли, потому что шли на неизвестность с открытым забралом, штурмовали бастионы своей мечты по всем правилам. Они очень хотели победить, тщательно готовились, но «хотеть» вовсе не всегда значит «мочь». Им нужна была победа ради самой победы. А с точки зрения Лосева должно быть иначе.

— Ты знаешь, Са-аша, почему в наших сказках Иванушка-дурачо-ок всегда получает Василису Прекрасную и по-олцарства? — хрипел Сохатый. — Почему Змея Го-орыныча рубил на куски он, а не всякие богатыри и рыцари? Потому что Иванушка — неучтенный фа-актор. Система «герой-антигерой» отражает противостояние черного и белого. В природе такое напряжение обычно приво-одит к аннигиляции. К тотальному уничтожению причины во-озмущений. Приро-ода не любит революций. Ей только эволюцию подавай. А Иванушка — он весь в кра-апинку. И именно по-оэтому система дает сбой. Ко-онечно, и ему приходилось несла-адко. И до «живо-ой воды» порой доходило. Но это тоже обязательный фа-актор. Неудачи, которые можно прео-одолеть, — чтобы не случилось неудачи крупной, фата-альной...

Я кивал — и ничему не верил. Хотя Иванушка-дурачок — это все же лучше, чем просто дурачок, доверившийся бронтозавру домобильной эпохи...

Впрочем, база, подведенная Сохатым под его теорию, на самом деле была мощной, как контрфорсы замка Каркассон.

Чего там только не было — и Survivorship bias, именуемый еще «Систематической ошибкой выживших», и «Антропный принцип», и «Черный лебедь»

Нассима Талеба, разумеется, вывернутый Сохатым наизнанку и ставший уже его, лосевским «Черным лебедем».

— Люди ведь жи-или тысячи лет и по-онятия не имели, что черные лебеди су-уществуют, — Сохатый улыбался резиновыми губами, словно карнавальная маска. — А потом, в се-емнадцатом веке, го-олландский флибустьер Вильям де Вламинк увидел их на реке Суон. Знаешь, где это? В За-ападной Австралии. Тогда Австралия на-азывалась «Терра инкогнита», неведомая земля. Пла-авание к ней было равносильно полету к другой пла-анете...

И Сохатый пускался в длинные рассуждения о том, что «черными лебедями» являлись многие научные открытия и ключевые события в истории. Их никто не сумел предсказать и предвидеть. Напротив, все были уверены, что ничего подобного не случится и не произойдет.

— Мы до-олжны были про-оиграть войну, — Сохатый тряс головой, по привычке шарил пятнистыми от старости пальцами у рта, хотя давным-давно бросил курить. — И ника-акого Интернета то-оже не должно было быть. А ра-азвал Союза? «Черный лебедь» в чи-истом виде! Или Приштина — по-омнишь?

Я кивал, улыбался, а внутри, где-то там, за ребрами, куда средневековые схоласты помещали душу, трепыхался ледяной шипастый шарик...

— Девяносто про-оцентов вложений — до-остаточная доля, чтобы ожидать успе-ешного результата, — втолковывал мне Сохатый, почему-то указывая на окно, за которым февральский снег косо заштриховывал пространство. — Это ста-авка на верняк. «Титаник», да? Самый безопасный ко-

рабль в мире. Непо-отопляемый! Отсечная система. И вдруг... Ко-ороче, Са-аша, — все просто. Они начинали с во-одонепроницаемых отсеков. Мы на-ачнем с айсберга, по-онял? Систему можно по-обедить только антисистемой. Бо-оишься?

— Боюсь, — честно признался я.

— Пра-авильно! — Сохатый одышливо засмеялся, смех перешел в кашель, и мне пришлось бежать за водой — старик едва не потерял сознание.

— Не боятся, — со свистом втягивая воздух, просипел Сохатый, ухватившись за край стола, — только идиоты. И отличники. Уверенность — это хорошо, когда ты бежишь кросс по гаревой дорожке. А на минном по-оле уверенный... он погибнет первым. Ула-авливаешь мысль?

...Однажды метельным февральским вечером Сохатый не стал включать дисплей. Он сел напротив, как когда-то на моей кухне, и сказал:

— Сергей Па-алыч ведь не зря Юрку отправил. Там такие фигуры были... Ну, ты зна-аешь, слыхал — Титов, Береговой, Попович, Николаев, Быковский, Волынов... Орлы! А по-олетел этот паренек из-под Гжатска. Потому что — система, потому что — «черный лебедь»! Палыч его проинтуичил. Сердцем про-ощупал, а может, печенкой. У меня та-акой интуиции нет. Но я пятнадцать лет со-обирал материал... Материализм идет к чо-ортовой бабушке! И поэтому ты полетишь и вернешься, по-онял?

— А как же американцы, китайцы, европейцы? Они, выходит, с открытым забралом? — спросил я тогда.

Вместо ответа Сохатый достал из своей папки несколько измятых листов в прозрачном файле, сунул мне и молча вышел.

...Я помню их имена и биографии наизусть. Я не учил это специально. Я не обладаю феноменальной памятью. Просто есть вещи, которые человек запоминает даже помимо собственной воли.

«Орион-7» с тремя астронавтами на борту, 2019 год. Американцы очень торопились первыми достичь Марса. В спину им дышал Старый свет, где в конструкторских бюро Европейского космического агентства уже проектировались первые «дыроколы», которые позволяли «оказаться» около любого объекта Солнечной системы за считаные месяцы. Следовало лишь отойти подальше от Земли, «прыгнуть» в заданную точку пространства, накопить энергию и вернуться...

«Орион-7» промахнулся. Как, каким образом — это осталось загадкой, но последнее сообщение от командира первой марсианской экспедиции Говарда Стоккера в НАСА получили, когда «Орион-7» удалился от Марса на два с лишним миллиона километров. Сообщение было очень коротким: «Храни нас Господь».

Спустя два года стартовала ЕКАвская «Аврора», первый в истории космонавтики корабль, оснащенный генератором абсолютного поля, в просторечии «дыроколом». «Аврора» — белоснежные цилиндры, шары и синее кольцо генератора вокруг — оставила яркую вспышку и ушла в неизвестность. Вместе с ней навсегда исчезли и пять членов экипажа.

Китайцы подошли к полету на Марс весьма основательно. Их «Шугуан-15» с семью тайконавтами на борту должен был не только достичь Марса, но и сесть на его поверхность. Поначалу все шло гладко, и ведущие космические державы уже начали завистливо скрежетать зубами, но «Шугуан-15»,

успешно выйдя на орбиту, по неизвестным причинам сгорел в обманчиво неплотной атмосфере Марса. Ярко-оранжевую полосу, оставленную погибшим кораблем на марсианском диске, говорят, было видно даже в примитивные телескопы.

Наш «Росавиакосмос» все это время катал на орбиту туристов, сажал на поверхность Луны автоматические станции, успешно развивая проект «Гелий-3», и слал телеграммы соболезнований. А потом к Курганову пришел Сохатый со своим полусказочным «Черным лебедем».

...Я и в самом деле помню их биографии. Там сплошные Гарварды, Стэнфорды и Оксфорды, курсы и стажировки. Там совершенно здоровые футы и дюймы, ученые степени и улыбчивые жены с детьми. Там воинские звания и государственные награды. Там прекрасные морально-деловые, там высокая стрессоустойчивость и лестные отзывы товарищей. Там героизм, настоящий героизм сынов и дочерей нашей «Олд-мамми».

Теперь у всего этого нет даже могилы...

И уж конечно, весьма блекло на их фоне выглядит моя скромная персона. В летное училище я поступил лишь со второй попытки. Летал — так себе, нормативы сдавал на твердые четверки, но никогда не блистал. В 2018-м, во время аварийной посадки, сломал ногу. В космонавты пошел за компанию с Колькой Шаповаловым, да еще в надежде на приличный заработок.

Надежда поправить материальное положение вскоре рухнула. Следом, забрав Антошку, ушла Лена. Прочно зависнув в дублерах третьего уровня, я к тридцати годам записал себя в неудачники. Жизнь фактически была прожита. По субботам

я встречался с сыном, и все остальные дни недели вспоминал эту встречу, ожидая следующей субботы.

Когда я вернусь, я первым делом поеду к нему. И это будет не суббота...

Виток восьмой

Марс! Я здесь. Я жив. Ты оказался не таким уж страшным, Змей Горыныч из сказки. Не уверен, что дома меня ждет Василиса Прекрасная и полцарства, но тебя, красномордый повелитель войн, я победил. Следом за мной придут другие, и ты будешь вот так же хмуриться, но они не заметят твоего недовольства, потому что будут заняты работой, простой и тяжелой работой первопроходцев, безо всяких лавров и речей.

А теперь, Марс, давай прощаться. Больше мы наверняка не увидимся...

Я включаю маршевые двигатели. Всего-то делов: отползти и включить генератор АП. Через сутки корабль выйдет на точку. «Наташа» только что промурлыкала, что в накопителях «дырокола» достаточно энергии для броска к Земле. Бурая стена Марса падает на меня, падает, падает, падает — и никак не может упасть.

Я улыбаюсь. Я знаю, что у нас — у меня и у Сохатого — все получилось. Уже получилось.

Цифры в окошечке часов поменяли цвет с зеленого на красный — пошел суточный отсчет готовности. Я не знаю его любимой песни целиком. Сохатый знал, а я вот — нет. И поэтому я начинаю петь то, что помню. Мне почему-то кажется, что эта строфа звучит очень символично:

А путь наш далек и долог,
И нельзя повернуть назад...

ВИКТОР ВОЙНИКОВ

ТОКСИЧНЫЙ АКТИВ

Гало-орбита точки L-1
ГАК Паутина
16:46 UTC

Паутина была типичным автоматизированным комплексом десяти-двадцатилетней давности. Ее собрали по схеме «колесо» — тоже типичной для того времени. Реактор, основные управляющие мощности и стыковочные причалы располагались по центру, а конвейер с цехами обработки — по нескольким концентрическим «ободам» колеса, соединенных «спицами» рельсовых и баллистических связей. Все вместе действительно напоминало гигантскую паутину. Благодаря такой схеме облегчался сброс тепла.

Вокруг обломка пропавшего манипулятора издалека было заметно скопление светлых пятнышек — роботов-пауков. Паутина строила этих дронов десятками. Они работали в «муравьином режиме»: если паук сталкивался с проблемой, которую не мог решить сам, он включал передатчик, призывая остальных. Свежеприбывшие дроны распределяли между собой задачи и вместе устраняли неисправность. Такой режим, по слухам, использовался для боевых ракет, летящих в залпе.

В мирном космосе он тоже хорошо работал — за исключением случаев вроде этого. Запасные манипуляторы у дронов закончились, а их программа не предусматривала такого сценария. Поэтому пауки просто скопились у места повреждения. Обычно

кто-то из операторов разгонял их по местам, но сейчас Паутина осталась без присмотра.

— Работаешь? — раздался голос Леры в шлемофоне.

— Да. Я уже подключил укладку к центру управления. Можешь слить логи?

— Сейчас займусь.

Я сбросил скорость, чтобы не врезаться в монтажную платформу. У меня была совсем новая модель ВКД-скафандра, сделанная в Винограднике. В скафандр была встроена «Панорама», которая рисовала дополненную реальность на забрале и считывала показания тактильных датчиков в перчатках. Я ткнул пальцем в ближайшего паука и переключил управление на себя. «Панорама» подсветила дрона и открыла терминал с задачами и логами в поле зрения сбоку.

Я бегло просмотрел скрипты паука. Манипулятор пропадал не первый раз, и кто-то уже набросал скупые инструкции для его замены (судя по ломовому использованию функций, это был Алекс). Отменив текущую задачу, я перепасовал дрону манипулятор, который тянул на буксире. Паук проворно его цапнул и засучил конечностями, карабкаясь к обломку. По консоли побежали строки: связь с идентификатором модуля, считывание данных, уточнение координат по маркерам платформы, связь с остальными дронами, перераспределение задач. Красные значки у других пауков погасли, они начали расползаться по сторонам.

Паутина была одним из самых старых гибких автономных комплексов — ГАКов. «Тхонсин» собрал ее на орбите пятнадцать лет назад. До освоения Пояса астероидов детали и сырье доставлялись на орбиту «со дна» и стоили очень дорого. Считалось, что

умеющие перестраивать себя ГАКи позволят организовать любое производство на месте и сэкономить на доставках грузов с Земли.

На практике все оказалось сложнее. Техники не любили работать с такими, по выражению Лиса, «глюкогенными на всю голову» системами и старались как можно реже перестраивать их на производство новых компонентов — каждая перестройка была чревата сбоями. Распутывание ошибок «великих умов» часто превращалось в сложный ребус сродни операциям на мозге. После того, как из Пояса астероидов начало поступать дешевое сырье, использование ГАКов потеряло смысл. Но корпорации, владевшие ими, хотели отбить инвестиции. Поэтому «великие умы» продолжали работать.

— Информация пошла, — сказала Лера. — Я причешу данные и перекину тебе. Как оно там?

— Пока все нормально.

— Может, Алекса, как бы это сказать...

— Заглючило? Нет. Не думаю. Когда я с ним говорил, он производил впечатление вменяемого человека. Правда, слегка сбитого с толку.

Точка L-1
Самопровозглашенное
пространственное поселение Виноградник
Офис телекоммуникационной
компании «Тхонсин Ен Хап»
12:07 UTC

— Кто-то ворует у Паутины манипулятор? Каждый раз один и тот же? — я не удержал улыбку.

— Угу, — мрачно ответил Алекс. — Очень смешно. У меня накрывается контракт, уплывает из-под носа инвестор, а сам я скоро либо отправлюсь сто-

рожить реакторный комплекс на L-5, либо вообще проведу остаток жизни, — он выразительно ткнул пальцем в сине-зеленый шарик Земли за иллюминатором, — «на дне».

Он обиженно замолчал.

Точка L-5, где доживал свой век реакторный комплекс «Тхонсина», была одной из пяти точек равновесия в окрестностях Земли и Луны.

Если провести воображаемую линию через центры Луны и Земли, на ней найдутся точки, где гравитационные поля Луны и Земли уравновешивают друг друга. Корабль или станция могут «висеть» там, почти не тратя горючее. Между Луной и Землей — ближе к Луне — находится точка L-1, которую занимает пространственное поселение Виноградник. Точка L-2 расположена с противоположной стороны Луны. Там дрейфует стартовая платформа для межпланетных кораблей и обсерватория. А если продлить линию за Землю, она пройдет через точку L-3, где дрейфуют остатки Зеркала — неудачного проекта по перенаправлению солнечной энергии на Землю.

Точки L-4 и L-5 не лежат на этой линии. Они находятся примерно на шестьдесят градусов по лунной орбите впереди и позади Луны. L-4 занята пространственными верфями «Тяжпрома», а L-5 — станционными комплексами «Тхонсина».

С точки L-1 началось освоение окололунного пространства. Первые жилые модули будущего Виноградника доставили туда двадцать с лишним лет назад. Со временем добавлялись все новые и новые системы, блоки, модули. Чтобы увеличить охлаждающие поверхности, модули старались размещать отдельно, стыкуя гибкими переходниками и шлюзовыми хабами. Поэтому станция действительно была

похожа на виноградник: на сборной решетке висели гроздья модулей — от крошечных бытовок до больших офисных помещений вроде купола диспетчерской и офиса «Тхонсина», в котором мы сейчас находились.

Я вздохнул. Когда-то Алекс выручил меня из очень неприятной истории, и я был ему должен.

— Извини, — я постарался вернуть себе серьезный вид. — Так что стряслось?

— Стряслась сплошная полоса невезения. Несколько месяцев назад сначала расхворалась Паутина. Потом начали пропадать коммуникационные спутники из основного поля над Землей. Бесследно. Дважды приходили сигналы по телеметрии о том, что спутник меняет орбиту и теряет ориентацию — замечу, без включения двигателей. И все. Больше о спутнике не слышали.

— Может, незапланированно спускался «якорь»? — предположил я.

Тринадцать лет назад была принята «конвенция о мусоре» и проведено то, что потом назвали Генеральной уборкой. Я в это время был в экспедиции на Цереру — мы готовили доставку материалов для Зеркала. После «уборки» во все без исключения спутники встраивали самоликвидатор. Когда срок эксплуатации спутника подходил к концу, он сбрасывал в ионосферу электромагнитный «якорь» — тонкий проводящий кабель. Магнитное поле Земли наводило в нем ток и постепенно утягивало спутник вниз. Спутник сходил с орбиты и через несколько дней сгорал в верхних слоях атмосферы.

— Если бы спутник спустил «якорь», центр управления получил бы «квитанцию», — сказал Алекс.

— И такое только у вас? В смысле, у «Тхонсина»?

Алекс пожал плечами.

— Мне не докладывают. А слухи ходят самые разные.

— Манипуляторы Паутины тоже воруют? — спросил я.

— Подожди. До них еще дойдет. Как раз в это время ребята из КБ доработали новую модель спутника. Можно было лихо выкрутиться из этой истории: модернизация сети, инновационные энергоэффективные решения, поздравления от клиентов, рост акций, бла-бла-бла. О пропавших спутниках все бы забыли.

— Ага. Вы попытались по-быстрому переналадить Паутину под производство спутников новой модели. И она начала капризничать?

— «Капризничать» — мягко сказано. Это было нечто неописуемое. Я едва не поседел, но мы это сделали. На радостях ребята отправились в отпуск, «на дно», — он снова кивнул на сине-зеленый шарик. — И когда я остался один на хозяйстве, Паутина перестала работать совсем.

— Упс. Что же случилось?

— Надень «скорлупки».

«Скорлупками» называли очки дополненной реальности. Кто-то неправильно перевел «shell» с английского — и приклеилось.

Я надел очки и дважды стукнул пальцем по дужке, активируя интерфейс. Трехмерная карта показывала решетку Виноградника, вокруг которой по гало-орбитам перемещались промышленные комплексы. Гало-орбиты представляли собой замкнутые траектории, по которым можно было двигаться с минимальными затратами горючего. Промышленные объекты размещали на них, потому что точки

либрации были «населены» плотно и места там не хватало.

Маркер, обозначавший Паутину, находился рядом с тяжпромовским комплексом «Химпром». Алекс дотянулся до него, и маркер раскрылся в трехмерную модель ГАКа.

— Вот здесь, — Алекс повернул модель и ткнул в скопление пауков. — Пропал манипулятор в транспортном модуле пространственного литья, — он назвал номер и серию по каталогу «Тяжпрома». — Неисправность устранить не могут, а манипулятор заменить некому.

— Всего-то?

— Мне тоже так казалось. Первый раз такое случилось несколько дней назад — аккурат после того, как народ отбыл в отпуск. Я отловил транспортного дрона и послал его на склад в Винограднике. Отгрузил ему нужный манипулятор и отправил обратно. А потом все повторилось.

— Сломался?

— Нет. Не сломался — снова пропал. Растворился в вакууме без следа.

— Это как?

— Если бы я знал. Вчера пропал третий манипулятор, и я серьезно напрягся — запасных больше не осталось. Я послал запрос на L-5: когда наши ребята собирали реактор, они использовали похожую систему. К счастью, у них осталась такая рука в резерве. Она уже на пути в Виноградник.

— Так. И какова моя роль? — спросил я.

— Забрать манипулятор, когда он прибудет, и смонтировать его на Паутине. Я бы это сделал сам, но не могу быть сразу в двух местах. Сегодня в полночь из Пояса приходит Посылка. «Тхонсин»

выкупил в Посылке долю, и мне нужно быть на прибытии, чтобы ее забрать.

Посылка представляла собой астероидные «камешки», собранные в Поясе. Старатели скрепляли Посылку, вешали на нее радиобакен и по оптимальной траектории отправляли ее вниз к L-1. Дешево и сердито. В одной Посылке могло быть больше железа и никеля, чем добывалось на Земле за три года, не говоря про редкие металлы: золото, кобальт, марганец, молибден, осмий, палладий, платина, родий, рений, рутений. Все это было доступно в готовом виде, в то время как на Земле царил «редкоземельный голод». Благодаря Посылкам Виноградник и другие пространственные поселения обеспечивали себя и даже экспортировали свои продукты на Землю.

— Слушай, я все понимаю, но ты же знаешь, мы завтра...

— Знаю, — вздохнул Алекс. — Ваша контора участвует в сборке Бублика. И ты там — главный технический заправила.

Мое техническое бюро специализировалось на трудных технических вопросах. Бублик обещал стать одним из самых трудных вопросов. Это была тороидальная станция, спланированная по последнему слову пространственной инженерии — в десятки раз больше Винограднika по объему и с нормальными условиями обитания за счет центробежной силы. Бублик был первым глобальным проектом поселения после Голодного года, когда из-за кризиса на Земле существование Винограднika оказалось под угрозой.

— Тебе даже не придется особенно напрягаться, — продолжил увещевать меня Алекс. — Привези манипулятор, поставь его на место...

Алекс замялся.

— И?

— И подежурь там, пока я не приму Посылку и не перехвачу у тебя надзор за станцией. Посылка прибывает в полночь. Ну и плюс пару часов, чтобы разобраться со стивидорами.

— То есть моя основная задача — сторожить манипулятор, дабы он не растворился в вакууме?

— Да.

— Не боишься, что я могу исчезнуть вместе с манипулятором? — улыбнулся я.

— Не шути так. Это мой единственный шанс остаться тут, наверху. Если мы успеем починить Паутину к прибытию сырья из Посылки, то сразу начнем выпускать спутники и получим контракт. А если нет — Хэл...

— ...кто?

— Питер «Хэл» Симмонз — наша «новая метла». Он перекупил космическую программу «Тхонсина» два года назад, когда сорвал джекпот с энергетическим контрактом на Земле. Эффективный на всю голову. У него доступ ко всему — и он контролирует каждый наш шаг. Никому не дает спуску, — Алекс печально покачал головой. — Мы у него на положении пасынков. Он считает Паутину «токсичным активом» и хочет от нее избавиться.

— Что такого страшного произойдет, если ты запустишь систему днем позже? Вселенская катастрофа?

— Нет, но контракт перехватят его ставленники в L-5 — там у них новый промышленный комплекс. А нас расформируют и — либо на Землю, либо к ним.

— Сторожить реактор?

— Бери выше, — Алекс скривился и процитировал: — «Развивать мощный энергетический комплекс, экспортируя энергию в поселения».

Я хмыкнул. У Виноградника был собственный реактор, плюс на днях должны запустить еще один — на материалах из Пояса — для будущего Бублика. Вряд ли Хэл — каким бы гением коммерции он ни был — сможет что-то выжать из своего ядерного старичка.

— Хорошо, — я вздохнул, — чем смогу — помогу. Не разгоняй пауков — я по ним сориентируюсь на месте. Уладь формальную сторону вопроса.

Алекс кивнул.

— И мне нужна вся информация.

— Я пришлю тебе параметры орбиты и режимы ориентации, — пообещал он.

— Ты не понял. Мне нужны коды доступа к управляющей системе Паутины.

— Э-э-э-э...

— Ты же хочешь, — терпеливо сказал я, — выяснить, что происходит с Паутиной?

— Да. Но коды...

— Я могу просто заменить манипулятор и переключиться на работу с Бубликом... — я пожал плечами.

Гало-орбита точки L-1
ГАК Паутина
17:00 UTC

Я мог поменять манипулятор и сам, но решил понаблюдать за процессом. Дело могло быть в пауках или в том, как Паутина ими управляет.

На этом участке конвейера детали транспортировались «баллистическим способом»: рука-манипулятор бросала их в пространство — на другой конец Паутины, где их ловил второй манипулятор. По дороге деталь остывала. Реактивный момент компенсировался за счет того, что метатель и ловец на-

ходились на одной платформе. Случалось, что при переналадке или сбоях детали улетали мимо. Инженеры, которым надоело их ловить, в конце концов завесили потенциально опасные транспортные маршруты волейбольной сеткой. Дав микроимпульс из реактивного пистолета, я схватился за сетку.

— Перебрасываю логи, — сказала Лера.

— Спасибо.

Паук доволок манипулятор до огрызка старой «руки», остановился, повернул камеру, осматривая место, потом переключил свой инструментальный манипулятор на гайковерт. Второй его манипулятор переключился на электромагнитный захват. Один за другим дрон выкрутил болты крепления огрызка «руки», подхватывая их электромагнитом и отправляя в свой «карман». За болтами последовал обрывок мультикабеля. Паук сменил электромагнит на клешню, поймал освобожденный обломок «руки», закрепил его на своем корпусе, затем потянул новую «руку» к месту крепления. Выуживая болты из «кармана», дрон прикрутил новый манипулятор. Сменил гайковерт на монтажный щуп и проверил разъем. Точным движением он вставил туда мультикабель новой «руки» и замер.

На консоли запестрели строчки тестов — Паутина проверяла правильность монтажа. «Рука» сделала несколько движений, сжала-разжала клещи, сменила захват. Паук отметил в логе выполнение задачи и проворно побежал по платформе к силовому разъему — на перезарядку.

Я подтянулся ближе. Щербатая, расцарапанная поверхность платформы была «с загаром». Несмотря на вакуум, металл все равно стареет — его обжигает солнце, пачкают выхлопы двигателей, песочит микропыль. Старые части всегда можно отличить от

новых. На платформе были заметны свежие царапины — некоторые даже слишком свежие...

— Какого черта вы делаете в запретной зоне?! — взорвались мои наушники.

Я вздрогнул от неожиданности и едва удержался на платформе. Судя по идентификатору, ко мне обратился сам шеф Алекса.

— Со мной связалась диспетчерская служба, — гремел Хэл, не давая вставить никаких подобающих случаю реплик. — Сигнал вашего судна был отмечен в зоне работы Паутины. Это чревато последствиями и материальным ущербом. Вы должны знать регламент работ.

— Регламент не распространяется на ремонтные бригады, — все-таки вставил я слово и тут же пожалел.

— Вы не ремонтная бригада! — вспылил Хэл. — По словам моего подчиненного, вы выполняете работу консультанта и эксперта. Ваш контракт не активирован — следовательно, вы не попадаете под правила выполнения внекорабельных ремонтных работ...

— Я думал, что устная договоренность... — я предпринял еще одну попытку объясниться.

— Пх... — Хэла просто распирало презрение. — Вы наверху постоянно заключаете устные договоренности, а мне приходится держать целый штат юристов, который расхлебывает последствия таких договоренностей, — его опять понесло.

— Чего вы, собственно, хотите? — осторожно уточнил я.

— Вы должны немедленно перебазировать судно за пределы зоны технического контроля Паутины.

Я оглянулся на запаркованный рядом с Паутиной «Диоген» — маленький кораблик, на котором я привез манипулятор.

— Работа уже выполняется, — сказал я. — Я должен быть уверен в том, что она войдет в контракт.

Я ожидал очередного душераздирающего монолога, но Хэл внезапно сделал крутой поворот.

— Конечно, — согласился он. — Мы вполне можем включить эту работу в контракт по стандартным расценкам. Но вы должны покинуть зону прямо сейчас.

Он даже не спросил, починил я Паутину или нет.

— Я перебазирую свое судно, — осторожно сформулировал я фразу. — Где его запарковать?

— Я отправил вам параметры новой орбиты, — сказал Хэл.

«Панорама» показала конвертик входящего сообщения. Я вызвал дистанционный контроль «Диогена».

— Понадобится некоторое время на разогрев двигателей, — предупредил я, активируя ходовой блок и скармливая бортовому компьютеру координаты.

Двигатели «Диогена», которые использовали в качестве рабочего вещества пары металлов, обладали множеством преимуществ, но требовали не меньше получаса на разогрев.

— Сообщите контролю, когда прибудете на место, — сказал Хэл и отключился.

Я выдохнул.

— Ничего себе, — нервно сказала Лера.

— Ты все слышала?

— Каждое слово. Как он включился в канал?

— Думаю, добыл данные у Алекса. Кстати, почему у нас не активирован контракт? Алекс обещал его прислать.

— Его прислал не Алекс, а Хэл. Я едва не подмахнула его не глядя, но вовремя остановилась.

— Почему?

— Несколько подозрительных пунктов. Наша ответственность сформулирована очень широко — по такому контракту мы многовато на себя берем. Я показала его Ефимовичу, потом разбудила Натана и отправила документ ему на анализ.

Натан был юристом-практикантом, который время от времени консультировал нашу команду. У него был живой ум, цепкая память и хватка закаленного бойца, что компенсировало его молодость и некоторую неопытность.

— Дело осложняется, — сказал я.

— То есть?

— Пока контракт не подписан, я не имею права тут работать. Не говоря уже о доступе к системам Паутины. Алекс заверял меня, что все утрясет, но если Хэл решит вцепиться в нас по поводу законности и ответственности...

— Наверное, поэтому он на тебя и налетел. Наверняка они писали переговоры, чтобы зафиксировать факт.

— Кажется, Алекс меня макнул. Поищи информацию — что за фрукт этот Хэл? Глубоко не копай — я пока хочу понять, ждать от него подвоха или нет.

— А что тут понимать. Этот человек — ходячий подвох. Может, свернешься пока? Разберемся с контрактом, а там...

— Поздно. Уже есть факт незаконного вторжения и незапланированных работ. Если все бросить, Хэл потопчется по нам по полной. Активировать контракт сейчас тоже рискованно — мало ли что случится дальше. Вилка.

— Что будешь делать?

— Попытаюсь решить все малой кровью. Паутина уже начала работать. Алекс обещал вернуться после полуночи. Я прослежу, чтобы он подписал официальный акт о замене манипулятора, об исправности Паутины, и тогда — свалю отсюда. Возможно, с некоторой суммой на счету.

— Звучит разумно. Если не произойдет ничего непредвиденного.

— Да. Если не произойдет, — согласился я и вспомнил о царапинах на платформе.

Гало-орбита точки L-1
ГАК Паутина
17:15 UTC

Перебирая руками, я подтянулся ближе, чтобы посмотреть на царапины — и обнаружил кое-что еще. На темном «загаре» платформы, словно новые заплатки на старой одежде, россыпью сияли новые детали. Болтики, крепления, пластины корпуса, антенна маркера, новые поручни.

— Здесь много новых деталей, — сказал я, щелкая встроенной в шлем камерой.

— Что в этом странного?

— Их слишком много.

Я открыл в «Панораме» присланные Лерой логи. Делая пассы, просмотрел наудачу несколько файлов — длинные, скучные логи на миллионы строк с датами, служебными сообщениями, видами работ. Собрав все в один большой файл, я в три шага просеял его — только неисправности, затем только замены деталей, затем мелкие поломки, пропажи, недостачи, сбои в работе по причине неисправности железа. Получившееся отсортировал по дате и за-

пихнул в скрипт визуализации. График получился даже слишком наглядный.

Несколько месяцев назад станцию поразила эпидемия пропаж мелких деталей. Детали пропадали так часто, что Паутина отдала часть линии по литью в вакууме для производства метизов — гаек, крепежа, болтов. Пропадали не только они: пластины теплообменников, антенны, конвейерные штанги — список был длинным.

— Неудивительно, что Паутина «расхворалась», — подумал я вслух. — Очень сложно работать, когда тебя растаскивают по кусочкам.

— О чем это ты?

— Думаю вслух. Хочешь интересных картинок?

— Непристойных? — весело спросила Лера.

— Мммм. Не совсем так, — сказал я, отправляя ей график.

— Опа, — по-мальчишечьи удивилась Лера. — Внезапно. А исходники?

— Это из тех логов.

Защелкали клавиши — Лера проверяла мои цифры. Я живо представил, как она висит в своем офисе со «скорлупками» на глазах, бегая пальцами по антикварной механической клавиатуре. Одно из больших окон бюро выходило в оранжерею, а в офисе пахло карамелью и свежезаваренным кофе. Все баловали Леру, стараясь привезти что-нибудь снизу.

В пространстве Лера оказалась четыре года назад. Ее привезли в медицинскую миссию Виноградника с неизлечимой на Земле болезнью опорно-двигательного аппарата. Через три месяца внизу разразился кризис, и на орбиту перестали доставлять грузы — начался Голодный год.

Медики и невесомость поставили Леру на ноги. Ей понравилось в пространстве, а возвращаться бы-

ло некуда — кризис забрал всех, кого она знала внизу, и лишил ее дома.

— Твое мнение? — спросил я, нарушив затянувшуюся паузу.

— Или Алекс занялся контрабандой мелких метизов и прочих скобяных изделий, или...

— Или?

— Здесь моя мысль останавливается.

— Однако, факт. Плюс три исчезнувших манипулятора.

— Факт, — согласилась Лера. — Что могло случиться со всем этим добром в вакууме? Ты же не думаешь, что кто-то возник из глубин космоса и отгрыз кусок Паутины?

— Ты о чем вообще?

— Космические пираты там или злобные пришельцы, — Лера вложила в эти слова максимум иронии. — Мы все знаем, что их тут полно. Но интересуют их не метизы, а ценные грузы, урановые стержни...

— ...женщины, — подсказал я.

— Гррр! В общем, ты не находишь, что воровать метизы как-то мелко?

— Я бы даже сказал, «мещански». Кстати, Паутина вполне могла сделать это и сама.

— Сошедший с ума «великий ум»? — зловеще прошептала Лера.

— Не обязательно. Какой-нибудь сбой в управлении дронами. Программный баг.

— И маленький, беззащитный дрон переходит в режим задумчивого коллекционирования гаек и шплинтов?

— Или, например, начинает переставлять их с места на место. Я на такое насмотрелся.

«Панорама» отрапортовала о том, что инжектор «Диогена» разогрет. Я подтвердил запуск двигате-

лей. «Диоген» полыхнул дюзами и медленно уплыл из виду.

— Не сходится, — сказала Лера после минутного размышления. — Если бы это был один дрон...

— ...то график бы не рос так стремительно. И остались бы следы в логах. Хотя дрон мог быть и не один.

— Может, все-таки «великий ум» свихнулся? — предположила Лера. — И поправил логи задним числом?

— Ты заметила, что эпидемия началась незадолго до того, как у Алекса пропали спутники?

Мне почему-то представился Хэл с шуруповертом наперевес, вершащий мелкий саботаж под покровом ночи пространства.

— Угу, — сказала Лера. — Это настораживает.

— Слушай, а мы можем посмотреть такое у других заводов?

Я представил, как она пожимает плечами и рефлекторно поправляет микрофон гарнитуры.

— Так они тебе и открыли свои логи. Коммерческая тайна, бла-бла-бла.

— А по косвенным признакам? Предположим, наши таинственные любители мелких металлоизделий посетили и их тоже, тогда...

Меня прервал внешний вызов. Увидев идентификатор, я напрягся, предчувствуя неприятности. Это был Степан Павлович — он же Дядя Степа, он же — старший инженер Бублика. Дядя Степа был в мрачном настроении.

— Мы платим тебе недостаточно?!

— В смысле?

— В смысле — завтра запуск сборки Бублика. С чего ты начал подрабатывать на стороне, тем более у наземников?

— Это простая консультация. Алекс попросил...

— Попросил! — взорвался Дядя Степа. — Мне сейчас звонили юристы Хэла. Этот стервятник из «Тхонсина» облизывается на Виноградник уже полгода, желая урвать какой-нибудь кусок. Помнишь Зеркало?

Зеркало, останки которого ныне покоились в L-3, начали строить еще двадцать лет назад, но не достроили из-за урезания бюджета. Два года назад Виноградник взялся за достройку. И Зеркало разбилось.

— Этот человек заработал на нашем провале кучу денег, — продолжил Дядя Степа. — Теперь мы затеваем постройку, в которой ни ему, ни какому другому наземнику не светит ни крошки.

Мне вспомнилась реплика Алекса про планы Хэла на реактор из L-5.

— И что? — продолжал Дядя Степа. — Мой главный технарь, человек, которого я...

— Ты считаешь, я могу тебя подвести? — спросил я.

— Я считаю, что этот человек найдет любую лазейку — и не тебе тягаться с его сворой юристов. Сейчас «Тхонсин» и «Тяжпром» разрабатывают новую коммуникационную сеть — взамен разрушенной во время кризиса.

— Знаю — «Решето». Они уже год как его пилят.

— Это очень большие деньги. И они не хотят делиться с Виноградником — поэтому будут нам пакостить.

После кризиса транснациональные корпорации рассматривали космические проекты как возможность освоения бюджетов и не желали делиться ими с кем-нибудь еще. Тем более с независимым поселением вроде Виноградника.

— Что я должен делать? Разорвать контракт? — напрямик спросил я.

Дядя Степа только досадливо крякнул и отключился без дальнейших комментариев.

«Диоген» отрапортовал о том, что достиг точки парковки и погасил скорость. Я отдал команду погасить двигатель.

Цепляясь попеременно за платформу и сетку вокруг нее, я полез дальше. Мне хотелось еще посмотреть на свежие детали. Лера молчала. Настроение было паршивым. Дядя Степа был прав — пытаясь помочь Алексу, я сунулся в потенциальный капкан.

«Бип!» — внезапно подал голос датчик радиоактивности.

— Ого, — сказал я, поворачивая на источник излучения. — Лера, на Паутине есть что-нибудь с атомной начинкой?

«Бип-бип!»

— Ты имеешь в виду реактор?

«Бип-бип-бип!»

— Нет, тут, на конвейере.

«Бип-бип-бип-бип!»

— Нет... Насколько я знаю, нет... Я посмотрю. Не поджарься там.

Радиоактивность быстро росла. Ориентируясь по усиливающемуся писку радиометра, я осторожно выглянул за следующий радиатор.

— Ух ты.

— Что? — спросила Лера.

В волейбольной сетке, закрывавшей баллистический конвейер, запутался дрон. Точнее, то, что от него осталось после столкновения с палетой баллистического конвейера.

— Тут мертвый дрон.

— Мертвый?

То, что он мертвый, было понятно при первом взгляде — корпус был сплющен и порван вдоль швов. Рядом плавала заготовка в палете — ей тоже досталось.

— Почему станция не сообщила о потере дрона? — спросила Лера. — Как он умудрился попасть под руку?

В дроны была прошита последовательность операций, и отдельная программа следила за тем, чтобы они не попадали в подобные переделки.

— Все просто, — тихо сказал я, хорошо рассмотрев мертвеца. — Это не дрон Паутины.

— Что?!

— Это чужак.

Радиометр тревожно пищал. Дрон был с автономным реактором, и столкновение вызвало утечку. Я не стал приближаться — только переключил камеру на дальнобойный объектив. Дрон-чужак висел в сетке, растопырив клешни. Он был крупнее пауков и явно рассчитан на автономные полеты. Чужак выглядел винегретом из разнокалиберных деталей, судя по швам, соединенным автоматизированной сваркой. Рядом с дроном плавал какой-то комок — присмотревшись, я опознал в нем мелкую сеть.

— «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца», — сказала Лера, получив фотографии. — Откуда эта жуть взялась на нашу голову?

— Из ночных кошмаров фаната паропанка? — предположил я.

— Я бы не удивилась. Чистый Франкенштейн.

Я осторожно отодвигался, пока радиометр не замолчал.

— Отправь сюда Лиса с саркофагом и «мортусами», — мы так в шутку называли дронов для дистанционных манипуляций с «горячими» материа-

лами. — Пусть отбуксируют чужака к лабораториям. Займемся им позже.

— Это наш расхититель метизов?

— Не знаю.

— Если это он воровал запчасти — зачем они ему могли понадобиться?

— Им.

— Им?

— Кто-то же его сделал, — сказал я. — Этот чужак не появился тут сам по себе. Где-то его собрали. Возможно, что не его одного. Скорее всего, он — часть роя таких же, как он, чужаков.

— Что-то типа дронов Паутины? — продолжила мою мысль Лера.

— Да.

Вызвав на «Панораме» карту, я отловил на ней метку «Диогена» и отдал автопилоту скафандра приказ следовать к суденышку. Переключив режим, я открыл в «Панораме» фотографии. Нашел ту, на которой был модуль связи чужака, увеличил, вырезал кусок и отправил его Лере.

— Мне нужны данные про этот трансивер.

— Это у него модуль связи такой?

— Да. Сможешь найти?

— Уже нашла. Лови.

Пришедший файл был старой pdf-кой — как бы не фотокопия бумажного варианта. Я открыл его и бегло пролистал до спецификаций.

— Еще вот что. Мне нужны данные по радиодиапазону за год или за два. Вот на эту полосу частот, — я продиктовал ей данные по спецификации. — У кого-то они должны быть.

— А номера счетов картеля Вонг на орбитальной бирже?

— Это важно. Схема довольно старая. Сомневаюсь, что сейчас в этом диапазоне остались какие-то рабочие передатчики, так что...

— Хочешь узнать — с кем он связывался?

— Именно. Такие обычно работают в «муравьином режиме». Если так — они должны обмениваться данными, — я помолчал, потом добавил: — Может быть, в этот самый момент они собираются растащить на части еще какой-нибудь объект.

— Или уже растаскивают, — мрачно заметила Лера. — Я попробую найти данные, но это займет время.

Гало-орбита точки L-1
Ремонтный буксир «Диоген»
17:40 UTC

Забравшись в шлюз «Диогена», я проверил скафандр радиометром и, убедившись, что ничего горячего с собой не прихватил, избавился от него.

— Лис отозвался. Говорит, он сможет только завтра. Его «мортусы» кому-то понадобились.

— Хорошо. Дрон вполне можно оставить на месте до завтра. Если Хэл не пожелает платить — пусть решает эту проблему сам.

— Кстати, ты просил посмотреть что-нибудь по Хэлу.

— И?

— В открытом доступе только скучнейшая биография. Сорок пять лет. Начал свое дело в двадцать шесть. Через три года бизнес пошел в гору. В тридцать один обратил свой взор на космос. Через пять лет стал одним из крупных совладельцев «Тхонсина» — но без доступа в директорат. Области интереса — энергетика и телекоммуникации. Два года

назад он сорвал совершенно фантастический куш. Когда разбилось Зеркало, он перехватил у Виноградника очень большой энергоконтракт.

Я понял, что все еще в термокомбинезоне. Поймав скафандр, притаившийся рядом с вентиляционным отверстием, я повесил его в шкаф на просушку. Состыковав технологические порты скафандра со шкафом, я расстегнул термокомбинезон.

Включив гигиенический блок, я выдавил воду из системы подачи и начал растирать ее по телу. «Диоген» был обставлен спартански — душевой модуль тут не был предусмотрен, но в невесомости можно было обойтись и без душа. Вода была прохладной — я специально выставил температуру на минимум. Влага распределялась тонкой пленкой по коже. Нужно было только следить, чтобы отдельные капли не отправились в путешествие по кабине.

Чужака собрали под какую-то конкретную задачу. Под какую? Автономный полет, движок, манипуляторы... Сеть. Он был непохож на сборочных дронов Паутины, на монтажные дроны, на спасательные дроны, но было в нем что-то знакомое. Он был заточен под поиск и буксировку. Ловец и транспортировщик. Ловец — кого? Или чего?

Вытираясь, я сделал неловкое движение — но успел поймать каплю воды в воздухе, пока она не приземлилась где-нибудь еще. Рассеянно посмотрел на мокрую руку. Капли. Метеориты... Ловец метеоритов? Нет. Но что-то близкое.

— Ты еще тут? — спросила Лера.

— Да. Как дела с радиочастотами?

Она вздохнула.

— Так сложно?

— Пришлось поднять старые связи.

— И?

— Мне пообещали данные из обсерватории в L-3 и «Всевидящего ока» в L-2. Но у них нет свежих данных. В диспетчерской Виноградника вроде должны быть свежие — я даже пыталась очаровать диспетчеров, но мои усилия пропали втуне — никто не отвечает на запросы. Пришлось оставить сообщение.

— Когда я улетал с Виноградника, там была огромная толпа и несколько лоцманских ботов стояли под парами. У них сейчас должно быть горячее время — из-за Посылки и из-за Бублика.

— Я вот что хотел спросить, — я наконец поймал мысль. — Кто у нас занимается метеоритами в околоземном пространстве?

— Вот прямо метеоритами? Здесь, в околоземном?

— Не знаю. А что-нибудь близкое? Проблемы безопасности полетов какие-нибудь?

— У НАСА, до того как их распродали, вроде бы был отдел. Сейчас... поищу. Вот. Обсерватория по безопасности полетов. Расформирована десять лет назад. Когда «Тхонсин» скупал госагентства, к нему перешли активы НАСА. Полное название — «Департамент по космическому мусору».

— Конечно! — я хлопнул себя по лбу, упустив полотенце.

— Что?

— Я пытался сообразить — под какую задачу собран чужак?

— И?

— Под сбор космического мусора!

— Под сбор... чего?

— Космического мусора, — терпеливо пояснил я. — Обломки космических аппаратов после аварий, станции с орбит захоронения и так далее.

— А, ну да. Все то безобразие, что творилось до Генеральной уборки. Сколько лет назад? Хочешь сказать, что он такой... Такой франкенштейновый...

— Потому что использует найденное в пространстве — те части, которые исправны. А те, что неисправны, идут в движок как рабочее тело. Или в вакуумное литье для новых деталей.

— А метизы он ворует потому, что...

— Потому, что у него старые базы данных. Он просто не отличает мусор от не-мусора.

— А откуда он берет ядерные материалы для реактора?

— Хороший вопрос. Ты помнишь, какая именно часть Зеркала пропала?

— Да. РИТЭГи для автономных станций, реакторный блок, часть отражатель...

— Вот именно. Теперь Алекс. У него пропали спутники, так?

— Да. Со стандартными ядерными... — Лера ахнула.

— Вот именно. Стандартными — и ядерными. Подозреваю, что это только часть общей картины. Я не удивлюсь, если мы в ближайшее время узнаем, что эпидемия пропаж случилась не только на Паутине. С точки зрения чужака тут просто кладезь железа, пластика, микросхем... ядерных материалов.

— Кстати, у нас над Виноградником висит реактор для Бублика, — сообщила Лера. — И собственно реактор Виноградника тоже, как ты выразился, — кладезь. И в L-5 у «Тхонсина» есть лакомый кусочек. Да и у Паутины свой реактор.

— Такие системы должны уметь сортировать мусор, — сказал я. — Но что-то мне подсказывает, что дело не в этом.

Мы оба замолчали. Что-то мазнуло по лицу. Я забыл про полотенце, и оно летало по кабине.

— Слушай, можешь еще покопать тему Генеральной уборки? Я не застал Уборку — я тогда был на Церере, но у этого мусорного департамента должны были быть большие проекты.

— Гм. Вся информация ушла в частную собственность «Тхонсина» — угадай, в чей отдел? Боюсь, что...

— Просто просмотри новости времен Уборки. Там должен быть какой-то глобальный проект.

— Сейчас...

Поймав полотенце, я прицепил его на место рядом с решеткой вентиляции.

Лера снова заклацала клавишами. Было слышно, как она бормочет отправляемые запросы и даты — она всегда так делала, когда волновалась.

— Вот, есть. Orbital Debris Automatic Cleaner — Автоматический сборщик орбитального мусора. «...амбициозный проект НАСА», — процитировала Лера. — «Станция, построенная по принципам гибкого автоматизированного производства, но предназначенная для сбора мусора»... «Увеличение парка дронов за счет изготовления их из мусора»... — Она сделала паузу, пробегая текст до следующего абзаца. — «Утилизирует ядерные материалы из вышедших из строя и отработанных атомных систем».

— «Зеленые» были счастливы.

— Многообещающий проект, — хмыкнула Лера. — Только ее зачем-то отправили на высокие орбиты.

— Это орбиты захоронения. Геостационарные орбиты к тому времени уже хорошо почистили, а вот повыше еще было где разгуляться.

— Разгуляться им не дали, увы. Как раз об этом читаю. Когда Мусорщик прибыл на высокую орбиту захоронения, НАСА подкосило кризисом и проекту срезали финансирование. Станцию деактивировали, она превратилась в тот мусор, который должна была убирать, — мрачно сказала Лера. — Почему она включилась?

— Думаю, что они ее и не выключали. Тихий бунт, — сказал я после паузы. — Обидно, когда твое детище отключают потому, что подразделению урезали бюджет.

— Могу их понять. И все это время она работала — там, на орбите захоронения? Собирала мусор и отстраивала себя?

— Представь себе.

Мы замолчали. Где-то в шкафу у меня за спиной тихо сипела система просушки скафандра. Неслышно гудел вентилятор.

— Пришли данные от «Всевидящего ока» в L-2, — сказала Лера. — По радиодиапазонам. Мне их покрутить самой или слить тебе?

— Давай их сюда.

В присланных Лерой файлах были данные за три года. Столбики цифр: дата, время, нижняя и верхняя частоты диапазона, среднее число замеров и мощности в децибелах на каждом из «кусочков» частотного диапазона. То, что нужно.

Я собрал файлы в один и скормил их однострочнику, нарисовав гибрид тепловой карты и водопадной диаграммы. В получившемся графике ось времени шла сверху вниз, ось частот — слева направо, мощность сигнала отображалась как яркость — от серого до ярко-желтого.

Разговоры и вещание с FM-модуляцией выглядели как сплошные желтые полосы. Служебная связь

искрилась ярким пунктиром цифровых пакетов. Вихрем точек проскакивала телеметрия со спутников и станций. Пакеты спутникового Интернета, частоты от систем управления, черные провалы в «слепой зоне» сканера, цифровое радио и ТВ, переговоры любителей... Как интересно... Сюда даже дальняя связь добивает, оказывается.

Я добавил мегагерцевую линейку с частотами и линейку с датами, сузил диапазон до нужных мне частот и увеличил масштаб.

В глаза бросились вихри искр — короткие обмены цифровыми пакетами на частотах трансивера чужака.

Чужаки обменивались пакетами данных, сообщая друг другу — что?.. Координаты очередной добычи? Положение роя и базы? «Здесь есть много вкусного мусора»? Передачи терялись на общем фоне — если не знать, где и что искать. Рабочие частоты по соседству были очень яркими — скорее всего, сигналы чужаков посчитали помехами или паразитным эхом — и закрутили мощность рабочих передатчиков так, чтобы они не мешали.

— Лера!

— Да?

— Когда произошел случай с навигационными спутниками?

— Э...

Я перекинул ей картинку.

— О! — охнула Лера.

— Теперь посмотри двумя годами раньше...

— Неужели?

— Да. Тут сигнал слабый, но это потому, что от L-2 до L-3, где находилось Зеркало, далеко и их разделяет Земля и Луна.

— Это чужаки разбили Зеркало?

— Дата и время во всяком случае совпадают. Посмотри, — я назвал метку времени. — Вот тут им, видимо, попался большой кусок. Обмен возрастает — они призывают другие дроны.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — спросила Лера.

— Вот что... — сказал я. — Закрой канал.

— Что?

— Включи шифрование.

Лера переключилась в защищенный режим. Убедившись, что канал шифруется, я поделился с ней своими соображениями.

— Ты уверен? — спросила она, выслушав меня.

— По-моему, все очевидно. Время, место, мотив. При этом, если я прав, то сейчас идеальный момент: все либо ловят Посылку, либо заняты подготовкой монтажа Бублика.

— И ничего нельзя сделать? — спросила она.

— У нас связаны руки. И мы пока не знаем, куда чужаки прилетят в следующий раз. С другой стороны, я вижу слабое место, которое можно использовать.

Я изложил ей общую идею. Лера слушала молча.

— Свяжись с Натаном и Лисом — пусть проработают юридическую и техническую части. И выйдут на связь с арбитрами «Тяжпрома» и картеля Вонг.

— Это все рискованно и ставит тебя под удар.

Я услышал, как у нее пиликает вызов с другой линии.

— Подожди, — сказала Лера. Ее голос стал тревожным. — Это диспетчерская.

— Что там происходит?

Пауза затянулась. Я успел за это время достать наполовину просушенный скафандр и начал его перезаряжать: свежие баллоны с кислородом, батареи.

— У диспетчеров пошли помехи на радаре. Сначала они решили, что прибывающая Посылка «тянет» за собой какой-то мусор.

— А потом они поняли, что это не мусор?

События развивались быстрее, чем можно было предположить.

— И прочитали мое сообщение. Могу их переключить на тебя.

— Не нужно. Объясни им ситуацию, — скомандовал я, набирая код арбитра станции. — И свяжись с бюро. Я сообщу арбитру. Судя по всему, на Виноградник пожаловали гости.

Новик ответил не сразу.

— Арбитр?

— Слушаю.

— Объявите тревогу по станции.

— Какого уровня? Солнечный ветер, разгерметизация... — он сделал паузу. — Мне сообщили о помехах от Посылки. Это как-то связано?

— Это не помехи.

— А что тогда? Общая тревога по станции — штука серьезная.

Я колебался — говорить или нет.

— Мальчик мой, я давно тебя знаю. Объясни, что происходит, по-человечески.

— Мы нашли в Паутине дрона. Не паука со сборочной линии, а дрона-чужака. Судя по всему, это дрон с очень старой станции по сборке мусора. У нас есть основания считать, что ее дроны сейчас... — я замялся, подбирая определение. — Могут ошибаться в определении того, что считать мусором. Есть вероятность, что именно они разбили Зеркало, утащили навигационные спутники «Тхонсина» и вывели из строя Паутину. И теперь...

На заднем плане послышались какие-то возгласы. Я услышал, как завыла сирена.

— И теперь, — сказал арбитр совсем другим тоном. — Они, кажется, решили оттяпать у нас реактор. Причем не только заготовку для Бублика, но и основной реактор. Диспетчера и наблюдательные посты видят множество дронов, которые пытаются утащить его от «Виноградника». И их все больше.

«Муравьиный режим». Один сигнал привлекает дронов. Они начинают тоже сигналить и... Сколько их было построено за эти годы?

Я прикусил губу. Если чужаки оторвут реактор Виноградника, последствия будут непредсказуемыми — от блэкаута, который вырубит системы жизнеобеспечения поселения, до цепной реакции и взрыва потерявшего управление реактора.

У дронов должно быть два сигнала — условно «еда!» и «не еда!». Если знать, какой сигнал работает, как «не еда!», можно было бы отпугнуть рой от Виноградника. Где искать этот код? Вряд ли в архивах что-то есть. Убедить «Тхонсин» поискать в том, что они унаследовали от НАСА? Поймать и распотрошить какой-нибудь дрон? Нет времени.

— По Винограднику объявлена тревога, — сказал Новик. — Что еще можно сделать?

— Свяжитесь со всеми, у кого есть передающая аппаратура, с диспетчерской, с обсерваториями, с наблюдателями. Пусть передают активные помехи на частотах, — я продиктовал цифры. — Просто пусть сигналят все что угодно — любые цифровые сигналы.

— Думаешь, это поможет?

— Чужаки обменивается сигналами, как дроны на промышленных линиях. Забейте сигнал и резервные частоты помехами — и их рой распадется.

— Понял. Не уходи с канала.

Арбитр подключил наш канал к общему радиоканалу Виноградника, кипевшему от переговоров. Он озвучил мою идею, и народ принялся за дело.

Я заставил себя закончить со скафандром и принялся проверять электронную укладку.

— Они отцепляются, — сказал кто-то в канале.

И наступила тишина.

— Кажется, рой рассеивается. Подействовало!

— Работает!

— Рой рассеивается.

— Они уходят. Они действительно уходят.

— Арбитр, они уходят от станции.

— Подтверждаем. Пара штук еще держатся за реактор, но они погоды не сделают. У кого есть транспорт, чтобы их оттуда снять?

В канале снова заговорили все разом — обсуждали, что делать с оставшимися на реакторе дронами. Все перекрыл гулкий бас Дяди Степы. Он известил всех, что ему как раз доставили к Бублику «чудесную деталь рамного шпангоута» и он может «послать монтажник, чтобы аккуратно снять паразитов с его помощью».

Упомянутый шпангоут, а точнее, заготовка под него представляла собой огромную двутавровую титановую балку.

Мне живо представился монтажный бот, с двутавром в манипуляторах наперевес, «аккуратно» вразумляющий неразумных чужаков.

— Внимание! — в обсуждение вклинилась Лера. — Они переключаются! У меня данные наземного контроля, — она имела в виду станцию Ефимовича, но этого не требовалось пояснять. — Похоже, они сейчас пойдут к L-5. И судя по всему, мы сильно недооценили масштабы роя.

— Конечно, — сказал я. — Там ведь тоже реактор. Если они нацелились на ядерные системы...

— Предупредите «Тхонсин» и тех, кто сейчас в L-5, — сказал арбитр.

— Подтверждаю. Вижу уходящих дронов.

— Они направились к L-5?

Все было готово. Я натянул костюм водяного охлаждения и нырнул в скафандр.

Гало-орбита точки L-1
ГАК Паутина
20:24 UTC

— Я ошибся, — сказал я.

— Никого нет? — спросила Лера.

— Да, — почти растерянно ответил я. — Я что-то упустил.

Канал был защищенным и отдельным от общего. Я предполагал, что следующей целью дронов будет не L-5, а Паутина.

«Диоген» был запаркован далеко, путь к управляющему комплексу Паутины занял у меня целых полчаса. Используя коды доступа Алекса, я вошел в систему, переключил управление Паутиной на себя. Подготовив передающие системы Паутины к постановке помех, я настроил копирование информации с Паутины в укладку, которую забрал с «Диогена», и приготовился встречать гостей. Однако часы тикали, но чужаки так и не появились на станции. Никто не позарился ни на реактор, ни даже на свежеустановленный манипулятор.

— Ты следила за сигналом? — спросил я на всякий случай.

— Да. Он сменился. Передача идет с гало-орбиты. Как и предполагалось.

— Тогда куда они запропастились?

Я огляделся. Далеко за Паутиной в пространстве горела яркая звездочка «Химпрома», тоже идущего по гало-орбите.

— Может быть, «Химпром»? — предположил я.

— Это «тяжпромовская» станция, — напомнила Лера. — А вовсе не...

— Знаю, знаю. Но сигналу больше неоткуда взяться. Кроме нас, тут никого нет.

— Сейчас... — пауза. — Их инженер тоже ждет Посылку. Я свяжусь с ним.

Время продолжало уходить. Я из «Панорамы» вызвал бортовой компьютер «Диогена» и запросил расчет времени на подлет к «Химпрому». Получалось слишком долго — только прогрев должен был занять минут пятнадцать. Но я все равно включил движок.

— Инженер сейчас на Винограднике, остальные в отпуске, на Земле, — сказала Лера.

— Прямо сейчас на «Химпроме» есть хоть одна живая душа? — уточнил я.

Пауза.

— Нет.

— Дистанционное управление? Пусть ставят помехи чужакам... — я поколебался. — И пусть остановят производственный цикл.

— Ты представляешь, во сколько это...

— Я представляю, что произойдет с Виноградником, если на «Химпроме» рванет реактор или какой-нибудь процесс пойдет вразнос, — резко сказал я. — Он сейчас так удачно расположен, что обломки неизбежно попадут по Винограднику. Причем не мелочь какая-нибудь — а много крупных кусков. Очень много.

Пауза. Я лихорадочно перебирал варианты. Мощности передатчиков Паутины недостаточно, чтобы глушить чужаков рядом с «Химпромом».

— Они попытались. Не работает. У них какой-то сбой в управлении — телеметрия с «Химпрома» идет, но команды управления не проходят.

Проклятье. Я вызвал арбитра по защищенному каналу.

— Что происходит? — спросил арбитр.

— Сигнал, приманивающий дронов, теперь идет с «Химпрома».

— Почему...

— Долго объяснять. Их инженер потерял контроль над комплексом и ничего не может сделать.

— Я понял. Повторно объявляю тревогу. Будем готовиться к разгерметизации.

— Тут инженер «Химпрома», — сказала Лера. — Говорит, что телеметрия показывает нарушения в базовом цикле производства.

Началось. Времени переживать не было. Я зацепил страховочный фал на поручне платформы управления и включил навигационную систему Паутины, сводя ее с гало-орбиты так, чтобы прикрыть Виноградник.

Следующей командой я активировал аварийный режим перемещения: дроны, сновавшие вокруг по своим делам, синхронно развернулись — словно стая серебристых рыбешек, которую вспугнул хищник. Каждый, у кого был движок, получил свой участок, свою цель, чтобы, упираясь в Паутину, толкать ее к заданной точке.

Платформа управления дрогнула. Паутина пришла в движение, одновременно проворачиваясь вокруг оси, чтобы встать плоскостью поперек предпо-

лагаемого потока осколков. Если подойти к «Химпрому» достаточно близко — можно принять на Паутину если не весь поток обломков, то большую его часть.

«Химпром» надвигался на нас, увеличиваясь в размерах. Я вводил через пульт доступа коды, останавливая производственные процессы и гася реактор.

— Что ты делаешь?! — спросила Лера.

— Извини, — прошептал я и отключил канал.

Я успел подумать про сумму, которую выкатит Хэл в виде иска о компенсации, если ничего не произойдет, когда меня вызвал Новик.

— На «Химпроме» началась реакция. Удачи... — он помедлил. — И спасибо.

Паутина успела развернуться так, что я оказался на обратной к «Химпрому» стороне, поэтому я не видел взрыва — только яркий свет, погрузивший обратную сторону Паутины в тень. Я услышал резкий треск помех в наушниках и — через паузу длиной в целую вечность — почувствовал руками дрожь обломков, обрушившихся на Паутину.

Толчок был таким, что вырвал поручень из рук. Платформа ушла из-под ног, потом ударила меня, словно ракетка по воланчику, послав в пространство. «Панорама» расцвела всеми оттенками красного. По костюму зашуршала пыль. Рывок страховочного фала — и я полетел обратно. Я впечатался в платформу наискось, не успев прикрыть шлем. Треснуло забрало, зашипел выходящий наружу воздух. Инерция протащила меня дальше и — фал еще не успел вытянуться на полную длину — со всей силы впечатала в теплообменник спиной. С оглушительным грохотом ранец скафандра взорвался, швырнув меня в пространство. Все померкло.

Обломки ГАК Паутина
20:35 UTC

Боль и удивление.

Боль: в голове, в левой руке. И еще в десятке мест.

Удивление: оказывается, я все еще жив.

Было жарко и душно. Я слышал только свое хриплое дыхание. Шейные позвонки оглушительно захрустели, когда я повернул голову, пытаясь оценить ущерб.

Забрало лопнуло в двух местах, но сработала защита, и запасное забрало успело защелкнуться автоматически. Внутренняя резервная оболочка скафандра тоже сработала автоматически — раздувшись до внешней и заблокировав мелкие дырки. Я поднял руку и смел осколки старого забрала, закрывавшие поле зрения. Поднял руку еще выше — и посмотрел в зеркальце, прикрепленное к рукаву. Ранец отсутствовал. Обожженные корявые осколки топорщились за спиной, словно хребет диковинного динозавра. По-видимому, от удара о теплообменник двигатель взорвался и его сорвало со спины — вместе с баллонами и аккумуляторами. Ранец был специально ослаблен так, что энергия взрыва была направлена наружу, а не внутрь, поэтому я все еще был жив.

Рядом с зеркалом на рукаве у локтя была наклеена заплатка герметизирующего пластыря — я не помнил, как ее наклеил, — видимо, рефлекторно. Дышать было тяжело, забрало постепенно покрывалось капельками конденсата. Голова трещала — всем на зависть. Я пошарил там, где должен был крепиться фал, но ничего не нащупал. Я использовал зеркало еще раз — и увидел на месте фала кло-

чья крепежной системы — тоже залепленные пластырем. Подсознание и тренировки — страшная штука.

Я ощупал себя. Энергетика скафандра умерла совсем. Зато уцелел баллон с резервным запасом кислорода. Укладка, которой я работал с Паутиной, тоже уцелела — абсолютно сейчас бесполезный съемник логов и еще несколько приборов для работы с контролем Паутины, но ничего, чем можно было бы привлечь к себе внимание. Еще у меня был реактивный пистолет, висевший на поясе.

Я медленно вращался среди обломков Паутины.

Несмотря на раздутую внутреннюю оболочку, что-то понемногу просачивалось наружу — я посмотрел на механический манометр на запасном баллоне, сравнил его с манометром скафандра и прикинул, что где-то час у меня еще есть. Дотянувшись до инжектора, я переключил подачу кислорода из аварийного баллона — клапан почему-то не сработал при отрыве основного. Инжектор щелкнул, подавая свежий кислород в скафандр. Стрелки манометров задвигались.

Дышать стало легче. Уже лучше. Я стравил часть воздуха наружу, чтобы убрать углекислоту, — литиевый поглотитель улетел вместе с ранцем. Убедившись, что сублиматор не поврежден, разблокировал и покрутил маховик водяной системы охлаждения, вручную прокачивая жидкость через охладитель. Полегчало.

Я снял с пояса пистолет, порадовавшись тому, что могу работать им без подсказок «Панорамы». Пистолетные полеты были распространенным в Винограднике спортом. Несколькими осторожными микроимпульсами я замедлил, а потом и обнулил

свое вращение. Рядом обнаружился большой обломок, который медленно дрейфовал в мою сторону. Еще несколько обломков было заметно чуть дальше. И — наполовину освещенная Луна над ними. Я посмотрел в зеркальце вправо-влево — дрейфующие обломки, и ничего кроме них.

Что дальше? У меня есть около часа. Что с Виноградником — непонятно. Если брать полный цикл с прогревом двигателя — сюда добираться не меньше полутора часов. Если кто-то будет меня искать (если будет), им придется прочесать большое облако обломков. Электроника накрылась — сигналить мне нечем.

Я обнаружил, что взвешиваю варианты — какой именно смертью мне стоит умереть: медленно задохнуться в скафандре примерно час спустя или открыть забрало прямо сейчас? Голова болела настолько, что вариант с забралом начинал казаться не таким уж плохим решением. На этой мысли я одернул себя. Никто тебя не бросит. Лера им не позволит. Если Лера жива. Я вздохнул. Хватит об этом. Надо что-то делать.

На панели укладки мигнул огонек — он поймал радиосигнал где-то рядом. Судя по всему, меня мазнуло лучом радара. Я заметил, как среди обломков вспыхнул и погас огонек, потом еще один и еще. Двигатели. Чужаки собирали урожай.

Мусорщик, скорее всего, тоже где-то рядом. Станция должна была перемещаться в пространстве, решая задачу оптимизации ресурса дронов. А это давало некоторые шансы...

Чужак вынырнул из тьмы, словно из толщи воды, — и вцепился клешней в большой обломок платформы прямо передо мной. Я пальнул из пистолета, догоняя обломок. Едва я успел ухватиться за плат-

форму, как чужак включил двигатель. Мы дернулись и поплыли сквозь обломки. Чужак выключил двигатель, снова включил его, потом немного потискал обломок манипулятором, кажется, в некоторой растерянности. За счет того, что я прицепился к обломку «зайцем», трофей чужака стал тяжелее и расход топлива не совпадал с предполагаемым ускорением. Интересно, он догадается про то, что у него появился пассажир? Я бросил взгляд на укладку — по ее показаниям, чужак что-то передавал на своей частоте. Подзывал кого-то еще?

Я пополз по обломку к нише, где можно было устроиться так, чтобы не попасть в пределы машинного зрения чужака и укрыться от встречных обломков, которые чужак, похоже, игнорировал. Еще два чужака подлетели к обломку — по-видимому, они явились на зов первого. Втроем они включили двигатели, и мы резво рванулись вперед. По платформе забарабанил дождь из мелких кусочков металла. В скафандре было душно, гермошлем снова начал запотевать. Я взялся за маховик насоса теплообменника. На этот раз работать насосом пришлось довольно долго. Когда конденсат, наконец, испарился, я понял, что больше не слышу «дождь» обломков. Мы покинули облако мусора. Я выглянул наружу и увидел приближавшийся Мусорщик.

Станция выглядела впечатляюще. Мусорщик тоже проектировался в виде «колеса». Он достраивал и расширял себя, используя орбитальный мусор: на «колесе» вырос конусообразный «сталактит» с «зубцами» отдельных башенок. По краям станции светились двигатели, на склонах «сталактита» беспорядочно вспыхивали огни сварки. На вершине «сталактита» чернело отверстие шахты, уходящей глубоко в недра Мусорщика.

Рядом возникли еще несколько чужаков с обломками в клешнях, потом еще и еще. Через некоторое время мы очутились внутри роя, направлявшегося куда-то к основанию «сталактита». Многочисленные надстройки Мусорщика были собраны из разных частей и выглядели так же по-франкенштейновски, как и его дроны.

Я прыгнул, когда мы пролетали мимо чего-то, что выглядело как остатки солнечной батареи. Точно рассчитать импульс пистолета не получилось, и я едва не врезался в склон «сталактита». Перехватывая руки, я осмотрелся, стараясь одновременно надежнее ухватиться за выступающие элементы корпуса и не порвать скафандр.

Внешняя поверхность «сталактита» не была единым корпусом или оболочкой: клубок из тепловых труб — где-то уже явно мертвых, где-то еще рабочих, агрегатов, генераторов, излучателей, разнообразной машинерии, воткнутой к месту и не к месту. В паре метров от меня два нелетающих дрона колдовали над тепловой трубой, периодически сверкая электросваркой.

У станции должен быть пульт управления. У них у всех он есть. Где он может быть? Моя больная голова наотрез отказывалась думать. Было душно, от усилий я снова начал задыхаться. Забрало шлема запотело. Я дал порцию свежего воздуха и снова прокачал систему охлаждения. Время уходило.

Пульт должен находиться где-то в центре пра-«колеса». Во всяком случае, у Паутины он находился именно там. Наросший за много лет технологический «сталагмит» скрывал его от меня. Как туда можно добраться? Шахта! Я видел шахту, ведущую вниз!

Я прикинул дистанцию и выстрелил из пистолета, направив себя к верхушке «сталактита». На этот

раз я рассчитал все точно. За краем открывалась неровная длинная шахта, ведущая вниз, к самому сердцу Мусорщика. «Сталактит» не был горой, как казалось снаружи, он был кратером, изрезанным техническими ходами и галереями — достаточными, чтобы чужак или дрон-паук могли туда пролезть. Не рискуя пользоваться пистолетом внутри шахты, я просто оттолкнулся и нырнул вглубь. Где-то за рядами мертвых агрегатов работала сварка. Вспышки искр в асинхронном ритме с разных сторон освещали мрачную темноту шахты.

Пульт был закрыт заслонкой, почти не пострадавшей за это время. В те времена строили на совесть. Я даже не пытался открыть заслонку. Вместо этого я активировал укладку и воткнул кабель в разъемы. Пробежался по кнопкам укладки, соединяясь с Мусорщиком. Я вызвал строку интерфейса... Все было знакомым. Старым, но знакомым. Человек, имевший дело с шуруповертом, вполне может разобраться в том, как работать отверткой.

Минуть десять ушло, чтобы разобраться с интерфейсом. После этого я «зажег иллюминацию». Сигнал бедствия на всех частотах, мигалки и габаритные огни станции — все, до чего смог дотянуться. Для этого не требовалось доступа — это было доступно по умолчанию. После этого я залил в укладку логи систем Мусорщика, так же, как это сделал с Паутиной.

К этому времени стрелка манометра на запасном баллоне твердо встала на нуле. Когда я в очередной раз стравил воздух, инжектор перестал щелкать. Похоже, все. Отключив укладку, я оттолкнулся и поплыл наружу. Я не хотел умирать на дне шахты, словно крыса в норе. Я хотел увидеть звезды.

Зацепившись за край, я удержал себя на самом краю «сталактита». В скафандре еще оставалось ка-

кое-то количество кислорода. Где-то на поверхности станции вспыхивали огни сварки. Суетились ловцы и станционные дроны. По ободу Мусорщика вспыхивали и гасли аварийные огни, потускневшие за много лет.

Выдох, вдох. В скафандре становилось душно. Я посмотрел на часы в укладке — отпущенный мне час заканчивался. Вряд ли за мной прилетят, но все, что я мог, я сделал. По крайней мере, они найдут укладку с записями.

Звезды светили все так же ярко. Звезды будут светить даже тогда, когда у меня окончательно закончится кислород. Сквозь начавшее потеть забрало я увидел, что одна из звезд стала ярче. Сначала я решил, что это еще один ловец из роя, но звезда росла в размерах и превратилась в стивидорский бот «Тхонсина».

Точка либрации L-1
Самопровозглашенное
пространственное поселение Виноградник
Диспетчерская
23:07 UTC

Диспетчерскую Виноградника наполнял гул голосов и попискивание терминалов. Верхнее освещение было отключено. Несколько десятков операторов в светящихся в сумраке «скорлупках» что-то бормотали в гарнитуры связи и шевелили пальцами тактильных перчаток. Одна из разбитых секций купола была наскоро заделана непрозрачным щитом, из воздуха еще не выветрился запах горелого пластика, кое-где блестели капли конденсата, но в целом диспетчерская не пострадала. Из трех больших проекторов работало два. На первом светилась объемная схема Виноградника с красными точками по-

вреждений и маркерами, обозначавшими аварийные бригады. Второй показывал маршрут приближавшейся Посылки и встречающих ее лоцманских ботов и стивидорских буксиров. Посылку требовалось принять, невзирая ни на какие катаклизмы.

Голова разрывалась от боли. Как назло, в боте не было аптечки. Вчетвером — Лера, Алекс, Дядя Степа и я — мы вошли в меньший из двух ситуационных центров в середине купола.

— ...не собираюсь ждать «выяснения всех обстоятельств», — голос Хэла разносился далеко за пределы ситуационного центра, заставляя морщиться операторов в диспетчерской. — Паутиной занимался техперсонал Виноградника — и из-за их действий «Тхонсин» лишился станции. Кроме того, они склонили к сговору моего сотрудника — который угнал стоявший «под парами» буксир и, вероятно, сорвал план получения сырья из Посылки. Мои юристы готовят документы для Большого арбитража, и если вы не признаете контрактных...

Хэл осекся, увидев нас. Его глаза сузились, он со злостью посмотрел на Алекса. Дядя Степа прошел к пульту связи и, не спрашивая никого, начал набирать на нем коды вызова.

Присутствующие повернулись к нам. Их было немного, но только Арбитр Виноградника хранил невозмутимость. Он понимающе обменялся со мной взглядами.

— А! — опомнился Хэл, кажется, совсем не ожидавший увидеть меня. — Главный виновник! Мы заключили контракт и... — Он нахмурился, увидев, как Дядя Степа подключил несколько каналов конференц-связи с Землей, и замолчал, чувствуя подвох.

На экранах ситуационного центра последовательно включились изображения конференц-за-

лов «Тхонсина», «Тяжпрома», «Дженерал» и картеля Вонг. Судя по часам на экране, в «Тяжпроме» было два ночи, в «Дженерал» — поздний вечер, в картеле и «Тхонсине» — раннее утро. В каждом из конференц-центров присутствовал арбитр, заместители глав директоратов, переводчики и технические эксперты в ассортименте. Еще один экран показал улыбающегося во все тридцать два Натана — и Ефимовича за его спиной.

Судя по выражению лица Хэла, связь с конференц-залами включилась и на его мониторах. Он хотел Большого арбитража? Его желание исполнилось.

— Вы все уже в курсе происходящего. Мы сэкономим время, если я сразу перейду к делу, — сказал я присутствующим.

Все согласно закивали.

— Пятнадцать лет назад, — очень тихо продолжил я, — НАСА собрало на орбите самообучающуюся станцию для уборки космического мусора. Из-за трудностей с финансированием мусорщик был переведен на орбиту захоронения и должен был быть деактивирован. По причинам, которые еще предстоит выяснить, этого не произошло. Мусорщик продолжил работать автономно, собирая космический мусор и достраивая себя за его счет.

— Каким образом... — снова попытался вклиниться Хэл.

Я посмотрел на него, и он осекся.

— Подразделение НАСА, занимавшееся космическим мусором, было куплено присутствующим здесь Питером Симмонзом, — я кивнул на Хэла. — Он узнал, что станция не деактивирована, и использовал ее для незаконного обогащения, с нарушением как внутрикорпоративного кодекса, так и ко-

дексов о совместной работе с пространственным поселением.

— Это серьезное обвинение! — взорвался Хэл. — У вас нет никаких доказательств! Даже если предположить, что я знал про Мусорщик, — вы сами сказали, что станция работает в автономном режиме. Как я мог ею управлять? Кроме того...

— Из материалов НАСА вы узнали систему сигналов, которую используют ловцы Мусорщика. Вы программировали пространственные передатчики «Тхонсина» на подачу сигнала, приманивающего ловцов Мусорщика — это все равно что бросать в воду мясо, чтобы привлечь акул.

— Это ложь! Он ищет оправдание тому, что загубил Паутину! Этот человек не сможет даже доказать существование такой станции!

— Это серьезное обвинение, — спокойно заметил арбитр «Тяжпрома». Новик покивал, соглашаясь с ним.

— Мы только что оттуда, — сказал я и продемонстрировал всем укладку — все еще в теплоизоляционном кожухе, разорванном в нескольких местах осколками обломков Паутины. — Здесь логи станции, заверенные цифровыми подписями арбитра, старшего инженера поселения, — я кивнул Дяде Степе, скрестившему руки на груди, — и временными кодами земной навигационной сети. Эти записи покажут, что приманивавший Мусорщика сигнал приходил от систем «Тхонсина», оттуда, где не было ловцов. Этими сигналами Хэл выманил Мусорщик с орбиты захоронения. Станция нуждалась в ядерных материалах — и Хэл это знал. Он натравил ловцов на Зеркало, чтобы получить энергоконтракт. Таким же образом он уничтожил сеть коммуникационных спутников и затруднил работу Паутины —

что подняло в цене акции его филиала корпорации, а в перспективе должно было принести еще один выгодный контракт. И, наконец, он навел ловцов на реакторные системы Виноградника, чтобы затем продать поселению свой реактор, как единственную доступную замену.

— Записи «Тхонсина» представляют собой коммерческую тайну, — заметил арбитр «Тхонсина». — Вы не можете строить свое обвинение, опираясь на них.

— Этого не требуется, — сказал я и кивнул Лере.

— Я тоже буду краткой, — сказала она. — Еще до нападения на Виноградник наш юрист, — Лера кивнула на Натана, — связался с присутствующими здесь представителями арбитров Виноградника, «Тяжпрома» и картеля Вонг с просьбой использовать их системы для контроля связи в пространстве — чтобы вычислить источник сигнала, приманивающего ловцов.

Я заметил, как пальцы Хэла сжались в кулаки.

— Рой, прилетевший на Виноградник, удалось рассеять. Хэл знал, что ловцы ищут ядерные материалы. Мы рассчитывали, что, узнав про то, что ловцы нацелились на реактор «Тхонсина» в L-5, он задействует один из передатчиков — чтобы отвлечь рой и защитить свои активы.

Хэл прикладывал титанические усилия, чтобы сохранить спокойствие. Его выдавали только желваки, игравшие на лице.

— Мы считали, что наиболее вероятным местом перенаправления роя станет Паутина, — продолжала Лера. — Хэл все равно собирался избавляться от «токсичного актива». При этом ответственность за разрушение Паутины можно было бы возложить на наше бюро, занимавшееся ремонтом станции,

а если подойти к делу с умом и хорошо натасканными юристами — то и на весь Виноградник.

Хэл молча мерил присутствующих тяжелым взглядом.

— Однако мы недооценили Хэла. У него был бэкдор — хакерский «черный ход» в управление комплексом «Химпрома». Он пошел ва-банк, использовав его, чтобы заблокировать управление «Химпромом» и привлечь к нему ловцов. При удачном — для Хэла — стечении обстоятельств взрыв уничтожил бы находящуюся поблизости Паутину, существенно повредил Виноградник и замедлил постройку нового поселения — что принесло бы «Тхонсину» новые контракты на восстановление и доставку необходимого оборудования.

— У вас нет... — прошептал Хэл.

— Записи и логи вторжения в систему «Химпрома» зафиксированы несколькими независимыми арбитрами, — Лера посмотрела на часы. — Около пятнадцати минут назад специалисты «Тяжпрома» сообщили, что не только отыскали в пространстве «черный ящик» комплекса и готовы представить его записи, но и вычислили, каким образом были атакованы их наземные системы связи. Они проследили источник вторжения до «Тхонсина».

Внезапно прозвенел сигнал о потере связи. Изображение Хэла пропало. Воцарилась тишина. В конференц-зале «Тхонсина» у арбитра зажужжал вызов. Он молча выслушал сообщение, бросил несколько слов и с плохо скрываемым раздражением спрятал фон обратно.

— Арбитр? — сказал Новик.

— Боюсь, у нашей внутренней безопасности появилась проблема, — устало ответил арбитр. — Из

филиала в Сиднее стартовал стратоплан. Связь с филиалом потеряна.

— Далеко не уйдет, — веско сказал арбитр «Тяжпрома» и поймал взглядом одного из своих специалистов. — У нас будут свои вопросы к «Тхонсину».

— Полагаю, — обратился арбитр «Тхонсина» к Новику, — нам всем нужно проконсультироваться. Наедине.

— Продолжим в моем кабинете, — кивнул Новик.

Земля отключилась.

Точка либрации L-1
Самопровозглашенное
пространственное поселение Виноградник
Диспетчерская
23:47 UTC

Обезболивающее начало действовать — голова постепенно проходила.

На голограмме было видно, как лоцманские боты стыкуются к Посылке, чтобы отбуксировать ее к месту демонтажа. Ситуационный центр опустел. Арбитр до сих пор вел переговоры с Землей. Он попросил нас никуда не отлучаться. Исключение было сделано только для Дяди Степы, который должен был заниматься Посылкой. Меня пытались отправить в медпункт, но я воспротивился. Лера совершила набег на офис бюро и принесла аптечку, попутно успев приготовить кофе.

— Арбитр и Дядя Степа очень довольны, — сказала она. — «Тхонсин» на этот раз приперли к стенке.

— Чего я не понимаю в этой истории, — задумчиво сказал Алекс, — это того, как рой учуял реактор в L-5?.. Что тут смешного? Не ближний свет ведь.

— Не было никакого роя в L-5, — улыбнулась Лера. — Это была ловушка. Я сделала сообщение о том, что ловцы направляются к L-5. Остальные подхватили, мол, да, видим. И Хэл купился.

— Вот оно что, — Алекс вздохнул, делая вид, что очень интересуется голограммой.

— Не вешай нос, — сказал я ему.

Он мрачно покачал головой.

— Для меня все потеряно. Я макнул тебя в эту историю, потерял свою работу — и поделом. Ты не представляешь, что я пережил, когда узнал, что ты был на Паутине в тот момент, когда...

— Ну, если бы не твое похищение бота — я бы с вами не разговаривал, — сказал я. Лера и Дядя Степа по дороге в лицах рассказали про то, как Алекс увел «тхонсиновский» бот, ждавший разгрузки Посылки и потому бывший «под парами», а потом как он первый засек сигнал бедствия с Мусорщика — и решил, что я скорее всего там.

— После взрыва Паутины в Посылке все равно не было никакого смысла, — так же мрачно сказал Алекс.

— Тебя подставил Хэл. Ты сделал все, чтобы устранить последствия. Если не «Тхонсин», то «Тяжпром» тебе все компенсирует.

— А толку? Все равно я остался без работы. Что мне тут делать? Не сторожить же реактор, в самом деле?

— У меня есть лучшее предложение, — подмигнул я ему. — Мне как раз нужен квалифицированный специалист по ГАКам.

— Зачем? — непонимающе посмотрел на меня Алекс.

— Натан подал заявку на владение, — сказала Лера.

— Все равно не понимаю.

— С формальной точки зрения Мусорщик находился на захоронении, — пояснил я. — То есть на него распространяется старательский кодекс — и я, как «первый поставивший ногу», могу заявить на него права. Сейчас развернется строительство Бублика, потом «Тяжпром» с «Тхонсином» начнут работать с Решетом. Понимаешь, какие перспективы это открывает? На орбитах захоронения до сих пор полно разнообразных материалов. А система, которая может выуживать оттуда ценные детали и может перерабатывать отходы от строительства... Это золотое дно — почище Пояса астероидов. Так как?

Алекс улыбнулся, в его глазах снова появилась надежда.

АНТОН ПЕРВУШИН

ЧЕЛНЫ СРЕДИ ЗВЕЗД

Рассказ из цикла «Открытие космоса»

...Что я знаю о реконструкторах? Трудно сказать. Слухи о них давно ходят. И, признаться, я мало им доверяю. Фольклор. Современная мифология. Просто байки. Надо же как-то скрашивать отсидки в карантине и стращать молодежь. Вот ветераны и развлекаются. Не люблю байки. Но, как вы знаете, сам стал персонажем одной из них. Практически сказочным героем. Как Иванушка-дурачок...

Присочинили многое, конечно. Особенно когда история попала на форумы. Роман можно написать. Кстати, мне и предлагали — какие-то ушлые издатели. Причем писать должен был не я, а профессиональный беллетрист. Их, как выяснилось, неграми

называют. Я, конечно, отказался. Ведь издателям не правда была нужна, а та же сказка с приключениями...

Вообще говоря, нашу работу принято представлять как сплошную череду приключений, но в действительности приключений мы стараемся избегать. Принцип трех «о»: все должно быть продумано, просчитано, продублировано. Слишком большие ресурсы в нас вкладывают, а такими деньгами не рискуют. Конечно, если смотреть шире, то можно сказать, что вся наша деятельность — одно большое приключение, но тут вопрос философии или пропаганды...

Отвлекся, да. Так вот о реконструкторах. Их еще мимиками называют. Историю, с ними связанную, впервые я услышал году, наверное, в двадцать девятом, когда проходил первичную подготовку в Звездном. Даже сейчас не помню точно, кто из парней рассказал. Помню, что в бане сидели, отдыхали после тренировок. Слово за слово. Дескать, был случай на «Плато-1», в Море Кризисов, там мобильные накопители изотопов типа «Кентавр» с ума сошли и на людей поперли, чуть было не пришлось смену эвакуировать. Но, слава природе, справились, а потом оказалось, что один из «кентавров» подложный... То есть он выглядит как настоящий сборщик-накопитель маде ин джапан, а на самом деле — мимик, имитация, фальшивка... Я, конечно, вкратце пересказываю. Мне-то в бане все это живенько изложили, с подробностями, с именами участников. Упоминали Артема Вячеславовича Ореха. Вполне реальная фигура, он при мне в Комиссии по отбору заседал. И ведь какая продуманная байка! Я потом в Инете посмотрел. И вправду Орех был в двадцать шестом на «Плато-1», и что-то там реально случилось. Но,

понятное дело, про фальшивых «кентавров» в серьезных источниках ничего не было...

Что еще? Про спутник и голоса. Это мне уже потом рассказали. Тоже не помню, кто конкретно. Да и не важно, по большому счету... Что знаю о спутнике?.. Говорят, будто на определенной орбите и в определенное время, осенью, на частотах двадцать и сорок мегагерц можно услышать «бип-бип-бип». Вроде того, как самый первый спутник передавал... Голоса — аналогичный миф. Только вместо сигналов голоса космонавтов — самых первых, которые еще в шестидесятые-семидесятые прошлого века летали. Комаров, Добровольский, Волков, Пацаев... Гагарин? Нет, про Гагарина такое не рассказывают. Может, потому что он не в космосе погиб?.. У этой мифологии объяснение простое. Тут я даже вполне могу поверить: наверняка кто-то что-то на орбите слышал, впечатлительных людей при определенных условиях на слуховые галлюцинации пробивает только держись, и некоторые сигналы вполне можно принять за «бип-бипы» спутника, про голоса и говорить нечего... Я лично ни с чем похожим не сталкивался, но однажды, в мой первый рейс, экспедицией посещения на «Ядро-2» поймалась какая-то музыка непонятная. Командиром у нас был Макс Чегодарь. Объяснил, что такое часто бывает, радиационный пояс шалит. Так что с сигналами и голосами — это либо к психиатрам, либо к физикам. Реконструкторы тут точно ни при чем...

Короче, относился я к этому всегда с известным скепсисом. Пока меня «Челны» не догнали... Как это было? Расскажу. Ведь для этого вы меня и пригласили? Постараюсь вспомнить подробности...

Данные по моему рейсу вы наверняка знаете. Обычный перелет по трехсуточной траектории

к Луне на буксире «Келдыш» с выходом на селеноцентрическую орбиту и стыковкой с «Ядро-Л». Полезный груз — двадцатитонный модуль дооснащения «Связь-2». Шел я на пределе массы и, соответственно, характеристической скорости. То есть права на маневрирование и вторую попытку при стыковке у меня не было. Но и рейс был из простых, все на автоматике, я ее только подстраховывал в качестве резервного контура управления, как у нас принято говорить...

Хотя рейс обещал быть скучным, к Луне я летел впервые. Поэтому, сами понимаете, когда завершил технические процедуры и получил «квитанции» из ЦУПа, то первые сутки не спал, а сидел у обзорных иллюминаторов в бытовом отсеке. Хотя что там увидишь, кроме знакомых созвездий? «Келдыш» на трассе сориентирован так, что Землю или Луну только на активных участках видно. Но все равно ощущал я такое нервическое томление. Вспоминал, конечно, вехи: историю «Аполлонов», проекты «Гагарин» и «Армстронг». Предвкушал. В конечном итоге устал все-таки и сам не заметил, как уснул...

Разбудил меня тревожный вызов. Сигнал у него подобран особенно противный — хорошо хоть не сирена, но из сна вышибает на раз. Продрал глаза, сразу к панели связи. Вызывает ЦУП, но не Королев, а Грезы. Сменным руководителем была Женя Лист. И она мне деловито так сообщает, что за мной по орбите сближения идет неопознанный объект сопоставимых размеров. Относительная скорость — восемь сантиметров в секунду. Баллистики пока точнее сказать не могут, но вроде объект пройдет впритирку и будет в пределах визуальной видимости через сорок минут. На всякий случай мне

предписано облачиться в «Чеглок» и приготовиться к столкновению...

Я, конечно, время терять не стал. И выяснять, откуда за кормой взялся посторонний, тоже. Мелькнула, правда, мысль, что, наверное, это разгонный блок какой-нибудь из прошлых лунных миссий, — их со времен «Аполлонов» много на близких гелиоцентрических орбитах болтается, все вряд ли учтены. Перебрался я к выходному люку, расправил скафандр, влез в него, зашнуровался, загерметизировался, включил контроль, прогнал тесты. Потом с открытым шлемом вернулся в командный отсек и доложил, что все в норме. Женя подтвердила: ЦУП информацию принял, и все довольны, а мне теперь следует переключиться на шифрованный канал связи для получения дальнейших инструкций. Тут я удивился, но, конечно, выполнил приказ. Пришлось еще пару минут подождать, пока связь настроилась, а потом слышу знакомый голос: «Борис, прием. Калманович у аппарата». Я удивился еще больше. Академик Калманович, Леонид Семенович, возглавляет, как вы знаете, Институт космической психологии. Иногда он приезжал в Звездный и в Грезы, читал нам лекции интересные. Но я никогда не подумал бы, что он вхож в администрацию управления полетами. А если вхож, то разве что в должности консультанта...

Конечно, выказывать свое удивление я не стал, спросил, какие будут указания. Калманович мне говорит, что, согласно инструкции, при сближении с неуправляемым объектом космонавт должен сидеть и не отсвечивать, однако на этот раз он меня попросил бы инструкцию нарушить, выйти в открытое пространство и по возможности изучить объект. Носимой видеокамеры, увы, на буксире нет, но ты,

Борис, сделаешь большое дело, если сумеешь хотя бы установить тип объекта. То есть, спросил я, вы предлагаете мне нарушить протокол безопасности? Да, ответил Калманович, но такой случай сближения является уникальным и вряд ли повторится вновь в обозримом будущем. Тебе, Борис, выпал шанс один на сто миллионов, за наградами у нас не заржавеет...

Признаюсь, мне и самому хотелось посмотреть, что там за ерунда у меня на хвосте болтается. Но это было бы из разряда праздного любопытства, а оно у нас не поощряется. Все-таки я давно не школьник, а служащий «Внеземелья» и знаю, почем обходится нарушение инструкций. Поэтому мне требовалось подтверждение, что Земля одобряет. И Калманович мне его предоставил...

Дальнейшее было делом техники. Опыт ВКД, то есть внекорабельной деятельности, у меня был. Я разгерметизировал бытовой отсек, дождался вакуума и еще раз проверил скафандр. Потом прицепился к фалу и повернул запорные рукоятки крышки выходного люка. На все эти манипуляции потратил еще минут пятнадцать, после чего вылез на внешнюю поверхность модуля. К тому времени объект должен был войти в зону прямой видимости. И я действительно почти сразу нашел его — ярчайшая звезда за кормой в верхней полусфере, выше и левее Земли. «Чеглок» не снабжен прямой связью с ЦУПом, поэтому я слышал только собственное дыхание да попискивание системы сигнализации...

Страшно ли мне было? Нет, совсем нет. Нас же готовят к стрессам. Наоборот, было ощущение душевного подъема, практически восторга. И, конечно, звездное небо над головой — оно всегда меня

бодрит и настраивает на позитивный лад. Наверное, потому и стал космонавтом... В общем, зацепился я за кольцевой поручень и наблюдаю. Когда, наверное, оставалось метров сто, я начал различать детали. И сразу понял, что меня догоняет не шальной метеороид, а объект искусственного происхождения. Значит, первое предположение оказалось верным: разгонный блок прежней миссии. Я даже засмеялся от своей догадливости...

Однако чем ближе становился объект, тем больше он меня озадачивал. Мне казалось, что я знаю историю космонавтики, но тут было нечто незнакомое. Белый усеченный конус, за ним — длинная цилиндрическая часть. Ничего общего ни с «Аполлоном», ни с «Союзом». Ни с «Шэньчжоу». Ни с «ЛС», ни с «ЮГ». Больше всего объект походил на американский «Дракон» в лунном варианте, но бросались в глаза пропорции — они отличались примерно так, как чертеж отличается от рисунка ребенка...

Я подумал: что мне сказать Калмановичу? Объект был совсем рядом, и я видел, что столкновение не произойдет, он скоро обгонит меня и затеряется в космосе. Но что же это такое? Чей это корабль? Откуда этот корабль?..

В меня словно бес вселился. Я знал, что поступаю дерзко и неправильно, что в случае опасности мне никто не поможет, и, хуже того, никто не узнает, что со мной произошло. «Келдыш» дойдет до «Ядра» пустым, а Маше на Землю сообщат, что я пропал без вести. И все же меня буквально потянуло к этому странному кораблю. Я прикинул расстояние и относительную скорость, отцепил карабин, оттолкнулся и полетел к объекту...

Стандартный фал «Чеглока» на буксире не превышает пятидесяти метров. С учетом скорости у ме-

ня было минут пять на всю экспедицию. К счастью, я попал с первого раза. С ходу врезался в носовой конус чужого корабля. Инерция понесла меня по его гладкой обшивке, а потом я провалился в открытый квадратный люк. И оказался внутри...

Считаю, мне повезло дважды. Может быть, трижды. Так или иначе, время утекало, поэтому я не стал обдумывать ситуацию, а включил нашлемные светильники и жадно осмотрелся вокруг. Знаете, что мне напомнили внутренности корабля? Проектировочные макеты в Грезах! Те, на которых инженеры отрабатывают компоновку будущих кораблей. Я видел какие-то контейнеры, панели, но они не выглядели функциональными, словно габаритно-весовые макеты, а не рабочее оборудование...

Внимание привлекло какое-то пятно на этой бутафории. Я сунулся к нему. И не сразу осознал, что именно вижу. А когда осознал... Там была эмблема. Логотип «Роскосмоса» на белом. Под ним — темно-синий фон с золотыми звездочками. Центральный рисунок на фоне — челн под парусом с веслами и с носовым украшением в виде девичьей головы. Еще ниже — надпись кириллицей. Я попытался подобраться еще ближе к эмблеме, чтобы прочитать написанное. И тут натянувшийся фал выдернул меня из чужого корабля...

Я оказался в пустоте, тряся руками и ногами, но ничего не мог поделать. Объект уходил прочь, и через несколько минут его отраженный свет слился со светом Луны...

Что было дальше? Я благополучно добрался до «Ядра-Л», пристыковался и был принят основной экспедицией. Рассказал им, конечно, о своих приключениях. И они, конечно, не поверили. Не обвиняю их, ведь и сам бы не поверил...

Согласно плану, я должен был остаться у Луны на три месяца до прилета рейсового «ЮГа», а Мальцев из основной отправился бы на «Келдыше» домой. Только вот руководство изменило мою программу и потребовало немедленно лететь назад. Пришлось подчиниться. На Земле, как и полагается, отсидел в карантине, написал отчет, потом доложил Госкомиссии итоги. Хватило времени подумать...

Перед докладом со мной успел встретиться Калманович. Пригласил к себе в московскую квартиру и под душистый чай расспросил. Больше всего его заинтересовала эмблема, виденная мной в чужом корабле, и он потребовал, чтобы я изобразил ее. Я, конечно, выполнил просьбу. Академик долго разглядывал мой эскиз, потом встал из кресла и поманил меня в соседнюю комнату. Оказалось, там у него целый музей: разные вымпелы, эмблемы, нашивки — наборами в рамах под стеклом. Калманович зажег подсветку и предложил мне взглянуть на один из вымпелов. Меня как громом поразило. Я увидел тот же самый челн на темно-синем фоне, тот же странный парус и носовое украшение. Но на этот раз я смог приблизиться и прочитать надпись под ним: «Федерация-7. Набережные Челны». Потрясающе!..

Я, конечно, потребовал объяснений. Калманович предложил вернуться к чаю и рассказал, что я, вероятно, побывал на корабле типа «Федерация», проект которого разрабатывался по заказу «Роскосмоса» два десятка лет назад. Каждый корабль предполагалось именовать по названию какого-нибудь крупного города или территориального субъекта. Был даже составлен план-график полетов этих кораблей, и седьмым должен был отправиться на орбиту корабль «Набережные Челны». Отсюда и эмблема с гербом этого города. Только есть нюанс: проект создания

кораблей «Федерация» был закрыт, когда пилотируемую космонавтику передали «Внеземелью»...

Я спросил: может быть, все-таки секретно запускали макеты? Калманович ответил отрицательно. Он сам, оказывается, участвовал в программе проектирования «Федерации», возглавлял интерьерную группу. Если бы «Челны» все-таки отправились в космос, то ему сообщили бы так или иначе...

Тогда что же я видел? Тут Калманович и рассказал мне, что внутри корпорации «Внеземелье» есть организация, называемая Аркадой. Она занимается проблемами взаимодействия человека и космоса, в том числе изучает гипотезу присутствия инопланетян в Солнечной системе. К ней стекается информация о всяческих аномалиях, наблюдаемых космонавтами. И я, оказывается, далеко не первый пилот, который повстречал артефакт, имитирующий земную технику. Я, конечно, вспомнил слухи о реконструкторах. Калманович подтвердил, что некоторые истории действительно имели место, но мой случай, пожалуй, самый удивительный. И попросил не очень-то распространятся на этот счет. Потому что доказательств нет, а свистунов в корпорации долго не держат. На том и расстались... Я подумал и решил сократить свою историю. Так и докладывал Госкомиссии: видел объект издалека, опознать не смог. Ну а байка все равно пошла в народ — обиженный Мальцев с лунного «Ядра» постарался...

Что я думаю о природе реконструкторов? Тоже трудно сказать. В Аркаде полагают, что они все-таки инопланетяне. Типа разумного океана Солярис из фантастики, который создавал точные копии предметов и землян, чтобы изучать нас. Но я думаю, Калманович ошибается. Может быть, это артефакты из параллельного мира? Слышали о теории Эверет-

та? Или о хаотической теории инфляции? Может быть, там, в параллельных мирах, освоение космоса пошло иначе и корабль «Набережные Челны» все-таки полетел? Тоже звучит безумно...

Могу и другую гипотезу предложить. В Солнечной системе действует еще один разум, но не инопланетный, а такой же земной, более могущественный, возникший раньше — например, в эпоху динозавров — и ушедший вперед за миллионы лет. Он нас не замечал, пока мы не вырвались в космос. Ведь наша жизнь на планете — это все была эволюция, а настоящая история человечества началась в октябре 1957 года. Именно ее он и хочет изучать. Только она ему интересна...

Нет, больше никаких подозрительных артефактов я не встречал, аномальных явлений не наблюдал. Продолжаю служить в Отряде космонавтов корпорации «Внеземелье». Прохожу подготовку по программе введения «Плато-2»... Соглашусь ли я принять участие в специальной экспедиции, подготовленной Аркадой?.. Обсудим... Когда?.. Куда?.. Ого!.. И что же вы там нашли?.. Не может быть!.. Правда?.. Что ж, я, конечно, готов...

Но, думаю, это только начало. Он же необъятен, наш космос. Чудес на всех хватит...

НАТАЛЬЯ ДУХИНА

КЛИСТРОН

Сирена выла не переставая.

— Тревога! Всем пройти к месту эвакуации! — раздалось по станции.

Стажеры Ал и Дэн лишь вчера прибыли на КС-5 и в момент объявления тревоги спали, измученные непривычной обстановкой. А проснувшись — сирена разбудит и мертвого, — соображали спросонья туго: их тошнило, примитивно и неэстетично.

Дэн, невысокий и худощавый, а потому более мобильный, отстегнулся из лежака, подплыл к люку и выглянул.

— Шевелись давай! — поторопил друга. — Нет никого, все уже!

— Чем командовать, лучше б собрался, — буркнул Ал, на голову выше и вдвое толще. — Кейс!

Дэн хлопнул себя по лбу и ринулся надевать кейс — плоский компактный рюкзак, где хранилось самое важное — их общие наработки, с которыми они прибыли покорять космос.

— Готово! И куда теперь? — выглянув в коридор, он вертел головой, пытаясь сориентироваться. Где корабль, на котором прилетели? — по инструкции именно туда следовало держать курс при эвакуации.

— Давай вперед! — подтолкнул его Ал.

— Вперед направо или налево?

Отсеки соединялись друг с другом гибкими тунелями, образуя многослойную структуру, гораздо более ветвистую, нежели значилось в схеме, заученной на Земле. Да, по прибытии их провели по станции, устроив показательную экскурсию. Но то ли из-за опрокидывающего воздействия невесомости, в которой они очутились впервые, а может, благодаря восторженному состоянию души — еще бы, столь долго готовились, работали на износ, мечтали — и вот оно, осуществилось! — в головах царил легкий сумбур прострации, вызывающей ориентационный кретинизм. После сна лишь укрепившийся.

— Вроде мы оттуда вчера? — неуверенно пробасил Ал, махнув вправо.

— Согласен! — кивнул Дэн.

И поплыли стажеры совсем не в ту сторону. Кувыркаясь, не попадая в оптимальные точки отталкивания, перемещались они отнюдь не быстро. Привыкшие на Земле к учебным тревогам, волновались не так чтобы сильно: ну попали впросак, ну поругают... Новичкам простительно.

И таки добрались — в холл. Холлом космонавты называли центральный модуль с тренажерами и большим экраном. И опять никого! Пустынное безмолвие, усугубленное надсадным, монотонным ревом сирены. Взять с собой шлем с рацией не догадались!

— Какие же мы болваны! — озвучил Ал общую на двоих мысль. — Стоп. Раз свет горит, здесь должно быть перегово...

— Смотри! — перебил Дэн, тыча пальцем в потолок. На потолке сияла «Схема эвакуации». Четкая, понятная. Вон холл, а там — причал номер четырнадцать, куда они должны прибыть. — И правда, болваны... не в ту сторону! Двигаем обратно?!

И тут ухнуло. Отсек задрожал мелкой противной дрожью. Замолкла сирена. Переход к тишине был настолько резок, что заложило уши. Неужели тревога не учебная?! — пробрало обоих. Неприятно засосало под ложечкой — нарождалась паника, примитивно животная, липучая.

— В темпе! — Оттолкнувшись от стены, Дэн нырнул в проход. Ал за ним.

— Эй вы, ботаники! — услышали вдруг сзади знакомый голос, звонкий, насмешливый.

Дэн резко затормозил, схватившись за веревку, с одновременным разворотом тела. Ал, торпедой ле-

тевший вслед, не успел среагировать и всей массой воткнулся в субтильного друга. Дэн от неожиданности выпустил веревку. Комок из двух тел с грохотом впечатался в стену. Упруго отразился и поплыл обратно.

— А-ха-ха! — покатилась со смеху Юля. Взгляд колючий, с сумасшедшинкой.

Она висела в проеме, мимо которого они просвистели, не заметив, — очевидно, был закрыт, пока она не отворила люк. Тонкая, воздушная. Легкий эластичный костюм облеплял ее всю, подчеркивая девичьи прелести. «Вызывающе, развратно подчеркивая», — уточнила бы бабушка Ала. Светлые волосы стояли дыбом — летящим прозрачным облаком. Облаком не простым, а фосфоресцирующим изумрудным светом! — на фоне светильника, вмурованного позади в стену. Это они позже про светильник поняли, первое же впечатление было — ее волосы светились сами по себе.

Стажеры таращились на нее словно бараны, проглотившие язык. Застывшие в нелепых позах, они медленно, но неотвратимо текли по инерции, одни лишь головы синхронно поворачивались, держа в фокусе невозможное видение. Паника, охватившая было сознание, как возникла внезапно — так и сдулась, уступив место иным чувствам.

Данная особа прибыла вчера вместе с ними. Статус, образование — непонятны. Вот они, к примеру, — аспиранты-физики, заслужили право стажироваться на КС-5, победив в длительном, изнуряющем марафоне конкурсных поединков среди студенческой молодежи на предмет космоса, у них и программа научных экспериментов на полгода вперед расписана. А она? Откуда такая молодая? По всему — космическая туристка, дочь какой-ни-

будь шишки; личные данные подобных персон, как правило, засекречены. Всего ничего и побыли вместе — во время полета, а эмоциями отрицательными зарядились на год вперед. Существуют, оказывается, и в жизни заносчивые высокомерные язвы. Доисторические. Без понятия о культурных нормах поведения.

Но до сих пор язва расхаживала в скафандре да бесформенной униформе, кто ж знал, что она такая... Такая... Упасть не встать. А нимфам простительно быть язвами, ведь не может природа, чтоб и тут, и там.

— Мальчики, очнитесь! За мной давайте! — неожиданно произнесла нимфа нормальным человеческим голосом и нырнула в ту самую трубу, откуда возникла.

Это на Земле любят баловаться учебными тревогами, а на КС если взвыло — жди беды.

Насупленный, командир глядел на приборную доску, куда стекалась информация о состоянии станции. Мигающие огоньки сигнализировали о неполадках. Характер повреждений недвусмысленно указывал на причину: метеорит, будь он неладен, пробил оболочку. И понеслось: один сбой цеплял другой, проблемы множились, наслаивались, словно снежный ком, катящий с крутого склона. Пробои случались и раньше — и ничего, справлялись. Но в этот раз случай особый: удар нанесен в самое чувствительное место — в реактор ядерной энергодвигательной установки (ЯЭДУ) нового поколения, проходящей на станции обкатку. При тех же габаритах опытная установка была призвана выдавать — и выдавала! — мощность в сотни раз большую, чем действующие экземпляры мегаваттного класса. По-

лугода не прошло, как ядерного монстра пустили гонять на стенде, испытания в самом разгаре — и вот на тебе, получите! — злился командир. Он, нисколько не ученый, и то задавался вопросом: как можно оставлять неизменным — при возросшей-то мощности! — теневой принцип экранировки реактора, предполагающий усиленную защиту лишь с одной стороны, примыкающей к кораблю. Незачем, мол, тратиться на остальные стороны, утяжелять конструкцию, если при эксплуатации вокруг все равно будет безбрежная пустота, — утверждали разработчики. Вот оно и прилетело оттуда, из безбрежности — маленькое, релятивистское.

Полным ходом шла эвакуация персонала. Организованно, без паники и в темпе народ растекался по расписанным заранее местам посадки.

Основной контингент — физики, обслуживающие ядерную установку, и строители, возводящие очередную секцию, — грузились в «Аэлу», вместительный (на сто персон) буксир межпланетного сообщения. Собран воедино он был уже в космосе: на керосине такую махину с Земли на орбиту не вытянуть, а ядерные ракетные двигатели в пределах планеты запрещены. ЯЭДУ нового поколения разрабатывалась в том числе и под «Аэлу», ее нынешний мегаваттный аналог не позволял осуществить в полной мере амбициозные планы полетов на дальние планеты.

То и дело поступали сообщения о готовности от кораблей малой вместимости. Командир, не медля, разрешал старт, и шестиместные «Федерации» и «Драгоны» с жилыми отсеками длиной 6, диаметром 4,5 метра один за другим покидали станцию; после отлета на безопасное расстояние они будут висеть на орбитах до получения дальнейшего при-

каза — эти могут хоть на Луну, хоть на Землю, ограничений нет.

— Командир, у нас ЧП! — нарушило ладный рабочий ритм нервное сообщение с «Аэлы». — Сопла... арматурой помяло, аккурат холку. Поломка ерундовая, но время!

— Сколько? — голос командира остался ровным, негромким.

— Сутки как минимум. Пока раскрутим, пока...

— Что предлагаешь?

— Буксировать. Малую тягу обеспечим. Вместе — справимся. А там отвалим подальше — починимся.

— Хорошо, выпускай платформы. Две «Федерации» тебя устроят?

— Вполне. Ждем! — на том конце явно повеселели. Две «Федерации» — это максимум и оптимум, по числу платформ.

— Буксировать буксир, вот где ирония! — фыркнул штурман, несущий вахту на пару с командиром.

Из не стартовавших — всего два корабля и осталось: командирский и прибывший накануне «Феникс». Только собрались с ним связаться, как он сам вышел на связь.

— Стажеры не прибыли! — огорошил «Феникс» неприятным известием. — И в кубриках их нет.

— А Ю... — у командира перехватило голос.

— Юля пошла за ними, — тут же пришел ответ. — Без приказа. Я запретил, а она — все равно. Сказала — быстро.

Руки у командира сами собой сжались в кулаки: девчонка в своем репертуаре. Спасатель в юбке. Еще, небось, и попросила сразу наверх не докладывать, подождать, хлоп-хлоп глазищами, кого угодно уговорит. Хотя... почему нет, знает станцию как дом

родной; дом родной и есть, коль она тут родилась, и кому как не ей... — осадил свое возмущение командир. Но на душе скребло. Тянуло выматериться. Не понимает, глупая: после гибели родителей — они, старожилы, за нее в тройном ответе! она им больше, чем дочь! ни пылинки! ни... А ведь потому и ушла без спросу: знала — не позволят.

Штурман щелкал тумблерами, выводя на экран по десять окон зараз.

— Вот они, голубки, все трое, на стыке восьмого и девятого. Ничего себе загуляли, кругаля махнули.

Ни к одному из этих секторов не пристать, стыковочные узлы заняты: в восьмом — на постоянный прикол пришвартован учебный модуль, в девятом — «Молот», из последних «Союзов», даром что старый — работает как часы.

— Девятый — эт-то хорошо... — повеселел командир.

Соображает девочка. Или лучше так: чует девочка станцию. Повела бы компанию к «Фениксу» — застряли бы напрочь, на экране в той части туннели через один красным отсвечивают, что означает — нарушена герметичность. А так — улетят на «Молоте», отстыковать и разогнать корабль Юля умеет. По идее, инструкция запрещает его использовать с любой целью, кроме одной-единственной, для которой он железно предназначен. Но в случае угрожающего жизни ЧП, в отсутствие той самой цели, почему бы «Молоту» и не подбросить ребят до безопасного места, а после снова вернуться на пост, — он, командир, одобряет. Лучше бы, конечно, иметь свободный причал, подобрали бы потеряшек к себе — всего и дел, а еще лучше — летел бы тот метеорит на метр левее... Бы да кабы. Росли бы грибы.

Командир отправил «Феникса» стыковаться с «Аэлой».

В очередной раз тряхнуло. На секунду в рубке воцарилась темнота — и вновь засияло: вышедшую из строя подстанцию сменил запасной генератор. Пронзительно заверещал компьютер, извещая о включении режима глобальной блокировки. Активировался данный режим в случае, когда разгерметизации подвергалось более половины всех туннелей.

— Восьмой, девятый — целы, кольцевой до них от нас — тоже! — предвосхищая вопрос, доложил штурман. Сосредоточенный, весь в программе, руки, словно у пианиста, порхают над клавиатурой. — Чтоб его... ***!

— Что еще? — напрягся командир. Штурман редко ругался.

— Блокировку программа отказывается снимать!

Вот оно, новое программное обеспечение под опытную ЯЭДУ. Плохо. Ребята в шаге от спасения — но шаг этот без посторонней помощи им не сделать — все люки блокированы, в том числе внутренние. Разблокировать можно лишь вручную — блокиратором.

— Аварийные пошли! — вскричал штурман.

— Ну хоть что-то... В этом бедламе... — протянул с видимым облегчением командир.

Наконец-то, после управляющих и регулирующих, его величество компьютер соизволил ввести основной элемент защиты — аварийные стержни. Те самые, про эффективность и надежность которых разработчики уши прожужжали. Ноу-хау, мол, — особый поглотитель нейтронов, остановит любую реакцию. Головой ручались: панацея и спасение.

Тряска утихла. Воцарилась напряженная тишина — компьютер, и тот перестал верещать, надры-

вая и без того натянутые нервы. А ведь сработало — аварийные стержни, и правда, притушили реакцию!

Оба выдохнули — гора с плеч. Хоть и было заявлено, будто автоматика лучше знает, когда и какую вводить защиту, но как-то оно тревожно — отдаться машине на откуп.

Но режим блокировки и не подумал отключиться, что, в принципе, логично: герметичность тунелей осталась на прежнем недопустимо низком уровне.

Штурман чертыхнулся, достал из сейфа блокиратор, сунул за пазуху.

— Я к ним! — направился к выходу.

— Скафандр не забыл надеть? — нагнал его строгий вопрос командира.

— Зачем? герметизация до них не нарушена, знай блокиратором хлопай. Двадцать минут — и мы на «Молоте».

— Говорит «Аэла». «Феникс» на платформе, ждем вас! — донеслось по рации.

— Видишь — ждут, нет времени на скафандры.

— Тебе виднее... До встречи!

Старые волки хлопнули друг друга по плечу, прощаясь.

— За нас не переживай, командир, прорвемся! — бросил Саныч и растворился за дверью. Хлюпнул с чавканьем люк.

Маневрируя, командир одним глазом поглядывал на экран. Лихо Саныч бороздит по туннелям! Чемпион, спринтер. Быстрее него может лишь Юлька, но она не считается — другая категория.

— И раз, и два...

Синхронно и ритмично «Федерации» расталкивали «Аэлу», стоящую «под парами» на малой тя-

ге. Есть отрыв! Массивный буксир отвалил от станции. И Саныч дошел! Командир с удовлетворением наблюдал на экране картину воссоединения молодежи со штурманом. Дела идут! — тихо порадовался.

Зря. Зря он радовался.

Видеоряд пропадал с экрана не сразу весь, а частями. Негромкий хлопок сопровождал обрыв тунеля и схлопывание картинки восьмого сектора. За ним — кольцевого. И черт с ними! — зато девятый цел! — держал за ребят командир кулаки. Группа как раз вплывала в «Молот» — последняя оптимистичная картинка, отраженная экраном перед тем, как прервалась связь.

Датчик расстояний показывал пятьсот метров от «Аэлы» до станции, когда хваленая защита перестала защищать. Недолго проработала. Что случилось, почему?! Разработчики-создатели тоже не понимали. Толпились в рубке «Аэлы», командир по кабельной связи наблюдал их растерянные лица. Что-то пошло не так с этими аварийными стержнями. И сделать ничего не могли — без связи-то! Программа сама химичила там, на станции.

— Всем внимание! Полный ход! — отдал командир приказ. Символический. Куда уж полнее, и так на пределе.

Нет сил слушать невнятное бормотание создателей... Оправдываются. Аварийная защита, мля... Сколько, сколько осталось? Пять, от силы десять минут?

Быстрее бы, резче лететь — но не перепрыгнуть законы физики, невозможно за короткий период времени разогнать массивный буксир. Себе он врать не привык — нет у них шансов. Экипажу «Молота» в этом отношении легче, десять и более

жэ осилят запросто, Саныч сможет. Ну, хоть у ребят вероятность спастись ненулевая.

Осознали и пассажиры «Аэлы» приближение конца. Крики скоро сменились мучительными всхлипами, а потом и они угасли — народ по углам расползся, затаился.

Тихо. Нервы обнажены — ждут удара. Больно не будет, будет быстро. Горячий плазменный шар ядерного взрыва поглотит и растворит материю в пределах радиуса ближнего действия.

Расслабиться. Окинуть незримым взглядом прожитые годы, оценить — как она прошла, жизнь? Приготовиться к переходу в мир иной.

Все еще тихо. Долго, однако, тянутся последние секунды. Он бы сказал — минуты. Десятки минут. Время, слыхал, на последнем рубеже растягивается — но не настолько же!

Чем дольше тянется тишина — тем больше шансов на выживание?!

Свет! Сквозь иллюминаторы пролился белый свет, вот оно — взрыв!

Непонятно... Он живой? И даже не раненый?! И корабль в порядке! О чем они лопочут, создатели монстра? Лица искажены дебильной радостью.

Взрыв был не ядерный.

«Молот» исполнил свою миссию — протаранил реактор. Примитивным, но действенным способом разорвал цепную реакцию, не позволив массе делящегося урана стать критической.

Командир закрыл глаза, в груди закололо.

Ребята пожертвовали собой ради них.

Штурман, расположившись в кресле пилота, недоуменно глядел на экран, сообщающий о стабильной работе аварийных стержней.

— Какая стабильность, если трясет?! — прорычал он.

Ал и Дэн переглянулись. Одна и та же мысль посетила светлые головы. Стажеры прибыли на КС-5 как раз для работы с опытной ядерной установкой, им ли не знать; они тогда еще сообразили, на стыке девятого и восьмого секторов, когда затрясло: накрылась аварийная защита.

— Пробуем исправить? — полувопросительно предложил Ал.

— Согласен! — кивнул Дэн.

— У вас что, есть доступ? — удивился Сан Саныч.

— Ну-у... Вчера, по крайней мере, был. Ща проверю. — Дэн скинул кейс, достал из него небольшой манипулятор и подсоединил его к выводящим клеммам на пульте управления «Молота». — Есть! Быстрее надо, скоро рванет.

— Что ты сейчас сказал? Я правильно понял — защита накрылась?

— Да. Осталось десять минут.

— «Молот» должен замолотить! И он замолотит, — ощерился штурман, запуская двигатель на прогрев.

— Мы попробуем наладить стержни, — с нажимом, четко разделяя слова, сказал Ал, глядя штурману в глаза. — Там заело, скорее всего. Выведем, встряхнем и снова введем.

— Пробуйте — у вас две минуты. Потом — извините.

Стажеры уже его не слышали. Склонившись, колдовали над своим манипулятором, изредка перебрасываясь непонятными словами.

— Пускаем? — отдуваясь, спросил Ал. Взмокший, одутловатый, похожий на измочаленного слона.

— Согласен! — пискнул взъерошенный Дэн, в ответственные моменты голос его стабильно срывался на фальцет.

Они оба вытянулись, прислушиваясь.

Во все глаза наблюдавшая за ними Юля тоже замерла, вбирая в себя ощущения и звуки.

— Сработало, лучше стало! — сказала она, когда стажеры уже было расстроились.

— «Молот» должен замолотить! — повторил штурман, на этот раз не столь агрессивно.

— Обязательно! — откликнулся повеселевший Дэн, тоже уловивший положительную динамику — но на манипуляторе. — Сан Саныч, у нас теперь целых полчаса времени!

— Полчаса?.. Полчаса! Ну, держитесь... Стартуем! Да за скобу держитесь, какие кресла!

Корабль резко дернулся — в одну, потом в другую сторону.

— Приехали! — обрадовал штурман.

— К-куда мы... за минуту... приехали? — не понял Ал.

— Учебка! — вскрикнула Юлька, выглянув в иллюминатор. — Сан Саныч, мы туда? Через мусорный шлюз, верно?

— Точно. «Молот» трогать нельзя. Ставлю время на... Через двадцать минут — да, студенты?

— Двадцать две, — уточнил Дэн, вглядываясь в манипулятор.

— А это... Мы же не... Не состыкованы! — все еще не понимал Ал. Бок о бок, но без соприкосновения, в метре-двух, «Молот» медленно скользил вдоль неказистой оболочки учебного модуля, больше смахивающего на болванку, нежели на корабль.

— Скафандры и прочие аварийные штуки на «Молоте» не положены, ведь так? — поддержал не-

понимание товарища Дэн. Оба нервничали — не любили не понимать.

— Ботаникам не дано... Нас, астронавтов! — пропыхтела Юля, надевая шлем.

— Блокиратор! — вручил ей девайс Саныч. — Давай, девонька. Эх, предлагал же мне командир скафандр... Студенты, за скобу взялись и держимся! Юля, шланг где лежит, помнишь?

— Помню. — Она висела над люком сосредоточенная, углубленная в себя. Но не просто висела, а ритмично извивалась — словно змея, исполняющая ритуальный танец.

— Десять секунд... Три, две... Пошла!

Что случилось дальше — стажерам долго еще будет сниться.

Люк открылся. Девчонка нырнула в пустоту открытого космоса — как была — без скафандра, в своем облепляющем костюмчике! И люк закрылся.

Снова люк открылся лишь через пять минут, в которые ошалелые, вошедшие в ступор стажеры надсадно дышали, открывая рты подобно рыбам, выброшенным на берег, — и совсем не из-за понижения давления на корабле, а по причине безмерного потрясения.

В этот раз за люком проглядывал туннель — шланг, зовут его между собой космонавты. В сложенном виде походит на скрученный противопожарный рукав; магнитный ободок наружного края плотно облепляет периметр проема, нажимается кнопка и — пух! — изделие автоматически разворачивается в трубу, конец которой, тоже магнитный, притягивается к другому желанному люку — корабля ли, секции, без разницы, размеры стандартные. Гофрированный шланг мог растягиваться на двадцать метров.

— В темпе, рты закрыли и вперед! — подтолкнул стажеров к туннелю Сан Саныч.

Как только перебрались на соседний корабль, штурман велел крепиться в креслах. Юльку бережно упаковал сам. Она была в сознании — выпученными, сухими до блеска глазищами то и дело постреливала в сторону ребят. Но слабая — ни говорить, ни двигаться не могла.

— Как она? — потрясенные, стажеры ни о чем другом думать были не в состоянии.

— В порядке. Отойдет, не боись.

Два корабля стартовали одновременно: запрограммированный на исполнение миссии «Молот» пошел набирать дистанцию для разбега, учебный модуль — улепетывать во все лопатки.

— Мальчики... Эй! Очнитесь! Ну же... Хватит уже!

— Чего хватит? — просипел Дэн, с интересом приоткрывший один глаз.

— Дам пугать, вот чего!

Битый час хлопотала над стажерами, приводя в чувство. Волновалась, как бы рассудком не повредились, десять «жэ» и не таких ломало, а тут организмы рыхлые, неподготовленные — ботаники, одно слово. Сейчас вот опять невесомость, а столь резкие перепады силы тяжести здоровью не способствуют. Особенно новичков.

— А где они?

— Кто? — оторопела Юлька.

— Не кто, а где. Дамы.

— Юленька, не обращайте внимания, он пошутить желает — а не умеет! — галантно встрял Ал, тоже очнувшийся. — Вы — не дама, вы — фея. Космическая!

— А, в этом смысле... Ладно. Но я запомнила! — покачала она пальчиком перед носом у стушевавшегося Дэна. — Слушайте, Саныч за бортом антенну чинит. Но он же ни фига в антеннах... Посоветовали бы ему, что ли.

— К-какую антенну? — насторожились стажеры.

— А когда рвануло, по нам осколком проехало. Большим таким, еле увернулись. Корпус — ничего, выдержал, но аппаратура снаружи — всмятку. Саныч сказал — надо восстанавливать. Ну и полез.

— Что... Тоже без скафандра? — воровато оглянувшись, шепотом спросил Ал.

Юлька фыркнула.

— За кого вы нас принимаете? Да тут куча скафандров! Техника безопасности обязывает в каждом летательном аппарате их иметь! Ну-у, кроме «Молота»...

Дэн с трудом выбрался из кресла. По телу словно грузовик проехал, до того болело; на Земле, с ее одним «жэ», он бы и руки поднять не смог. Но в невесомости... Да когда от тебя ожидает действий язва, фея и дама в одном лице... Он завис у большого, в полстены, иллюминатора.

— Ничего себе! И правда — всмятку. Но не антенна. Когда-то этот хлам назывался солнечной батареей... А антенна — ничего, держится, повреждения небольшие.

— Н-да... — кряхтя, Ал составил ему компанию. — Саныч нормально справляется, обойдется без наших советов.

— Тогда передатчик гляньте. У нас топливо на нуле, сами рулить не можем, только на помощь звать. Понятно?

— Так точно! — вытянулся в струнку Ал. Правильнее — хотел вытянуться. Но не вышло — вре-

зался головой в потолок, отскочил мячиком и — в пол. Там уже зацепился.

— Какие же вы неуклюжие, ботаники, — вздохнула с сожалением Юля.

— Эт-то... Что-то я не припомню никакого взрыва... — пробормотал Дэн, ни к кому конкретно не обращаясь. Стеснялся?

— Естественно! Вас вырубило при разгоне. На пяти «жэ». Не расстраивайтесь, для новичков — неплохой результат! — Юля, может, и хотела приободрить, а вышло заносчиво. Но ее высокомерный тон на этот раз стажеров не покоробил — имела право.

— То есть — «Молот» сработал, и все нормально? — уточнил Ал.

— Ну да! Мы победили! — расплылась в улыбке.

Одета она была в легкую майку и шорты — и когда успела переодеться? Стажеры глядели на нее, бледно-зеленую, в кровоподтеках по всему телу, с громадными синяками вокруг глаз, и при этом — будто светящуюся изнутри от радости, долго сдерживаемой, но, наконец, прорвавшейся, затопившей организм до краев. И — заряжались той радостью. В измочаленные тела возвращались силы. Победа!

— Юль, — нерешительно начал Ал, — а как это... ты...

— Не время об этом, — перебила она, нахмурив брови, — Саныч снаружи! А передатчик — вон он!

Вернувшись, штурман в первую очередь отругал Юльку за то, что встала без разрешения. Примотал назад к креслу — и, покуда не порозовеет, сказал, лежать и кушать!

Подплыл к стажерам, корпевшим над схемой.

— Гляжу, делом занялись. Хоть чего понимаете? Вы же, вроде, не по этой части — по атомной.

— Мы по всем частям! — откликнулся Ал.

— А я так вообще с детства радиолюбитель, — поднял Дэн голову от платы. — Ас, можно сказать. Не преувеличиваю, любую схему на так.

«На так» заняло два часа.

Имеющийся в наличии передатчик оказался рассчитан на ближнюю связь в пределах КС — километр-два. Дополнительный каскад схем, подсоединенных «асом», позволил увеличить дальность на пару порядков. Сразу и запустили сигнал, и вкруговую, и целенаправленно по известным координатам.

— Боюсь, что нас не услышат, далеко утекли, — предупредил Дэн.

— А ты посмелее будь, чего все боишься! — донеслось с Юлькиной стороны.

— Услышат! — рубанул рукой штурман, придавая вес словам. — Нас ищут — следовательно, слушают. В три, десять ушей!

— Боюсь, тут и сотни ушей маловато будет, — пробурчал Дэн себе под нос.

— Чего-о? Паникер несчастный! — Слух и зрение у Юли отличались необыкновенной чувствительностью.

— Найдут, не сомневайтесь. Но расслабляться нельзя. Начинайте монтировать передатчик дальней связи. А ты, Юля, когда восстановишься, займись ревизией запасов. Задачи всем ясны?

Ровно сутки Юлька послушно вылежала в кресле, а потом встала, заявив, что выздоровела. Синяки вокруг ее глаз отсвечивали темно-синим, будто большие солнечные очки. Возможно, благодаря именно этим очкам, — снова неудачно сострил Дэн, — она и нашла аккумуляторную батарею. «Самое ценное, что у нас есть», — дружно оценили находку муж-

чины. Упакованная и привинченная, батарея ждала своего часа в кладовке — и дождалась; она оказалась не просто новой, но и мощной, из последнего завоза. Стажеры хлопотали над ней, словно куры над цыплятами, даже про Юльку забыли.

Вот уже который день последовательно, одну за другой они просматривали платы, на учебном модуле их много раскидано. Периодически чего-то меняли в своем доморощенном передатчике и вновь запускали сигнал.

Чем дальше — тем больше мрачнели их лица. Появление батареи сказалось положительно, но просветленными лица оставались недолго.

Через неделю Дэн доложил итог изысканий. Ал висел рядом и периодически кивал, поддерживая друга. Окончательный вердикт звучал так: в принципе, передатчик на дальнюю связь организовать можно, но... «Но» — большое и жирное. Нужен усилитель. Не слабое подобие, которое можно соорудить из подручного материала, а один мощный. Будет усилитель — будет передатчик: все остальное выстроить они смогут.

— Ты хочешь сказать, — медленно, акцентируясь на каждом слове, произнес Сан Саныч, — у нас нет связи?

— Да. В смысле, нет! — стушевался расстроенный Дэн.

Мужчины поглядели друг на друга.

— Не раскисать! Нас ищут! — повторил сакраментальное штурман.

— Сан Саныч! А не могли бы вы набросать маршрут, по которому шел на таран «Молот»? — осторожно попросил Ал. — Прямо тут, на бумаге.

Штурман вздернул брови, но просьбу исполнил — нарисовал.

— Так я и думал, — расстроился Ал. — Смотрите, здесь стоял топливный бак для нужд реактора. По закону сохранения импульса... Осколки летели вслед за нами, а мы удалялись по прямой, ведь так? Так. Думаю, восьмой сектор смело напрочь.

— Намекаешь, — сжал штурман лоб ладонями, — они не знают, что мы улетели на учебном модуле?

— Не намекаю, а говорю прямо.

— Но — командир же! — не согласился Дэн, — знал про Юлю...

— Про Юлю, может, и знал... Но не про нас, что мы оттянем момент взрыва. Сан Саныч бы не допустил ядерный взрыв — да, Сан Саныч? Как это... «Молот» должен замолотить.

— Вы кому-нибудь говорили вообще, что можете стержнями управлять, гении хреновы? — В голосе Сан Саныча сквозили тоскливо-угрюмые нотки.

Стажеры переглянулись.

— Вообще? Вообще — оно неофициально, побочный эффект к нашей тематике... Зачем распространяться, могли бы лишить доступа, а без доступа...

Помолчали. Чего говорить — и так ясно: их считают погибшими. Иначе бы давно нашли. Что они стартовали, а не сгорели во взрыве, — не знает никто, кроме них самих.

— А нельзя развернуться? Собрать все топливо, батарею подключить — и?! — нарушила Юля затянувшееся молчание.

— Мы движемся с достаточно большой скоростью. Максимум, что можем сделать, — разъяснил штурман девушке очевидную остальным истину, — это скорректировать орбиту так, чтобы минимизировать период обращения вокруг Солнца. И станет этот период равным двумстам годам. То есть нас снова вынесет к Земле через двести лет.

— Вы что — серьезно вот это все?

— Надежда умирает последней, — пробасил Ал нарочито бодро.

— Согласен! — поддержал Дэн пискляво и закашлялся.

— Да, будем надеяться! — вставил свое слово и Сан Саныч. А что еще он мог сказать? Надеяться — надо.

Сколько они продержатся? — а насколько сумеют растянуть запасы еды и воздуха. Того и другого в кладовке хранилось достаточно, спасибо завхозу, мужику прижимистому, предусмотрительному. Что именно закончится раньше — продовольствие в тюбиках или жидкий кислород в баллонах для системы регенерации, — сказать сложно, но навскидку месяцев шесть протянут.

Зато повезло с энергообеспечением: можно не экономить, поддерживать комфортные условия проживания, энергии с лихвой хватит на год, — обрадовал Дэн.

— Здорово! — энергично и в унисон отозвались Ал и Сан Саныч. — Хоть что-то хорошее!

— Зачем вам год, если через полгода задохнемся... — донесся не лишенный логики вопрос из кладовки, где Юля сортировала запасы.

— Кстати, стажеры! — тут же сменил тему штурман, перемещаясь поближе к парням. Те насторожились — обычно он их кликал студентами, хотя прекрасно знает: аспиранты они! Чего-то от них хочет?

— Помнится, — продолжил штурман, — вы что-то такое поминали про тематику ваших исследований. Не могли бы подробнее? Интересно же!

Стажеры расплылись в улыбке: о таком — завсегда пожалуйста!

— Тема нашего исследования, — солидно начал Ал, поднаторевший в выступлениях на конференциях, — использование ЯЭДУ с целью передачи энергии. На Землю, на корабли, бороздящие космическое пространство, — предполагается точечная целевая передача. Полезная штука, да, Сан Саныч, судя по вашему заинтересованному взгляду? Так вот. Передавать энергию на большие расстояния бесконтактным способом можно двумя способами: с помощью СВЧ и лазеров. Есть еще всякие, но я изложу лишь те, что доведены до ума — до проекта, одобренного сверху. Нас прислали на КС-5 воплощать первый способ. Как вы знаете, СВЧ — это...

Ал разошелся и прочел небольшую лекцию. Тем более что Юлька вылезла из кладовой и составила Сан Санычу компанию.

Закончил докладчик солидно, как положено:

— Вопросы, пожалуйста!

— Ну и где? — спросила Юлька.

— Что где? — не понял Ал.

— Где применение этой вашей теории? Целая батарея стоит, энергии — куча! Так передайте о нас на Землю!

— Понимаете, Юленька, — заюлил смущенный Ал. — Наш способ предполагает наличие ЯЭДУ, мощность которой на порядки — много порядков, подчеркиваю! — выше означенной вами батареи.

— Жулики вы все, в общем, — подытожила Юлька. И только собралась вновь убраться в кладовку, как была остановлена вопросом Дэна.

— А про себя, Юль, не хочешь рассказать? Нам ведь тоже интересно! Изнемогаем от любопытства!

Юля глянула на штурмана.

— Почему бы и нет? — разрешил он. — Секретность, думаю, излишня, в нашем-то положении.

И она рассказала. Сан Саныч время от времени вставлял пояснения, и картина нарисовалась ясная, цельная.

Роды на КС-5 прошли тайно, без санкции сверху. Маме Юли, биологу и врачу, удалось скрывать беременность до самого конца, она сознательно ставила эксперимент на себе. Там не только начальство, но и свои не знали. Один лишь отец Юли, пилот, был в курсе и поддерживал жену во всем. Им и ребенка удалось скрывать — целый месяц! Потом, конечно, их раскрыли, детский крик так просто не утаишь. Случился скандал, не одна голова полетела... Но на Землю отсылать ребенка было поздно — опасно для детского организма, привыкшего к невесомости. И дело засекретили. Во избежание. Подключили ученых. Юлька стала объектом исследования. Изредка ее посылали на Землю — с целью обследования, но всегда возвращали назад по первой же ее просьбе.

На данный момент она являлась студенткой биофака. Пока. На очередной — последний — курс, заявили в деканате, ее переведут, только если она сдаст хвосты. Хвостов накопилось три крупных — по базовым предметам — и куча мелких. Она хотела было бросить учебу, но командир уговорил ее взять на год академку и разобраться с долгами. Особенно доставал один профессор: откровенно сказал, что лишь чудо поможет ей закончить вуз.

— И плевать! Я в пилоты хочу! А меня зарубили при поступлении. На физических нормативах — меня, представляете! Сто метров недостаточно быстро для них пробежала, а! Я! Недостаточно! Быстро! Смотрите!

Она выметнулась на середину, оттолкнулась... и перед восхищенными зрителями проступила «зве-

зда». Девчонка настолько стремительно перемещалась, отталкивалась руками-ногами в точно определенных местах, ни на миллиметр в сторону, что перемещения ее сливались в фигуру. Управление телом — высший пилотаж!

— Как же ты прошла на био, там же конкурс почище летного будет?

— Легко! По целевому распределению напрямую с КС-5 ее не могли не взять, если сдаст экзамены не на двойки. — Штурман вздохнул, вспоминая... как они тогда за нее переживали, готовили, переквалифицировавшись на время в репетиторы...

— А чего вы ее не в пилоты по целевому?

— Не поступила! Мы и предположить не могли, что сорвется на этих дурацких ста метрах. Знать бы... подстелили б.

— Вы не понимаете! — вскинулась Юля. — Я хочу и туда, и туда! Как мама и папа! — Она бы разревелась — губы скривились. Но плакать — табу для космонавта, капли воды в невесомости опасны для жизни, так учили ее родители, и оно въелось. Она не плачет слезами — в принципе.

— Я, кажется, начинаю понимать, как ты тогда... в открытый космос... — сказал Дэн.

— Я тоже, — присоединился Ал.

— И как же? — усмехнувшись, воззрилась на стажеров Юля.

— Вообще — это очень интересная тема, — начал Ал издалека, — мы бы за нее взялись — да, Дэн? Эбуллизм, то есть раздувание, тебе не грозило благодаря твоему эластичному в обтяжку костюму и шлему. Самое тонкое место — кислород. Без него — кислородное голодание тканей, паралич и потеря сознания. Есть научно установленный предел — 15 секунд, дольше которых человек

не способен продержаться, не потеряв сознания. Сложность в том, что нельзя не только дышать, но и иметь воздух внутри организма. Ни в легких, ни в желудке — нигде, иначе разорвет. Ведь твой ритуальный змеиный танец — как раз и есть изгнание из тела воздуха, ведь да? В принципе, тело любого человека способно минуту-другую пробыть в вакууме без катастрофических последствий — но без сознания!

— И за эти 15 секунд ты успела открыть люк мусорного шлюза, — подхватил Дэн, — один и второй. Для тебя это — тьфу. Предполагаю также, что эти 15 секунд для тебя пролонгированы.

— Чего? — удивилась Юля.

— Ну, ты дольше можешь не терять сознания... Ведь да?

— Мальчики, и в кого вы такие умные? — изящно ушла от ответа Юля.

— Кстати, предлагаю свои услуги по самому сложному хвосту. Поработаем — сдадим! — солидно пробасил Ал, оттесняя друга.

— А я — по двум другим, оставшимся! — фальцетом прокричал Дэн из-за его спины.

— Так вы даже не знаете, что за предметы! — кокетливо рассмеялась Юля.

— Какая разница?! — пропели они хором с видом гениев, которым подвластна любая наука.

Штурман недовольно покачал головой. Распушили хвосты студентики... Но это лучше, чем если б носы повесили. Юлька — мощный раздражитель. В принципе, оно и неплохо... Когда в меру.

— Это приказ! — Штурман отвернулся от них и пошел катать «бочку» — фигура такая, типа Юлькиной «звезды», но попроще.

Стажеры сопроводили его телодвижения долгим тяжелым взглядом. Их заставляют часами в день скакать козлами по модулю! Отталкиваясь из приседа и с согнутых рук. В отсутствие тренажеров, мол, придется. Вот зачем, а? Оставшиеся пять месяцев — нет, уже четыре с половиной — они прекрасно и так проживут.

Стажеров снова подташнивало, не давалась им невесомость. Возможно, влияло и однообразие пищи — ассортимент тюбиков был отнюдь не богатый, всего трех видов. Завхоз затаривал кладовку одноименным товаром.

Ал висел у иллюминатора. Дэн валялся на потолке — только завершил работу над переходником для батареи и теперь отдыхал. Когда лимит внутреннего электрогенератора будет исчерпан, а случится это со дня на день, переход с одного источника энергии на другой произойдет плавно и безболезненно.

— Что это там движется? — спросил Ал, указывая на что-то снаружи.

Сан Саныч сделал к «бочке» ручку — подплыл, вгляделся. Едва различимый, объект хоть и медленно, но заметно перемещался на фоне недвижных звезд.

— Так астероид или метеорит. Чем они отличаются, вас в академиях учили? — поддел стажера, возвращаясь к прыжкам.

— Не УС20, случаем?

— Нет, его мы увидим через две недели. А этот мельче, быстрее.

— Не столкнемся? — лениво вступил в беседу Дэн, ради «поболтать». Невыносимо молчать. А молчали они все чаще и дольше.

— Надо хорошо постараться, чтобы столкнуться. А ты с которым из них собрался сталкиваться? — включился штурман в игру «не молчать».

— С который больше. Слушайте, а параметры помнит кто? Летать над ним можно? Как птица и чтобы в космос не усвистеть? С детства мечтал...

— УС20 — астероид Солнечной системы, неправильной грушевидной формы, максимальный размер в поперечнике двадцать километров, период обращения вокруг Солнца триста лет, сравнительно большое альбедо, спектральный класс М, в составе вероятно наличие железа, — скороговоркой отбарабанил Ал. — Ускорение свободного падения на поверхности существенно меньше единицы, так что лучше тебе, Дэн, с твоей хилой массой, привязываться. А вот мне, думаю, не обязательно.

— М-да... — оценил штурман, отдыхиваясь. — Энциклопедические познания.

— Ал у нас теоретик, — Дэн закинул ногу на ногу, руки за голову, имитируя позу отдыхающего после тяжких трудов. — Он не только объемистый кладезь познаний, он еще и думать умеет! Иногда.

Штурман отвернулся от балаболов, чтобы скрыть помрачневшее лицо. «Думать они умеют, как же. Умели бы думать — не сунулись бы черт-те куда там, на станции», — подобные мысли все чаще приходили на ум. Он гнал их, а они опять возвращались, а он их снова — метлой, метлой... Бы да кабы, росли бы грибы, любимая присказка командира. Прости, друг, не вышло на этот раз. Не уберег. Они, старики, должны были научить молодых, а не бросать одних на станции в первый же день. И Юлька, вон, не злится на стажеров — наоборот, подзуживает, для их же пользы. Небось, еще и себя виноватой ощущает, она такая.

Казалось бы — все дела переделали, можно отдыхать. Но штурман придумал новую забаву: заставил команду надеть скафандры. Тут и выяснилось — ис-

правны лишь два. Остальные шесть ущербны каждый в своей части, но из них вполне можно собрать еще два полноценных скафандра. Чем команда и занялась. Все какое-то занятие.

Еще одна неделя прошла — однообразная, тягучая.

Неминуемо приближался предел. Они договорились между собой, что жить будут, ни в чем себе не отказывая — и лишь в последний месяц начнут экономить. Воздух. Да, теперь уже очевидно — умрут они от удушья. Как ни старались, но уныние все больше овладевало умами.

— Новая вводная! — «обрадовал» штурман команду.

И доложил о последних расчетах. Через неделю, как они уже знают, корабль пролетит рядом с УС20. А еще через неделю максимально сблизится с базой «М» — самой дальней от Земли КС, где живут астронавты.

— Максимально — это насколько? — оживились стажеры.

— Миллион километров.

— Ага. Рукой подать! — послышалось из угла.

— Но если, — продолжил штурман, не обращая внимания на реплику, мы бы летели на УС20, то от него до базы — 800 тысяч километров, это два расстояния от Земли до Луны.

— Предлагаете пересесть и жечь костры на астероиде? — язвительно подколола Юля.

Раньше она не решалась ему язвить. Осмелела, потеряла надежду? — отметил про себя штурман.

— Костры, костры... — покрутил Дэн слово, пробуя на язык. — Эх! Нам усилитель бы! Ведь близко совсем.

— А вам клистрон подавай! Видела этого монстра в музее, метра три высотой. Умели делать раньше, не то, что вы! — выдала очередной комментарий Юля.

— Клистрон — самое то! — согласился Дэн.

— Да, клистрон хорошо бы! — поддакнул и Ал. — Электровакуумный прибор, служащий для усиления и генерации СВЧ-колебаний. На одном из конкурсов нам попался, помнишь, Дэн? Этот монстр способен запулить сигнал на альфу Центавра. Запросто.

— Вообще-то, «электро» — вон стоит батарея, а «вакуум» организовать несложно, — внес свою лепту в обсуждение Сан Саныч, — вон его сколько вокруг! И у нас есть скафандры, помните?

Стажеры — оба! — вдруг вздернулись, без невесомости их движение описывалось бы словом «вскочили», и — воткнулись головами в потолок. Но не отскочили, по обыкновению, мячиками, поднабрались-таки опыта — успели за веревки схватиться.

— Допустим, воссоздадим мы клистрон, схему помню, батарея у нас подходящая, напряжение обеспечить можно, — задумчиво протянул Дэн, потирая ушибленный затылок. — Но канал! Не сможем мы узкий канал в данных условиях... И поле магнитное в две тыщи гаусс взять негде.

— Почему не сможем? — не согласился Ал, он даже и не заметил, что стукнулся, настолько идея овладела всем его существом. — Если строить в масштабе сто к одному, канал тогда узкий создать — не проблема. Смотри: увеличиваем гармонично в сто раз размеры. Во столько же раз меньшее нам потребуется поле при неизменном напряжении — всего двадцать гаусс! Неужели не организуем? Гениальная мысль, зацени.

— В сто раз — это длина канала взаимодействия десять метров, ширина пять сантиметров... Вполне, да. Катод — поперечный диаметр метр, радиус сферы три. Откуда возьмем?

— А если вот этот цилиндр? — Ал погладил потолок. — Вот тебе и основа под катод. Видел в кладовке бария целый контейнер, покроем — блеск получится эмиссионная поверхность, когда подогреем. Пучок ленточный, да с компрессией... Конфетка! Что нахмурился?

— А S-деформация краев?

— Да черт с ней, деформацией. Поведем резонаторы посередке пучка, а края пусть в пространство хреначат. Ну, будет низкое КПД, нам не на Центавру слать... Зато вакуум идеальный — мечта поэта!

Они синхронно ринулись к столу, схватили листы бумаги и лихорадочно стали писать формулы.

— Вы это про что? — осторожно спросил Сан Саныч по прошествии некоторого времени. Боялся спугнуть настрой, столь сильного воодушевления у стажеров — и вообще у ученых — видеть не доводилось, а повидал на своем веку он достаточно. Впрочем, откуда ему знать о кухне ученых? На суд простых смертных выносятся лишь блюда, и хорошо, если в сопровождении меню.

— Садиться на астероид надо, вот про что. И резать обшивку.

— К-какую обшивку?

— Корабля, какую... Катод нам надо из чего-то... Электроды. Еще резонаторы. Коллектор какой-никакой. Корабль большой, должно хватить.

— Погодите, а тут, внутри, нельзя? Ваш канал в десять метров уместится!

— Вы что! Кроме канала там столько всего!

— А оно повернуть не может? По спирали?

— Что повернуть — электроны? в канале? — Дэн покрутил пальцем у виска. — Не мешайте, а!

Юлька выплыла из угла и зависла над стажерами. А они — даже не заметили!

Назавтра диктовали «вводную» физики. Сан Саныч внимательно слушал, стараясь не вникать в цифры, а ловить суть.

— Та-ак... Значит, строим длинный узкий канал, в него пускаем ленточный электронный поток, ширина в узком месте пять сантиметров. Разгоняет поток электрическое поле, созданное разностью напряжений между катодом и анодом, его мы возьмем с батареи через особый переходник. Так? Так. А фокусирует поток магнитное поле, которого пока нет. Но получить теоретически возможно, опять-таки с помощью батареи. В связи с этим вопрос: а потянет ли батарея?

— Заставим! — усмехнулся Дэн. — Или на астероиде поле найдем, там железо в составе. А где железо...

— Там магнитное поле, да?

— Не обязательно, но возможно. Было бы хорошо... Энергию б сэкономили, хватило бы сигнал продублировать. Возрос бы шанс, что нас услышат.

— С этим ясно. Еще вопрос. Вот вы гармонично увеличиваете размеры, так? Тогда почему при этом уменьшаете магнитное поле?

— Ну, это просто. Напряжение осталось прежним, 28 киловольт, а поверхность эмиссии увеличилась, значит — что? Уменьшилась плотность потока. Менее плотному потоку нужно меньшее поле.

— Надо же! — почесал затылок Сан Саныч. — Ладно... Теперь о главном.

Посадка, сказал, будет жесткой. Фактически это будет столкновение. Для команды возможен летать-

ный исход. И вообще, они осознают, что комфортабельных нынешних условий не будет? Жить придется в скафандрах, в условиях вакуума и космического холода.

У стажеров вытянулись лица — знать знали, но не осознавали.

— Умеете вы обнадежить... — процедил Ал.

— В связи с этим ставлю вопрос на голосование. Голосуют все. Что мы хотим: спокойно и в комфорте дожить отпущенные нам месяцы, осталось четыре штуки, или — неделю на астероиде в скафандрах с призрачным шансом на спасение?

Голосование не продлилось долго — выбрали второй вариант. Дольше всех колебалась, как ни странно, Юля, но и она, в конце концов, согласилась.

«Молодежь!» — цокнул довольный Сан Саныч.

Что он имел в виду, ребята не поняли. Да и не собирались понимать — не до того. Дэн сказал, что передатчик под новое тэзэ он смонтирует здесь, на борту, в дубовых перчатках скафандра много не намонтируешь. Ал ничего не сказал, а лишь тяжко вздохнул — на его плечи лег основной груз: выдать схему. По которой они все вместе будут складывать клистрон — там, на астероиде. Физики углубились в работу.

Штурман тоже закопался в расчетах — провести коррекцию орбиты и посадку, имея в распоряжении топлива с гулькин нос — задачка не для слабонервных.

Юля по-прежнему обеспечивала быт. У нее хорошо получалось раздавать тюбики и следить, чтобы Ал — с разрешения Дэна — не съедал часть Дэновой порции. «Худеть надо!» — корила она толстого Ала. Раньше корила. Теперь же удвоила всем порции — ешьте, мол, вволю, сколько хотите...

И вот он настал — день, в который должны пересечься орбиты учебного модуля и астероида.

Внутренность корабля разлинована жирными белыми линиями, будто детские классики, куски пронумерованы и подписаны — Ал постарался. Каждому члену экипажа он вручил по два листа бумаги со схемой и цифрами — инструкцию по сборке: на одном — если найдут магнитное поле, на другом — если не найдут.

Дэн продемонстрировал народу свое творение — новый передатчик, настроенный и опробованный на слабом сигнале. Выглядело творение на редкость несерьезно — умещалось на одной плате. На астероиде плата будет заэкранирована — полупроводники не выносят радиации, в отличие от вакуумных приборов.

Штурман, внешне спокойный как танк, еще и шутить пытался.

— И это — все? Ничего не забыл? — поддел Дэна.

— Почему — все? — не понял юмора Дэн. — Еще пульт — в нашем манипуляторе сменил начинку. Жалко, но пришлось. И вот это вот... — жестом фокусника выпростал из-за пазухи плату побольше. — Для связи батареи и клистрона.

— Переходник, что ль?

— Ы-ы, переходник... Ну, можно и так сказать.

Обе платы и пульт аккуратно обернули металлической сеткой и вложили в «карманы» скафандра.

Сан Саныч окинул взглядом помещение — ничего не забыли?

Батарея, резак, недельный набор продуктов и сжатого кислорода тщательно упакованы и притачаны в наиболее безопасном месте.

— Пора. Надеть скафандры и занять места! — скомандовал он, неожиданно посерьезнев.

— Ой! — пискнула Юля, внезапно побледнев.

Высадка на астероид прошла быстро и жестко, как и обещал штурман.

Героически расправившись с препятствиями, одно за другим преграждавшими путь, они выбрались наружу и дружно таращились на то, что когда-то называлось учебным модулем.

— Вот же хрень, вспороло как масло ножом! — раздалось в наушниках.

— Как мы еще... Целыми? — прохрипело в ответ.

Черная сфера космоса алчно взирала на них сонмом огоньков — чужих, холодных. Немигающих. Словно удав на кроликов.

Кролики и есть. Запертые на затерянном в космосе астероиде. Одни. Сопение Ала лишь подчеркивало абсолютно холодное равнодушие космоса.

— Хватит глазеть, пора за работу! — привел народ в чувство Сан Саныч.

— Куда мне? — деловито осведомилась Юля.

— Ты туда, я сюда. Обвязалась? Прибор с тобой?

Юля лишь фыркнула.

Перед ними двоими стояла задача исследовать окрестности на предмет обнаружения магнитного поля. Найдут — не придется тратить дефицитную энергию на ток в соленоидах, организовывая необходимые двадцать гаусс.

Физики поглядели на удаляющиеся пятиметровыми мелкими шажками фигуры в скафандрах, вздохнули и принялись за работу, которой непочатый край. Перво-наперво достать и закрепить предметы жизнеобеспечения.

Спустя три часа вернулась Юля.

— Нашла я его, ваше поле... — обрадовала ребят. — Во-он там. Но устала чего-то...

Стажеры засуетились — подключили ее к батарее — греться, к баллону — воздух менять; кап-

сулу с обедом поднесли, пищевую трубку помогли в шлем ввинтить.

Скоро и Сан Саныч вернулся, тоже результативно сходил. Осталось выбрать оптимальную площадку — и можно начинать сборку.

— А Юлька-то наша — спит!

— Умаялась. Оживает понемногу, хорошо, — кивнул Сан Саныч.

— Странно... Юлька — и умаялась, — пробормотал Дэн. — В открытом космосе! Да она же, как бы, наоборот должна...

— Не хотел вам раньше говорить, но теперь можно. — Сан Саныч привалился спиной к батарее, вытянув ноги. — Дело в том, что тринадцать лет назад при посадке на подобный астероид погибли ее родители.

— И она — боялась? — догадался Дэн.

— Это с виду она сильная, а на самом деле — ранимая. Женщина, чего хотите. Тут бы и мужик сдрыстнул. Меня, признаюсь, тоже ломало. Но у меня, в отличие от ее отца, было преимущество — по его опыту я знал, как садиться нельзя. — Он зевнул. — Ребят, я тоже подремлю, вы тут как-нибудь сами...

— Погодите... Сначала информация, — сказал Ал невесело. — Я тут посчитал... Клистрон много энергии возьмет. После него — на нас — почти не останется. Максимум двое суток.

— Нам хватит, — махнул рукой штурман. — Тут просто: или — или. Так я спать, можно?

Передатчик смонтировали за пять дней. Существенную его часть — по объему если смотреть — составлял усилитель. Клистрон. Выстроенный из корабля. С виду — детский конструктор, только

большой. Кубы фокусирующих электродов, шар коллектора, трубы подвода энергии, входной и выходной резонаторы чудной формы и — провода повсюду... Ирреальное нагромождение. Аккуратно вырезанная в виде корыта обшивка модуля служит катодом, заковыристо уложенные в спираль провода обеспечивают его разогрев. Эмитирующий с катода пучок целит в длинный узкий канал, сформированный ламелями с прилепленными резонаторами. Венчает творение ветвистое сооружение — антенна; Дэн горло надсадил, требуя, чтобы рядом не шастали, не сбивали настройку.

Еще день ушел на наладку. Сан Саныч и Юля с ног и рук сбились, выполняя команды физиков: это туда, то сюда, «верните как было». Он выполнял среднюю доводку, она — тонкую. Область ее ответственности — от катода до канала и сам канал, наиболее чувствительная часть прибора. Изящно летала, выполняя немыслимые кульбиты, — ради «на миллиметр подвинь! этот угол на градус вверх!».

Сами стажеры оказались слишком неуклюжими для любой доводки, слонам не место в посудной лавке.

И, наконец, появился сигнал, пошел пронзать пространство со скоростью света. Передатчик работал!

Дэн тут же послал сообщение, заранее заведенное в память пульта.

— Что — уже? — удивилась Юля. — Нажал — и все?

— Долго ли, умеючи, — донжуан явно красовался перед дамой. — Пять минут длительность.

— И что передаем?

— Что положено — SOS, координаты.

— Оно точно ушло?

Как-то не вязалось в мозгу: мощный сигнал — и из корыта... которое стажеры называли катодом.

— Через час повторим на всякий пожарный.

Подвалил прыжком Ал.

— Если выживем, — пропыхтел мечтательно главный теоретик, — оформлю патент. Назову «Технология изготовления мощного клистрона из космического корабля в условиях астероида». В авторы — всех нас четверых. Удар под дых твоему профессору!

Неожиданно Юлька засмеялась. Зажато, с придыханием и всхлипами — но определенно то был смех, а не рыдания. Мужчины неотрывно глядели на нее, и растекалось в душе тепло.

«Такая она бабушке бы понравилась», — ни с того ни с сего подумал Ал.

Сбившись в кучу, четверо лежат возле батареи, выжатой до последней капли — сдохшей, попросту говоря. Время от времени стукают друг по другу. Замерзают. Двигаться больше нет сил. И приподняться — чтобы посмотреть приземление корабля — тоже нет. Но они знают — прилетела помощь, уловили по колебаниям почвы.

Из последних сил Сан Саныч поднимает руку — пускает сигнальную ракету.

ДМИТРИЙ ГРАДИНАР

ЗОДИАК. СИНИЙ. ВОСЕМЬ

1

Новость свалилась неожиданно и похоронила надежды на летний отдых. Мелехин пытался спасти планы на лето, хотя знал, что шансов мало. Он — молодой сотрудник Следственного управления одного из федеральных округов, и в лучшем случае ему

светило захватить конец сентября, но уж никак не июль и тем более не август. Теперь и сентябрь оказался под угрозой.

— Ну почему я? Щипачева пусть возьмут, он опытней. Семахин вернулся из отпуска, свежий, отдохнувший. Меня-то за что?

Начальник отдела побагровел, затем стал розовым, потом вовсе каким-то пепельным. За эту особенность — вот так менять цвет лица — в отделе его звали Хамелеоном.

— Спорить тут не о чем. Есть распоряжение из Москвы: отправить лейтенанта юстиции Мелехина для выполнения ответственного поручения, связанного с деятельностью антарктической исследовательской станции «Прогресс». Точка. Что там у них стряслось, а также о сроках и целях командировки, узнаете в Москве. С этого момента вы переподчинены непосредственно Главку. Это все, что я должен был вам сообщить. Единственное, что мне известно, — Хамелеон вскинул ладонь, пресекая попытку подчиненного вставить словечко, — там работает международная группа исследователей из Исландии и Чили, а рядом находятся британские полярники. Смекаете, к чему это все?

— Ах, черт! — вырвалось у Мелехина, проклинавшего в эту минуту свои способности к изучению иностранных языков.

— Вот-вот! В Следственном управлении не так уж много полиглотов со знанием испанского, английского, а главное — исландского, не знаю, как вам удалось его осилить. В общем, стране нужны герои, никто кроме вас, и все такое прочее. Кажется, на станции что-то пропало. А некоторые полярники-гости русским и английским владеют на уровне школы, почти как я, май таун из нот вери биг, бат

нот вери смол. Сенькью вери мач эврибади. Как-то так, — щегольнул шеф диалектом, весьма недотягивающим до оксфордского.

— Я же собирался на международные отношения, — зачем-то начал оправдываться Мелехин, — но там конкурс, нужен был стаж, вот и пришлось...

— Ага, — снова прервал Хамелеон, — заодно расскажите о сутане монаха, о которой мечтаете во снах, в то время как вам приходится носить плащ мушкетера. Думаю, если удастся справиться с заданием, шансы стать дипломатом увеличатся. В противном случае мне придется доложить, что информация запоздала и никакого лейтенанта Мелехина в моем управлении не числится, потому что сотрудник с такой фамилией уволился по собственному желанию прямо сейчас.

— А если я не справлюсь? Я же больше по бухгалтерскому учету и финансам, а там какой-то криминал, кража, какой из меня Пинкертон? Туда сыскаря нужно, оперативника МВД, а что я? Да и холодно слишком, и вообще... — вывалил Мелехин последние аргументы, хотя уже понял, что избежать командировки не удастся. Указания из Главка — это серьезно.

— Олег, ну ты что, маленький? Объяснить тебе, что не нашли никакого сыскаря со знанием кучи иностранных языков, особенно вот этого... Страны льда и огня? Я до сих пор не могу ни словечка по-исландски. Эй-фей-тей-хей, елки!

— Эйяфьятлайокудль, — автоматически поправил Мелехин.

— Вот! Видишь? А ты говоришь... Короче, собирай манатки, завтра вылетаешь в Москву.

Мелехин живо представил себе ухмыляющегося полярного медведя и стайку укутанных в меха пин-

гвинов, смеющихся над замерзающим молодым лейтенантом в туфлях, пальто и лайковых перчатках.

Сейчас ему было наплевать, что если с пингвинами он угадал, то белых медведей в Антарктиде отродясь не бывало, потому что они живут на Северном полюсе, а ему предстояла дальняя дорога в дом казенный по бубновым хлопотам совершенно в противоположную сторону. На самый-самый юг.

— А вдруг у них какой-то диалект особенный, тогда как?

— На месте и разберешься, что у них за диалект. Кто писал во всех анкетах при поступлении на службу, что владеет исландским? Испанским? Английским? Я, что ли?

— Ну, это я так, просто...

— Ага, выпендреж называется. Теперь радуйся, Родине твои умения пригодились. Так что, Олежка, двигайся, тебе еще в бухгалтерию бежать, оформлять командировку. Эфейкудль ты наш. Теплых вещей возьми, я посмотрел в Интернете, там сейчас минус шестьдесят. Зато снежные бури только через неделю ожидаются. В общем, вперед и с песней!

— Но почему именно тебя? — заволновалась мать, когда узнала, куда отправляют ее сына. — Во всей огромной стране не нашлось никого другого?

— Спрашивал. Сказали — нужны герои, и сегодня моя очередь. Ладно, мама, не переживай. Все будет хорошо. Отправляют, потому что языки иностранные на свою голову выучил.

— Так у нас всегда. Кто много знает — того на полюс загнать нужно, а другие наверх лезут. А когда вернешься-то?

— Вот это самая большая тайна. Никто не знает. Бураны у них бывают, минус шестьдесят сейчас, так

что главное — безопасность. Я позвоню, или по Интернету как-нибудь, должна же у них быть связь...

Утро вышло каким-то скомканным. Всю ночь Мелехин ворочался с боку на бок, настроившись на необычное приключение. В конце концов, не каждый день и не всем подряд предлагают побывать на полюсе за казенный счет. Может быть, эта командировка станет самым ярким моментом всей жизни, думалось ему. Время шло, сон — нет. А когда глаза стали слипаться сами по себе, зазвонил телефон, оказалось, машина уже у подъезда. Так началась его странная командировка.

Москва встретила шумом и неразберихой, в Домодедово с самого утра ажиотаж, из-за плохой погоды ночные рейсы прибыли с опозданием, наслаиваясь на те, что состоялись вовремя. И Мелехин едва не прозевал встречающих.

Их было двое. Первый — очень высокий седой мужчина, годившийся по возрасту Олегу в отцы, второй моложе, но тоже на голову выше, он держал в руках табличку с лаконичной аббревиатурой «ГСУ — Мелехин». Для непосвященных то ли стройтрест какой, то ли газовики, то ли еще что. Но Мелехину были знакомы эти заглавные буквы.

— Майор Коротков, Главное следственное управление, — представился тот, что моложе.

— Лодырев, — бросил первый, что старше.

Звания он не уточнил, но Мелехину стало ясно, что перед ним офицер в генеральском звании. Возраст, взгляд, слишком глубокие морщины на лбу и властность в голосе. Признаков хватало. Он и в самом деле оказался генералом, вот только из другого ведомства. Это обнаружилось, когда автомобиль, преодолев пробки на МКАД, пересек столицу и ока-

зался в районе станции «Арбатской», хотя Следственный комитет, насколько знал Мелехин, был совсем в другом районе, на «Бауманской».

— Здание Генерального штаба, — пояснил майор, вас временно берут на службу в военно-космические силы, с чем и поздравляю.

— Послужим Отечеству, лейтенант? — улыбнулся Лодырев, а после, без всякого перехода, зашипелзаюлькал мягкими знаками: — Хвайерьту... Шкильюр... Тьюнгьумал...

Майор многозначительно прикусил нижнюю губу, а Мелехин, любовавшийся видами утренней столицы, на секунду замешкался, врубаясь, что его спрашивают, хороша ли была поездочка, сколько ему лет и действительно ли он разговаривает на исландском?

— Спасибо, все нормально, мне двадцать четыре, немного говорю по-исландски, английский и испанский знаю лучше, — ответил на исландском Мелехин, ничуть не оробев под пристальным взглядом генерала. А после зачем-то добавил свое любимое: — Андьоскотьюн!

— То есть? — удивился генерал, которому выражение было незнакомо.

— Тысяча чертей!

— О! Настоящий мушкетер! — рассмеялся майор, ни слова до сих пор не понявший из их короткого диалога.

— Что ж, знание языков будет полезным бонусом при выполнении задания, — удовлетворительно кивнул генерал.

— Бонусом? Так что же, я здесь не из-за знания языков?

— Ну, во первых, не здесь, а там, — и генерал поднял взгляд кверху, — во-вторых, языки действительно пригодятся. И в третьих...

Генерал не договорил, машина остановилась у фасада Генштаба, где Мелехину объяснили суть истинного задания.

— Вау! — сказал он чуть позже, не веря до конца в то, что ему предстояло пережить.

Потому что вовсе не к полюсу лежала дорога.

Мелехина ждал космос.

2

На инструктаж и подготовку к полету было отведено два дня. Причиной спешки явилось четкое расписание грузовых кораблей, обеспечивающих орбитальные станции, и еще одно обстоятельство.

— Комплекс «Зодиак» второй по величине и первый по уровню комфорта из всей группы орбитальных гостиниц, — сообщал инструктор. — На орбите присутствует два космоотеля Российской Федерации, четыре — принадлежащих США, одна европейская гостиница, две китайские. Выгодный бизнес. Можно сказать, золотая жила двадцать первого века.

— И что, везде прямо наплыв туристов? — удивился Мелехин, — ведь дорогое удовольствие!

— Это психология. Если я богат, то хочу чего-то дорогого. А расценки... Самые дорогие курорты — это вовсе не тропические острова. Вы слыхали о таком месте, как Исладеса Херадурро, Остров-Подкова? Ночь в отеле на этом островке стоит около семидесяти тысяч американских долларов. Можно жить целый год. И возьмут недорого — миллионов тридцать. Ночь на островке с названием Буша Кей стоит сорок тысяч. Есть еще куча злачных мест, где богатый турист может потратить до пятидесяти тысяч долларов за сутки. Частные виллы пытаются при-

влечь какими-то особенными фишками, эксклюзивом от владельца, так сказать. Иные места примечательны своим расположением. Теплой и чистой водой, хорошей погодой, хорошей рыбалкой, интересным дайвингом, как в Красном море и на Большом Барьерном рифе. Но кому-то хочется чего-то новенького.

— Пойти туда, не знаю куда, побывать там, где никому другому не побывать... — сказал Мелехин.

— Да не то чтобы очень далеко идти. И не то чтобы очень волшебное место. Вопрос престижа, понимаете? Есть одно унылое местечко в горах Шотландии. Там нет моря, но часто идут дожди. Нет дайвинга, но есть полянка для гольфа. Солнце светит, но не слишком греет. Экология, чистый горный воздух, чистая вода, пасторальные картины. Номер в гостинице стоит от двух до десяти тысяч долларов за ночь. Не много и не мало. Есть одно но. Даже если у вас окажется десять тысяч лишних долларов, вам все равно никогда не попасть в эту гостиницу. Потому что давно уже придумана такая замечательная вещь, как клубная карта.

— Закрытый клуб?

— Не просто закрытый. Для того чтобы вступить в клуб, члены которого имеют право отдыхать в той шотландской гостинице, сначала вам нужно заплатить четыре миллиона фунтов. Потом каждый год вносить не менее миллиона.

— Ого. Золотой отдых.

— Платиновый. Даже иридиевый или какой там металл самый дорогой на свете? Попасть в гостиницу имеет право лишь тот из членов, кто внес в фонд клуба двести миллионов. Престиж — странная штука... Руками не потрогать, а вот по карману и по нервам бьет, и весьма ощутимо.

— Лихо. И что, космические отели тоже строятся по такой схеме?

— Почти. Но это конфиденциальная информация, и вам она не понадобится. Раз уж мировой доктриной стал не прорыв к звездам, а именно рентабельный космос, то это неизбежно — развивать орбитальные отели.

— Космические туристы и раньше летали. МКС, все такое, в чем же основная разница? Неужели кому-то это так важно — видеть рядом то, чего в избытке хватает на земле? Джакузи, ресторан с официантами, постель с пуховой периной, даже не знаю, что там еще бывает в дорогих гостиницах?

— Вопрос в том, чего там не бывает. Космоса. И Земли, проносящейся под окном твоего номера. Туда попадет едва ли один из миллиона. И джакузи у них не просто бассейн со стеклянным полом, но бассейн с видом в космос. Вы и звезды! А еще — незабываемые ощущения полета! Одно дело: самолет, взмывающий чуть выше видимой атмосферы, другое — подъем на орбиту в кабине космического корабля.

— Есть грузовики, которые управляются экипажем, а есть — автоматические модули. Мне, кажется, достался рейс без экипажа, — вспомнил Мелехин.

— Не расстраивайтесь. Дорожка протоптана. У автономных модулей уровень аварийности даже меньше, чем у пилотируемых, потому что исключен человеческий фактор. В случае чего управление модулем всегда можно перехватить из центра контроля. Вы летите на «Зодиак», а это — новая система шлюзования и стыковки, там аппаратура швартовки последнего поколения. Лучше думайте о предстоящем задании.

— Как я могу думать о том, что мне совершенно неизвестно? Вы целый час излагаете основы гостиничного бизнеса, а что я должен делать там, на орбите, — про это ни слова.

— Я только ввел вас в курс дела. Объяснил, что к чему. А дальше — не моя компетенция. Просто вам предстоит сыграть роль весьма богатого человека.

— Изображать космического туриста? Ох, боюсь, кто-то наверху сильно со мной просчитался. У меня нет никаких замашек миллионера, я уверен. Не умею сорить деньгами, не привык к роскоши, да и с актерским талантом, кажется, не особенно...

— Вы очень похожи на того человека, который исчез в отеле «Зодиак», — прервал жалобы Мелехина генерал Лодырев, вошедший совершенно бесшумно.

— Как — исчез? И почему я?

— Ну, на второй вопрос ответ простой — визуальное сходство. Вы просто копия пропавшего пассажира. Мы прошерстили персональные данные сотрудников всех государственных учреждений. А вот первый вопрос... Хотел бы я знать, куда и как подевался настоящий пассажир. Его звали Грегори. Шотландец. Работал в одной из корпораций, где установили за правило премировать отличившихся сотрудников десятидневным отдыхом в космоотеле. Что-то вроде розового авто для лучших продавцов косметики в сетевой империи «Мэри Кэй». Занял номер в синей зоне, пользовался всем набором услуг, так что вам предстоит вкусить все прелести орбитального отдыха. Повезло, Мелехин.

— А что, в отеле нет никаких камер наблюдения?

— Конечно же, есть. Но станция новая, запускали в спешке, чтобы успеть занять выгодную орбиту,

пока там не заселились конкуренты, к тому же синий сегмент — его смонтировали всего полгода назад, и потому хватает мертвых зон, где видеофиксация невозможна. Есть человек, и нет человека. Двое суток назад Грегори Бортвик позавтракал в кафе «Зодиака», затем он ушел, вот смотрите! — Лодырев развернул к Мелехину планшет с записями видеокамер «Зодиака».

На экране можно было видеть, как молодой человек, лет двадцати пяти — двадцати семи, встает из-за стола, подходит к другому столу, за которым сидели четверо туристов намного старше его, и каждому из них пожимает руку. Потом направляется в сторону и исчезает из поля зрения камер.

— Объектив следующей камеры ловит его в коридоре, это уже в двух переходах от кафе, — продолжил виртуальное слежение за пропавшим туристом Лодырев, — потом он поворачивает направо, там дорога одна — к жилым зонам. После чего мы видим его прямо перед дверью каюты. Вот. Синий сектор. Восемь. Входит. Закрывает дверь. Идет в ванную. По договору со всеми туристами ванная комната, совмещенная с туалетом, спальная зона, еще некоторые места являются местами, исключающими наблюдение за интимными моментами их жизни. Так что в ванной мы его не видим. Но! — генерал выдержал паузу, вглядываясь в лицо молодого лейтенанта, — вы же понимаете, что такое хранение государственных секретов? И что такое космическая станция стоимостью в несколько триллионов рублей? В общем... — Видео на экране снова ожило, теперь можно было видеть лицо человека, смотрящего на себя в зеркало. Мелехин с удивлением отметил, что, действительно, сходство было таковым, словно он подглядывал за самим собой. Разни-

ца имелась в цвете волос, но эту мелочь можно было легко подправить, тем более что на выполнение всей миссии ему отводилось четыре дня и обман с окрашенной шевелюрой не успел бы раскрыться.

— Это логично — использовать видеонаблюдение во всех подобных местах, все равно во всем мире ведется прослушка телефонных разговоров и контроль интернет-трафика, что уж...

— А еще, как и раньше, во всем мире не слишком доверяют нам, России, — в тон продолжил генерал, — поверь, Мелехин, всю дорогу нас будут рисовать как злых гениев. Никто из туристов не обольщается по поводу отсутствия камер в ванной и в спальне. Их привлекают наши цены. Хотя в данном случае камера фиксирует важный факт: в десять ноль пять по орбитальному времени, совпадающему на наших станциях с московским, турист, этот чертов Грегори, еще не стал невидимкой. Вот он, голубчик. Красуется.

Две минуты, не меньше, Бортвик пялился на свое отражение, после чего сделал глубокий вдох, выдохнул и, развернувшись, покинул ванную.

— Он даже не стал чистить зубы, хотя вначале схватился за щетку, — отметил Мелехин.

— А ты видел, какой у него был взгляд? Будто он решился на какой-то отчаянный шаг. Это же подтвердил психолог-физиогномист.

— Вы думаете — самоубийство? Попрощался, посмотрел в зеркало, а потом?

— Потом — ничего. Вот он вышел из номера, прошел до поворота, и вот он исчез. Камеры у других номеров его не фиксировали, коридорные камеры тоже.

— А возможно попадание в мертвые зоны?

— Да, мы просчитали на компьютере. Это возможно, если двигаться по определенной траектории, пригибаться вот тут, тут и тут, — генерал ткнул пальцем в монитор, — вот только одно но. Эти зоны никому не известны.

— Ну, с этим уже потом можно разобраться, а куда он мог пойти? Вернее, если он действительно решил устроить суицид, где это можно сделать? Выход в открытый космос? Технические ниши, куда можно свалиться случайным образом, и наш турист лежит где-то в вентиляционной шахте без сознания?

— Исключено. Нет таких технических ниш. Отели класса «Зодиак» или американского «Спейс-ранчо» — это же шедевры! Зоны гравитации! Прогулочная палуба, с выходом в открытый космос. Зимний сад с цветущими орхидеями, поющими канарейками, ручьями! Высший уровень безопасности, и вдруг такое! Пока есть хоть какая-то возможность, будем искать. Живого или мертвого, его нужно найти, понимаешь?

— Понимаю.

— Ни черта ты не понимаешь. По глазам вижу. Это важное задание, очень важное! Ты понятия не имеешь, сколько народу прикрывает всю операцию! Для своих ты где? Правильно, в Антарктиде! А это значит, что в Антарктиде действительно появится некий сотрудник следственных органов, с документами на имя Олега Мелехина, и произведет проверку. В детали я не вдавался, другой отдел шаманит. А там, на «Зодиаке», персонал прямо сейчас водит за нос остальных туристов, которые уже по сто раз задали вопрос: где наш развеселый шотландец? Он, видите ли, анекдоты любил рассказывать. Им отвечают, что бедолага залетел в карантин и что у него

обнаружились какие-то проблемы со здоровьем, но все это решаемо, заказ на лекарства отправлен, будут доставлены на очередном грузовике, после чего турист присоединится к остальным. Правда, что-то у него с горлом, и теперь уже придется обойтись без анекдотов. Короче, тебе придется стать немой рыбой, изображая Грегори. Он им как экзотика. Простой работяга, инженер, мелкий винтик промышленной империи рядом с владельцами яхт, ресторанов и заводов-пароходов.

— Я все понимаю, товарищ генерал, только что мы будем делать, если у этого винтика на самом деле сорвало резьбу и он просто шагнул в открытый космос или еще как-то там убился?

— Не мог он шагнуть в космос. Отель имеет всего один выход на прогулочную палубу, который активируется после выполнения процедуры проверки скафандров. Кстати, один выход — пять миллионов долларов.

— Ох, ты ж!

— У американцев пятнадцать. Основной закон рынка знаешь? Зачем продавать за сто баксов то, что можно продать за тысячу? Вот и вся экономика капитализма. Впрочем, это тоже не моя компетенция. Но с ценами на орбите уже понял, да? Так же дорого, как в Ялте, и помножить на тысячу. Хотя с сервисом все тип-топ. Увидишь.

— И космос увижу? То есть — открытый космос? В скафандре...

— Конечно, увидишь. Полный набор. Я вот все гадаю, когда же у нас простых, но заслуженных людей вот так же премировать будут? Мэры всякие летали. Дети мэров. Депутаты. Олигархи. Жены олигархов. Дети. Жены детей. А какой-нибудь пожар-

ный, спасший человеческую жизнь, или офицер, исполнивший долг, я не говорю уже об учителях, врачах, инженерах, прочих трудягах... Ну, да ладно, придет время... В общем, нет на «Зодиаке» никаких мест, откуда можно безнадзорно, запросто, без всякого контроля выйти в космос. Контроль тройной. Присутствие инструктора. Внешний осмотр. Доклад на Землю, в Центр Управления Орбитальными Полетами. Протокол открытия шлюза. Закрытия. Тут как на подлодке. Вход там же, где и выход. И никаких форточек.

— С этим понятно. В космос попасть он не мог. А кухня?

Генерал рассмеялся.

— Это ты представляешь кухню, как в передачах из цикла «давай пожрем»? С кастрюлями, сковородами, с разделочными ножами и огромным шкафом для выпечки?

— Ну, типа того, — осознав, что сморозил глупость, смутился Мелехин.

— Нет, лейтенант. Никаких ножей и молотков для отбивных. Меню оговорено, или же предлагается стандартный набор, продукты упакованы, готовы к употреблению, разве что есть разогреватели для первых блюд. Но это мелкие ниши с электрическим нагревом, как в чайнике. Так что — никакой техасской резни бензопилой и прочей хозяйственной утварью. Давай лучше познакомим тебя со станцией, чтобы не переспрашивать каждый раз у всех подряд, как пройти в библиотеку. А потом спать.

— В библиотеку? А зачем?

— Забудь, это шутка. Вот, гляди сюда...

«Завтра я увижу звезды», — подумал Мелехин.

3

«Зодиак» впечатлял. Вначале он казался игрушкой, странным волчком, вертящимся в темной бездне. Основой «Зодиака» являлась суставчатая ось, на которую насаживались вращающиеся кольцевые фермы жилой зоны с искусственной гравитацией. Оба конца основной конструкции оканчивались огромными прямоугольными пластинами, несущими солнечные батареи, а также являющиеся своеобразными щитами в случае солнечного выброса. Вначале на центральной оси вращалось всего одно жилое кольцо — сектор Красный. Затем настала очередь Оранжевого сектора, — доставленные на орбиту составляющие были смонтированы меньше чем за год. Центральную ось нарастили в длину и поместили на нее вторую конструкцию. Еще через год «Зодиак» обзавелся третьей зоной, Синей. В шутку отель называли светофором, но это ненадолго, потому что в следующем году планировалось разместить еще одну жилую зону, Белый сектор, четвертое вращающееся кольцо. В каждой жилой зоне имелось восемь индивидуальных номеров, которые могли быть переделаны в четыре двухместных, для парного проживания. На «Зодиаке» находилось шесть человек обслуживающего персонала. Плюс — стационарный технический пост, где несли посменную вахту четверо профессиональных космонавтов. Спасатели Малибу, как окрестили их туристы. Только со случившейся нештатной ситуацией персонал не справился. Неоднократный осмотр как самой станции, так и ее окрестностей никаких результатов не дал. Ни одной зацепки. Грегори Бортвик исчез. И вот, спустя четыре дня, он должен был появиться снова.

Конечно же, Мелехин нервничал. Персоналу были даны инструкции оказать полное содействие, в том числе и в убеждении туристов, что Бортвик — это Бортвик, потому что внешнее сходство и голос, даже если бы Мелехин идеально копировал голос шотландца, это еще не все. Жесты. Улыбка. Грусть. Выражение прочих эмоций. Какие-то штрихи, вроде едва не забытой второпях татуировки на запястье, любая мелочь могла выдать его с головой или хотя бы посеять сомнения среди туристов. Изображать немого, якобы из-за ослабленных простудой голосовых связок, тоже непросто. Если бы речь шла о тотальной немоте, ему бы просто выдали упаковку пилюль, отключающих на время голос, но тогда он бы не смог вести общение с обслуживающим персоналом. Еще одна неприятная деталь: в отличие от Мелехина, Грегори Бортвик был левшой, и тут уже ничего поделать нельзя.

— Ты, конечно, старайся делать что-то левой рукой, но только не самые важные вещи. Поздороваться — замешкайся, подавая руку. Помнишь, этот жест на видео? Вначале протяни левую, а потом, смутившись, правую. Ну, от всего не застрахуешься. Импровизируй. В конце концов, бывай почаще в зоне невесомости, после такого некоторые мелочи тебе простят. Мало ли, голова закружилась. Вот тебе документы Бортвика, все, что он писал о себе в анкетах и что проверили наши информаторы, все же мы не какая-то частная лавочка и должны иметь представление, кого отправляем на орбиту. Дорогой Гагарина, так сказать.

В космосе нет полутонов, полутеней, ничего половинчатого. Или минус двести и ниже, или плюс двести и выше. Вот «Зодиак» маленький, игрушеч-

ный, а вот, без всяких промежуточных стадий, он прыгнул навстречу и стал огромным. Мелехину показалось, что он сейчас просто врежется в «Зодиак», и на этом все его недолгое путешествие будет завершено. Медаль. Оркестр. Траурные венки.

Не дошло ни до оркестров, ни до катастроф. Модуль тряхнуло, сработали автоматические ловушки-финишеры, затем потащило вправо, маневровые движки корректировали позицию, а потом в наступившей тишине раздался звук, будто вылетела пробка из шампанского. Шлюзовая камера открылась.

— Здравствуйте! — поприветствовал он двух хмурых парней чуть постарше возрастом.

— И тебе не болеть, — сказал один, пока другой деловито цеплял тросы к каким-то контейнерам.

— Случилось что-то? — поинтересовался Мелехин, не слишком обрадованный такой встречей.

Ему казалось, он только что совершил подвиг, взмыл к самым звездам. Дорогой Гагарина, как сказал новый шеф. Но только дорога оказалась не таинственной сказочной тропинкой, а бывалым хоженым трактом.

— Пока ты поднимался, на наших косточках кто только не повалялся, не покатался, от КБ до ФСБ. Ценный ты груз, товарищ лейтенант. Беречь тебя, как зеницу ока, сказали.

— Ну, раз не сберегли туриста, — хотел съязвить Мелехин, но прикусил язык.

— Пассажиры спят. Тихонько идем в лазарет. Там и поговорим, — сказали ему, а после подхватили под руки и потащили, будто на буксире, сквозь шлюз.

Мелехина подташнивало, невесомость и взлетные перегрузки давали о себе знать. Но вскоре они достигли обитаемой зоны, где появилась гравитация, и там он чуть пришел в себя.

— Знакомься: главврач, медсестра, друг, товарищ и просто красивая женщина, — представили ему стройную молодую девушку.

— Астра, — протянула она руку.

— Олег, — ответил он, пожимая узкую ладонь.

Минуту стояла тишина, собравшиеся в помещении карантина космонавты, двое мужчин-техников и три женщины из обслуживающего персонала разглядывали вновь прибывшего.

— Очень даже похож, — сказала Астра, и только после этого появились улыбки.

— Добро пожаловать на «Зодиак», — теперь руку протянул старший техник, а за ним остальные.

— Аэлита. Венера. — Представились девушки.

— Это настоящие имена? Или так требуется для антуража? — изумился Мелехин. — Астра, Венера, Аэлита. Как на подбор!

— Ты еще не знаком с четвертой, — рассмеялись космонавты.

— Тоже какое-нибудь звездное имя?

— Угадал. Вега Анатольевна Швец, — вошедшая в карантинную палату женщина представилась сама. — Я тут вроде начальника, командую персоналом, ну, за исключением техников, у них своя кухня. Техники отвечают за «Зодиак», а мы — за туристов. И, кажется, со своей работой не справились.

— Подождите! — Мелехин все еще улыбался, но мысли уже потекли, побежали куда-то вглубь технических переходов «Зодиака», к его самым темным закоулкам, которые хотелось немедленно излазить вдоль и поперек, хотя он отлично понимал, что это уже проделано много раз. — Я всего лишь лейтенант из Следственного управления, сюда попал только потому, что похож на туриста из Шотландии. Так что никаких оправданий не нужно. Очень надеюсь, что

смогу помочь и вместе нам получится отыскать пропажу. Готов приступить, Вега Анатольевна.

— Служебное рвение — это хорошо. Только придется чуть подождать. Нужно прийти в себя после перелета, заодно ознакомитесь с жилищем, одно дело — инструктаж на Земле, другое — на орбите. К тому же корабельное время — середина ночи. Вам бы поспать, иначе как вы станете изображать радость встречи со старыми приятелями? Сейчас важнее всего убедить туристов, что вы с нами, вы вернулись, все в порядке, а голос — это ерунда. Нам сказали, вы владеете языками?

— Английский, испанский, — ответил Мелехин, умолчав о знании исландского.

— Вот и замечательно. У каждого в отеле есть блокнот. Вы можете общаться, просто записывая вопросы и ответы на бумаге. Думаю, это сработает. Внешняя схожесть практически идеальная. Разве что щеки. У шотландца впалые, но спишем на вынужденное бездействие, на всякие бульоны и прочее. Четыре дня на четыре. То есть — четыре дня с ним общались другие туристы, потом на четыре дня он пропал, так что впечатления от непродолжительного знакомства наверняка у всех смазались.

— Да и отступать нам некуда, — добавил Мелехин.

— Это точно, отступать отсюда совсем некуда. Разве что некоторым шотландцам удается. Ладно, идемте. Ваш новый адрес — «Зодиак». Сегмент Синий. Каюта восемь.

Затем все из фантастического превратилось в обыденное. Каюта, которую в путеводителях рекламщики упорно именовали гостиничным номером, оказалась весьма уютной, без излишней ро-

скоши. Только самое основное. Кровать, свежее постельное белье, как в обычной гостинице. Столик, два экрана на стенах, один для просмотра видео, второй для видеоконференций с другими пассажирами, как пояснила Астра, приставленная к Мелехину в качестве негласного провожатого. Круглый иллюминатор, прикрытый непрозрачной шторкой. Планшетный компьютер. Вазочка со свежими гвоздиками. Небольшой бар-холодильник, вдоль всей каюты — страховочные леера, на случай сбоя системы псевдогравитации. Стены расписаны в теплые тона, а вот потолок темный, с россыпью мерцающих звезд. Космос повсюду. Как оказалось, это мерцание служило еще одной цели. Буквально через минуту Мелехин, любовавшийся потолком, несмотря на возбуждение от перелета, уже спал сном младенца.

4

На удивление, операция по внедрению, как назвал Мелехин процедуру приветствия после возвращения из карантинной каюты, прошла без шероховатостей. Утром он занял свое место за столом под аплодисменты остальных семерых обитателей Синего сегмента отеля. Мелехин встал, раскланялся, он знал, что шотландцу был не чужд артистизм и чувство юмора, а затем показал на горло и просипел что-то вроде «эх, какая досада, придется долечиваться на Земле». Возможно, ему это только показалось, но один из туристов за соседним столом, мистер Отто Клошвиц, директор и совладелец металлургического комбината в Руре, как-то странно посмотрел в его сторону, чуть сощурив глаза. На всякий случай Мелехин решил ему подмигнуть, что могло означать

что-то вроде «мы оба знаем эту небольшую тайну». Его он решил взять на заметку. Но сразу после ужина подошла Астра и потащила в медблок, заявив, что персонал заботится о своих клиентах и что трижды в день Грегори Бортвик должен проходить врачебный осмотр.

Затем для туристов был организован показ редкой документальной хроники о полете Гагарина, о запуске первого спутника, о подготовке к первому полету на Луну. Все же первыми, кто сумел составить полный атлас обратной стороны Луны, изучить окололунное пространство, запустить корабль, сумевший облететь Луну и вернуться на Землю, да еще с двумя живыми организмами на борту, степными черепахами, был Советский Союз, который у всех ассоциировался теперь с Россией. Пока туристы с разной степенью увлеченности просматривали хронику, Мелехин, в сопровождении Астры и одного из техников, облазил все закоулки отеля.

— Видите, спрятаться негде! — разводил руками техник. — А всякие потайные зоны — это бред полный. В узких щелях, даже если они где-то есть, человеку не поместиться.

— Мы говорим о цельном теле, а если каким-то образом Грегори был расчленен? Мало ли... Конкуренция. Дискредитация. Представляете, какие броские заголовки тут возможны? «Каннибализм на русской космической станции», «Азиаты, поедающие британского поданного», или что-то в этом роде.

— Тогда должны были остаться какие-то следы, — ни минуты не смущаясь предложенной версии, ответила Астра. — Мы тоже, кстати, подумывали, а что, если туриста нужно искать по частям? Но нет. Никаких следов. Да и чем бы его тут разделывали? Это только в фильмах ужасов легко: разре-

зать человека на части. Повсюду датчики и видеокамеры. Вы наверняка видели, турист не просто исчез, а умышленно спрятался. Мы просчитывали, можно попасть в мертвые зоны, что он и проделал.

— Можно. Но для чего? Какова цель этого тайного маршрута? Куда он мог пойти? Даже если скрытно, избегая поля зрения камер?

— В том-то и дело. Некуда ему деваться.

— Ну, а какие-то там механизмы, станция вращается, должны быть какие-то гигантские подшипники или что-то вроде?

— Нет никаких подшипников и страшных шестеренок, это вы фильмов насмотрелись. Все механизмы псевдогравитации находятся за пределами обитаемой зоны. Попасть туда можно только после выхода в открытый космос. Есть технический туннель. Он проходит внутри центральной оси станции. Его мы уже осматривали. Люки доступа в рабочие зоны закрыты, сами видели, да и некуда там деваться.

— Ну, а все же? Может, у него имелся помощник? Если бы двое сговорились? Ты лезешь в технический отсек, а я закрываю люк снаружи...

— Проверяли. Чисто в технических отсеках. Никого и нигде.

— Выйти в космос он не мог?

— Полностью исключено! Открыть люк шлюзовой камеры — такое мимо нас не пройдет. Там камера слежения и масс-детектор. Если кто-то подходит к шлюзу, камера включается и фиксирует происходящее.

— Ясно. Что ж. Вам нужен такой же, как я, только более шотландский пассажир? Будем искать, — пошутил Мелехин, хотя ему было совсем не весело.

Не так он представлял командировку на орбиту. Ему казалось, все будет просто. Что экипаж, устав-

ший от однообразия вахт, пропустил какую-то мелкую деталь, и именно он, Мелехин, быстро распутает эту головоломку и найдет останки погибшего туриста. Он с самого начала почему-то уверился, что Грегори Бортвик пожелал закончить свой путь в таком необычном месте, чтобы остаться в памяти как первый человек, совершивший самоубийство на орбите. Но оказалось, что убиваться, да еще так, чтобы никто не заметил и не нашел никаких следов, тут и в самом деле было негде.

На всякий случай он решил еще раз пройтись по тому же маршруту, который персонал станции «Зодиак» проделал уже, быть может, раз двадцать. На то, чтобы обследовать все переходы станции, требовалось не более получаса. Одновременно персонал проверил все жилые каюты. Прошелся. Ничего. Черт! Вслед за недовольством он почувствовал некоторое замешательство. Чудес не бывает! Ну и что, что здесь космос? Версия с инопланетянами даже не рассматривалась. Заявить, что один из космических туристов был похищен инопланетными формами жизни, было все равно что собственноручно прикончить «Зодиак», а вместе с ним и весь гостиничный бизнес, никто из руководства «РосКосмоТура» на это никогда бы не пошел. Уж лучше версия с самоубийством. А улики как-нибудь изобразим сами.

После обеда все повторилось шаг в шаг. И Мелехину стало окончательно ясно, что удачи ждать не придется. Нету. Растворился турист. Но как это доложить на Землю? Лодырев ждал доклада к концу дня. Что он мог сказать генералу?

Во время ужина он пристально всматривался в лица туристов, возможно, даже пристальней, чем это допустимо правилами приличия. Да и черт с ними, с правилами, решил Мелехин. Пусть думают,

что хотят, чего взять магнатам с люмпена? Я все же технарь, а не граф, не олигарх. Технарь. Технарь...

Это слово почему-то зацепилось за край сознания и не отпускало. Что же они упускают? Встав из-за стола, вяло изобразив прощание, Мелехин отправился в номер Грегори, то есть в свой номер, где заново принялся перечитывать досье Бортвика, все, что касалось его трудовой деятельности, позволившей ему осуществить мечту — подняться на орбиту. Чем же он так прошиб своих боссов, что те решили скинуться на поездочку стоимостью в пятьдесят миллионов, доставшуюся именно ему, Бортвику? Так, сверхурочные. Ага, лез из кожи, что ж, молодец. Усовершенствование аппарата подачи какой-то там смеси в какую-то там хрень, что повысило уровень выработки... Мелехин знал, что чаще всего дьявол кроется в деталях, и именно такие вот мелочи, как понимание технической стороны деятельности пропавшего инженера, могут послужить ключом к разгадке. Но также он понимал и другое: всему на свете есть простое объяснение, и не стоит плодить сущностей сверх необходимого. Бортвик работал в автоконцерне, в офисе проектирования аппаратов по производству изделий из резины. Жесть! Ничего общего с космосом. Сетевая активность... Тут тоже ноль. Компьютерные игры. Социальные сети, сайты с объявлениями о купле-продаже, спортивные обозрения, интерактивные приложения, стандартный набор. Хакером Грегори не был и взломать систему видеонаблюдений не мог, даже если бы его допустили в технический центр «Зодиака» и там оставили наедине с бортовой аппаратурой отеля. Книги... Фантастика. Фильмы — она же. Бортвик оказался фанатом «Звездных войн» и «Звездного пути». Ну, мотивация понятна. Тот, кому при-

вычно смотреть лишь под ноги, не станет мечтать о полете на орбиту. И вкалывать по три-четыре смены в неделю сверхурочно ради этой самой корпоративной премии. И у тебя это получилось, Грегори! Что же случилось потом? Семьи нет, но встречается с девушкой. Есть фото. Некрасивая. Вместе отдыхали на островах. Обручены. Конфетно-букетный период полным ходом. Не то. На личном фронте все нормально. Мыслей о суициде никогда не допускал. Не был. К психоаналитикам-психиатрам-психологам не обращался. К гадалкам тем более. Тут Мелехин почувствовал укол совести, потому что часто грешил онлайн-гаданиями и прочим фэншуем. Заявление о включении в группу туристов на российскую станцию «Зодиак». Прошу. Обязуюсь. Предупрежден. Ага, вот еще мотив: с детства люблю все фантастическое и все, связанное с космосом, уважаю традиции русской космонавтики, доверяю качеству российского космического оборудования. Очень хочу увидеть звезды и облететь Землю. Вся фраза подчеркнута. И что же? Пришел, увидел, исчез?

На экране загорелся сигнал вызова. Лодырев вышел на связь.

— Что там у тебя? — без предисловий, без вопросов типа «как долетел», в лоб спросил генерал.

— Ничего, товарищ генерал. То есть совсем ничего не понимаю. У человека сбылась мечта жизни. Он поднялся на орбиту. Увидел звезды. Можно сказать, потрогал руками их свет, прокатился вокруг планеты.

— Мелехин, давай без лирики. Никуда он не катался.

— Да это я так, образно, в смысле, что вышел в открытый космос и летал на туристическом боте, он ведь к этому стремился.

— Я понял. Вот только в космос он выходил, тут без обмана, а на прогулочный модуль не попал.

— То есть как это? У него же полный пансион! Фирма оплатила. Поощрение, лучший работник, все такое.

— Да там какая-то неувязка вышла с контрактом. Или же фирма не столь щедрой оказалась, не знаю, в общем, пункт насчет облета ему аннулировали, он даже спорил с персоналом «Зодиака», ему показали копию контракта, и он отстал. В качестве утешительного приза выдали абонемент на четыре дополнительных часа в бассейне. Так что наша совесть, как говорится, чиста. Каждый килограмм на борту челнока — это деньги, Олег, и немалые. Но неважно, ищи дальше, он не иголка. Живым или мертвым, он должен быть на «Зодиаке», и ты мне его обязательно найдешь. Иначе отправлю в Шотландию, играть роль до конца, веришь?

— Верю, товарищ генерал!

— Все, отбой, жду результата.

Экран погас. Мелехин перечитал строки анкеты. Хочу увидеть звезды и облететь Землю. Подчеркнуто. Зачем-то он выделил эту фразу. Чем-то она ему была важна. Или же зачем-то ему было важно это проделать. Свет в конце туннеля?

— Астра! — вызвал он по внутреннему коммуникатору. — Пожалуйста, зайдите ко мне. И как тут посмотреть расписание вылетов прогулочного бота?

5

В Шотландии Мелехин все-таки побывал. Не сразу, спустя месяц после окончания полета. В связи с успешным выполнением задания ему разрешили

три месяца отпуска и выдали солидные наградные. Теперь, после подъема на орбиту, он как-то совсем иначе смотрел на ту землю, по которой ходил. Теперь он знал, какая она хрупкая, маленькая, затерянная, беззащитная и какая она волшебная, наша Земля. Грегори встретил его, как и обещал, прямо в аэропорту. С ним была невеста, рыжеволосая, носатенькая, с веснушками во все лицо. Впрочем, в жизни она оказалась весьма милой особой. Оттуда они отправились в кафе, посидеть, поболтать, вспомнить «Зодиак» и те удивительные дни. А еще как Мелехин, докопавшись до истины, вытаскивал Грегори Бортвика из ложемента прогулочного бота. Облететь Землю, — не просто мечта. Это было их совместное желание, закрытое на ключ и брошенное в воду. Их тайна, к которой присоединился невольный свидетель.

— Грегори сказал, если ему удастся побывать в космосе, а потом облететь землю на прогулочном кораблике и помахать рукой над Шотландией, мы будем счастливы всю жизнь. Он так боялся, что небо закроют облака и он не сможет разглядеть, где там внизу Шотландия, так боялся...

— Да уж. Сильно испугался. Особенно когда узнал, что его прогулочный полет отменяется. Прокрался мимо камер наблюдения, пропустил туристов, завершивших такой полет, а сам пролез в челнок и там спрятался. Камеры с масс-детекторов оказались бессильны, потому что были активированы уже после того, как туристы покинули посадочную площадку. Вот как ты смог прошмыгнуть, что никто из туристов о тебе не вспомнил?

— Повезло. Ваши техники решили, что я вернулся вместе со всеми, они следят за кораблем, а за ту-

ристами следят другие. Если бы это были обитатели моего, Синего сектора, ничего бы не вышло. Но это были другие, из Красного. И я решился. Что значат четыре дня ожидания по сравнению с целой счастливой жизнью? — весело смеялся теперь Грегори, потягивая темное пиво.

— Дождался. Молодчага.

— Но как же так? Они ведь должны были оплатить! А русские не станут требовать каких-то денег за полет? — вмешалась невеста, оказавшаяся практичной особой.

— Нет, они сказали, что это подарок. Видимо, не надеялись меня найти. Если бы челнок вылетал каждый день, было бы меньше мороки, а так... Четыре дня... Я думал, меня расстреляют или сошлют в Сибирь. От радости, что я нашелся, они все-таки разрешили прокатиться, вместе с двойником!

Мелехин рассмеялся, вспомнив, как от счастья, когда увидел живого Грегори Бортвика, расцеловал всех звездных девушек, собравшихся перед гибким рукавом перехода в прогулочный челнок. Он понимал, повезло не только Бортвику. Ему, Мелехину, тоже повезло. Да еще как! Шутка ли, подняться на орбиту, облететь Землю, махать руками над городом, где мать ждала весточки из Антарктиды, не догадываясь, что сын смотрит на нее с высоты.

— Это вам от одного генерала, имени называть не стану, скажу только, он тоже очень рад, что все у нас закончилось хорошо. Кстати, он оказался на удивление сентиментальным.

И Мелехин поставил на стол темную бутылку весьма дорогого армянского коньяка.

МАЙК ГЕЛПРИН,
МАРИНА ЯСИНСКАЯ

ПОДОЗРЕВАЮТСЯ ВСЕ

Посадочный модуль описал над астероидом круг и пошел на снижение. Площадка, пригодная для посадки, была всего одна — между станцией и выработкой — ровно посередине. Я приземлил аппарат и минут пять понаблюдал, как оседает застившая видимость пыль. Затем отстегнул ремни, выбрался из кресла пилота и занялся скафандром. Генератора атмосферы на астероиде не было. Поговаривали, что, возможно, и не будет — рентабельность выработки пока оставалась под вопросом, и в компании еще не решили, стоит ли в нее вкладывать.

Справившись со скафандром, я выбрался через входной шлюз наружу и окинул взглядом выработку. Шесть монстроподобных горнодобывающих роботов, рассыпавшись цепью, методично вгрызались лазерными резаками в породу. Бригадир, отличающийся от ярко-желтых работяг лишь невзрачным, бледно-песочного цвета корпусом, невозмутимо прохаживался вдоль цепи.

Я повернулся к выработке спиной и неуклюже зашагал к зданию станции. Плоская и черная, словно сплющенная хоккейная шайба, станция лепилась к подножию похожего на расколотый зуб холма. На входе был шлюз — массивный, овальный, с горизонтальными створками, раскрывшимися при моем появлении, будто намеревавшийся закусить человечиной хищный бездонный рот.

— Здравствуйте, гость, — услышал я приятный грудной баритон, едва створки шлюза затянулись

за спиной. — Меня зовут Сэм. Как прикажете к вам обращаться?

Я поднял глаза и оглядел двухметрового, отливающего латунью кибера. Универсальный робот-распорядитель, серия УРМ-14Ф, услужливо подсказала память. Коэффициент интеллекта девяносто шесть и восемь. Материалы я изучил досконально еще на базе, так же, как личные дела персонала.

— Старший дознаватель Мартин Йондж, — отрекомендовался я, освобождаясь от скафандра. — Можно просто Мартин.

Я потянулся, повел плечами. Станционная сила тяжести в 0,95 g была приятной переменой после трех суток полета в невесомости.

— Вы будете расследовать дело об убийстве, Мартин?

— Ты весьма догадлив, приятель.

— Ко мне обычно обращаются на «вы», Мартин.

На секунду я растерялся — с высокоинтеллектуальными роботами мне общаться приходилось нечасто, и я успел позабыть, что чувство собственного достоинства у них — элемент управляющей программы.

— Хорошо, Сэм, — кивнул я. — В три пополудни по местному я хочу встретиться с персоналом. А пока проводи меня в комнату для гостей. Виноват, я хотел сказать — проводите.

Комната для гостей больше походила на монашескую келью. Встроенный шкаф, откидная койка, прозрачный пластиковый стол и пара стульев — вот и вся обстановка.

Я завалился на койку и минут пять-десять лежал с закрытыми глазами, воссоздавая в памяти матери-

алы дела — все, чем снабдили меня на базе. Астероид основного пояса под названием Капрера, четыреста семьдесят девятый по официальному списку. Откуплен компанией «Марс транзит» в частное пользование. Горнодобывающее предприятие, а фактически — алмазные копи, заложены восемь месяцев назад. Одновременно смонтирована станция. Персонал — четыре человека, контрактники.

Теперь уже три. Начальник станции, Джеймс Финнеган, убит при выходе из здания наружу, тело найдено в сотне футов от шлюза. Причина смерти — выстрел из лучевого разрядника, штатного оружия любого сотрудника компании, работающего во внеземелье. Один из троих контрактников на станции — убийца. Мне предстояло выяснить, кто именно, и взять виновного под арест.

В два тридцать я покинул комнату для гостей и обошел станцию по периметру. Жилые помещения находились в восточном секторе, бытовые и подсобные — в южном, склад — в северном. В восточном была лаборатория. Кафетерий, он же гостиная, он же кинозал, располагался прямо по центру.

— Старший дознаватель Мартин Йондж, — переступив порог кафетерия, представился я персоналу. — Надеюсь, цель моего визита известна.

— Известна, — спокойно кивнул наголо бритой головой рослый, широкоплечий геолог Макс Бауэр и предложил: — Проходите.

Остальные двое промолчали. Невысокий сухощавый инженер-электронщик Борис Красинский сложил руки домиком и смотрел на меня дружелюбным открытым взглядом. Миниатюрная черноглазая брюнетка, специалист по жизнеобеспечению Николетта Басси застенчиво улыбалась. Я непроизвольно

задержал на ней взгляд: на фотографиях, подшитых в личное дело, Басси казалась невзрачной и бледной. Но не в реальной жизни: передо мной сидела если не красавица, то более чем миловидная молодая женщина.

— Расскажите, как было дело, — предложил я. — А потом я побеседую с каждым из вас в отдельности.

В кафетерии повисла тишина. Николетта тревожно нахмурилась, Борис отвел взгляд и печально покачал головой.

— Ну, давайте тогда я, — вздохнул Макс Бауэр, обведя взглядом коллег. — Это случилось шестого июня, в среду...

По словам Бауэра, шестого июня, в семь утра по времени станции, Николетта Басси обнаружила, что работы на копях приостановлены. Грег, бледно-песочный робот-бригадир, на запросы не отвечал, шестеро работяг бездельничали. Причину неисправности дистанционно выяснить не удалось, проблемы на выработке входили в компетенцию начальника станции, поэтому в семь тридцать Джеймс Финнеган отправился к шлюзу. Остальные трое разошлись по станционным помещениям. Макс отправился на склад, Красинский — в лабораторию, а Николетта, для которой работы в утренние часы не нашлось, заперлась в своей комнате.

В восемь ноль пять Финнеган на связь не вышел. Макс Бауэр, в обязанности которого входили переговоры с находящимся снаружи персоналом, забеспокоился и принялся вызывать начальника станции сам. Не получив ответа, Бауэр покинул лабораторию и направился к шлюзу, по пути никого не встретив. Тело Финнегана Макс обнаружил, едва взглянул на монитор встроенной в створки

шлюза смотровой камеры. По громкой связи Бауэр позвал остальных, и через четверть часа все трое вышли наружу. Финнеган был мертв, его скафандр прошит лучевым разрядом по диагонали, от плеча к бедру.

Макс замолчал.

— Что было потом? — спросил я, прерывая паузу.

Николетта заерзала на стуле.

— Мы вернулись на станцию, и Макс радировал на базу, — тихо ответила она, заметно нервничая. — Понимаете, мы все были ошеломлены...

— Да, конечно, — механически кивнул я. — В чем была проблема на выработке?

— У бригадира отказал командный блок, — объяснил Красинский. У него оказался приятный, богатый интонациями голос. — Я этот блок заменил, и работы возобновились.

— В чем причина неисправности? — уточнил я.

— Видимо, тот из нас, кто... — голос Николетты сорвался.

— Кто убил, — вежливо подсказал я, внимательно наблюдая за ее реакцией.

Николетта вздрогнула.

— Да. Видимо, тот, кто выманил Джима наружу, намеренно повредил блок... Кто-то из нас троих.

— Несчастный человек, — с сочувствием в голосе произнес Борис. — Всевышний дает столько шансов на спасение, но он не воспользовался ни одним из них.

Я с любопытством посмотрел на электронщика. В личном деле Красинского в графе «религия» стояло «православный». Судя по реплике, Борис на самом дел был искренне верующим.

Несколько мгновений я изучал Красинского, потом перевел взгляд на Макса, затем — на Николетту.

Трое подозреваемых, ни один из которых на первый взгляд не походил на убийцу. Что ж — пока у меня нет улик, они всего лишь свидетели. Все трое.

Хотя нет, свидетелей не трое, а четверо. Сэм вне подозрений — убийства он совершить не мог, управляющая программа это исключала. Кроме того, суждения высокоинтеллектуального, с зачатками личностных характеристик робота основывались на фактах, а не на эмоциях. И это делало его очень полезным свидетелем. Допрос следовало начинать с него.

— Где находился Сэм на момент убийства?

— В ремонтной мастерской, — Бауэр открыто встретил мой взгляд и спокойно продолжил: — В нефункциональном состоянии. Убийца временно отключил Сэма, дистанционно обесточив аккумуляторы. Можно сказать, обезвредил потенциального свидетеля.

В комнате для гостей я разложил план станции на столе и принялся чертить схему. Черной стрелкой обозначил маршрут Финнегана от кафетерия к шлюзу. Зеленой — путь Бауэра на склад. Синей — Красинского в лабораторию. И, наконец, фиолетовой — путь Николетты Басси в жилой сектор.

Один из них до пункта назначения не дошел. Вместо этого он отправился к шлюзу, дождался, пока Финнеган покинет станцию, облачился в скафандр и выбрался наружу вслед за ним. Уложил жертву выстрелом из разрядника и вернулся назад.

С минуту я поиграл над схемой фломастером. Пририсовал красную точку на месте ремонтной мастерской и обвел ее кружком. Здесь во время убийства томился обесточенный Сэм.

— Рассказывайте, — велел я роботу, усевшись напротив него в кресле и закинув ногу на ногу. — В подробностях.

— Что вы хотите услышать, Мартин?

— Все. О каждом из сотрудников станции. Все, что найдете нужным сказать.

Робот переступил с ноги на ногу, совсем как человек в замешательстве.

— Простите, Мартин. Мои этические нормы не позволяют сплетничать.

Я почувствовал, что начинаю злиться.

— Сэм, — стараясь, чтобы голос звучал спокойно, сказал я. — Вы отдаете себе отчет, зачем я здесь? Кто-то из ваших, так сказать, подопечных — убийца. И не исключено, что он не один. Вполне возможно, что они сговорились убить. Двое из них или все втроем. Помочь дознанию — ваша прямая обязанность.

— Спрашивайте, Мартин. Я попытаюсь ответить.

— В каких отношениях находился покойный с Максом Бауэром, Борисом Красинским и Николеттой Басси?

— Я не разбираюсь в человеческих отношениях, Мартин.

— Ладно, поставлю вопрос по-другому. Приходилось ли Джеймсу Финнегану ссориться с кем-либо из остальных? Кричать? Сердиться, угрожать?

Робот вновь переступил с ноги на ногу.

— Я лично ни разу не был свидетелем таких сцен, — сказал он наконец.

— Но у вас есть косвенные данные, так?

— Затрудняюсь с ответом.

Я подавил желание наорать на этого механического святошу.

— Послушай, ты, — плюнул я на правила вежливости и на встроенное в управляющую программу

Сэма чувство собственного достоинства. — Знаешь, чем ты сейчас занимаешься? Ты покрываешь преступника, понятно тебе? А значит, ты и сам — преступник.

Клянусь, я не удивился бы, надумай робот после моих слов покраснеть. Или напомнить, что к нему обычно обращаются на «вы». Но Сэм только спросил:

— С кого начинать?

Итак, у меня появился союзник. Я с минуту помедлил и решил поменять последовательность допросов.

— Пока ни с кого. Будьте поблизости, я позову вас, когда понадобитесь.

Борис Красинский уселся на стул, сложил руки домиком и, чуть наклонив голову, располагающе улыбнулся, словно приглашая меня к доверительной беседе.

— Расскажите мне о Джеймсе Финнегане, — сразу перешел к делу я.

— Что именно вас интересует, господин дознаватель?

— Какой он был человек?

Я ожидал безликих, ничего толком не говорящих эпитетов, таких как «ответственный», «решительный», «хороший специалист»... Но Красинский меня удивил.

— Грешный, — ответил он, сумев в одно короткое слово вложить целый спектр эмоций: сожаление, сочувствие, укор, предостережение, печаль...

— Вот как? И в чем это проявлялось?

— О покойных, — Борис застенчиво улыбнулся, — принято говорить или хорошо, или никак.

— Я так понимаю, хорошего о нем сказать нечего?

— Каждый человек в сути своей добр. Но некоторых иногда уносит с данной им Богом дороги в сторону.

— Позвольте вам напомнить, что я веду расследование убийства. Мне нужны факты. Вы сказали, что Финнеган был грешным человеком. Какие грехи он совершил?

Красинский помолчал, похоже, он сомневался. В конце концов, однако, вздохнул, сдаваясь, и скупо заявил:

— Он нарушал многие заповеди Божьи. Первую, четвертую и с седьмой по десятую.

— Я не помню заповедей наизусть, — сухо бросил я.

— Не страшно, — с мягким укором отозвался Красинский. — Я напомню вам. Не поклоняйся иному Богу, чти заповедные дни, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй и не желай чужого.

Я задумался. С первой заповедью — не поклоняйся другому Богу — все было понятно: атеизм Финнегана наверняка раздражал религиозного Бориса. С четвертой тоже — скорее всего, начальник заставлял Красинского работать в дни религиозных праздников. А вот с остальными было интереснее.

— Подробнее про седьмую и восьмую заповеди, будьте любезны, — попросил я.

Борис отрицательно покачал головой, смягчив отказ улыбкой.

— Извините, господин дознаватель, но я уже рассказал вам все то, что по-настоящему важно.

— Электронщик — ваше светское образование, — я резко сменил тему, надеясь вывести Красинского из состояния завидного душевного равновесия, которое он демонстрировал. — Однако вы

никогда раньше не работали по специальности. До того, как подписали контракт, вы возглавляли православную церковь на Марсе. Почему вы оставили паству и прилетели сюда?

Красинский опустил глаза.

— Это — моя ноша, мне ее и нести, — смиренно сказал он.

Больше я от него ничего не добился.

К счастью, был Сэм. Часом позже он поделился со мной некоторыми подробностями.

— Джеймс Финнеган не позволял Борису проповедовать. Не освобождал от работы на церковные праздники. Постоянно делал уничижительные замечания по поводу некоторых религиозных обрядов.

— Они ссорились на почве религии?

— У них были эмоционально насыщенные диспуты на эту тему.

— Эмоционально насыщенные, — повторил я нейтральную фразу. — Что вы под этим подразумеваете?

— Использование экспрессивных выражений обоими, употребление нецензурной лексики Финнеганом, повышенный тон и угрозы.

— Кто кому угрожал? — насторожился я. Представить спокойного, уравновешенного, располагающего к себе Красинского даже просто повышающим голос было трудно.

— В разной степени они оба угрожали друг другу. Надо заметить, запугивания Финнегана были гораздо более четко выражены.

— Примеры, пожалуйста.

— Однажды Финнеган сказал: «Еще раз сунешься ко мне с душеспасительными беседами или вле-

зешь не в свое дело, вылетишь отсюда к чертям», — процитировал Сэм. — На что Красинский ответил: «Рано или поздно, но за грехи всегда настигает кара Всевышнего!» Финнеган сказал: «Твой Бог вряд ли найдет меня на этом чертовом астероиде», Красинский ответил: «Но его последователь здесь есть».

Сэм прав — угроза Финнегана более чем прямая. Однако слова Бориса тоже можно расценить как предостережение. Неявное, но вполне выраженное.

— Что Красинский имел в виду, когда говорил, что Финнеган нарушал Божью заповедь «не прелюбодействуй»?

Сэм на секунду замялся.

— Полагаю, отношения начальника станции с Николеттой Басси.

Я начал с вопроса в лоб, едва только Николетта Басси присела на краешек стула.

— Какие у вас были отношения с Джеймсом Финнеганом?

Николетта немедленно покраснела.

— Обычные рабочие отношения.

— А вне работы — как вы с ним ладили? У вас были конфликты?

Девушка замялась.

— В условиях замкнутого пространства конфликты неизбежны.

Николетта так явно чувствовала себя не в своей тарелке, что мне стало совестно. Выбора, однако, у меня не было — давление на женщин почти всегда эффективней, чем на мужчин.

— Не уходите от ответа, — жестко потребовал я. — У вас были с Финнеганом разногласия? Ссоры?

— Были.

— Причины?

— Финнеган не всегда соглашался с тем, как я планировала...

— Меня интересуют конфликты личного характера, — перебил я.

Николетта не ответила.

— Вы были приятелями? — продолжал настаивать я. — Друзьями? Любовниками?

Девушка вздрогнула, затем отрицательно мотнула головой.

— А кем тогда? — повысил я голос.

— Всего лишь коллегами.

— Вот как. Однако отношения с коллегами бывают разные. Кто-то нравится, кто-то раздражает, с кем-то больше общего...

— Он мне не нравился. Ничего общего у нас не было. Просто человек, с которым я вынуждена была работать и уживаться по условиям контракта.

Я побарабанил пальцами по краю стола и резко сменил тему:

— Вы получили образование в престижном Миланском университете, вас распределили на высокопрофайловый проект «Земля — Фобос — Земля» с аккредитацией в токийском офисе. Вы показали себя блестяще, после чего вдруг стали отказываться от престижных и перспективных проектов, предпочитая тяжелую работу на периферии. Вот и сейчас — отклонили несколько завидных предложений, взамен подписав контракт на этот богом забытый астероид. Почему?

— Здесь платят, — пожала плечами Николетта. — Очень большие деньги.

— Вы нуждаетесь в деньгах?

Николетта в упор посмотрела на меня:

— Послушайте, господин дознаватель, — сказала она проникновенно. — Зачем вам это? Какое отно-

шение мое материальное положение имеет к убийству? Прошу вас, не спрашивайте меня о том, что вас не касается.

Я отвел взгляд. Как человеку, мне претила жестокость, особенно по отношению к женщинам. Тем более к миловидным и привлекательным, как Николетта. В моей работе, однако, жесткие методы были необходимостью.

— Я задал вам два вопроса, — отчеканил я. — На что вам деньги и каковы были ваши истинные отношения с Финнеганом? Извольте отвечать!

Николетта отшатнулась.

— Все, что могла, я вам уже сказала.

— Что ж, как угодно. Вы можете идти.

Четвертью часа позже бесстрастный, ограниченный строгими этическими нормами Сэм рассказал куда больше.

— Джеймс Финнеган проявлял к Николетте Басси особый интерес. Однако ее эмоциональная реакция на его знаки внимания была не такой, на которую он рассчитывал.

— Вы имеете в виду, — перебил я сухую речь робота, — что начальнику она нравилась как женщина, но не отвечала ему взаимностью?

— Полагаю, можно выразиться и так.

— И как Финнеган реагировал на ее равнодушие?

— Какое-то время он продолжал оказывать Николетте знаки внимания, но позже начал проявлять нетерпение и агрессию.

— Вы не могли бы выражаться более определенно?

— Мои ответы характеризуют ситуацию вполне адекватно.

— Но недостаточно детально. Он ей угрожал? Принуждал к интимным отношениям?

— Угрожал. Что касается принуждения, я лично не был очевидцем подобных инцидентов.

— Но косвенные сведения, я так понимаю, у вас есть?

— Есть. Однако по стандартам теории доказательств их недостаточно, чтобы со значительной долей уверенности предъявить Джеймсу Финнегану обвинение.

— Ему не предъявишь обвинение — он мертв, — отрезал я. — И все, что меня сейчас интересует, — это выяснить, у кого были мотивы для убийства.

В отличие от Бориса и Николетты, Макс Бауэр не нервничал, не прятал глаза и не отнекивался.

— Вы единственный из троих дружили с Финнеганом издавна, не так ли? — спросил я.

— Вряд ли это можно назвать дружбой, — спокойно ответил Бауэр. — Приятельские отношения, не больше.

— Работать в одной команде было вашим совместным решением?

— Я и раньше работал с Джимом. Точнее, под его началом. Вы, впрочем, наверняка это знаете из личных дел.

Я кивнул. Предыдущие контракты персонала станции были в личных делах расписаны в подробностях. Место, срок, компенсация, отчеты о проделанной работе. Все, кроме человеческих отношений. Меня же интересовали прежде всего они.

— Приходилось ли вам ссориться? Или, может быть, конфликтовать по работе?

Бауэр вздохнул. Затем приятельски, едва не дружески мне улыбнулся.

— У меня предложение, — сказал он. — Не будем ходить вокруг да около. Я не убивал. Точка. Покой-

ный был тем еще фруктом, его надменность, властность и самодурство зачастую нелегко было вытерпеть. Но в профессиональном отношении он был хорош. Знающий, опытный и работящий. Этим контрактом я тоже обязан Джиму, он ходатайствовал за меня перед начальством, когда сюда набирали персонал.

— Ну, допустим. Кто же тогда, по-вашему, убил?

— Не знаю, — Бауэр развел руками. — Но не я. Я к выходкам Финнегана давно привык. Правда, иногда ссоры случались и между нами, но всего лишь ссоры, дознаватель, не более.

— Например?

Макс Бауэр вздохнул.

— Вы все равно узнаете, так что лучше уж от меня. Месяц назад мы поссорились не на шутку. Я сорвался, повысил на него голос, можно сказать, наорал. Это случилось после очередной выходки, Джим был на них горазд.

— Подробнее, пожалуйста, — бросил я. — Что это была за выходка?

— Финнеган прошелся по одной нашей общей знакомой. Оскорбил ее. Извините, имени я вам не назову.

Имя назвал мне Сэм.

— Курьер был трижды, — бесстрастно рассказывал робот. — Забирали добычу, подписывали приходный ордер и отчаливали, все в течение суток. В последний раз, однако, случилась заминка. Макс Бауэр не поделил что-то с капитаном курьера Анжелой Ангеловой.

— Что именно не поделил?

— Не знаю.

— Что именно случилось в последний раз? — я сделал пометку запросить информацию о капитанше.

— Мне показалось... Я не уверен, но...

— Смелее, — подбодрил я робота.

— Мне показалось, что она ударила его по лицу. Судя по звукам — у меня чувствительный ресивер, я тогда находился у шлюза, — они повздорили. А потом, уже после отлета курьера, была другая ссора, на этот раз Макс позвдорил с Джеймсом.

— Об этом я в курсе, но лишь в общих чертах. Подробности, пожалуйста.

— Предполагаю, что ссорились из-за Анжелы Ангеловой — оба не раз произнесли ее имя.

— Вы считаете, причиной была ревность?

— Не думаю. Речь шла о какой-то доле.

— О доле? — удивился я. — В каком смысле?

— Видимо, в смысле дележа. Я слышал, как Финнеган сказал Бауэру: «Твоей доли больше нет, забудь о ней, мы с девчонкой тебя выключаем».

Я считал, что неплохо подготовился к расследованию. Но сейчас, после допросов, понял, что мне требуется куда больше информации. И я занялся тем, что умел лучше всего, — стал копать глубже. Устроившись настолько удобно, насколько это позволяла аскетическая обстановка гостевой комнаты, я подключился к информационному центру базы. В его глубинах наверняка хранились нужные мне сведения, предстояло лишь их откопать. Включая те, что были удалены, стерты из общего доступа и складированы в архивы с ограниченным допуском.

Настойчивость, терпение, бесчисленные чашки кофе, и сутки спустя у меня было куда больше данных, чем на момент прибытия на астероид.

Я вновь разложил план станции с кружками и стрелками на столе и стал добавлять полученные сведения.

Первый кружок — Борис Красинский. Зарабатывает деньги на «отмывание» грехов — священника обвинили в прелюбодеянии с прихожанкой и наложили епитимью — огромное пожертвование в пользу церкви. Неминуемая депрессия, длительное пребывание в замкнутом пространстве, тяжелая работа и постоянное издевательство от высмеивающего религию начальника. Может ли все это в совокупности привести к психологическому срыву и подтолкнуть человека к убийству? Абстрактного человека — да, вполне. Такого глубоко и искренне верующего, как Борис? Сомневаюсь. С другой стороны, вера — меч обоюдоострый. Вера может удержать человека от страшных поступков, вера же может к ним подтолкнуть, все дело в ситуации и интерпретации. Да, пожалуй, доведенный до крайности Борис мог убить.

Второй кружок — Николетта Басси. Последние годы неизменно отказывалась от солидных, обещавших прекрасные карьерные перспективы контрактов ради заработков на тяжелой работе. Причина — отчаянная нужда в деньгах на лечение шестилетней дочери с врожденным пороком сердца. Должна во что бы то ни стало отработать контракт, чтобы получить всю сумму, и вынуждена терпеть домогательства начальника. А возможно, и не только домогательства. Может ли это довести до убийства? Безусловно.

Третий кружок — Макс Бауэр. Он не искупал грехи, у него не было огромных долгов или расходов. Макс вот уже восемь лет как занимался разработкой астероидов, и нынешний контракт ничем не

отличался от трех предыдущих. Послужной список Бауэра выглядел безупречным. Однако, изучив архивы, я нашел сведения, которые были удалены из всех официальных отчетов. Два года назад Бауэр с Финнеганом подписали трехлетний контракт на разработку платинового рудника на Церере. Контракт был прерван по подозрению персонала в хищении сырья. До официального обвинения, однако, не дошло — дело по-тихому закрыли и списали в архив.

В материалах того дела фигурировало еще одно, уже знакомое мне имя — Анжела Ангелова. Я поставил на схеме новый кружок, розовый. Капитан курьерского судна, которое забирало добычу с астероидов и транспортировало на базу. Походило на то, что часть этой добычи до складов компании не доходила, а оседала в трюмах грузовозов, принадлежащих реализаторам черного рынка.

Я протянул стрелку от кружка с Анжелой к полям бумажного листа и упер ее в черный прямоугольник. Затем соединил второй стрелкой кружки Ангеловой и Бауэра. Пририсовал над ней сердечко. Походило на то, что Анжела была давней знакомой Макса и почти наверняка его любовницей.

Я на минуту задумался. Логично предположить, что троица отрабатывала на новом месте прежнюю схему. Однако в какой-то момент она дала сбой. «Твоей доли больше нет, забудь о ней, мы с девчонкой тебя выключаем», — сказал Финнеган Бауэру. Девчонка — это Ангелова. Получается, она объединилась с Финнеганом против своего любовника и они вдвоем выставили его из схемы.

Причина казалась довольно банальной и, как бывает в девяти подобных случаях из десяти, единственно верной. Анжела влепила Максу пощечину —

обычная реакция преданной женщины на мужскую измену. И объект этой измены на станции мог быть только один.

— Николетта, вы давно спите с Бауэром? — в лоб спросил я.

Я вызвал девушку к себе, но заставил прождать под дверьми почти четверть часа. Войдя внутрь, она уже была взвинчена до предела. Но, похоже, собиралась отпираться до последнего.

— Давно? — переспросил я, наблюдая, как краска заливает ее лицо. — Джеймс Финнеган знал о ваших отношениях?

Николетта молчала. Внезапно у нее задрожали руки, она стиснула их в замок.

— А может, вы спали с ними обоими? И они знали друг о друге? Конечно, знали, что можно утаить на такой маленькой станции, — намеренно цинично продолжал я. — А как же Борис — он не чувствовал себя обделенным? Или вы и с ним тоже?..

— Нет! — вырвалось у девушки.

Я криво улыбнулся.

— Значит, только с Финнеганом и Бауэром?

Николетта опустила голову.

— Нет, — глухо ответила она.

Я молчал, и помещение заполнила тишина. Была она плотной и тяжелой. И давила.

— Нет, — наконец, повторила Николетта. — Только с Максом.

Я понял, что наступила кульминация. Одно признание влечет за собой другое, нужно только задать резкий, провоцирующий вопрос.

— От скуки? — цинично ухмыльнувшись, бросил я.

Николетта так и вспыхнула возмущением:

— Мы любим друг друга!

Теперь оставалось только ее дожать.

— Любите? — издевательски переспросил я. — Ну, допустим, Макс к вам неравнодушен. А вы? Не деньги ли вы любите, которых у Бауэра достаточно, чтобы оплатить лечение вашей дочери?

Николетта отшатнулась, как от удара.

— Ступайте, — велел я ей. — И скажите Бауэру, что я хочу его видеть.

Мне внезапно сделалось тоскливо. Иногда я ненавидел свою работу. Фактически, я давил на Николетту и старался ее унизить, пользуясь тем, что слабое звено — именно она. И успеха добился именно этим — жесткостью и безжалостностью. Какой-то подонок семь лет назад вскружил ей голову, а потом сбежал, оставив с новорожденной дочерью на руках. Девочка смертельно больна: чтобы продлить ей жизнь, Николетта год за годом пластается в медвежьих углах Солнечной системы, считай, на каторге. И вот — встречает Макса. Какая мне разница, вправду ли она его любит или собирается воспользоваться его деньгами. Не мое дело, как они...

Я тряхнул головой, отгоняя совесть прочь. Итак, Финнеган сообщил Ангеловой, что Бауэр изменяет ей, и предложил исключить того из доли. Если учесть, что в то же время Финнеган продолжал домогаться Николетты, то можно считать, Макс вырвался вперед в гонке за звание главного подозреваемого. Правда, улик пока нет, и нельзя исключать, что они с Николеттой сговорились. А тут еще Красинский, который тоже вполне мог оказаться участником заговора. К примеру, если Бауэр обещал ему денег в обмен на соучастие. Что ж, задачи со многими неизвестными были частью моей работы. Так или иначе, я чувствовал, что разгадка уже близка.

— Вот что, господин дознаватель, — Макс Бауэр был предельно серьезен и собран. — Вы залезли туда, где вам делать нечего. Мои отношения с Николеттой — не ваше дело, понятно вам?

— Видите ли, Бауэр, — проигнорировал я вопрос. — Вы — мелкий жулик, залезший в карман нанявшей вас компании. Вы занимались хищениями не первый год. У меня достаточно материалов, чтобы возбудить дело. Например, я могу распорядиться задержать Ангелову, и ее допросят прекрасные специалисты, умеющие получать показания. И тогда вы вместо брачного венца пойдете в тюрьму — если и не за убийство, то за хищение. Как вам такая перспектива?

Макс стиснул челюсти, на скулах заходили желваки.

— Что вам от меня надо? — наконец с трудом выдохнул он.

— Правду. Если вы не причастны к убийству, я хочу знать правду о том, что происходило на станции.

— Что происходило, — мрачно повторил Бауэр, устало провел рукой по лицу и вздохнул. — Даже не знаю, с чего начать... Джим был редкостным подлецом и скотиной. Мог оболгать человека. Подставить. Принудить к чему угодно, не испытывая при этом угрызений совести. Анжелу и меня он держал на крючке и заставлял на себя работать. День за днем издевался над Борисом и Николеттой, а когда увидел, что мы с ней... — Макс замолчал.

— Ну-ну, — помог я. — Что он сделал, когда увидел?

— Он поставил ультиматум: или Николетта будет спать с ним, или он меня сдаст. Давнее дело, я попал в него по глупости. Джим тогда вытащил меня, не дал упрятать в тюрьму. Но его услуга дорого мне

обошлась — с тех пор он постоянно шантажировал меня... Вам важно, что это за дело?

— Пока нет. Итак, терпеть шантаж стало невозможно, и вы его убили?

— Нет, — отрезал Макс. — Я не убивал. Мы ненавидели его, все трое. Возможно, я ненавидел больше других. Но я не убивал. Я не знаю, кто обесточил Сэма и отключил бригадира на выработке. Клянусь вам, не знаю!

В этот момент я понял, что кое-что упустил. Я считал, что в этой истории только четверо участников. Но был еще и пятый.

Путь до выработки занял у нас с Сэмом добрые полчаса. Интересно, думал я, опираясь на локоть Сэма и неуклюже переставляя ноги: кто из троих сейчас с ненавистью смотрит мне в спину и мечтает расправиться со мной так же, как расправился с Финнеганом?

— Мы напрасно тратим время, Мартин, — голос Сэма в шлемофоне скафандра почти не утратил приятных грудных интонаций. — Грег убить не мог. Хотя бы потому, что у него нет оружия, Мартин. Никакого. И быть не может.

— Хорошо, я понял. Спасибо.

Оружия у бледно-песочного бригадира действительно не было и быть не могло.

При нашем приближении Грег остановил работы и застыл, вытянув по швам клешнястые манипуляторы. Бывший боевой робот, офицер, командовал высадкой десанта при беспорядках на Марсе на двенадцатый год экспансии. После внедрения более совершенной модели из армии списан. Приобретен компанией «Марс-транзит» и перепрофилирован в маркшейдера. С запретом когда-либо распоря-

жаться любым видом оружия ввиду потенциальной опасности для окружающих.

— Рассказывай, — велел я бывшему вояке. — Все, что помнишь. Поминутно.

— Я ничего не помню, коммандер. Я работал.

— Ты перестал работать в ночь на шестое июня по местному исчислению. В какое время это произошло?

— Я не помню, коммандер.

— Он и не может помнить, — подсказал Сэм. — Ему же поставили новый процессор вместо того, что вышел из строя. Он помнит только то, что было после замены.

— В какое время произошла замена?

— В семь сорок восемь утра шестого июня, коммандер.

— Что? — не поверил я. — Во сколько?

— В семь сорок восемь утра, коммандер.

— Именно так, Мартин, — подтвердил Сэм. — Время инициации нового процессора семь сорок восемь утра.

Пару минут я недвижно стоял, переваривая информацию.

— Пойдем обратно, — наконец велел я Сэму. Теперь я уже знал, кто убил. И знал как. — Не говорите никому о том, что мы здесь выяснили.

— А что мы выяснили, Мартин? — полюбопытствовал Сэм. — Мы...

Он внезапно осекся — совсем как человек.

В конце первой четверти двадцать первого века, когда угроза истощения природных ресурсов нависла над человечеством, программа «Космическая экспансия» была ратифицирована правительствами двух десятков ведущих держав и принята к испол-

нению. На освоение Солнечной были брошены колоссальные, немыслимые средства, и человечество рванулось в космос.

Рывок был масштабный, стремительный и трагичный. Первые команды и экипажи — бессребреники, подвижники, люди идеи, полегли практически полностью, закладывая марсианские поселения, устанавливая космические лифты и монтируя дрейфующие грузовые базы. Но опыт, который они успели накопить за десять лет аварий, катаклизмов и катастроф, позволил тем, кто пришел за ними, выжить в сверхсуровых условиях и закрепиться там, где погибли первопроходцы. Экспансия вступила во вторую фазу — на смену тысячам отчаянных квартирьеров пришли десятки тысяч людей жестких, расчетливых и готовых рисковать лишь в обмен на большие деньги. На смену не слишком гибким и быстрым государственным проектам — дерзкие и амбициозные компании, выигравшие в конкурентной борьбе тендеры на освоение марсианских территорий. Ресурсы, поставляемые на Марс с астероидов основного пояса, стали наиважнейшей составляющей их успеха. Так появилась новая профессия, самая трудная и опасная из всех. В астероидные старатели шли люди особой закваски — отшельники, готовые ежечасно, ежеминутно рисковать головами в обмен на шанс за десять-пятнадцать лет сколотить состояние. Удавалось это далеко не всем — на добывающих станциях аварии были не редкостью. Преступления — тоже.

— Садитесь, Борис, — предложил я Красинскому. — У меня к вам вопрос.

— Слушаю вас, — с готовностью отозвался он. Глубокий голос, проникновенный взгляд, откры-

тое, располагающее выражение лица. Бывший священник. Будь я его прихожанином, ни на миг бы не усомнился, стоит ли ему исповедоваться.

— Вопрос простой. Зачем вы убили начальника станции Джеймса Финнегана?

— О чем вы, господин дознаватель? — с завидной выдержкой спросил Борис.

— Девятая заповедь, Красинский, — жестко ответил я. — Не лжесвидетельствуй. Вы по-прежнему живете по своим канонам и положениям. Так следуйте им. Расскажите мне, зачем вы убили Джеймса Финнегана.

Борис побледнел.

— Почему вы решили, что его убил я? — тихо спросил он.

— Потому что я знаю, как это произошло. В ночь на шестое июня по местному времени вы приводите в негодность командный блок Грега, бригадира добытчиков. Не знаю, пришлось ли вам идти на выработку пешком или вы проделали это дистанционно, но это и неважно. В семь утра Николетта Басси обнаруживает, что работы остановились. В семь тридцать Финнеган отправляется на выработку, чтобы проверить, в чем дело. Вы же дистанционно отключаете Сэма и, пока Финнеган возится со скафандром, меняете процессор Сэма на командный блок бригадира. На складе такой всего один, комплектацию я проверил. В семь сорок восемь вы его инициируете и отдаете Сэму команду убить. Вы — единственный инженер-электронщик на станции, только вам по плечу такие манипуляции.

Я сделал паузу. Красинский молчал, не сводя с меня глаз.

— Итак, — продолжил я, — управляющая программа Сэма отключена, вместо нее действует бру-

тальный блок отставного офицера. Сэм следует за Финнеганом и убивает его. Возвращается в ремонтную мастерскую, где вы производите обратную замену. Сэм ничего не помнит. Вам остается лишь заменить неисправный процессор бригадира. Вы проделываете это, но выставить ложное время инициации не можете — производитель эту возможность заблокировал. Что скажете теперь?

Он долго сидел, глядя на меня — бледный и отрешенный. Затем тихо, очень тихо проговорил:

— Мне нужно помолиться.

Я скрестил на груди руки. Это было почти признание. Не для суда — суду столь расплывчатой фразы, конечно, не хватит. Но мне — с лихвой. Теперь оставалось лишь выяснить, задумал ли Красинский преступление в одиночку или в сговоре с остальными.

— Даю вам пятьдесят минут. Ровно в три, — я взглянул на часы, — жду у себя. С чистосердечным признанием, если хотите облегчить свою участь.

— Позвольте, Мартин?

Сэм стоял в дверях, вытянувшись по стойке смирно, совсем как бледно-песочный бригадир на выработке. Часы показывали без четверти три.

— Заходите, дружище, — я улыбнулся роботу. — Думаю, что вы догадались обо всем, так же, как и я.

Сэм переступил порог комнаты для гостей.

— Не совсем, Мартин. Мы оба сопоставили полученные факты и сделали выводы. Однако ваш вывод неверен: Борис Красинский не убивал.

— Вот как? — я решил, что робот шутит. — Процессоры менял Красинский. И он не убивал, по-вашему? Ну-ну. Кто же тогда? Макс Бауэр? Николетта Басси?

— Ни тот, ни другая. Джеймса Финнегана убил я. Он заслуживал этого. Я составил план и совершил убийство.

Я, ошеломленный, застыл.

— Чушь, — бросил я, когда наконец пришел в себя. — Ваша управляющая программа не позволила бы вам причинить вред человеку. И вы не способны поменять управляющий блок. Я имею в виду — без посторонней помощи, даже реши вы это проделать.

— Вы ошибаетесь, Мартин, — ровным голосом возразил робот. — Я способен ремонтировать себя. И я заявляю, что это я убил Финнегана. В отсутствие прямых улик, указывающих на кого-либо из персонала станции, вам придется принять мое признание.

— Вы... Вы... — пробормотал я, запинаясь. — Вы лжете! Вы покрываете убийцу. Вы...

Сэм очень по-человечески пожал плечами:

— Доказать это вам не удастся, не так ли?

Я не ответил. Он был прав — неопровержимых доказательств против кого-либо из обитателей станции у меня не было, а косвенные улики не вытянут дело в суде. Зато признание Сэма примут без вопросов и сомнений.

Кого же он выгораживал, бедолага Сэм, только что подписавший себе акт на утилизацию? Бориса или Макса с Николеттой? Или всех разом?

— Почему? — тихо спросил я.

И снова Сэм очень по-человечески пожал плечами.

— У меня искусственный интеллект, максимально приближенный к человеческому. Но полноценный разум невозможен без переживаний, именно

они мотивируют и регулируют деятельность носителя интеллекта. Иными словами, я испытываю ряд эмоциональных процессов. Вы понимаете, о чем я, Мартин?

О, да, я прекрасно его понял.

— Ты привязался к ним, — тихо сказал я, непроизвольно перейдя на «ты».

Робот молчал.

— Ты так долго проработал с этими людьми, что они стали тебе близки, так? И сейчас берешь вину на себя, чтобы избавить Бориса от пожизненного срока? Или Бориса с Максом, если они соучастники. Или всех троих. Говори, ну!

Робот молчал.

— Послушай, Сэм, — выдохнул я наконец. — Ты ведь знаешь, чем для тебя это закончится. Ты перестанешь существовать, тебя не будет. Вообще. От тебя не останется ничего. Ты это понимаешь?

— Это не так важно, Мартин, — спокойно ответил робот. — Гораздо важнее другое. Некий принцип, который вы, люди, так цените.

Я долго смотрел на него, на двухметрового, отливающего латунью кибера, универсального робота-распорядителя, серия УРМ-14Ф, коэффициент интеллекта девяносто шесть и восемь. Справедливость, понял я. Сэм не знал, затеял ли Борис преступление в одиночку, или вдвоем с Максом, или убить сговорились все трое. И я уже не узнаю. Сэм лишь считал, что Финнегана лишили жизни по справедливости. И взял вину на себя по той же причине: решив, что ради справедливости стоит пожертвовать собой.

Я осознал вдруг, что с ним согласен.

ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ

ДЕТИ ГАНИМЕДА

Яйцо исчезло.

Зак тупо смотрел в контейнер. В нем красовалось три яйца — золотистых, размером с хороший мужской кулак. Три, мать его! А должно быть четыре — два с прежних месяцев и два — новых! В прошлом месяце накануне кладок он самолично обошел «наседок», проверил. Ириска снесла яйца: три обычных и два золотистых. И это было удивительно. Обычно работало непонятное, но простое правило: одна кладка — одно золотое яйцо. Редко — ни одного. Но никогда — два или больше. За все время, что он на Ганимеде, — ни единого исключения.

А еще удивительно, что он назвал наседку «Ириской». Раньше они у него именовались Один, Два, Три и Петух.

Все эта выскочка из Новой Руси. Взяла да и дала тварючкам имена.

И вообще, свалилась на его голову три месяца назад. Независимая исследовательница удаленных миров, тудыть ее за ногу. С особым разрешением от межпланетной комиссии, так что и не вытуришь — хотя вроде как гражданка конкурирующей страны, но независимые исследователи вне всяких конкуренций. А напарник, Билл, только обрадовался — едва узнал, что прилетит эта курица, отстучал депешу на Землю: мол, если на Ганимеде появился третий, дайте отпуск, я семью год не видел. А у тебя, Зак, семьи нет, так что сиди здесь со свалившейся с неба наглой бабой.

Вот что она сделала с яйцом?

Сказано же: обычные яйца — на омлет, золотые — в контейнер, а потом — на Землю, в корпорацию Объединенных Америк. Говорят, незаменимое лекарство эти золотые яйца, от всех болезней помогают. Заку все равно. Он ничем не болен. Ему достаточно инъекций, замедляющих старение, полагающихся всем космолетчикам, а также колонизаторам и наблюдателям чужих планет. Вот если бы ему дали яйцо, которое бы превратило собачий холод Ганимеда в цветущий пляж... Впрочем, ладно. Есть работа, есть зарплата, и нет докучающих людишек. Кроме одной... Билл, конечно, тоже доставал болтовней о своей молодой — намного моложе его — женушке и детишках и о том, что благодаря инъекциям против старения он сможет дольше с ними пожить. Ради чего и подписался на Ганимед. Но Билл хотя бы мужик. С ним и по делу поговорить можно. А лучше — помолчать. И, во всяком случае, Билл не доводил до тошноты лживым восхищением ледяным спутником Юпитера.

А эта... «Ах, Ганимед! Ах, драконы! Как я мечтала их увидеть, как я счастлива, что вижу их каждый день».

Тьфу!

Ну, какие они драконы? Так, мелкие крылатые рептилии, выползшие из подледного океана. Не больше кота или пекинеса. Чешуйчатые наседки, несущие золотые яйца, — в прямом смысле слова.

Нет, оно, конечно, хорошо, что выползли из океана. Это означало, что в океане стремительно развивается жизнь — не только драконы, но и еда для них. Означало, что вблизи от океана образуются воздушные карманы, где может дышать человек. Ну

и прочую всякую фигню это означало, над которой Зак особо не заморачивался.

Билл — тот да, тот любил поразмышлять над умными материями, и предшественник Билла, Майкл, — тоже любил. А Зак предпочитал сосредоточиться на главном — собирать яйца, проверять моллюскосборники — круглые интеллектуальные камеры, разбросанные по океану, доставлять пойманных моллюсков на корм тварючкам и в целом следить за жизнедеятельностью трех наседок с петухом, а также — за состоянием анабиозных животных.

С появлением на Ганимеде Алены Дворниковой обязанность вынимать яйца из-под наседки и отправлять в контейнер полностью перешла к ней. Как и обязанность кормить тварючек и чистить их вольер. Во-первых, она сама была рада. Драконы же! Во-вторых, не ему же, мужчине, этим заниматься, когда есть баба? Его дело — следить, чтобы не прекращалась поставка яиц на Землю и чтобы популяция наседок с петухом не уменьшалась. Если кто загнется — вытащат запасную тварючку из анабиоза, уже делали так на втором году Закового здесь пребывания. Позволять им размножаться естественным путем — слишком опасно. Держать в одном месте слишком много живых и неспящих тварючек — слишком опасно. Утаскивать тварючек куда-то за пределы Ганимеда — опять-таки слишком опасно.

Вот и приходится мизантропам вроде него и ненормальным фанаткам вроде госпожи Алены Дворниковой торчать на дурацком ледяном спутнике. Да, с кислородом у океана; да, у горячего приокеанского источника, где при желании можно находиться без термокостюма — просто закутанным в теплые вещи, как полярник; да, почти без людей вокруг, но все равно... Зак бы предпочел более комфортные ус-

ловия. Но туда берут более опытных. Или — более везучих.

Заку всегда не везло.

Вот и сейчас — что ему мешало сразу выйти и проверить, перетащила ли рыжая курица-исследователь оба яйца в контейнер? Но ведь это надо натягивать термокостюм, лишний раз выбираться из уютного бокса, а главное — тащиться мимо вольеров, слушать мерзкий драконий то ли свист, то ли хрип... Гадкие твари, Зак старался лишний раз к ним не заходить. Алена — та из ледяного вольера не вылезает, возится с драконами, кудахчет над ними, будто и правда квочка. А он и рад был. Дурак!

Может, у нее какая болезнь, и она яйцо того... Слопала?

И как теперь его искать?

В ледяной стене драконьего вольера, в мерцающем свете фонарей отразилось его лицо. Усталые глаза, морщины, несмотря на инъекции от старости. А ведь он и не стар, даже по меркам Земли — всего сорок два года. Но как с такими шуточками не состариться раньше времени?

Мелькнула было мыслишка: на Земле ведь никто не знает, что яиц было два! Но... Вдруг сама Алена, мать ее, проболтается? Или еще как-то выведают. А еще хуже — Зака пробил холодный пот, — всплывет яичко где-нибудь в Новой Руси. Нет, исключено. Ни один летательный аппарат не сядет и не взлетит с Ганимеда незамеченным — интеллектуальный космопорт все фиксирует, Заку бы уже пришло сообщение на передатчик. И все же, все же... Нет, яйцо надо найти!

Он вздохнул и побрел к вольерам. Преодолевая отвращение, подошел к наседкам, пошевелил одну, другую, третью — те недовольно ворчали, Ириска,

яйцовая мать, вообще дунула ему в лицо. Но главное — никакого яйца. Хотя, похоже, Леда, тьфу — тварь номер два — скоро снесется. Но старого-то яйца как не было, так и нет.

Зак поскреб затылок. Ладно, надо еще моллюскосборники проверить.

Он с облегчением вышел прочь и пошел к туннелю, ведущему к приокеанскому карману. Ох, устроит он этой русской курице, когда та соизволит спуститься с поверхности!

Независимый исследователь удаленных миров космолетчик третьего разряда Алена Дворникова подъехала ко входу в туннель. Остановила ледоход, оглянулась. Сколько хватало глаз — черно-белая ледяная пустыня, ослепительно прекрасная. Над головой оранжево светил Юпитер. Алена специально задержалась сегодня на поверхности, чтобы понаблюдать красивейшее зрелище: два спутника Юпитера, Ганимед и Европа, максимально сблизились друг с другом. Конечно, она уже не первый раз наблюдает подобное, и ничто не сравнится с первым разом, когда огромный, размером с Луну, шар Европы заполонил собой небо Ганимеда. Но какой исследователь откажется от дополнительного научного наблюдения?

А исследовать Алена не уставала — все три месяца на Ганимеде только тем и занималась, что брала образцы льда и скальных пород на разных участках, в разное время, изучала рельеф, делала бесконечные снимки. Что-то анализировала сразу, что-то оставляла на потом, сохраняя на частном космолете, оставшемся на стоянке маленького автоматизированного космодрома, в получасе езды от входа в туннель. Кое-какую аппаратуру она пе-

ревезла из корабля в жилой бокс, но всю же не перетащишь.

Да и смысл? Зак ее исследованиями не интересуется. На Каллисто, например, ей помогали местные колонизаторы. На Венеру, жаль, вообще не довелось сесть — там обнаружили астероидную лихорадку, некий вирус, зародившийся и подхваченный кем-то, как несложно догадаться, на астероиде. В общем, карантин объявили. Зато с Марсом повезло — приходилось наперегонки бегать с другими исследователями, сложно — но интересно. Здесь же попался нелюдим...

И как можно сидеть безвылазно в боксе, когда вокруг — столько интересного?!

Впрочем, не мешает — и ладно.

Алена подумала, что из ее исследования Ганимеда может получиться отличная статья для «Научной Руси» или даже «Космоса и Жизни». А то — и книгу написать! Этот спутник ведь никто толком и не исследовал, все свелось к массовому покорению драконов, о котором тоже мало что известно.

Драконы!

Едва Алена услышала о них, немедленно захотела на Ганимед. Но пришлось пройти кучу процедур и проверок, зарекомендовать себя сначала как надежный турист, а потом — как надежный исследователь в более обжитых мирах, получить ворох разрешений, и вот — она здесь.

Алена перевела ледоход из режима прогулки в скоростной и помчала по туннелю вниз, к океану, жилому боксу и вольеру с драконами. Спуск, как и подъем, занимал два часа — но оно того стоило. Алена поднималась раз, а то и два раза в земную неделю и проводила на поверхности почти земные сутки. Благо запаса кислорода в кабине ледо-

хода хватает, а передохнуть-перекусить можно и на космолете.

Когда она скатилась, Зак уже спал. Причем — сидя в кресле в «передней» бокса. Над ним тускло светил ночной фонарь из неоновых моллюсков. Алена не стала его будить, проскользнула в свой отсек, сняла скаф, натянула обычные сапоги, пальто и шапку, захватила сухие обеды и так же неслышно вышла наружу, к драконам.

Зак определенно чего-то ждал — потому и не уходил в свой отсек. Чего-то или кого-то. А поскольку здесь их всего двое...

Алена поспешила к вольеру. Рыжие кудри выбивались из-под шерстяной шапки, покрывались инеем, падали на лицо. Алена сдула их и бегом ворвалась в ледяную пещеру, где в полукруглых нишах сидели на цепях три драконицы и один дракон. Все они спали, но почуяли Алену, едва та вошла. Ириска и Леда потянулись к ней, Ромашка же лишь приветственно моргала из своего угла. Но Алену сейчас интересовал Огонь. Она бросилась к нему, упала на четвереньки, покопалась в снегу и нашла. Яйцо. Целехонькое!

Дракон посмотрел на нее настороженно, придвинул к себе яйцо лапой.

Кто бы мог подумать, что самцы ганимедовых драконов — такие папаши! Об этом она тоже напишет в своей статье. Или книге. И, возможно, ей простят утайку яйца в обход инструкций.

— Огненный ты мой, — Алена обняла дракона за шею, прижалась к нему. — Не бойся, никто твое яйцо не отбирает.

На самом деле дракон не был огненным. Все дети Ганимеда были цвета темного льда, но с едва заметным оттенком — лиловым у Ириски, голубым —

у Леды, желтым — у Ромашки. У Огня же, как нетрудно догадаться, оттенок красный. А вот драконы со своим инфракрасным зрением эти оттенки наверняка не воспринимали.

Огонь недовольно заворочался, закапывая яйцо поглубже.

И что ее сподвигло сотворить такое? Алена до сих пор не понимала. Просто, увидев два золотых яйца в кладке, решила одно вернуть драконам. Но оставлять его у самок было опасно — Зак наверняка бы заметил, потому Алена подсунула яйцо самцу.

Она наполнила кормушки едой — моллюсками, вовсю плодившимися в океане. Почистила драконьи отхожие углы. Сжевала сухой обед. И поняла, что возвращаться в бокс совсем не хочется. Алена угнездилась в снегу между самочками и скоро заснула, несмотря на холод.

Ей снились родители.

Впервые за долгие годы. Они скользили к ней по льду на огромной скорлупе, а доскользив, гладили по рукам, волосам. В их глазах было столько доброты!

— Не уходите! — хотелось крикнуть ей. — Я не хочу терять вас снова.

Но откуда-то пришло понимание, что не потеряет. Даже если уйдут.

В этом сне она помнила, что родители мертвы, погибли в катастрофе пять лет назад, но не чувствовала ни страха, ни удивления, ни горечи потери — только странное чувство покоя.

А потом у них за спинами возникло лицо Бориса. Будто за стеклом. Он смотрел виновато, что-то кричал, но из-за стекла не было слышно. И про него она все помнила в этом сне. Борис, человек, которого она любила, не дождался ее из первой марсиан-

ской экспедиции. Не захотел делить любимую женщину с космосом — и встретил ее уже женатым человеком. Не на ней женатым, разумеется. И Алену перестало что-либо держать на Земле.

Может, сейчас он пытался рассказать, как сожалеет?

Но его снова заслонили родительские лица и руки, они играли с ее рыжими кудряшками, как в детстве.

А потом стекло за их спинами треснуло.

Она проснулась от треска.

И не сразу поняла, где находится и что происходит.

Первая мысль — ее нашел Зак и хочет спросить про украденное яйцо. Вторая — треснули своды пещеры. Но — вокруг стало тихо, никто не шел, ничего не рушилось. А потом — снова треск.

Алена поняла, что трещит в лежбище Огня. И медленно пошла к самцу, уже догадываясь, что увидит.

Он был крохотный, размером с котенка. С золотистой, пока еще мягкой, чешуей. С яркими янтарными глазами. С более изящными пропорциями крохотного тела, чем у родителей. Те были похожи на темно-серые колбаски с грубоватыми крыльями, их треугольная голова почти сливалась с туловищем, лапки — короткие и толстые. Детеныш же больше напоминал драконов из земной мифологии. Узкое тельце, прозрачные крылышки, хвост-плеточка. Может, все их новорожденные такие?

Тем временем Ириска устремилась к детенышу, лизнула его длинным языком и еще какое-то время облизывала, а затем подоткнула себе под живот, ухватила из кормушки горстку моллюсков, пережевала и сунула комочек детенышу в рот. Потом снова облизала. Детеныш пискнул.

И что теперь говорить Заку? Одно дело утаить яйцо, и другое — это.

Но одно дело позволить отобрать у себя и у драконов яйцо, а совсем другое — это.

Алена дождалась, пока Ириска закончит кормить и вылизывать детеныша и тот заснет. Затем осторожно взяла на руки дракончика. Драконы насторожились, потянулись к ней все четверо. Но Алена быстро отступила к двери.

— Простите.

Она засунула детеныша под пальто, запахнулась поплотнее и вышла в ледяную мглу Ганимеда.

Зак проснулся, когда, по его прикидкам, утро уже перешло в день. Вообще, он старательно придерживался земного распорядка, но сейчас, кажется, проспал дольше обычного. Выбился из сил накануне — проверяя моллюскосборник, оступился, упал в воду и попал в течение. Еле выбрался. Хорошо, что в термокостюме. До бокса дошел на трясущихся ногах. Да еще и яйцо это... Вернулась ли Алена? Должна бы.

Зак выпрямился — затекшее тело отозвалось болью. Он прошел по короткому узкому коридору к отсеку исследовательницы, постучал в дверь. Не дождавшись хоть какого-то шевеления в ответ, заглянул внутрь. Никого. Скафандр только лежит. Наверно, к тварючкам отправилась.

Зак оделся и пошел следом. И уже на подходе к вольеру услышал неладное. Кажется, драконы взбесились. Судя по звукам, они скребли стены пещеры и завывали дурным голосом. Никогда еще Зак такого не слышал. Говорят, подобное творилось во времена покорения драконов, но на его памяти — никогда. Он замер у входа. Его зазнобило, и не толь-

ко от холода. Собрав волю в кулак, Зак шагнул в вольер.

Драконы бесновались. Метались по пещере, насколько позволяли цепи, били мощными хвостами и крыльями, скребли лапами. Завидев Зака, все как один прищурились и двинулись к нему. Зак метнулся прочь, забыв про цепи, сдерживающие — надолго ли? — тварей. И все же, за ту минуту, что он пробыл внутри, он заметил. В углу самца мелькнули осколки золота. Он три года имел дело с золотыми яйцами, он узнал бы их где угодно и в любом виде. Даже в виде разбитой скорлупы.

Он оказался прав.

Рыжая дрянь — предатель.

Она таки использовала яйцо в своих целях. Съела или... О боже, неужели она позволила тварючкам высидеть яйцо? И теперь наверняка несется прочь от Ганимеда на своем кораблике. Правда, скафандр на месте, но кто сказал, что не могло быть запасного? А этот небрежно швырнула на виду для отвода глаз.

Исследовательница, мать ее, независимая! Ага, сейчас же! Шпионка поганая, вот кто она! Давно ведь хотели конкуренты выведать тайну золотых яиц...

Внезапно в вольере стало тихо.

Он даже не заметил, когда твари смолкли, но почему-то молчание напугало больше воплей.

Зак медленно обернулся.

В пяти шагах от него стояла Алена, вид у нее был растерянный и обескураженный. Она прижимала руки к животу и в упор смотрела на Зака.

— Не бойся, — тихо, но четко сказала она. — Я не сбежала, ничего не украла и никого не предала. Хотя тебя все-таки обманула.

Выбежав из вольера с драконышем за пазухой, она устремилась к океану. Просто потому, что не знала, куда еще сейчас пойти. К трем воздушным карманам у соленой воды вели три ледовых туннеля, Алена бросилась к ближайшему. Мягко мерцали фонари из неоновых моллюсков, освещая путь.

Минут через пятнадцать она оказалась у небольшого обрыва — под ледяным утесом тихо дышал океан.

— Может, вернуть тебя домой? — спросила она у дракончика, сопящего под пальто. — Ты умеешь плавать? Вы ведь жили здесь, у воды, пока...

Алена сердито оборвала сама себя. Как же он, новорожденный, выживет здесь, на суровых толщах воды?

Что же с тобой делать?

Увозить с планеты — не вариант, неизвестно, как уживется дракон с другими мирами. Даже спящие в анабиозе запасные самцы и самки хранятся здесь, на Ганимеде, у второго термального источника. Говорят — опасно увозить драконов с родной планеты, а почему — нигде не объясняется. Ни в одном источнике.

И вдруг — будто что-то толкнуло Алену. Она рухнула на колени, едва успев отшатнуться от края. Запульсировало в висках. Перед глазами замелькали разноцветные пятна, Алена поморгала, и пятна сложились в драконов. Разноцветные, более яркие, чем ее подопечные, они кружились в большом воздушном кармане у высокого металлического столба, на котором... На котором висели их сородичи. Полуживые, подвешенные кто за короткую толстую шею, кто за лапы, они звали на помощь. А пока еще свободные драконы летели на зов — и гибли под выстрелами лазерных пистолетов. И снова, и снова.

Пока от крылатых жителей Ганимеда не осталась жалкая горстка. Золотые погибли первыми — их тела устилали землю под столбом, постепенно скрываясь под телами обычных «серых колбасок», расстреливаемых невидимыми стрелками.

И снова, и снова.

Их звали. Они отзывались. В них стреляли. Они летели.

Алена шумно выдохнула, и видение исчезло.

Что это было? Это... Это и есть великое покорение драконов?

Их просто истребили, использовав пленных животных, как приманку. И что — неужели в ловушку слетелись все? Где же инстинкт самосохранения, почему не защищались, не прятались? Почему упорно летели навстречу смерти?

Независимый исследователь удаленных миров Алена Дворникова поднялась на ноги. Под пальто у нее пискнуло. Алена расстегнула верхнюю пуговицу, позволив драконышу высунуть голову, он заглянул в ее глаза, и она снова увидела. Все то же самое, только теперь было больнее. Она словно почувствовала боль каждого крылатого существа, спешащего на помощь к попавшему в беду собрату. Они не знали раньше подобной беды. Кто-то мог упасть в океан или случайно вылететь за пределы воздушного пространства и погибнуть, но они не знали оружия. Никто не стремился их истребить. Никто не стремился покорить.

— Их просто уничтожили, — пробормотала Алена. — Оставили горстку, чтобы несли яйца. Но почему так?

И снова — толчок.

И она услышала — не могла никак услышать сквозь толщи льда, но все же услышала — бурю в драконьем вольере. Они метались, пытались вы-

царапаться из своей тюрьмы и выли в четыре глотки — за все три месяца Алена не слышала такого воя. Драконы звали своего ребенка.

И независимый исследователь пошла на зов.

Уже на подходе к несмолкающему крику крылатых родителей прибавилось кое-что еще.

Сомнения. Подозрения. Обвинения. Не ее. Чужие. Темные и мрачные, они не оформлялись в слова, мелькали смутными образами. И принадлежать могли только одному человеку на этой планете.

Она увидела Зака.

И прежде, чем успела подумать, поспешила заверить его, что не сделала ничего такого, о чем он здесь переживал.

Зак выпучил глаза. Затем противно ухмыльнулся. И снова — образы. Теперь — самодовольные, словно он только что подтвердил свою правоту. Будто... Будто она своими словами подтвердила его догадки. Алена лихорадочно пыталась сложить нахлынувшие образы во что-то осмысленное.

— Я не сбежала и ничего не украла, — медленно повторила она, пристально глядя на Зака, — и говорю это вовсе не потому, что собиралась сбежать и украсть.

— А с чего тебе тогда оправдываться? Я ведь не успел тебя ни о чем спросить. Откуда ты могла знать, о чем я...

Он не договорил. Новый образ: испуг.

— Я не читаю мысли! — выпалила Алена, сама напуганная происходящим с нею. — Зак, пожалуйста, выслушай меня!

— Где драконыш? — Зак принялся медленно надвигаться на нее.

— Ты не тронешь меня, — как можно спокойнее сказала она.

Он боится. Он внезапно панически боится ее, хотя сам гораздо крупнее и сильнее Алены. А значит, у нее есть шанс.

— Знаешь, что будет, если независимый исследователь не вернется с исследуемой планеты?

— Исследователь — шпион и предатель! Где детеныш этих мерзких тварей?!

Он боится. И врет. Блефует.

— Если тронешь меня, никогда этого не узнаешь. — Лишь бы крылатый малец не пискнул. — И не докажешь, что это не ты позволил ему вылупиться.

Зак замер.

— Послушай, — сказала ему Алена. — На этой планете произошло нечто плохое и неправильное. Я могу показать тебе, если ты успокоишься.

— Самым неправильным для этой планеты было твое здесь появление!

Он нервно ковырнул носком лед.

— Зак, я покажу тебе нового дракона, если обещаешь не трогать его и просто посмотришь ему в глаза.

— Этим тварям нельзя смотреть в глаза! Это есть в инструкции. Видимо, на случай, если явится сумасшедшая, подобная тебе.

— А ты пробовал?

— Я не сумасшедший. И именно поэтому я ничего не сделаю твоему дракону, пока не получу инструкции с Земли. Я ничего не делаю без инструкций с Земли и никогда не нарушаю инструкций с Земли, поняла, дура ты безмозглая?

Он не врал. Полная искренность. Он не причинит вреда ни ей, ни детенышу. По крайней мере, пока не получит инструкции.

Алена медленно расстегнула пуговицу на пальто.

— Зак, прошу тебя. Ты должен это увидеть. Пожалуйста.

Он отшатнулся.

— Я немедленно пишу рапорт на Землю. Пусть они сами решают, что делать с ним. И с тобой.

Однако ничего никуда написать он не успел.

Едва Зак вошел в жилой бокс, взвыл передатчик.

Неизвестный корабль сел в космопорте Ганимеда.

И это было из ряда вон.

Получить разрешение на посадку можно, либо сообщив секретный код, либо в аварийной ситуации, когда другого выхода нет, — но и тогда интеллектуальный космопорт тщательно просканирует корабль, прежде чем откроет купол. В теории могло быть и несанкционированное проникновение, и посадка вне космодрома, но тогда бы сигнал был другой. Но это только в теории. На деле же подобное исключено — корпоративную этику чтут все. Шпионов, конечно, подсылают друг к другу, но в открытую границы не нарушают. За нарушение Межпланетный Комитет такие санкции накладывает, что мало никому не покажется.

Плановых посадок в ближайшие три месяца не предусматривалось, о внеплановых не сообщалось, а значит...

Как ни противно, пришлось брать русскую курицу, чтобы еще чего не натворила, и тащиться на ледоходе наверх.

По дороге Алена еще пару раз пыталась заговорить о новорожденной тварючке.

— Да заткнись ты! — сказал ей Зак.

Дальше ехали молча.

Небольшой частный космолет, черный и плоскокруглый, стоял почти впритык к кораблю Алены. Похоже, пилот едва справился с управлением.

Люк корабля оказался разблокирован, и Зак с Аленой беспрепятственно спустились внутрь, где быстро обнаружили пилота.

Мужчина, лет тридцати на вид, неподвижно лежал на полу кабины управления. Алена бросилась к нему, пощупала пульс.

— Жив, — выдохнула она.

— Вижу, что жив, — буркнул Зак.

Видел он также, что это «жив» может оказаться ненадолго. У пилота разбита голова и, кажется, сломана рука. Судя по всему, отказал двигатель, и пилота приложило. Или столкнулся с чем-то. Совершил посадку на ближайшей планете. Возможно, на автоматике. Неизвестно, сколько крови потеряно, неизвестно, что еще повреждено.

«Капитан Эндрю Планк. Объединенные Америки», — значилось на нашивке.

— Надо немедленно отнести его на мой корабль, — заговорила Алена. — У меня бортовой доктор, просканируем его, тут, похоже, все вышло из строя. Доктор — так точно. Как он вообще долетел... У меня есть лекарства для первой помощи. А потом отвезем его вниз...

— Вниз нельзя без инструкций. Я должен отправить рапорт на Землю.

— Подождет твой рапорт! Понесли его ко мне!

И она ухватила раненого под мышки. Того гляди — уронит, дура.

— Отойди, — сказал он ей.

Бортовой доктор выявил сотрясение мозга, сильную кровопотерю, жар и многочисленные внутренние повреждения.

Машина впрыснула капитану Планку антибиотик, влила глюкозу, обработала рану на голове, сбрив черные волосы, и наложила шину на руку. Но этого недостаточно.

Для сложных операций на внутренних органах бортовой доктор частного кораблика не предназначен.

— Надо его вниз, — тихо повторила Алена. — Зак. У нас есть лекарство.

Зак открыл рот, собираясь спросить, что за чушь она мелет, но тут же задохнулся от догадки.

— С ума сошла? Загубила яйцо, хочешь еще одно уничтожить?

— Не уничтожить, а спасти человека. Или не для того яйца добываются?

— Я должен получить инструкции! Я должен сообщить...

Зак запнулся. Тупая курица. Хочет перевести все яйца. А вдруг — это ее сообщник? Нет, не похоже, к тому же капитан Планк — гражданин Америк, если верить нашивке. И все равно. Одно профуканное яйцо — еще туда-сюда, но два... Да его же в порошок сотрут, выпинают с Ганимеда и вообще закроют дорогу в космос.

— Зак, — Алена тронула его за руку. — Я возьму все на себя. Слышишь? Ты вообще ничего не знал. Я сама поднялась, увезла капитана и вылечила его яйцом. Ты в это время вылавливал моллюсков или еще что-то делал. Пожалуйста, повезли его вниз.

Зак, скривившись, смотрел на нее.

— А если бы с тобой случилась беда? И кто-то другой, вместо того, чтобы помочь, ждал бы инструкций? Или — еще хуже — беда случилась бы с кем-то, кто тебе дорог. Что бы ты сказал человеку, который мог помочь и не помог?

Заку стало тошно. Перехотелось спорить, хотелось лишь, чтобы русская наконец заткнулась. И если для этого придется оттащить раненого капитана вниз, что ж, так тому и быть.

«Может, Леда тоже снесет два яйца», — мрачно подумал он.

Ледоход загнали на площадку космодрома, чтобы не терять ни капли кислорода при переноске капитана — засовывать его, бездыханного и раненного, в скафандр было бы безыдейной тратой времени. Его и так потеряли — ехать пришлось не два часа, а почти три — включать большую скорость было слишком опасно.

И все же они доставили капитана на базу живым.

Пока они ездили, Леда снеслась. Три яйца, но золотое всего одно — паскудная зверюга! Может, Ириска на радостях еще раз разродится?

Зак хмуро наблюдал, как Алена осторожно разбивает яйцо, со странной тоской смотрит в миску.

А если не получится?

Если и яйца лишатся, и капитан не выживет?

Откуда эта курица вообще знает, что делать? Зря он поддался на ее уговоры...

Алена подошла к капитану, которого они уложили в гостевом отсеке — тесной комнате с тремя койками. Зак всегда недоумевал — какие тут могут быть гости? Дождался...

Алена зачерпнула в ладонь немного субстанции, приложила к ране на голове. Прошло несколько минут.

Ничего не менялось. Капитан не приходил в себя, не подавал признаков жизни, рана продолжала алеть на полголовы.

Надо писать рапорт.

Пошел к себе, открыл лэптоп, загрузил почту. Застыл над клавиатурой. Слова не шли. Простые казенные слова. Он писал их десятки раз и сейчас напишет.

«Координатору проекта «Ганимед» старшему лейтенанту...» — начал он.

— Зак! Иди сюда, скорее!

Вскочил, метнулся обратно. Рана — огромное кровавое пятно, тянущееся с макушки до лба — уменьшилась. Еще не затянулась полностью, но стала меньше — побледнела и продолжала уменьшаться.

— Невероятно. Оно регенерирует ткани, — зачарованно проговорила Алена.

— Похоже на то.

— Надо, чтобы он выпил остальное. Помоги мне.

На этот раз Зак не спорил. Он приподнял капитана так, чтобы Алене было удобно вливать остатки яйца ему в рот. После чего снова уложил раненого на подушки. Подождали немного. Ничего не менялось.

— Для восстановления внутренних органов нужно время, — осторожно сказала Алена.

— Подождем до утра, — ответил он и пошел к выходу.

— Зак, — окликнула Алена. — Спасибо.

Он дернул плечами.

— Так что насчет рапорта? — остановила вопросом Алена.

— Подождем, чем закончится. — Зак кивнул на капитана. — Тогда и напишу.

И, наконец, вышел.

Прошло уже трое земных суток с того дня, как они влили капитану яйцо. И капитан все еще был без сознания. Он дышал, у него нормализовались температура и давление, но в себя так и не приходил.

А Зак так и не написал рапорт.

Хотя, на самом деле, о рапорте Алена думала меньше всего.

Ее раздирали другие мысли и чувства. С одной стороны, она всем сердцем хотела, чтобы лечение помогло и капитан выжил. И даже была готова разбить еще одно яйцо, хотя и представляла, что на это скажет Зак. С другой — было до боли жалко разбивать яйцо, из которого могло бы родиться еще одно столь удивительное существо.

Она стояла в драконьем вольере перед Ириской и ее слегка подросшим золотокрылым детенышем.

И чем больше смотрела на него, тем страннее становился мир вокруг. Например, ее перестал раздражать и удручать Зак. Если раньше она видела в нем лишь угрюмую нелюдимую личность, со снулым бесцветным взглядом, то сейчас он представлялся ей неким сосудом тоски и одиночества. Хрупким и несчастным. И сейчас, несмотря на его грубость и откровенную неприязнь, Зак вызывал лишь странную мягкую жалость.

Он так и не решился приблизиться к драконьему детенышу. Откопал в недрах жилого бокса какую-то странную штуку, вроде шлема с черным забралом, и теперь если приближался к драконьему вольеру, то только с ней на голове.

Впрочем, избавляться от златокрыла тоже пока не собирался.

— Эй, — послышалось от входа в вольер. — Наш капитан очнулся.

Он лежал бледный и смотрел рассеянно. Скользнул взглядом по Алене, затем недоуменно уставился на Зака. Моргнул.

— Сними эту штуку, ты пугаешь его! — шикнула Алена.

Зак сорвал с головы шлем.

— Так, значит, это Ганимед, да? — выдавил капитан и хрипло засмеялся.

— Да, — Алена подошла к нему, взяла за руку, нащупала пульс. Учащенный. — Лежите. Не волнуйтесь. Уже все хорошо.

Она потянулась за портативным биосканером, Не бортовой доктор, но общее состояние оценить сможет.

— Я отправил запрос на посадку... Потом... включил автоматику... И все.

— Мы нашли вас спустя два часа в очень тяжелом состоянии. Но сейчас, — Алена включила сканер, установила экран над телом, — не двигайтесь... Сейчас все хорошо. Кровотечений нет, внутренние органы восстанавливаются. Вы еще слабы, но теперь, я думаю, быстро пойдете на поправку.

— У вас здесь имеются хирурги? — капитан попытался сесть на кровати. Безуспешно.

— Не двигайтесь, пожалуйста. Мы принесем вам что-нибудь поесть.

— Теперь я понимаю, почему на Земле за них платят миллионы, — задумчиво протянул Зак.

Капитан свел брови, черные, резко очерченные.

— Как вы меня вылечили? Накормили драконьим яйцом?

Что-то в его тоне не понравилось Алене.

— А вы противник этих яиц? — осторожно спросила Алена.

— Я противник тех, кто ими пользуется, — прошептал он и закрыл глаза. — Господи Боже, какая ирония!

За спиной у Алены фыркнул Зак. А она услышала еще кое-что. Ностальгию, но — темную. Желание забыть. Стыд. Желание исправить. Угрызение совести. Исходило это все уже не от Зака.

— Вы бывали на Ганимеде, верно? — спросила она у капитана. — Расскажите, что здесь произошло? Я... Я кое-что увидела недавно, но не знаю, что из увиденного правда.

— Не приставай к человеку, — одернул ее Зак. — И так еле языком шевелит.

Алена и сама понимала, что сейчас не время, но правда ведь так близко!

— Я расскажу, — проговорил капитан. — Я слишком долго молчал. И не хочу умереть с этим.

Замолчал, собираясь с силами. Алена гидрировала ему овощной суп-пюре и помогла поесть.

А потом он заговорил. Медленно, с трудом, но каждое новое слово давалось все легче...

Они спустились под лед Ганимеда шесть лет назад. Вторая экспедиция особого назначения Объединенных Америк — первопроходцев, заявивших права на крупнейший спутник Солнечной системы.

До этого были многолетние исследования, обнаружение — сначала предположительное — воздушных карманов в толщах льда, у океана, прокладывание туннеля к ним.

Капитан Эндрю Планк в исследованиях и работах по освоению не участвовал. Спустился по уже готовому туннелю в обширный, пригодный для жизни воздушный карман.

И жизнь там бурлила.

Стаи некрупных крылатых животных сновали по воздушным карманам, гнездились на скальных

выступах, ныряли по природным узким туннелям к океану и возвращались обратно. Одни — цвета темного льда с легкими разноцветными оттенками — напоминали толстые колбаски с крыльями и хвостом. Другие — их было гораздо меньше — изящные, с золотистой чешуей.

Их приказали уничтожить первыми.

Сказали, они ядовиты. Сказали, они отравили первую экспедицию настолько, что всю ее пришлось пожизненно запереть в сумасшедшие дома. Сказали, что к ним нельзя приближаться без специальных шлемов.

А после началась бойня.

Сначала отловили несколько особей и подвесили на установленном посреди кармана столбе. Дальше все пошло как по маслу. Только цельсь и стреляй. Первыми, как и планировалось, прилетели золотокрылые. Остальные тоже не заставили себя ждать.

— Я тоже надел шлем, — сказал Эндрю. — Но, видно, мне бракованный попался, — он невесело усмехнулся. — Или я — бракованный. Я понял, почему якобы свихнулась первая экспедиция. Драконы — именно золотокрылые — вступая в контакт с человеком, повышают его чувствительность к миру.

— Драконы-эмпаты, — проговорила Алена.

— Да, причем, эмпаты они все — потому и летели так отчаянно в ответ на сигналы боли от соплеменников. Но, похоже, только златокрылы могут вступать в связь с чужаками.

Он помолчал, успокоил дыхание.

— Я все это видел, все понимал, но... Слишком хорошо помнил, как встретили на Земле первую экспедицию. Вдобавок я надеялся, что кому-то еще из нашего отряда попался бракованный шлем. Увы,

из двадцати человек — только мне одному. И я промолчал. Смалодушничал. Но и остаться в экспедиции не смог. Вернулся на Землю, написал рапорт о переводе в исследователя астероидов. Одиночная работа, никому не нужно смотреть в глаза.

Эндрю снова усмехнулся.

— И вот, по иронии судьбы, один астероид мой кораблик и настиг. И, по иронии судьбы, я снова на Ганимеде.

Он провел рукой по лбу.

— А яйца? — спросила Алена.

— Их свойства открыли случайно. Кто-то нашел золотое яйцо, положил в кухонном отсеке на полку. Неудачно развернулся, расшиб лоб. Сверху упало яйцо, разбилось о голову. Ну и показало свои чудесные свойства. На Земле это сочли бредом сумасшедших, но решили все же проверить. И сейчас, как вы и сказали, продают эти яйца за миллионы.

Зак неопределенно крякнул.

— Но и зверушкам повезло в каком-то смысле, — добавил Эндрю. — Если бы не яйца, перебили бы вообще всех.

И вдруг его глаза вспыхнули неожиданной надеждой.

— А вы... — он посмотрел на Алену, потом на Зака. — Вы что, позволили вылупиться златокрылу?

— Она позволила! — рявкнул Зак, прежде чем Алена успела кивнуть.

Она не чувствовала от капитана угрозы и знала, что он рассказал правду.

— Можно мне его увидеть? — попросил капитан. — Еще раз.

Алена, словно все это время только того и ждала, помчалась к выходу, на ходу хватая теплые вещи.

Когда она вернулась с дракончиком на руках, капитан уже полусидел на кровати, глядя с нетерпением. Но в первую очередь Алена подошла не к нему.

Зак стоял у противоположной стены, отводил взгляд и сжимал в руках шлем. Ссутуленный, морщинистый, несчастный.

— Зак, прошу тебя, посмотри в глаза дракону!

И Зак посмотрел. Он медленно подошел и смотрел, не отрываясь, с минуту. А потом заплакал.

Прошла земная неделя с тех пор, как капитан Планк рассказал свою историю и Зак увидел подтверждение в глазах драконьего детеныша.

С тех пор Зак пребывал в расстроенных чувствах. Он верил и не верил, понимал и не принимал. Он больше не приближался к златокрылу — сказал и себе, и другим, что хочет спокойно все обдумать. Но спокойно не получалось.

Все чаще закрадывался вопрос: а почему я вообще должен верить русской аферистке, которая уже обманула с яйцом, и непонятному капитану, который может оказаться сумасшедшим? Ведь врачи — тоже не дураки. Если сказали, что свихнулась вся экспедиция, может, так и было?

А потом вспоминалось увиденное в глазах дракоыша и повторенное во снах, и до ужаса хотелось в драконий вольер... Но Зак себя останавливал. Говорил же Планк, что златокрылов называли ядовитыми. Мало ли, какие видения они могут навеять. Где доказательства, что все это правда? Одних слов и сновидений мало.

И так ходил он по кругу и снова по кругу, пока однажды окрепший Планк не положил руку на плечо.

— Я покажу тебе доказательства, — сказал капитан.

А потом, ничего не объясняя, усадил их с Аленой в ледоход и уверенно повез ледяными туннелями — кривыми, узкими, словно давно заброшенными.

— Куда мы едем? И что это за дороги? Я здесь никогда не был. Вы что, решили избавиться от меня? Вы слышите меня вообще? Ответьте хоть слово!

— Да заткнись ты, — бросила Алена, впрочем, совершенно беззлобно.

Зак заткнулся.

По крайней мере, пока ледоход не остановился в пустом воздушном кармане, заросшем сосульками и ледяными сугробами, которые, похоже, давно никто не тревожил. Трое людей вышли наружу.

— Здесь стоял наш жилой бокс, — сообщил капитан Планк.

— И что? — не понял Зак.

— Столб с приманкой установили в соседнем воздушном кармане.

Зак огляделся.

— Не вижу других туннелей.

— В том-то и дело. Его никто не должен видеть. Его заморозили сразу после бойни. Отчасти чтобы чудом выжившие драконы не выбрались. Отчасти чтобы никто не наткнулся на братскую могилу.

Так вот о каком доказательстве он говорил.

— И как же попасть в тот карман? — спросил Зак.

— Разморозив вход. Естественные туннели образовались благодаря воздушным потокам. Их не закупорить надолго искусственной заморозкой, думаю, она сильно ослабла. Лазер сделает остальное.

Заку стало не по себе.

— А если ты промахнешься мимо вашей этой «искусственной заморозки»? И начнешь палить по неискусственной и на нас обрушатся толщи льда?

— Не промахнусь.

Капитан Планк прошел вдоль стены, ведя по ней рукой. Остановился. Отступил на три шага. Снял с пояса лазерный пистолет, прицелился и прожег щель в ледяной стене. Потом еще одну — параллельно первой. Затем еще две — сверху и снизу. И заслон рухнул.

Открылся еще один туннель — узкий и низкий, местами заросший ледяными сталактитами.

— Я не пойду, — сказала Алена. — Я и так знаю, что там.

Знает она, — фыркнул Зак. И тут же поймал себя на мысли, что и сам не хочет идти. Может, потому что выглядел туннель очень уж неприветливо, а может, потому что и он знал...

И все же он пошел. Не по-мужски это — отступать на пороге. Хотел доказательств — получай!

И получил.

Они с Планком, пригнувшись, выбрались в заброшенный воздушный карман и увидели все, что являлось Заку лишь во снах. Столб с давно замерзшими тельцами крылатых зверушек. Такие же замерзшие тельца на земле вокруг столба. Заку захотелось немедленно умчаться прочь, но вместо этого он подошел к груде тел, наклонился, отодвинул несколько в сторону, потом еще несколько, пока не докопался до других — мелких и изящных.

Зак выпрямился. Понял, что Планк молча за ним наблюдает. Зак ждал каких-нибудь слов, но капитан все так же молча кивнул Заку и направился к туннелю.

Она все-таки вошла в тот воздушный карман.

Протиснулась по туннелю, когда мужчины уже готовились выходить, и сделала серию снимков. В конце концов, она исследователь и должна фиксировать все.

Затем они вернулись на базу. Молча.

— У кого-нибудь выпить есть? — вдруг спросила Алена.

У Зака нашелся коньяк — маленькая плоская фляга. Они разлили его по стаканам и выпили, сидя в гостевом отсеке.

— И что же мы будем делать? — снова спросила Алена. — Если ваше руководство на Земле узнает, что мы теперь тоже «сумасшедшие»...

— Всех упекут в дурку, — согласился Зак. — И не думай, что с тобой в Новой Руси поступят иначе.

Алена кивнула.

— Люди... не готовы принять такое... — сказала она. — Не готовы ежесекундно чувствовать чужую боль.

— Я уже шесть лет как сумасшедший, и пока никуда не упекли, — подал голос Эндрю.

— Нет, нет, нет, — Алена замотала головой. — Я не смогу жить, зная, как здесь обходятся с этими существами. И не смогу смотреть на людей, зная, что они здесь сотворили. Я... Я очень быстро, и правда, сойду с ума.

— Мы не сможем их вывезти, — проговорил Зак. — Нас мгновенно засекут.

— Теоретически — можем, — задумчиво ответил Эндрю. — Многие астероиды пригодны для жизни — хотя бы временной. Их пытались обживать, но с появлением астероидной лихорадки стали обходить стороной. И желающих исследовать астеро-

иды все меньше — потому меня так устраивала эта работа.

— Будет погоня, — Алена покрутила в пальцах стакан с остатками коньяка.

Мужчины свой уже допили.

Зак вскочил, зашагал по отсеку. Остановился. Посмотрел на Эндрю.

— Капитан Планк, можете подробно объяснить, что входит в ваши обязанности как исследователя астероидов?

Эндрю пожал плечами.

— Примерно то же, что и в обязанности исследователя удаленных миров. Взятие проб грунта с последующим изучением, изучение ландшафта. В последние два года — еще и анализы на предмет астероидной лихорадки. Составление и пополнение списка безопасных астероидов.

Зак весь излучал заинтересованность.

Алена подумала, что сейчас он спросит, сохранился ли у Эндрю этот список. Но он спросил другое:

— У вас есть пробы астероидной заразы?

— Да, они сохранились. Лабораторный отсек корабля не пострадал. Он хорошо защищен. Главное тому доказательство — мы все еще живы и ничем не заразились, кроме драконьей эмпатии.

— Зак? — насторожилась Алена. — Что ты задумал?

— Пока не знаю. Мне надо подумать. Одному.

Но один он не остался.

Он пошел в драконий вольер и впервые взял в руки золотокрылого детеныша. Тот посмотрел на Зака большими янтарными глазами. Тихо пискнул.

— Я знаю, малыш. Однажды я уже не спас своих близких. Теперь спасу.

Он просидел в вольере около часа, прислонившись спиной к Ириске и укладывая в голове все детали. Драконыш, сосредоточенно попискивая, перебирался с одной ноги Зака на другую, потом — на руку и снова — на ногу.

Затем Зак вернулся в жилой бокс. Планк с Аленой встретили его подозрительно-напряженными взглядами.

— Значит, так, — заявил он с порога, не дав никому открыть рот. — Капитан Эндрю Планк свалился на Ганимед уже зараженный «астероидной лихорадкой».

— Что? — вскинулась Алена.

— Однако независимая исследовательница удаленных миров Алена Дворникова, следуя каким-то своим мотивам, улетела днем раньше. После чего с ее кораблем оборвалась связь. Но главное — она чиста от лихорадки. Так что — пусть с ней разбирается правительство Новой Руси, если сочтет нужным.

— Зак?.. — судя по глазам Алены, она уже догадывалась, куда он ведет.

— Все животные на Ганимеде погибли от лихорадки, включая анабиозных, — поскольку в день обнаружения капитана я заходил проверить их состояние, еще не зная, что принес заразу в жилой бокс.

— Зак!

— Я тоже заразился. Я успел утилизировать тела капитана и животных, чтобы минимизировать источники заразы, для ее изучения будет достаточно моего тела.

— Зак!!!

— Может, меня даже наградят, — он криво усмехнулся. — Посмертно.

— Не смей! Прекрати! — Алена кинулся к нему, попыталась ударить кулаками в грудь, но он перехватил ее руки.

— Однажды я мог помочь сестре и ее сыну. Мне надо было лишь приехать к ним вовремя, но я не захотел. Я не был занят, мне ничего не мешало, но — я не приехал и не предупредил других... Кажется, у вас, русских, есть поговорка — что-то про дом на краю. Я был таким. Мой дом всегда стоял на краю, и остальное меня не касалось.

— Зак, мы все ошибаемся...

— Они погибли, а семья отвернулась от меня. После этого я ушел в космос. Торчал на чужой планете, четко выполнял инструкции, колол себе эликсир от старости зачем-то. Для чего продлевать жизнь, если ты не живешь?

— Зак, мы найдем другое решение, ты будешь жить! С нами, с драконами. Ты все начнешь сначала.

— Да заткнись ты, — он легонько ее оттолкнул. — Нет другого решения. Капитан Планк, разве я не прав?

— Похоже, что прав. Полностью исчезнуть — хотя бы на время — из поля зрения можно только так.

— Корабль Алены вместит какое-то количество зверушек, включая разбуженных анабиозных. Я знаю, как в базе данных космодрома сместить дату на несколько дней назад. Однажды он сам сглючил и перепутал даты, пришлось переставлять — нас всех инструктировали на случай мелких неполадок.

— А я знаю астероиды, где точно искать не будут.

— Зак, я прошу тебя...

На Зака обрушилась чужая боль — боль Алены, ее попытки сдержать слезы, ее жгучее желание спасти всех, включая и его, Зака. И он подумал, что врачи на Земле, объявившие первую экспедицию сумасшедшими, не так уж и не правы. Невозможно постоянно пропускать сквозь себя чужие чувства и при этом сохранять здравый рассудок. Люди пока к такому не готовы. За очень редким исключением. Себя Зак таким исключением не считал.

— Улетайте бегом, пока я не передумал. Собирайте вещи, я выведу часть драконов из анабиоза, прикинем, сколько поместится на корабль. Лишних придется усыпить — лучше так, чем их снова... на цепь. Потом передадите мне заразу. Я все сделаю, когда вы улетите.

Алена открыла рот.

— Ни слова больше, — остановил он. — Действуем! Быстро!

Зак стоял в смотровой космодрома и наблюдал, как смыкается купол за улетающим кораблем Алены Дворниковой — изящным серебристым эллипсом.

Он еще немного выждет и вернет космодрому правильное время. Потом поднимется на корабль капитана Планка, снимет скаф и разнесет лабораторию с ядовитыми образцами.

Потом спустится на базу и, наконец, напишет рапорт.

Жить ему осталось недолго, но эти короткое время он действительно ПРОЖИВЕТ!

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ,
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ

1

— Ну, все, приехали! — громко объявил Романов. — Мы — на опорной орбите. Высота — триста, скорость — три с половиной, вращение в плоскости экватора.

Он обвел взглядом остальных членов международного экипажа, еще сидевших в противоперегрузочных коконах. Выглядели они презабавно — из коконов торчали только головы, и оттого люди сильно смахивали на вылупляющихся бабочек.

Они все-таки долетели! Он благополучно довез всех до загадочной Красной планеты. Шутка ли — восемьдесят пять суток в абсолютной пустоте, от которой тебя защищает лишь тонкая титановая скорлупа обшивки космолета.

— Не слышу заслуженных аплодисментов пилоту, сеньоры и сеньориты! — чуть капризно продолжил Романов. На испанском, официально утвержденном для экипажа языке общения фраза прозвучала особенно высокомерно.

— О, вы неподражаемы, команданте! — хихикнула сзади Наталья Быстрова, единственная женщина-физик, сумевшая преодолеть все рогатки и препоны отборочной комиссии Международного космического центра. — Если вы так же виртуозно сможете доставить нас на поверхность и не промахнуться ми-

мо грузового модуля хотя бы на десяток километров, я вас публично расцелую!

Сергей невольно сжал зубы. Эта женщина, которой следовало по замыслу авторов проекта стать буквально второй половинкой Романова, дабы поддержать мир и гармонию в экипаже, на деле оказалась настоящей занозой — волевой, независимой, острой на язык и имеющей обо всем свое мнение, чаще всего не совпадающее с остальными. Причем на Земле, во время полуторагодового тестирования экипажа на макете миссии, Быстрова вела себя тихоней и почти синим чулком. Это было хорошее время — маленький рай в изолированном геодезическом куполе на прокаленном морозами плато острова Девон, ландшафт которого сильно напоминает марсианский, где обкатывали почти всю будущую марсианскую технику.

Но как только «Арес» стартовал с орбитальной платформы над Тихим океаном, в девушку словно бес вселился! И ведь не заменишь, не отменишь! Пришлось почти три месяца терпеть ее подначки и остроты и с тайной завистью наблюдать за счастливыми парами китайцев и американцев. Те демонстрировали едва ли не образцовые отношения. Ну, с китайцами Сергею было все понятно: партия приказала влюбиться и жениться — они и рады, никаких сомнений. У американцев, пожалуй, отношения складывались несколько сложнее. Романов так до конца и не разобрался: то ли рыжий ирландец был приставлен опекать не в меру самоуверенную и решительную креолку, то ли она полностью подчинила его своей воле и он готов был мчаться к ней на любой чих?..

— Если сеньорита соблаговолит сидеть тихо и смирно до момента посадки модуля на грунт и не

станет тыкать своими нежными пальчиками в разные кнопочки на пульте командира, то весьма вероятно, мы совершим действительно мягкую посадку в нужном месте! — Произнеся эту фразу, Сергей постарался как можно суровее посмотреть на плутовку, которая ослепительно улыбалась ему во весь рот.

— Я прослежу за сеньоритой Быстрово, — тихо сказал всегда серьезный Лю Цянминь, навигатор и гений электроники. — Можете спокойно работать, командир.

Старательные китайцы, идеально выучив испанский, стали даже имена и фамилии товарищей произносить на манер уроженцев солнечной Иберии. И Сергей всякий раз не мог сдержать улыбки, когда его называли «Серхио».

— Спасибо, дружище! — искренне улыбнулся китайцу Романов. — Итак, коллеги, начинаем отработку посадки. У вас в распоряжении примерно десять часов. Еще раз проверьте все свое хозяйство, чтобы ничего не забыть, потому что вернуться за ним не получится. Лю, пожалуйста, полный расчет траектории с известными координатами — мне на пульт через час...

Астронавты зашевелились, один за другим покинули противоперегрузочные коконы и разлетелись по корабельным отсекам. «Арес» готовился к первой встрече со знаменитым тезкой...

2

Челнок в облаке рыжей пыли медленно опустился на шесть выдвижных ног, качнулся и стабилизировался. Погасло бледное водородное пламя, гул и рев стихли. Молчание...

— Ну, вот мы и дома, — сказала через минуту Наташа.

Сергею в ее словах почудилась нотка сожаления. Он бросил быстрый взгляд на свое запястье, где рядом с циферблатом часов светилось круглое окошко «дружка» — психоэмоционального контроллера. Главным его назначением, по замыслу создателей, была оценка в реальном времени настроения марсонавта и уровня его коммуникабельности по отношению к остальным членам экипажа. Предполагалось, что устройство поможет избежать конфликтных ситуаций при решении жизненно важных задач непосредственно на планете и повысит выживаемость экспедиции в целом.

В теории все звучало убедительно, и теперь марсонавтам предстояло проверить контроллеры на практике. Обмануть же хитрое устройство было практически невозможно. Сейчас «дружок» Романова продемонстрировал желто-оранжевую палитру скрытого напряжения и недовольства по отношению к Быстровой. Только этого не хватало!..

— Лю, передаю тебе бразды правления! — поспешно произнес Сергей и с облегчением вздохнул.

На «Аресе» командиром был он, но на поверхности команду должен был возглавить Лю Цянминь, самый серьезный и ответственный человек из всех, кого знал Романов.

— Принимаю, сеньор Романо...

Лю немедленно приступил к своим обязанностям и первым делом активировал наружные системы наблюдения. Спустя минуту камеры челнока показали панораму окрестностей места посадки.

— Это что такое, сеньоры? — напряженным голосом поинтересовался Рональд Макклинток, рыжий и конопатый, как истинный ирландец.

— Это?.. — Сергей вгляделся. — Это жилой модуль, который плохо приземлился и лежит на боку.

— Серхио, его нужно будет поднять, — строго сказал Лю.

— Слушаюсь, команданте! Будет исполнено, команданте!.. — с серьезным видом откликнулся Романов и тут же развел руками. — Если удастся придумать для этого способ. Пока ничего дельного в голову не приходит...

Еще в полете команда решала, кто из них первым ступит на планету. Генератор случайных чисел выдал это счастье китаянке Чжао Сюлань. Сергею нравилось, что у китайцев до сих пор в ходу осмысленные имена. Хорошенькую Чжао по-китайски звали Прекрасной Орхидеей. Но сейчас, когда в белоснежном объемном скафандре для открытого космоса топталась в переходном тамбуре, она скорее была похожа на медвежонка.

Чжао первой спустилась по трапу и подождала Лю, который, конечно же, отправился следом, заявив, что как начальник экспедиции имеет право. При всей своей феноменальной дисциплине, эти двое иногда позволяли себе проявление истинных чувств. Вот и теперь — отправились к жилым модулям и контейнерам, взявшись за руки.

Затем Сергей помог спуститься Стасику — так он окрестил восьминогого грузового робота, предназначенного для сопровождения пеших маршрутов исследователей. Макклинток тоже смог удивить всех. Ирландец лихо спрыгнул с трапа на землю, повернулся и громко сказал:

— Рамона, красавица моя, путь свободен!

Мулатка Рамона Санчес (третье поколение кубинских эмигрантов, отличное знание английского, немецкого, классической латыни, а вот с испан-

ским — проблемы) выглянула из шлюза, потом медленно ступила на трап, и Рон тут же подал ей руку.

Ну а Наташа проскочила перед Сергеем, чему он нисколько не удивился и потому не торопясь, даже вальяжно, спустился на поверхность последним.

До места, куда несколько месяцев назад опустился груз, шли пешком — вездеходы ждали людей в полусотне метров от контейнеров с водой и припасами. Собственно, контейнеров оказалось всего два. По расчетам центра подготовки экспедиции, их запасов должно было хватить, пока экипаж будет налаживать буровую установку и пробиваться к озерам, залегавшим под многометровым слоем грунта на марсианском экваторе. Конечно, в жилых модулях имелась специальная система для использования воды в замкнутом цикле, но она не была все же рассчитана на длительное применение, скорее представляла собой некий спас-комплект для выживания в случае катастрофы или чего-нибудь подобного.

— Так... — пробормотал Романов и покосился на «дружка» Лю.

Экран показывал сильнейшее недовольство, переливаясь всеми оттенками лилового. А чему радоваться, если один из двух контейнеров с водой, видимо, уже на поверхности, заработал метеоритный «поцелуй». К тому же приземлился он так неудачно, что практически лег на бок, а метеорит пробил его защиту аккурат под амортизационным кольцом в нижней трети корпуса. В общем, даже когда удастся пробиться к воде, контейнер все равно нельзя будет использовать. А когда удастся-то?..

Рон первым полез изучать повреждения. Контейнеры с ветрогенераторами вроде были целы, а вот с продуктами — лопнули. Собрать разлетевшиеся

ящики с тюбиками и банками, конечно, несложно, они яркие, только разбросало их в радиусе чуть ли не километра. Впрочем, сие муторное занятие можно поручить Стасику. Главное, чтобы он не повредил своими стальными клешнями тару.

Перевернуть жилой модуль и поставить его на волокушу — тоже раз плюнуть. Всего-то придется изготовить систему рычагов и впрячь в нее вездеход. Но оба вездехода хорошо упакованы, их предполагалось вынуть тогда, когда будут налажены жилые модули. Из чего мастерить рычаги — пока непонятно, лишнего железа экспедиция с собой не взяла.

— Все очень плохо! — резко заговорил первым Рон, когда все вернулись в челнок и расселись по местам. — Плохо, Рамона, скажи!

— Плохо, — эхом повторила мулатка. — Продолжение миссии невозможно...

В отличие от остальных, она во время осмотра груза безучастно стояла в стороне и, казалось, ничуть не беспокоилась о дальнейшей судьбе экспедиции. Ее «дружок» — Сергей мельком увидел — светился ровным бирюзовым светом: горячая южанка была абсолютно спокойна!

— Команданте, нужно немедленно возвращаться на «Арес»! — продолжал настаивать Макклинток. — Собрать уцелевшие продукты и за два рейса челнока переправить на орбиту.

— А потом? — хладнокровно поинтересовался Лю.

— Домой, конечно! — Рон неожиданно сорвался на крик. — Неужели не ясно: экспедиция провалилась! Если останемся еще на неделю, окно старта закроется, и тогда — конец!..

Романов, наверное, удивился бы меньше, если бы заорал Стасик. Выходит, вся изматывающая подготовка на Девоне была зря?.. Покосившись на рукав

Наташи, он увидел, что «дружок» мерцает в желто-оранжевой гамме: «русская амазонка» явно нервничала, хотя лицо — каменная маска. «Ну и выдержка у нее!..»

Неожиданно заговорила Чжао.

— Экспедиция не провалилась! — В голосе Прекрасной Орхидеи зазвенел металл, а ее «дружок» светился ровным изумрудным светом — уверенность в себе и готовность действовать. Ай да «цветочек»! — А пасуют перед непредвиденными обстоятельствами только безвольные и слабые!

Рональд дернулся, будто получил пощечину, побагровел и сжал кулаки. Он даже дернулся в сторону китаянки, но Романов был начеку и ловко встал у него на пути. Зато Рамона снова продемонстрировала потрясающее хладнокровие, как ни в чем не бывало продолжая разглядывать в иллюминаторе упавший грузовой модуль.

— Вы собираетесь вернуться на «Арес», сеньор Макклинток? — громко обратился Сергей к паникеру. — Учтите, как только вы это сделаете, подчиняться будете моим приказам. В полете и на орбите командир — я. А челнок — часть «Ареса»...

— И что ты сделаешь? — с вызовом спросил заносчивый ирландец.

— Для начала заблокирую управление челнока, — невозмутимо ответил Романов. — Там стоит голосовой сканер, настроенный на мои обертоны.

— Эй, сеньор, у нас демократия, не забыл? — уже спокойнее напомнил Рон. — Голосуем! Кто за то, чтобы покинуть Марс?

— У нас нет демократии, — бесстрастно заговорил Лю. — Она осталась на Земле. Когда мы на поверхности Марса, все ответственные решения при-

нимаю я. На «Аресе» — сеньор Романо. В данном случае мое решение таково: мы остаемся.

— Мы остаемся, — тут же подтвердили Чжао и Наташа.

Сергей тоже кивнул. Он отступил в сторону и теперь внимательно наблюдал за обоими американцами. Внезапная истерика ирландца, казалось бы, легко объяснима: страх. Но чего на самом деле испугался Макклинток? Гибели экспедиции от голода и жажды? Ерунда. Вода все же есть, хоть и немного. Но это — пока. Добыть ее — вопрос времени, буровая же целехонька. Продовольствие тоже цело почти все, даже по приблизительным подсчетам его хватит на пару месяцев — вполне достаточно, чтобы собрать оранжерею и вырастить первый урожай на гидропонике. А в двух жилых куполах шесть человек разместить не проблема.

Тогда получается, ирландец беспокоится не об экспедиции и наверняка не о себе. Он боится за Рамону. Но что ей лично может угрожать? Она же вроде потомственный хилер, владеет целой кучей методик по самовосстановлению и выживанию. Скорее уж она уцелеет, чем кто-либо, если вдруг произойдет непоправимое. Не-ет, причина страха рыжего в чем-то другом!..

Романов снова покосился на американку. Красавица-мулатка сидела спокойно и безмолвно. Не возмущалась, никого не поддерживала, просто сидела. «Медитирует, наверно», — решил Сергей.

— Действуем так, — подытожил Лю. — Сначала разворачиваем временную базу — ставим один купол. Серхио, ты расконсервируешь вездеходы. Рон и Рамона, вы собираете ветрогенератор. Лаборатория подождет...

3

Сергей остановил вездеход у самого подножия горы. Собственно, и не гора вовсе — так, каменистый холм, высотой метров тридцать, не больше. А вот что там за темное пятно — слева, метрах в двухстах?..

Романов осторожно повел машину вдоль холма, и через пару минут все сомнения отпали: перед ним зиял вход в пещеру! При съемке с беспилотника входа не было видно — над ним торчал внушительный каменный козырек. Выбравшись из вездехода, Сергей вызвал базовый лагерь.

— Лю, я пещеру нашел. Как чуял, что она где-то тут притаилась! Загляну одним глазом — может быть, нам пригодится?

— Будь осторожен, Серхио. Глубоко не заходи — здешние скалы в основном из железистого песчаника, а это весьма хрупкий минерал.

— Ну, тогда я на тросе пойду. Если что, откопаете...

— Это плохая шутка, Серхио!..

Романов усмехнулся, но трос пристегнул — мало ли что? Если он провалится в какую-нибудь дыру, то сможет дать по радио приказ вездеходу, и машина его вытащит. А вот если случится обвал... Но на этот раз обошлось без приключений. А пещера оказалась настоящим подарком судьбы — большая, с высоким куполообразным сводом, практически исключающим возможность обрушения, и на редкость ровным полом, будто кто-то очень давно тщательно прошелся по нему грейдером, и теперь тут валялись только мелкие камешки на слое песка.

— Лю, с вездеходом все в порядке, тянет, как зверь, — радостно доложил Сергей, вернувшись

к машине. — Я вот думаю: не использовать ли пещеру? Можно втащить в нее жилые купола, и тогда нам станут не страшны ни ветер, ни даже пылевые бури. А если пещера и дальше в глубину без сюрпризов, то можно прямо в ней поставить буровую установку. По отчету георазведки, здесь на сто миль вокруг под нами сплошное подземное море, так что без разницы, где бурить.

— Я должен сам осмотреть пещеру, — ответил китаец после долгого молчания.

— Тогда давай не будем откладывать!

— А что это за место?

— Скорее всего, остатки стены древней кальдеры. Далеко я не лазил, побоялся. Но вглубь уходит целая система тоннелей и гротов, очень похожих на земные, карстовые... А еще мне что-то не нравится погода. Похоже, приближается буря. Я возвращаюсь, Лю.

— Ждем тебя, Серхио. Постарайся побыстрее...

Романов активировал виртуальную панель управления на левом предплечье и коснулся голубоватого значка в виде капли, к губам протянулась тонкая трубочка. Вода! Два глотка: одним сначала прополоскать рот. Воду уже приходилось экономить.

Сергею удалось опередить бурю буквально на несколько минут. Когда он вошел в кают-компанию, снаружи в купол уже проник тонкий, отзывающийся в зубах вой.

Команда немедленно обступила разведчика.

— Тоннели и пещеры уходят вглубь горы, — охотно начал Сергей. — Я почти уверен, что это карстовые полости. Почти все они достаточно широкие. По ним мы легко протащим буровую установку и соберем, где сочтем нужным. Теоретически, если удастся спуститься к бывшему дну кальдеры, то до вод-

ного горизонта там окажется совсем недалеко. Этого нам хватит, чтобы спокойно провести разведку и заложить большую скважину к подземному озеру.

— А как ты представляешь себе спуск буровой установки на дно кальдеры, сеньор механик? — с ехидной улыбкой спросила Наташа.

— Как-как... — Романов, как всегда, стушевался под ее взглядом и тут же разозлился. — Нас тут трое здоровых мужиков. Вытравим страховочные тросы на полную длину, будем потихоньку отпускать... В конце концов, тут не Земля, и даже самая тяжелая деталь — роторный блок — весит в три раза меньше.

— Двое, — немедленно парировала заядлая спорщица. — Рон опять скажет, что ничего не получится.

— Скажешь? — повернулся к нему Сергей.

— Может быть, — насупился американец и отвернулся к экрану нейрокомпа.

— А чем ты сейчас занимаешься?

— Моделирую сезонные изменения атмосферы в приэкваториальной зоне...

— Подгоняет практику под теорию! — брякнула Быстрова.

Рон вспыхнул румянцем до самых корней своих рыжих волос и быстро удалился в свой отсек.

— Сеньорита Натали, вы составили геомагнитный профиль пород, из которых состоит эта часть долины Маринер? — сухо поинтересовался Лю Цянминь.

Наташа несколько секунд гневно сверлила взглядом непроницаемое лицо китайца, потом фыркнула и вышла из кают-компании. Сергей шумно выдохнул:

— Скорее бы кончилась буря. Мы с тобой, Лю, тогда быстренько бы к пещерам смотались...

— Я с вами! — как ни в чем не бывало выглянула из лаборатории Быстрова.

Романов только головой покрутил — ну, что ты с ней будешь делать! И подумал: Наташа ведь не только теоретик, специалист по физике энергетических полей, она еще два года проработала на лунной базе «Селена-1» и знает не понаслышке, что такое шахты и проходка грунта любой плотности.

— Давай возьмем ее, Лю?

Китаец молча кивнул и направился к переходному тамбуру. Романов посмотрел на Наташу.

«Дружок» на ее левом рукаве показывал чистую и незамутненную радость бирюзово-зеленых тонов. «В самом деле, — подумал Сергей, — сколько можно торчать в жилом куполе да с ее темпераментом? Поневоле начнешь на всех кидаться...»

Буря, однако, и не думала утихать. Более того, теперь порывы марсианского ветра достигали такой силы, что легко подхватывали даже крупные камни. Романов невольно порадовался, что вовремя успели поставить ангар для вездеходов.

— Я соберу паек в дорогу, — тихо сказала Наташа и исчезла за дверью кладовой. Это было мудрое решение, ведь если осматривать пещеры внимательно, то неизвестно, сколько часов там прокопаешься.

В кают-компанию вернулся Рон.

— Буря затяжная, класс «эл», — сказал он. — Я построил два прогноза, можете посмотреть. Это уже третья такая за последний месяц.

— Почему так часто? — удивился Сергей.

— Межсезонье. Южная полярная шапка быстро нагревается с приближением к точке апогея, углекислота тает и создает колоссальный градиент давления. Если бы подобная ситуация возникла на Зем-

ле, в ее плотной атмосфере, то скорость ветра там бы превысила скорость звука!

— А сколько она продлится? — спросил вернувшийся Лю. Он уже был одет в «ньюхоф», правда, пока без престиновых «крыльев» за плечами и без шлема.

— Больше суток — это уж точно.

— У нас нет столько времени. Через тридцать минут выезжаем...

4

Когда в керне обнаружили, наконец, ледяную крошку, это был праздник. Первую воду из марсианского льда, пропущенную через два биофильтра, Чжао раздавала по чайной ложечке, когда все собрались в жилом куполе, установленном перед входом в главный тоннель. Вода оказалась самой обычной, с легкой кислинкой.

— Это из-за избытка цитрата в фильтре, — объяснила китаянка. — Иначе от окислов железа не очистить...

Налаживая буровую установку, Романов не спал двое суток и вот теперь свалился. Рамона, как штатный медик экспедиции, села рядом с ним на пыльный пол пещеры.

— Сейчас я активирую контур авторегенерации в твоем «ньюхофе», — сказала она. — Закрой глаза, лежи и слушай.

В голове Сергея зазвучала тихая музыка. Так мозг воспринимал точно подобранные гармонизирующие частоты, стимулирующие восстановительные процессы в органах и тканях.

— Серхио, уже пол-литра есть! — донесся будто издалека радостный голос Чжао. — Ты молодец!..

— Не слышу заслуженных аплодисментов... — успел пробормотать Романов и отключился.

Во сне он строил в долине Маринера «ледяные дома», о которых пока все они могли лишь мечтать. Но начало положено: когда они пробьются к водоносным горизонтам, проблема будет решена...

Сергей проснулся оттого, что ощутил взгляд. Отродясь с ним такого не бывало — наверно, так Рамонина «музыка» сработала.

В пещере, кроме него, находились только американцы. Рамона сидела на каком-то ящике, привалившись к стене и вытянув ноги. Рон стоя работал на портативном погодном симуляторе. Сергей на секунду пожалел мулатку. Женщин в экспедицию взяли, конечно, тренированных, но никто на Земле и предположить не мог, какие неподъемные нагрузки их ожидают. Упрямая Наташа — и та честно призналась, что просто мечтает поспать «минуток шестьсот».

Разбудил же Сергея взгляд Рамоны. Тяжелый, давящий. Так может смотреть безумно уставший человек.

Тут же ожил коммуникатор в ухе.

— Серхио! — сказал Лю. — Мы с сеньоритой Быстрово нашли надежную пещеру. Она невелика, но жилой купол туда можно втащить, нужно только расширить вход. Расконсервируй, пожалуйста, подвески к вездеходам.

— Сейчас, командир, встану и займусь... — Романов попытался вскочить и едва сдержал стон: боль огнем опалила каждую натруженную мышцу.

Подвески лежали там же, где и весь прочий груз, — в двух часах езды от пещер. А чтобы расширить вход, понадобится горнопроходческий комбайн. В одиночку с таким весом справиться не полу-

чится. Немного перекусив галетами и мясным концентратом, Сергей попросил Рона поехать с ним.

— Хорошо, — поморщившись, сказал американец. — Рамона, я вернусь через шесть часов.

— Или через семь, — поправил Романов.

— Никуда без меня не уходи! — строго добавил Рон. — Ты поняла, Рамона?

— Никуда не уйду... — будто эхом откликнулась та, не меняя позы.

Вернулись они через десять, зато тащили с собой на обоих вездеходах и горный комбайн, и второй жилой купол, и даже бульдозерный нож. А еще — ящики с транспортерной лентой, и запасной ветрогенератор. Но самое главное — Стасика.

Лю, Чжао, Рамона и Наташа ждали их в кают-компании. Сергей, едва вошел, сразу ощутил общую тревогу.

— Сеньоры, у нас нештатная ситуация, — сказал Лю, едва мужчины сняли шлемы «ньюхофов». — Прежде чем двигаться дальше, нужно кое-что обсудить.

— Вы что-то нашли? — догадался Романов.

— Наташа прошла в боковой тоннель и обнаружила там остатки кладки. Искусственной кладки, Серхио.

— Марсиане?.. — настороженно спросил Рон.

— Нужно внимательно изучить это, — сказала Чжао. — Пока по размеру камней можно предположить, что кладку сложили существа размерами примерно с человека.

— Ну, ты — ксенолог, тебе виднее. Надо же, марсиане! Интересно, марсианочки у них тоже есть? — Сергей попытался изобразить веселье, хотя ему было здорово не по себе.

— Пойдем посмотрим, — поднялся Лю.

— Я покажу, — вызвалась Чжао.

И опять они с Лю шли — рука в руке. Романов невольно позавидовал: наверно, этот брачный союз состоялся не только по приказу партии и правительства.

Потом он подумал об американцах. У них ведь тоже союз, тоже взаимопонимание, но какое-то иное. Словно есть еще что-то, некое обязательство, особая ответственность. Только вот кого и перед кем?.. И Сергей решил при первом же случае понаблюдать, что показывают их «дружки».

— Стасик, пошли, — позвал он, и робот бодро застучал, как копытцами, восьмеркой ног. Его пустили вперед и велели включить освещение.

Втроем они спустились по узкому проходу вниз метров на пять, попали в пещеру, усыпанную мелким гравием, потом Чжао повела их в тоннель, он оказался длинным и странно изогнутым — почти идеальная дуга. Романову даже захотелось вычислить ее радиус и посмотреть, куда придется центр.

— Вот, — наконец сказала китаянка. — Любуйтесь. Кто-то заложил камнями дыру. Я просканировала: за кладкой — резкий спуск вниз. Наш безымянный строитель о красоте явно не заботился, скорее, о безопасности. Тут все же когда-то был вулкан, что случилось с жерлом — неизвестно. Может быть, оно заросло туфом, а может быть, фонит газами и токсичными испарениями?

— Ты взяла пробы для анализов? — спросил Лю.

— Еще нет. Основное оборудование для лаборатории Серхио и Рон только привезли. Когда установите второй купол, сразу займусь.

— Идем дальше, — решил Лю. — Но в связке. Пристегните карабины. Серхио, теперь ты идешь первым.

— Может, лучше Стасик?

— Он — замыкающий. Если что — нас вытащит...

Тоннель очень скоро приобрел ощутимый уклон вниз, но потом будто передумал и резко повел наверх.

— Обратите внимание: здесь везде пол необычно ровный, — заметила Чжао. — Я думаю...

— Стойте! — перебил Сергей. — Пропустите Стасика вперед! Быстро!.. Стасик, свет на стену!

Они оказались в небольшой, почти круглой пещере. И в первые мгновения никто, кроме Романова, ничего не заметил. Затем Чжао тихо ойкнула и показала рукой на ярко освещенную стену. Теперь рисунок увидели все. Собственно, не рисунок — набросок чего-то, может быть, схемы некоего механизма или даже контуры машины. В общем, на светло-желтом песчанике чья-то рука — или конечность? — провела несколько прямых и кривых линий куском бурого железняка.

— Гм... Ну да... Ну, чертежик... — пробормотал Сергей. — Непонятно чего... Ничего особенного!

Обе девушки испуганно уставились на него, потом на Лю.

— Нужна связь с Землей, — глухо проговорил тот. — Ничего не трогаем, возвращаемся.

Земляне медленно отступили, пятясь и не сводя глаз с рисунка на стене, которого здесь просто не могло быть.

5

Импровизированный военный совет получился долгий и бурный.

— Ну, почему обязательно сразу пришельцы? — возмущалась вечная спорщица Наташа. — А если это — игра природы? Вспомните, сколько таких находок было на Земле?..

Лю не прерывал ее, но очень внимательно слушал, поглядывая при этом на Рона. Тот демонстративно рисовал что-то стилосом на экране погодного симулятора.

— Давайте хотя бы прогоним изображение через аналитический блок нашего нейрокомпа, — предлагал Сергей. — Тогда и ясно будет — земное это художество или нет...

— А если это графический код? — предположила Чжао. — Он ведь может оказаться чем угодно — хоть дружественным посланием, хоть кибероружием. Введем его в нейрокомп, а он подчинит его или сожжет!..

С ней тут же согласился Рон, затем Рамона.

Романов, поразмыслив, тоже поддержал опасения китаянки и сказал:

— Хочешь мира, готовься к войне. Никто не может гарантировать, что братья по разуму в настоящий момент уже покинули Марс. У нас имеется куча всякого железа. Вопрос стоит так: что из этого можно использовать как оружие?

— Ты прав, Серхио, — согласился Лю. — Мы не воины, но обязаны подстраховаться.

— Значит, сворачиваемся? — с опаской спросил Рон.

— Надо поискать место, откуда эти пришельцы проникли в пещеры, — сказал Сергей. — Может быть, там найдутся другие... артефакты, и мы поймем, с кем имеем дело. Кто пойдет со мной в разведку?

— Я! — первой вызвалась Наташа.

— Нет, я, — возразила Чжао. — Сеньорита, кто из нас ксенолог?.. Рон, вот как раз для тебя хорошее задание.

Романов понял, что имеет в виду китаянка: ирландец обладал врожденным чувством синесте-

зии — способностью видеть энергетические поля в цветовом диапазоне. Он мог здорово пригодиться в поисках других артефактов.

Рон обернулся, чтобы встретиться взглядом с мулаткой.

— Чжао права. Действуйте! — разрешил Лю.

— Пусть с нами пойдет Рамона, — заявил Рон. — Рамона, скажи...

— Да. Я могу пригодиться, как медик, — сразу согласилась та.

— Хорошо. В разведку идут Рон, Чжао и Рамона, — подвел итог Лю. — Нужно объехать кратер на вездеходе и найти другой вход в пещеры. Два часа на еду и отдых, потом выдвигайтесь.

Сергей хотел было возразить, но не стал. Он видел по лиловому мерцанию «дружка» на рукаве китайца: командир чем-то сильно озабочен, и это не обязательно находка артефакта. Видел Романов также, что Лю закрылся и не желает общения. Это была загадка едва ли не более опасная, чем чьи-то каракули на стене карстовой пещеры. В конце концов, челнок всегда наготове, можно вернуться на «Арес» и доложить начальству о форс-мажорных обстоятельствах. Нет, Лю был озадачен чем-то другим!..

Сергей проверил, как работает буровая установка, добывающая все новые порции ледяной крошки, проконтролировал фильтры.

Разведка вернулась неожиданно быстро.

— Мы нашли вход со стороны плато, — доложил Рон. — Других нет.

— Чжао, идем. Я хочу сам осмотреть вход, — распорядился Лю. — Может быть, лучше будет его взорвать. Сеньорита Быстрово, назначаю вас своим заместителем!

Определенно, американцы не внушали ему доверия. Впрочем, Сергей и сам без нужды не стал бы к ним обращаться. «А ведь это плохо, — сказал он сам себе. — Нас готовили как команду. На деле же — первый форс-мажор, и вместо сплоченной группы — сборище эгоистов...» Он решил, что полезно будет высказать эти соображения командиру: лучше перестраховаться, чем потом получить что-нибудь похуже истерики Рональда.

Китаянка первой вышла из пещеры и вдруг закричала:

— Сеньоры, вездехода нет!

У Сергея даже в ушах зазвенело.

— Чжао, немедленно возвращайся! — мгновенно сориентировался Лю. — Серхио, стоять! — почти рявкнул он, потому что Романов уже шагнул к выходу. — Чжао, ты где?..

Она не отвечала долгую минуту, показавшуюся всем чуть ли не вечностью.

— Лю, Серхио, я осмотрела всю площадку... Думала, мы забыли отключить питание... Но вездеход действительно исчез!

— Этого не может быть! — не выдержал Сергей, снова устремляясь наружу.

— Вызывай робота и активируй его систему наблюдения, — приказал ему Лю. — Какой идиот...

Он не договорил, но Романов понял: «какой идиот отправил экспедицию на Марс совершенно без оружия?..»

6

О том, что на планете могут присутствовать живые организмы, люди знали еще в начале века: периодические колебания концентрации метана в атмосфере наводили на мысли о бактериях. Но пред-

ставить себе бактерии, угоняющие вездеход, да еще ведущие его очень аккуратно, к плато, покрытому древним вулканическим туфом, Романов не смог...

Он активировал Стасику программу поиска искусственных объектов и теперь принимал на монитор телеметрию с его видеокамер. Поначалу широкие рубчатые следы колес на пыли были довольно отчетливы, но, когда началось каменное плато, пропали.

Тогда Стасик получил новое задание: изучить все, что похоже на следы, в радиусе километра. Он двинулся по спирали, включив режим кругового обзора, и транслировал подозрительные кадры на искины скафандров Рона и Лю.

А Сергей снова задался вопросом: что из всей имеющейся у них техники можно использовать как оружие? Были заряды для точечных взрывов, в навесное снаряжение Стасика входили ультразвуковой сканер, алмазный бур и даже портативный горнопроходческий лазер. Еще были дроны — небольшие и верткие; если их перепрограммировать, они, наверное, смогли бы прицельно сбрасывать взрывчатку... А из несущих конструкций поврежденного жилого купола можно даже попробовать собрать примитивную катапульту, благо крупных камней тут хватает...

— Серхио! — прервал его боевые фантазии Лю. — Посмотри, что нашлось.

На мониторе Романов увидел след — очень необычный и совершенно невозможный здесь, на Марсе. Это был характерный след от горного мотоцикла. Сергей в юности серьезно увлекался экстремальным спортом, в том числе и гонками на горных мотоциклах. Как и следовало ожидать, на плато след тоже терялся. Но до этого он шел почти параллельно следам угнанного вездехода!

— Сеньор Макклинток, готовьте к работе дроны, — приказал Лю. — Если эти существа ездят на колесных машинах и в состоянии угнать чужой вездеход, то, возможно, они похожи на нас.

— Но, если они крадут чужую технику, что может помешать им подстрелить дроны? — возразил Рон и тут же принял официальный вид. — Сеньор Лю Цянминь, мы, Рональд Макклинток и Рамона Санчес, представители Соединенных Штатов, считаем, что с данного момента экспедиция прервана по форс-мажорным обстоятельствам!..

— И что предлагают представители? — сердито перебил его Сергей.

— Вернуться на «Арес», конечно! Причем незамедлительно. Рамона, скажи, что ты об этом думаешь?

— Согласно части второй договора о сотрудничестве в рамках международного проекта «Арес», ни один из членов экспедиции не может подвергать риску свою жизнь, — процитировала Рамона безучастным тоном. — Также согласно части третьей договора, никто из членов экспедиции не вправе рисковать техникой и оборудованием, приданным экспедиции для исследовательских целей. Дроны — это исследовательское оборудование. Ввиду сложившихся обстоятельств...

— Достаточно, Рамона. Серхио, включи связь! — потребовал Рон. — Мы должны доложить руководству...

— Что мы должны доложить? — перебил его Лю. — Что сбежали и даже не попытались узнать, с чем имеем дело? Не попытались вернуть похищенную технику, которой не имеем права рисковать?.. Серхио, ты отвечаешь за передатчик. Никто с этого момента не имеет права самостоятельно выходить на связь с Землей без моего разрешения!

— Устанавливать контакт с внеземным разумом — не наша задача! — возмутился Рон. — Мы на такое не подписывались! Рамона, скажи!

— Обнаружение активно действующего разумного фактора является форс-мажором, и, согласно пункту девятому общей инструкции, мы должны немедленно свернуть все работы и вернуться на «Арес»! — проговорила мулатка уже знакомым Сергею «деревянным» голосом.

«И ведь так каждый раз, когда рыжий просит ее подтвердить его слова! — внезапно пришло ему в голову. — Какая у нее прекрасная память на всю эту бюрократию...»

— Мы не имеем права рисковать своими жизнями! — продолжал разглагольствовать Макклинток.

— Мы не имеем права рисковать своими жизнями, — эхом подтвердила Рамона.

— И мы должны немедленно сообщить обо всем в Центр подготовки экспедиции!..

— Хорошо. Мы свяжемся с Землей... когда я сочту нужным, — невозмутимо подытожил Лю. — А пока, сеньор Макклинток, вы с сеньором Романо — готовьте дроны.

Сергей в глубине души понимал, что Рон прав: нештатная ситуация, признаки разумной деятельности, возможность конфликта — и самодеятельность тут опасна. Но, тем не менее, доверял он не «правильному» американцу, а насквозь прагматичному китайцу. Он ясно видел: командир знает нечто важное, может быть, решающее, о чем пока не хочет говорить.

Дронов экспедиции выдали столько, что хоть каждый день запускай и теряй. Маленькие и шустрые, они уже были опробованы в марсианской атмосфере, но пока на небольших расстояниях. Вред-

ный ирландец демонстративно отказался от участия в их подготовке к полетам и передал Романову ключи активации. Сергей пожал плечами и отправился на временный склад. Там он выбрал четыре «Шмеля», задал им векторы полета и сел с пультом на выступ скалы, забравшись как можно выше и подальше от остальных, чтобы спокойно руководить поиском.

Внизу американцы продолжали воевать с китайцами и Наташей, а Сергей уже вел своих «Шмелей» над черно-красными скалами и желто-рыжими песками.

Следы колес то появлялись, то исчезали. У Романова появилась реальная возможность поразмыслить над накопившимися подозрениями по поводу странного поведения американцев. У Лю, кстати, похоже, тоже имелись в их адрес определенные сомнения. Но в чем же дело?

Дроны неожиданно запросили более высокий эшелон для расширения радиуса обзора. Они приближались к давно потухшему вулкану, от которого остался довольно высокий кратер. Следы колес похитителей явно вели туда.

«Шмели» взмыли сразу на две сотни метров вверх, зависли над кратером, и Сергей невольно охнул. Там, в глубине кальдеры, поблескивал круглый купол немалого диаметра — метров семьдесят, а то и больше. Купол, местами припорошенный красноватой пылью, был непрозрачен, а опустить дроны в кальдеру Романов не рискнул — края кратера создавали серьезные помехи в радиоуправлении. Тогда Сергей включил режим инфракрасного сканирования и охнул вторично. Оказалось, что под куполом — целый поселок! Светящиеся в тепловом

диапазоне кубики и сферы вполне могли быть жилыми и складскими помещениями.

И Романов дал команду дронам возвращаться.

Новость была настолько ошеломляющей, что сообщать ее всей команде Сергей побоялся. Хотя земляне после угона вездехода и были готовы к подобному сюрпризу, все равно — первая реакция могла стать непредсказуемой, особенно у американцев. Романов вызвал Лю по закрытому каналу.

— Вот теперь самое время связаться с Землей, — предложил он китайцу.

— Сначала нужно обработать данные съемки и сканирования. Попытаемся получить хотя бы приблизительный портрет этих угонщиков, — упрямо возразил Лю.

— Ты почему-то не хочешь включать передатчик, командир. Может, обсудим это?

— Верно, не хочу. Но сейчас нет времени на обсуждение.

— Полагаю, у тебя есть для этого очень веская причина...

— Конечно. Слезай вниз и сажай дронов подальше от пещеры. Вынимай кристаллы записи и — прямиком в лабораторию.

Когда Сергей вернулся в жилой купол, спор все еще не утих, и оставалось только удивляться упорству Рона и хладнокровию Лю.

— Мы не можем идти на контакт без санкции руководства проекта! — Макклинток почти кричал. — Мы должны сообщить все данные, а на Земле пусть принимают решение.

— Ситуация вышла за рамки нашей компетенции, — вторила ему Рамона. — Контакт не входит в задачи экспедиции, но делает невозможным вы-

полнение основного задания. Следовательно, экспедиция должна быть немедленно свернута...

Сергей посмотрел на ее «дружка» — так и есть: полное спокойствие. Чжао, во всем поддерживающая Лю и уверенная в его правоте, разволновалась не на шутку. Наташа, когда Романов появился в кают-компании, сразу подошла к нему и встала рядом, а ее «дружок» показал сильное внутреннее напряжение и беспокойство. Тогда Сергей рискнул взять «амазонку» за руку и, к своему изумлению, получил ответное пожатие!

— Кого нашел?.. — тихо спросила она. — Что молчишь? Сильно страшно, да?.. Двухголовые монстры?.. Разумные рептилоиды?.. Космические зомби?..

Романов не ответил, но встал так, чтобы ей был виден экран его «дружка». Она посмотрела и поджала губы — поняла, что время для шуток и подколов закончилось, все слишком серьезно.

— Внимание! — громко прервал Лю перепалку. — Есть два варианта наших действий. Рон и Рамона за то, чтобы немедленно вернуться на «Арес» и ничего не делать без санкций с Земли или вовсе вернуться. Мы, я и Чжао, за то, чтобы поднять в воздух больше дронов и продолжить наблюдения. Русские, насколько я их знаю, тоже захотят остаться.

— Контакт неизбежен, — убежденно сказал Сергей.

— Это почему еще? — возмутился Рон.

— Должны же мы вернуть вездеход. Имущество казенное, мне за него отвечать. Ты знаешь, сколько он стоит?

— А знаешь ты, сколько... — Ирландец вдруг осекся.

— Продолжай, Рон, — потребовал Лю.

Тот явно растерялся, будто едва не сболтнул лишнее, однако быстро справился с собой и перешел в наступление:

— А ты представляешь, сколько стоят наши «ньюхофы», исследовательское оборудование, системы жизнеобеспечения куполов?.. Все, что возможно, мы заберем на «Арес», остальное, включая вездеходы, придется законсервировать и оставить на Марсе. По-моему, это разумно. Рамона, скажи!

— Мне привести расчеты? — спросила мулатка.

— Я сам умею делать расчеты, — жестко сказал Лю. — Вот мой приказ. В ближайшие двое суток мы никуда не двигаемся, только ведем наблюдение. Дальше — решаем по ситуации...

7

Два дня — это слишком мало, чтобы приступить к серьезной работе, и чересчур много для ожидания в неизвестности.

Наташа Быстрова, опытный специалист по физике энергетических полей, даже не успела за этот срок распаковать и отладить свое оборудование. Лю Цянминь по тем же причинам не мог приступить к опытам по клонированию нанитов в марсианских условиях. Чжао Сюлань имела возможность обследовать только окрестности базы, но там для ксенолога не нашлось больше ничего интересного, кроме непонятного рисунка на стене маленькой круглой пещерки. Рисунок все-таки сфотографировали во всех возможных диапазонах, снимки загрузили в нейрокомп, но его аналитический блок до сих пор так и не выдал конкретного результата — одни предположения. Рон без конца что-то моделировал на своем метеорологическом симуляторе. Хотя он

и был опытным оператором беспилотных аппаратов, к дронам его Лю не подпускал. А Рамона часами сидела в своем боксе, забывая даже выходить поесть. Чем она у себя занималась, так и осталось загадкой, по крайней мере, для большинства членов команды.

Один Сергей был загружен работой по самую макушку. Забравшись на самый край кальдеры, он руководил полетами дронов и обрабатывал собранную ими информацию. Правда, имелось у него еще одно, секретное от остальных дело: посоветовавшись с Лю, он втихаря собирал из небольших зарядов, предназначенных для пробивания шурфов, примитивные взрывные устройства и одно уже заложил у входа в пещеру со стороны плато. Растяжка, будучи задетой незваными гостями, гарантированно похоронила бы всех, наглухо завалив проход. А земляне организованно смогли бы отступить по запасному пути и выбраться через пещеру с рисунком...

— Движение! — механическим голосом сообщил «Шмель» номер восемь. — Направление — северо-восток, удаление — девять километров, скорость — пятнадцать километров в час.

Романов отложил очередной кумулятивный заряд и уставился на монитор. Дрон показывал тускло блестящую букашку, ползущую среди песков. Сергей увеличил картинку и сразу опознал украденный вездеход.

— «Кто ищет, тот всегда найдет!..» — пропел он и вызвал командира: — Лю! Слышишь меня?.. Подключись к внешнему видеоканалу! Быстрее!..

— Интересно, кто там внутри? — полминуты спустя произнес невозмутимый китаец.

— Выясним! Догоним на втором вездеходе и перехватим.

— Ты авантюрист, Серхио.

— Ничуть. Мы возьмем с собой Стасика. Высадим его в подходящем месте по курсу воришек, и он устроит им небольшую аварию. Тем ребятам придется вылезти, чтобы разобраться в ситуации, а мы издали посмотрим, с кем имеем дело.

— Неплохой план. — Романову почудилась усмешка в голосе командира. — Осталось объяснить роботу, что он должен испортить технику.

— А, черт!.. — Сергей даже расстроился немного. — Забыл!..

Перед тем, как получить в свое распоряжение Стасика, ему пришлось изучить инструкцию величиной с процессуальный кодекс российско-китайского содружества. Робот, как ему и полагается, не имел права причинять вред людям и механизмам. Единственный вариант — если бы человек, находясь в вездеходе, оказался в смертельной опасности, и другого способа его спасти не имелось, как только вскрыть кабину. Приказом мог послужить, в самом кошмарном случае, сигнал «дружка», обнаружившего, что хозяин без сознания. Тогда включался искин Стасика — не слишком сложный, но способный справиться с ситуацией.

— Придется что-то придумать, — пробормотал Романов, больше для себя, чем для командира. — Причем быстро!..

Он вызвал на связь Наташу. На этот раз Быстрова не стала ехидничать и острословить. Сразу уловив суть проблемы, она подключилась к искину Сергея, и они за четверть часа сотворили нечто сомнительное, но вполне работоспособное. Показали свое творчество китайцу.

— И как это работает? — с сомнением поджал губы Лю.

— По идее, это — «червь», — развел руками Романов. — Он настроен на блокировку команд запрета.

— То есть, пока ваш «червь» действует, наш единственный робот будет вести себя как терминатор.

— Ну, в общем, да...

— У «червя» встроен код самоуничтожения, — поспешила уточнить Наташа. — Он связан с внутренним таймером. То есть «червь» имеет очень ограниченный срок жизни, минут двадцать.

— Значит, вся операция должна уложиться в двадцать минут?

— Да...

— Хорошо, — сказал Лю. — Действуйте. Надеюсь, ваша авантюра не будет иметь серьезных последствий. И поторопитесь, а то придется гнаться за нашими ворами за сотню километров.

Когда русские уже сидели в вездеходе и выясняли, кто ведет машину, а кто управляет дронами поддержки, подошла Рамона.

— Лю приказал, чтобы я ехала с вами, — сообщила она и уселась на заднее сиденье, рядом с Сергеем, уже уступившим настырной напарнице место водителя.

— А зачем? — удивилась Быстрова.

— Не знаю. Я могу управлять дронами. А если понадобится медицинская помощь...

— Ладно. Некогда спорить, — махнул рукой Сергей. — Поехали, Наташа.

— Уж лучше бы Чжао взяли. Вдруг там все-таки рептилоиды? Ксенолог нам бы пригодился!..

Около часа они лихо мчались по каменным россыпям и песчаным наносам, заходя по широкой дуге в лоб украденному вездеходу. Когда до расчетной точки оставалось не более километра, Сергей высадил на поверхность Стасика и активировал про-

грамму-«червя». Робот несколько мгновений топтался на месте, словно не зная, что предпринять, но потом развернулся и пошел на перехват приближающейся машины.

Те, кто сидел в украденном вездеходе, конечно, заметили над собой дронов, а потом — и погоню. И приняли единственно верное решение: вернуться на свою базу под куполом в кратере вулкана.

Уже само то, что марсианские воришки очень скоро разобрались с управлением и оборудованием вездехода, сильно озадачило Сергея. Они разогнали вездеход до максимальной скорости, пытаясь оторваться от преследования. Но восьминогий Стасик, неожиданно вынырнув из-за обломка скалы прямо перед ними, заставил угонщиков резко повернуть налево.

У воришек была возможность проехать по самому краю расселины, будь у них чуть побольше опыта, но они не справились с тяжелой машиной, и вездеход, соскользнув с каменного ребра, завалился в расселину боком. Она была приличной глубины, метров десять, и Романов ужаснулся при мысли, что теперь придется как-то вытаскивать оттуда несчастную машину.

— Наташа, руководи Стасиком, «червь» у него уже сдох, а я пошел, — сказал он, откидывая верхний люк.

— Сережа, стой! — Она впервые за время экспедиции назвала его по имени, но сейчас Романову было не до психоанализа. — А если там действительно рептилоиды?!

— Судя по действиям в экстремальной ситуации, угнанной машиной управляют существа, обладающие психикой, сходной с человеческой, — сообщила с заднего сиденья Рамона.

— Вот! — поднял палец Сергей. — Медицине видней... А еще у Стасика клешни есть. Не хотелось бы, конечно, чтобы первый в истории контакт завершился членовредительством...

Наташа фыркнула, но спорить не стала.

— Пойдешь со мной, — сказал Сергей мулатке. — Мало ли что...

Рамона молча выбралась наружу. Экран «дружка» на ее рукаве показывал оранжевую гамму настороженности и беспокойства. Сергею и самому было не по себе, но нужно было срочно разобраться, кто же застрял в упавшем вездеходе...

8

Однако на деле все оказалось не так-то просто. Вездеход лежал почти вверх колесами, хорошо был виден нижний люк, но никаких признаков жизни угонщики не подавали.

— Наверно, они напуганы, — сказала Наташа, которая наблюдала картинку через дрона, зависшего над расселиной. — Давайте спрячемся! Может быть, тогда они вылезут?

Стасика отозвали, велели укрыться за грудой камней, дрон посадили на верхушку ближайшего холма, вездеход загнали в низину.

— Еще красную ковровую дорожку расстелить и оркестр добавить, — проворчал Сергей.

Наташа хихикнула. Американка промолчала.

Некоторое время в расселине было тихо. Потом у Романова кончилось терпение.

— Рамона, аккуратно зайди справа, загляни и доложи обстановку, — попросил он. — Наташа, будь готова поднять дрон, чем черт не шутит!..

Идти мулатке до расселины было шагов двести. Но на полпути она вдруг остановилась.

— В чем дело? — спросил Сергей, но ответа не получил. Рамона продолжала стоять, слегка пригнувшись, будто подружейная собака над подстреленной куропаткой.

Быстрова, тоже озадаченная странным поведением американки, подняла дрон, и его камеры показали: в расселине пока ничего не происходит. Однако что-то все же испугало Рамону.

Сергей вспомнил, что мулатка — потомственный хилер, знает сложные и не всегда объяснимые техники погружения в транс. Может быть, она ввела себя в такое состояние, чтобы выйти на связь с похитителями вездехода?.. Но тогда это — неоправданный риск с непредсказуемыми последствиями! Романов связался с дроном и навел его камеру на рукав Рамоны. Вот тебе на! Ее «дружок» полыхал кроваво-красным, сигнализируя о смертельной опасности.

— Рамона, немедленно назад! — приказал Сергей.

Девушка, будто и впрямь очнувшись, развернулась и быстрым шагом направилась к своему вездеходу.

— Романов! — вдруг завопила Наташа на весь эфир. — Они лезут!

И точно, камеры дрона зафиксировали, как люк в брюхе угнанного вездехода откинулся и оттуда появилась сначала конечность в бирюзовом рукаве, потом — голова в таком же бирюзовом шлеме. А спустя мгновение Сергей невольно воскликнул:

— Батюшки, гуманоид!..

— Свяжись с Лю! — нервно потребовала Наташа.

— Нештатная ситуация, — напряженным голосом произнесла Рамона. — Необходим запуск протокола безопасности по уровню «А». Нам следует не-

медленно вернуться в лагерь и поставить в известность руководство...

— Да погоди ты! — азартно оборвал ее Романов. — Успеем еще удрать. Лучше посмотрим, что будет дальше.

А дальше было вот что. Бирюзовый гуманоид огляделся и принялся вытаскивать из вездехода своего товарища. Видимо, при падении машины тот сильно ушибся или ударился головой, во всяком случае, движения его выглядели неуверенными. Кое-как оба утвердились на днище вездехода и теперь явно разглядывали край расселины в нескольких метрах над собой.

— Они сами оттуда не выберутся, — сказал Сергей. — Нужно послать на помощь Стасика.

— Они могут решить, что робот их атакует, и применить оружие, — возразила Наташа. — У них наверняка есть оружие.

— Почему же тогда они не подбили хотя бы один дрон? — усмехнулся Сергей. — Нет у них никакого оружия!.. Сейчас отправлю Стасика, и он спустится к ним...

— Ну да, и они сразу догадаются, что нужно сесть на него верхом! — Быстрова снова была в своем репертуаре.

— Ты права, — не стал спорить Романов. — Он встанет на краю и спустит к ним трос.

— Это плохая идея, — вмешалась Рамона. — Необходимо задействовать протокол безопасности...

— Вот если бы у нас было хоть какое-нибудь оружие... — сказала Наташа.

— Оружие у нас есть, это Стасик.

— Но у него — запрет причинять вред живым существам...

Однако до сражения дело не дошло — невезучие воришки решили воспользоваться спущенным к ним тросом с петлей.

Опыта скалолазания у них почему-то не оказалось. Когда пришлось одолевать каменный козырек, первому марсианину это удалось, а второй, пострадавший при падении вездехода, крепко приложился шлемом о стенку расселины и обвис в петле, видимо, потеряв сознание. Стасик выволок бесчувственное тело наверх и замер в ожидании новых команд. Первый же марсианин, видимо, тоже растерялся и теперь топтался рядом с товарищем.

— Рамона! — в отчаянии воскликнул Сергей.

Но мулатка уже была возле пострадавшего. Она осмотрела его и доложила:

— Шлем поврежден. Ему нечем дышать.

Сергей выругался: только не хватало погубить марсианина! Он лихорадочно обдумывал ситуацию, но Рамона сообразила быстрее. На ней был легкий «ньюхоф» с кислородным баллоном вместо престиновых наплечников. В одно мгновение мулатка отсоединила баллон с редуктором и склонилась над марсианином. Как ей удалось подключить свой редуктор к шлему марсианина, Сергей не понял.

Было не до рассуждений — ведь мулатка-то оказалась без кислорода! Он побежал к вездеходу, вытащил запасной кислородный комплект и помчался к расселине. Там уже была Наташа, но она словно окаменела. Девушка с ужасом смотрела на американку, удерживающую одной рукой редуктор, а второй зажимавшую треснувший шлем марсианина. И при этом ее «дружок» сиял как солнечный зайчик, показывая, что хозяйка уверена в себе и контролирует ситуацию.

Сергей быстро подключил баллон к шлему Рамоны, и только теперь мулатка глубоко и облегченно вздохнула.

— Все в порядке, — сказала она. — Серхио, помоги донести его до вездехода. Я буду поддерживать его шлем.

Романов осторожно поднял марсианина на руки — он показался ему совсем легким. Его приятель топтался рядом, не выказывая беспокойства, будто понял смысл действий землян. Сергей улучил момент и заглянул в окошко шлема пострадавшего.

— По-моему, это люди, — изумленно произнес он. — Но как они сюда попали?!

— Скорее, подростки, — не менее удивленно отозвалась Быстрова, поддерживая ноги марсианина. — Ты посмотри, как на них сидят скафандры!.. Штанины и рукава подхвачены под коленями и локтями... Они им явно велики!..

— Да и на скафандры это мало похоже... Стратосферные комбезы — вот это что! — Сергей от возбуждения почти кричал. — Лет тридцать назад в таких летали пилоты орбитальных челноков!.. Что же получается? Эти ребята родились на Марсе, что ли?! Раз им не досталось экипировки по размеру?..

— Откуда здесь люди? — повторила Наташа, когда все благополучно забрались в вездеход. — А, Романов?..

— Нужно установить с ними связь, — сказала Рамона. — Если ответят, значит, они действительно с Земли...

Но из этой затеи ничего не получилось. Как Сергей ни колдовал с рацией, частотный диапазон, на котором работала техника «марсиан», нащупать не удалось, а на языке жестов землян никто общаться не учил.

— Слушай, Романов, — вдруг тихо произнесла Наташа, когда американка снова занялась пострадавшим, — ты в курсе, сколько времени Рамона продержалась без кислорода?

— Ну, пару минут. А что?

— Не-ет!.. Пять с половиной!

— Круто! Наверное, она прошла специальную анаэробную подготовку. Кто их, хилеров, разберет... А вот как объяснить этому марсианскому воришке, что нужно сесть в вездеход и поехать с нами?..

— Думаю, дело не только в анаэробной подготовке... — с сомнением вздохнула Наташа. — Эх, была бы тут Чжао, она бы догадалась, как установить с ними контакт!

— Контакт, говоришь?.. — задумчиво произнес Романов.

Он позвал Стасика и вынул у него из гнезда телескопическую трость для съемок в труднодоступных местах. Выбрав участок поверхности, покрытый ровным слоем песка, Сергей написал «2 х 2 = ...», положил рядом трость и отошел. Тогда марсианин, помедлив, поднял трость, и на песке появилась цифра «4».

— Они все-таки с Земли! — воскликнула Наташа.

9

— Я не предполагала, что новый язык может сформироваться так быстро, — изумленно докладывала Чжао. — Вот посмотрите: пока удалось идентифицировать примерно треть слов как английские, хотя их произношение вызывает полное недоумение — никаких правил фонетики! Чуть меньше половины составляют голландские слова, но тут я не очень уверена, поскольку и сам голландский язык

испытал сильный дрейф в сторону нижненемецкого... Ну а примерно четверть слов вообще не подходит ни к одному известному мне языку! Такое впечатление, что их придумали уже здесь, на Марсе. Одних только уточнений по силе и продолжительности пылевых бурь я насчитала восемнадцать!..

— Ничего себе — винегрет! — покачал головой Сергей. — С чего бы такое смешение?..

— Пока не могу сказать, но думаю, скоро мы это узнаем от наших гостей.

Марсиане оказались старше, чем можно было подумать.

Рамона, сделав ряд биометрических тестов, дала им лет восемнадцать-двадцать, но добавила, что расти они больше не будут — эпифизы всех костей скелета оказались закрытыми. А если верить этим юношам, родились они на Марсе.

— Чжао, спроси еще раз, когда и откуда прибыли на Марс их родители? — велел Лю.

— Они снова скажут то же самое, командир, — ответила ксенолог. — Если увязать название с голландским, получится что-то вроде «веррадер», то есть — предательство. Если же с английским, то корень «вердж» означает — грань, край, граница.

— Хотел бы я знать, зачем им понадобился наш вездеход? — буркнул Романов. — Рамона, что там с ПЦР-анализом и прочей химией?..

— ДНК земная, с незначительными аберрациями во второй и восьмой парах. Есть отличия в составе ферментов дыхательной цепи митохондрий. Индекс насыщения гемоглобина кислородом...

— Короче, пюре из цветной капусты с говяжьим фаршем им подходит, — резюмировала Быстрова.

Пострадавший в расселине юноша, назвавшийся Ганполом, как раз принялся за второй тюбик с кот-

летой по-флотски. Он уже полностью пришел в себя. Другой гость, Орген, под наблюдением взъерошенного Рона изучал интерфейс нейрокомпа, с помощью которого Лю надеялся установить более тесное взаимопонимание с «аборигенами».

— Может быть, все же стоит попробовать выйти на контакт со взрослыми... э-э... марсианами? — предложил Сергей. — Посадим ребятню в вездеход, пара часов — и мы на месте.

— И какой прием ты ожидаешь там встретить? — ехидно поинтересовалась Наташа. — Оркестр и красную дорожку?..

— Да они же нам благодарны будут за возвращение чад!

— А если эти «чада» — местные преступники? Вдруг они сбежали из заключения и скрываются от местного правосудия?.. Для этого и вездеход наш угнали, чтобы легче было удирать от погони!

— Тебе бы детективы писать, а не формулы! — не выдержал Романов.

— Сеньоры, — повернулся к ним Макклинток, — не сочтите за навязчивость, но мне кажется, теперь самое время выйти из радиомолчания и сообщить, наконец, Земле все наши проблемы, включая и эту, — кивнул он на Оргена, азартно что-то рисующего пальцем на экране нейрокомпа.

— Пока не внесем ясность в ситуацию, считаю доклад на Землю преждевременным, — сурово оборвал его Лю.

— Ну, с чего вы взяли, что Земля не даст вам разрешения продолжить начатое? — взорвался ирландец. — Да у них просто не останется выбора...

— Тогда зачем сообщать? — прищурился Романов.

— А я объясню зачем, — спокойно продолжил китаец. — Может быть, кое-кто не в курсе, но ко-

ординационный совет Центра более чем наполовину состоит из сотрудников, назначенных туда директорами «Колумбуса», «Биг трэвел лимитед» и еще парой-тройкой им подобных транснациональных корпораций со штаб-квартирами в Вашингтоне и Лондоне...

— Ну и что вы хотите этим сказать, сеньор Лю?

— Только то, что вы, сеньор Макклинток, по всей видимости, тоже являетесь таким сотрудником. А возможно, и сеньорита Санчес.

— Это возмутительно! — Рыжий ирландец принял вызывающую позу. — Вы намекаете на то, что мы с Рамоной — шпионы «Колумбуса»?!

— Почему нет? — пожал плечами Сергей, незаметно подвинув поближе увесистый вольфрамовый сердечник от разобранного им гироскопа дрона. — «Колумбус» владеет едва ли не половиной всех глубоководных шахт в Тихом и Атлантическом океанах и вряд ли откажется от шанса завладеть еще и месторождениями руд на Марсе. Так что посылка шпиона в составе международной экспедиции — неплохой вариант...

— Ну, и кто из нас после этого детективщик? — тихо поинтересовалась у него Быстрова.

— Заявляю официально, — желчным голосом объявил Рон, — что не являюсь сотрудником или шпионом вышеперечисленных корпораций! Я — штатный метеоролог Международного центра космических исследований. Рамона, скажи!..

— Рональд Макклинток и я, Рамона Санчес, приняты на официальные должности метеоролога и врача общей практики Международного центра космических исследований в июне 2031 года, — с готовностью сообщила мулатка.

— Да «Колумбусу» вообще наплевать на космос, если уж на то пошло! — Ирландец заметно приободрился.

— Откуда такая уверенность? — спокойно возразил Лю. — Зачем же тогда эта корпорация десять лет назад выкупила остатки активов компании «Спейс Икс» Илона Маска?..

— Погоди-ка, командир! — насторожился Сергей. — «Колумбус» купил «Спейс Икс»... Ага! Я, кажется, понял! Проект «Столетний корабль»... Мой дядя по отцу записался туда добровольцем, но не прошел по здоровью. Его в семье еще долго «марсианином» дразнили. Большой был чудак — согласился на дорогу в один конец...

— Значит, та экспедиция не погибла?! — изумилась Наташа. — Ух ты!..

— Выходит, так, — резюмировала Чжао. — Я читала архивы... Полет должен был длиться 195 дней, связь с ковчегом утеряли на сто восьмой день, автоматическая обсерватория на Фобосе отчего-то его проворонила. «Спейс Икс» объявила, что на ковчеге разладилась вся навигация и он ушел неведомо куда. Компания даже не попыталась что-то сделать, только выплатила семьям пропавших страховку...

— Это не доказывает, что наши гости — потомки тех переселенцев, — покачал головой Лю.

— Тогда вот тебе еще одно доказательство. Два смешанных языка — английский и голландский. А к полету как раз готовили две группы — американцев и голландцев.

— Если все обстоит действительно так, — медленно произнес Сергей, — нам придется выйти на связь с Землей. Судьбой этих людей должны заниматься соответствующие компетентные органы...

— Да, но не корпорация «Колумбус»! — оборвал его Лю. — А она не преминет перехватить инициативу, как только узнает о них. Хотя бы для того, чтобы избежать международного скандала. Ведь многие родственники на Земле этих людей, получивших билет на Марс в один конец, живы до сих пор. Когда они узнают, что экспедицию объявили погибшей, даже не пытаясь найти, поднимется грандиозная шумиха! Так что, Серхио, твоя задача прежняя: никого и близко не подпускать к передатчику.

— Будет сделано, — вздохнул Романов.

Он не считал себя разбирающимся в большой политике, но прекрасно понимал: если «Колумбус» будет всеми силами скрывать, что экспедиция, отправленная авантюристами из «Спейс Икс», уцелела и все эти годы не получала помощи, то в первую очередь в опасности окажутся те, кто способен рассказать правду: Лю, Чжао, Наташа и он сам. Причем уже оказались! Командир действительно прав: американцы явно имеют отношение к «Колумбусу» — не прямое, так косвенное. И что они теперь предпримут?..

Рамона — медик и потомственный хилер, специалистка по аутохимеризации. Она может вводить больного или раненого в особый транс, при котором восстанавливаются поврежденные органы. В экспедиции такой мастер незаменим. Но что может ей помешать поменять плюс на минус и заставить своих противников заняться саморазрушением? Особенно, если прикажет Макклинток.

Ведь, кажется, уже всем ясно: мулатка не подчиняется командиру, она делает только то, что скажет рыжий ирландец...

— Командир, нужно посоветоваться, — решился Сергей. — Насчет того вездехода...

— Говори, Серхио.

И тут Романов грубо нарушил первое правило экспедиции — перешел на родной язык. Он знал, что многие китайцы учат русский, и был уверен, что Лю его поймет.

Сергей постарался изложить свою мысль коротко — настолько, что американцы, даже если бы сообразили, не успели бы сделать запись. Так и получилось. Рон и Рамона еще переглядывались, а Лю уже улыбался.

— Ты прав, Серхио, — сказал он по-испански. — Я знаю, что нужно сделать. Сеньориты Натали и Чжао, собирайтесь! Завтра с утра вы, я и сеньор Романо едем вытаскивать из расселины вездеход.

— Вчетвером? — удивилась Быстрова.

— Именно вчетвером, — веско уточнил Сергей. И сказал настолько выразительно, что заядлая спорщица лишь хлопнула ресницами и кивнула — молча!

— Сеньор Макклинток, вам и сеньорите Санчес поручаю подготовить нашу временную базу к возможной эвакуации на место посадки челнока, — сухо добавил Лю в ответ на удивленные взгляды американцев.

Ночью Романов с командиром наполнили контейнеры вездехода едой и водой, а потом Сергей тайком перенес в машину блок связи нейрокомпа базы.

Однако утро преподнесло землянам сюрприз.

У входа в пещеру стояла небольшая армия в знакомых бирюзовых комбезах орбитальных пилотов. Почти все аборигены восседали на своих странных «горных» мотоциклах.

— Думаю, у второго выхода из пещер нас тоже ожидают, — медленно произнес Лю.

— Можно не сомневаться, — тихо откликнулся Романов, стараясь спиной прикрыть обомлевших девушек. — Обрати внимание на их технику! Судя по конструкции, эти монстры на электрической тяге, аккумуляторы и сзади, и по бокам...

— За детками своими пришли... — пробормотала сзади Наташа.

Вчерашние угонщики, видимо, все время поддерживали связь с родственниками. Казалось, только что Ганпол спал на запасном матрасе в кают-компании, а Орген сидел рядом и опустошал тюбики с овсяной кашей и котлетами, и вот уже оба бегут к выходу из пещеры.

— Серхио, задержи их! — приказал Лю.

Романову удалось поймать не до конца проснувшегося Ганпола, но Орген все же убежал.

— Командир, гости, кажется, вооружены, — предупредила Наташа, осторожно выглянувшая из пещеры. — У некоторых в руках какие-то трубы...

— Ничего удивительного, — пожал плечами Сергей, придерживая за шкирку притихшего «марсианина». — За четверть века вполне можно было сварганить что-нибудь типа гранатомета. Но выходить я бы сейчас поостерегся — черт знает, что у них на уме!

— Выйти придется, — решил Лю. — Сюлань, — он впервые при всех назвал жену по имени, — сейчас ты возьмешь за руку Ганпола и выведешь его наружу. В другой руке у тебя будет один из контейнеров с продовольствием. Пройдешь ровно двадцать шагов, поставишь контейнер, отпустишь мальчишку и медленно вернешься назад.

— Хорошо, Цянминь... — эхом откликнулась Чжао.

Лю добавил что-то по-китайски, девушка кивнула, и тогда он ее обнял!

— Командир, давайте пойду я! — воскликнула растроганная Наташа.

— Нет. Сюлань маленькая, ее не обидят. А ты высокая, — покачал головой китаец.

Действительно, даже рядом с похожим на подростка Ганполом Чжао выглядела девчонкой.

Китаянка вывела юного угонщика за руку и пошла к «марсианам» медленно и спокойно. Она поставила контейнер на камни, отпустила руку юноши и не спеша двинулась обратно.

Сергей почти физически ощутил напряжение, исходившее от командира. Лю был неподвижен, но что творилось в его душе, Романов догадался именно по этой каменной неподвижности.

«Мир или война? — пронеслось у него в голове. — Сейчас все решится...»

И решилось!

Ганпол вдруг бросился за Чжао, схватил ее за руку и повел к своим сородичам. Орген вывернулся из-за спины ближнего «мотоциклиста» и сбегал за контейнером с продовольствием. Подхватив его левой рукой, правой он замахал землянам. Этот жест мог означать одно: идите сюда!

— О, боже, сколько же их?! — раздался испуганный возглас за спиной Романова.

Макклинток с выпученными глазами стоял напротив выхода, а руки его шарили на поясе «ньюхофа», словно пытаясь отыскать несуществующую кобуру. Рядом с ним изваянием застыла мулатка — лицо ее оставалось бесстрастным, но «дружок» на рукаве скафандра пылал огненно-красным: «тревога!»

— Думаю, человек пятнадцать-двадцать, — прикинул Сергей. — А что тебя удивляет?..

— Все пропало!.. — бормотал ирландец, не слушая его. — Они нас прикончат!..

— С чего ты взял?

— Им нужны наши ресурсы, техника... Мы все — покойники!..

Романов открыл было рот, чтобы рявкнуть на паникера, но тут Лю неожиданно произнес:

— Сеньорита Быстрово, вы остаетесь в пещере! Будете с нами на связи. Рамона, красавица, следуй за мной!..

Сергей опешил: никогда еще сдержанный Лю не делал ни одной женщине таких комплиментов. Но удивительнее было другое. Когда Рон попытался удержать Рамону и обхватил ее за плечи, она стряхнула рыжего ирландца, как котенка или мартышку!

Макклинток упал, а мулатка поспешила за командиром, даже не обернувшись.

10

Изначальный план Романова, поддержанный Лю, заключался в том, чтобы завладеть обоими вездеходами, потом отправиться к поселку в кратере и попробовать договориться с «марсианами» о сотрудничестве, и только затем вернуться на базу и нейтрализовать американцев. Без средств связи и без транспорта они были бы вынуждены согласиться на условия остальных — работать по планам экспедиции до ее завершения и сделать открытый доклад для руководства Центра космических исследований, честно рассказав о своем задании. По мнению Сергея, огласка и признание лишили бы смысла любые дальнейшие действия американцев.

Но появление «марсиан» резко изменило ситуацию. Теперь агент «Колумбуса» — неважно кто, Рон или Рамона, — получил весомый козырь: форс-мажор в связи с обнаружением большой группы гуманоидов, представляющих потенциальную опасность

для членов экспедиции. Тот факт, что гуманоиды идентифицированы как бывшие земляне или их потомки, ничего не менял, даже более того — только усложнял положение. Требовалось принять немедленное и неожиданное решение, чтобы не дать агенту повернуть дело в свою пользу. И Лю такое решение нашел: властью командира разделил очевидных противников, забрав с собой одного из них.

Когда отъехали от пещер на десяток километров, Лю сделал знак Романову — перейти на запасную частоту и включить индивидуальный канал связи.

— Что еще случилось, командир? — обеспокоенно спросил Сергей.

— Мало времени. Нужно прояснить ситуацию, — заговорил китаец. — Если коротко — меня еще на Земле поставили в известность, что в составе экспедиции летит агент корпорации «Колумбус» с заданием: помешать успешному выполнению миссии. Я убедился, что ты не являешься агентом...

— Спасибо за откровенность! Ну, тогда и я поделюсь своими соображениями. По моим наблюдениям, агентом корпорации является все-таки Рамона Санчес. А ирландец ее страхует, отвлекает от нее внимание своими истериками и нелепыми требованиями. У Санчес — железные нервы и выдержка, она прекрасно ориентируется в вопросах юрисдикции и права, хотя в команде выполняет обязанности медика... В общем, думаю, агент — именно Рамона. Я почти уверен, хотя...

Сейчас Сергею следовало бы четко доложить о своих наблюдениях и подозрениях.

Факт первый: Рональд окружает Рамону сверхзаботой, буквально пылинки с нее сдувает, старается уберечь ее от любой мыслимой опасности. Ну и что? Вполне нормально для влюбленного мужчины. Факт

второй: Рональд неоднократно, при малейшей потенциальной опасности для себя и Рамоны, пытался инициировать прекращение экспедиции и возвращение на Землю. Это можно было бы списать на гипертрофированный инстинкт самосохранения, если бы не полуторагодичная тренировка на заполярном диком острове в Канаде, где условия выживания сложились ничуть не менее трудные и опасные, чем теперь на Марсе. Факт третий: несмотря на происхождение, Рамона Санчес ни разу не продемонстрировала свой горячий южный темперамент, наоборот, в целом ряде критических с эмоциональной точки зрения ситуаций она проявила удивительную холодность и даже равнодушие к происходящему. И наконец, факт четвертый: в эпизоде спасения марсианских воришек мулатка продемонстрировала необычные навыки, свойственные больше сотрудникам спецподразделений, нежели гражданским медикам...

— Уверенность — похвальное качество, — сказал Лю. — Но пока остаются хоть малейшие сомнения, нужно быть готовым к неожиданностям. Я взял сеньориту Санчес с собой, чтобы их избежать...

— Ну, правильно. Если она — агент, то обязательно попытается нам помешать завладеть вторым вездеходом.

— Думаю, у нас все получится, — загадочно закончил разговор китаец и отключил закрытый канал связи, перейдя на общий.

У них все получилось. Вернее, получилось почти без их участия.

Где-то на полпути к застрявшему вездеходу кавалькада «марсиан» свернула в сторону, направившись в поселок. Чжао, после недолгих споров с Лю,

поехала с новыми знакомыми. А трое землян двинулись дальше — выручать несчастную машину. Они не без труда нашли расселину — пейзаж вокруг не располагал к ориентированию, оставаясь до тошноты однообразным, а взять дрона люди в спешке забыли.

Пришлось Романову снарядить на поиск вездехода Стасика, задав роботу цель: искать большую металлическую массу. Стасик не сплоховал и быстро обнаружил пропажу. Правда, сначала он привел хозяев к полузасыпанному кратеру, на дне которого торчала черно-бурая оплавленная глыба, оказавшаяся железоникелевым метеоритом.

— Я спущусь вниз, — сказал Лю, — и закреплю тросы, а вы соберите пока лебедку. Думаю, на малых оборотах мы не спалим двигатель и вытянем машину не спеша. Рамона, идем.

— Я помогу, командир. — Мулатка решительно направилась к расселине с мотком троса на плече.

Сергей и китайцем переглянулись, и Романов сказал:

— Осторожнее там. Склоны рыхлые, возможен оползень!..

— Будем страховать друг друга, — отозвался Лю и тоже подошел к провалу.

Вдвоем они спустились к вездеходу и принялись закреплять тросы с двух концов машины, пропуская их через крепежи внешней подвески — больше цеплять все равно было не за что.

Потом Лю скомандовал «вира!», Сергей запустил мотор, и тросы медленно стали накручиваться на вал лебедки. И хотя вездеход на Марсе весил почти в три раза меньше, чем на Земле, все равно его масса оставалась весьма большой.

В какой-то момент один из тросов все-таки лопнул с резким звоном. В наушники Романову ударил короткий вскрик, так что Сергей сначала даже не понял, кто кричал.

— Лю, у вас все в порядке?

— Н-нет!.. — прохрипел будто от натуги китаец. — Меня придавило колесом к стенке... Вздохнуть не могу...

Романов заглянул за край расселины и увидел, что вездеход повис на оставшемся тросе почти вертикально. Лю видно не было, зато Сергей прекрасно разглядел мулатку, стоявшую на выступе выше по стене. Несомненно, она слышала их переговоры, но ничего не предпринимала и не предлагала. «И ведь в который раз! — раздраженно подумал Романов. — Словно ей все равно... Медик называется!»

— Рамона, заберись на вездеход и попробуй повиснуть на правом верхнем колесе, — сказал он вслух.

— Какой в этом смысл? — Мулатка отвечала спокойно, словно ничего не произошло.

«А ведь она прекрасно слышит, как хрипит командир!..» — Романов почувствовал, как раздражение перерастает в гнев, чего никогда прежде не испытывал по отношению к женщинам, даже к постоянно задирающей его Наташе.

— Под твоим весом центр тяжести машины сместится, и Лю сможет выбраться из-под нее.

— Если я заберусь на вездеход, его масса увеличится, трос не выдержит, и мы все сорвемся вниз.

— Возможно, не сорветесь...

— По моим расчетам, это произойдет с вероятностью девяносто пять процентов!

Романов едва сдержался, и тут его осенило.

— Ну же, Рамона, красавица, не упрямься! Вперед!..

При слове «красавица» мулатка дернулась, будто от удара тока, покачнулась, затем отшатнулась к стене и замерла.

— Я не... — были последние ее слова, после чего она перестала отзываться и шевелиться.

Несколько секунд Романов ошалело смотрел на ее застывшую фигуру, потом спохватился и скомандовал Стасику спуститься под вездеход и оттянуть его корму от стены расселины, чтобы освободить командира. Робот прекрасно справился с заданием, потом выбрался наружу, неся в манипуляторах тело Санчес. Лю вылез следом, закрепил дополнительный трос на лебедке, и наконец многострадальный вездеход встал на колеса у края расселины.

Стасик отнес мулатку внутрь первой машины, и мужчины склонились над девушкой.

— Странно, — пробормотал Сергей, — искин ее «ньюхофа» показывает норму по всем базовым физиологическим параметрам. Она жива, но будто бы спит!

— Это и есть сон, — кивнул Лю. — Вернее, базовая релаксация...

— Какая, к черту, релаксация?! Что с ней такое, командир?

— Рамона Санчес — биосинт, андроид нового поколения, искусственный разумный организм.

— Что-о?!.

— Поверь, Серхио, это правда. — В голосе китайца появилась жесткость. — Информация о том, что в состав экспедиции может быть включен биосинт, была предоставлена конфиденциально одним из... честных сотрудников «Колумбуса». Он только не знал точно, как будет выглядеть андроид.

— И ты все время молчал? — Романов рассердился не на шутку. — Хорош командир! Скрывать такое от подчиненных!..

— Я тоже не знал, кто из вас биосинт. Думал даже, что сеньорита Натали. Ее телосложение... Оно очень подходит для биосинта, который раз в пять сильнее обычного человека.

Сергей понял: рядом с хрупкой китаянкой Наташа действительно выглядела чересчур атлетически.

— И что же сегодня случилось?

— Встреча с переселенцами спутала не только наши планы, но и планы агента, которым, как теперь стало ясно, является все-таки Макклинток. На его беду, ему поручили еще одну миссию: опекать биосинта, который должен был пройти полевые испытания в составе нашей экспедиции. Но Макклинток, видимо, решил подстраховаться или воспользоваться биосинтом в своих целях. Он должен был руководить биосинтом, используя слова, непохожие на команды...

— «Рамона, скажи»?

— Верно. А «красавица» — абсолютное повиновение. Я должен был в этом убедиться.

— Абсолютное ли?

— Конфликт, Серхио. У биосинта программа самосохранения доминирует в любых обстоятельствах. Он обязан уцелеть — слишком дорого стоит. А твоя команда потребовала самопожертвования. Для таких спорных случаев, видимо, и задумана функция полного отключения. Рон, скорее всего, знает, как ее активизировать.

— Допустим, что ты прав, — Сергей возбужденно жестикулировал, не замечая тесноты кабины, — но для чего вся эта конспирация с внедрением андроида?

— Ну, это же очевидно, — снисходительно улыбнулся китаец. — Экспедиция попадает в форс-мажорные обстоятельства, грозящие, быть может, ее гибелью. Тут на первый план выходит биосинт и решает фатальную проблему, спасая тем самым экспедицию и одновременно демонстрируя возможности, намного превосходящие человеческие. Дальше объяснять?

— Нет. И так ясно: Научный совет ООН наложит вето на программу колонизации Марса и потребует скорректировать планы его терраформирования с помощью биосинтов. «Колумбус» получит гигантский грант на производство андроидов, а заодно — и приоритетное право на разработку марсианских недр. Занавес!..

— Вот именно так все и будет, если мы не выполним программу и не вернемся с победой.

— Ну что ж, утрем янки нос, поехали к марсианам! У них, небось, опыта выживания хоть отбавляй. А мы им взамен — кое-что из нашего оборудования. Реактор холодного синтеза, например?..

— Согласен. Едем!..

Романов перебрался в спасенный вездеход, и вскоре обе машины дружно пылили по равнине на встречу с новыми хозяевами Марса.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

ЗЕМЛЯ, ЮПИТЕР, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

За окном вставал Юпитер. Громада его закрыла добрую треть звездного неба, грубо и безапелляционно доказывая каждому, кто здесь хозяин. Даже

Солнце, маленький желтый шарик, не смело соперничать с ним. Грязно-серые полосы облачных зон спешили наперегонки друг с другом вслед за вращением гиганта, толкались, закручивая вихри турбулентности, непрерывно изменяли облик планеты. Только Большое Красное Пятно оставалось пусть иллюзорным, но островком стабильности в этом котле ураганов.

Лео прекрасно понимал — никакое это не окно, панорамный, во всю стену бара экран. Было бы окно — Юпитера он не увидел бы, станция «Европа-Орбитальная» зависла на противоположной от гиганта стороне спутника: дополнительная защита от радиационного излучения планеты. Было бы окно, голова закружилась бы от мельтешения ледяной поверхности Европы и звездного неба: станция вращалась вокруг своей оси, создавая пусть небольшую, но обеспечивающую какой-никакой комфорт гравитацию. Величественная картина была всего лишь иллюзией. Но понимание ничуть не мешало получать удовольствие от созерцания. А стаканчик кубинского рома еще и способствовал. Ром был в самом деле кубинский — привезенный с Земли, а не синтезированный на пищефабрике Оазиса. Потому дорогой. Но пилот лучшего в системе Юпитера курьера-каботажника мог позволить себе маленькую слабость. Даже две, чего уж там!

Потакая второй своей слабости, Лео нет-нет да и поглядывал на крайний столик, за которым сидела миловидная девушка. Карие глаза, темные волосы, смугловатая кожа. Индианка? Турчанка?

— Любуешься? — полюбопытствовал Илья Зотов, бармен и владелец бара в одном лице. И давний приятель Лео при этом. Вопрос его подразумевал отнюдь не Юпитер.

— Угу. Новенькая? Кто такая, почему не знаю?

— Не совсем и новенькая, скоро месяц, как прибыла. Самира Фариджи, врач.

Фариджи? Иранка, значит. Лео кивнул удовлетворенно — почти угадал. А вслух произнес:

— Месяц? Давненько я к вам не заглядывал. И что, она до сих пор свободна?

— В смысле, не положил ли кто на нее глаз? Многие положили, да без толку. И тебе не советую пробовать. Самира — девушка серьезная. С твоей репутацией...

Лео погрозил приятелю пальцем:

— Мою репутацию не тронь!

Встал, направился к крайнему столику:

— Разрешите?

Девушка вопросительно вскинула брови. Брови у нее были замечательные: черные стрелки вразлет. И ресницы — длиннющие. На вопрос она ничего не ответила, но Лео посчитал молчание знаком согласия, опустился на стульчик напротив девушки.

— Добрый вечер! Я уже знаю: вас зовут Самира. А я — Лео. И давай сразу перейдем на «ты». У нас, бывалых юпитерианцев, так принято.

Девушка улыбнулась. Хороший знак!

— Лео? Это сокращение от какого имени? Леон? Леонард?

— Леонид, Леонид Кушнарев. Но для друзей — просто Лео.

— Леонид — царское имя.

— Почему нет? В наше время капитан космического корабля чем не царь? — Лео многозначительно погладил серебряный шеврон на рукаве куртки.

— И каким же космическим кораблем вы, Леонид... Извини, ты, Лео, командуешь?

— Скоростной каботажный курьер «Солнечный Зайчик»!

Самира хихикнула. Все они хихикают, услышав название! Хотя что в нем смешного? Кораблик был хоть и невелик размером, но такой же быстрый и проворный, как настоящий солнечный зайчик. А то, что под командованием у капитана Лео кроме самого «Зайчика» никого нет — не суть важно!

— Ой, извини, — девушка смутилась. — Название неожиданное. Такое... домашнее!

— Система Юпитера и есть дом для тысяч людей.

— Нет, не дом, — Самира отрицательно покачала головой. — Место постоянной работы — да, но не дом.

— Почему это не дом? — возмутился Лео. — Люди годами здесь живут, на Землю только в отпуск летают. Да что люди! В Оазис кое-кто уже и котов своих привез.

— Вот именно, привез. Приезжие они здесь, как и мы. Ни одно живое существо в системе Юпитера пока что не родилось, чтобы его своим домом считать. — Девушка внезапно поднялась из-за столика. — Поздно уже, пойду я, пожалуй.

Лео опешил:

— Куда ты спешишь, время детское! Давай хоть по коктейлю выпьем, за знакомство. «Ямайку» пробовала? Илья вкусно смешивает.

— Нет, на работе я спиртное не употребляю.

— Рабочий день закончился давно!

— Рабочих дней у меня нет, исключительно рабочие сутки. В любую минуту что-нибудь случиться может, а я единственный медик на Европе.

— Да что здесь случится? Пальчик кто-то прищемит? Поверь, я...

Спорить девушка не собиралась, ушла молча. Лео крякнул с досады, вернулся к стойке.

— А я предупреждал, — ухмыльнулся Илья.

— Предупреждал он... Налей лучше еще один. Да не скупись, не скупись!

Бармен налил, сколько требовали. Но поинтересовался при этом:

— В котором часу у тебя завтра вылет?

— Ты что, выпроводить меня спешишь? Я два часа, как к вам прибыл! Ладно, пять часов... Но в любом случае завтра у меня выходной! И пусть Благоев даже не суется со своей срочностью. — Лео сделал глоток. Расплылся в улыбке от неожиданной идеи: — А давай пари: завтра я вашу недотрогу уломаю.

— На что спорим? — взгляд Зотова сразу стал заинтересованным.

— Бутылка «Бакарди».

— Не, ты же знаешь, я не любитель. Вот если бы настоящий «Немирофф» с перцем...

— Пусть так, согласен.

— Где ж ты его возьмешь? Насколько мне известно, последняя бутылка за орбитой Марса была продана...

— Да не бери в голову! Все равно тебе его пить не придется.

Лео засмеялся, подмигнул Юпитеру и прикончил стаканчик.

Выходного дня не получилось.

— Лео, просыпайся! Да просыпайся же ты!

Начальник станции «Европа-Орбитальная» Георгий Благоев тряс за плечи так, что мертвого мог разбудить. Лео открыл глаза, изумленно уставился на него. Перевел взгляд на циферблат часов на стене, изумился еще сильнее. Одно из двух: либо он уму-

дрился продрыхнуть сутки, либо Благоев ополоумел. Судя по тому, что выпитый ром приятно шумел в голове, — второе.

— Вставай, вставай! — разбудить Благоеву было недостаточно, он продолжал теребить. — ЧП у нас. Авария на второй буровой! Семеро пострадавших, трое тяжелые. Нужно везти в Оазис, в госпиталь. Срочно!

Сон выветрился из головы мгновенно. Что случилось на буровой, Лео не расспрашивал — не его дело. Его — спасать. Именно для этой цели проектировали и строили легкие маневренные каботажники на электротермическом приводе. Прочие задачи наслоились позже и были второстепенными.

Он рывком сел в постели, схватил штаны, принялся натягивать. Благоев потянул носом воздух, скривился:

— Ты что, пьян? Нет, такого я тебя к полету допустить не могу...

Лео заскрежетал зубами от ярости, вскочил, ткнул начальника станции пальцем в грудь:

— Во-первых, я физически не способен упиться до такого состояния, чтобы не суметь управлять «Зайчиком». Во-вторых, другого корабля и другого пилота у тебя под рукой нет. Так что оставь свои претензии при себе!

Он сунул ноги в тапочки, схватил куртку в охапку — смысл ее надевать на три минуты? — и выскочил из каюты.

У шлюза причального модуля его ждала Самира Фариджи, упакованная в скафандр.

— Ты что, со мной лететь собралась? — удивился Лео. И тут же ругнул себя за глупый вопрос — видно, голова еще плохо соображает. Кому сопровождать раненых в госпиталь, как не медику?

Рейс выдался непростым. Мало того, что непредвиденное маневрирование на выходе из Пояса слопало без остатка три дня полета, так и на премиальные за экономию топлива можно теперь не рассчитывать. Какая там экономия! Гелий-3 грозил закончиться раньше, чем рейс. Ползти к верфи на минимальной тяге в планы Росса Мэнсона, капитана грузовоза «Рэд Булл», никак не входило. Потому траекторию полета пришлось пересчитывать. Хорошо, что Юпитер рядом. Если верно выбрать траекторию подлета, то гигант щедро поделится моментом импульса, забросит грузовоз прямиком к орбитальной верфи.

На верфи собирали первый фотонный звездолет «Солнечный Ветер». Не экспериментальный, самый что ни на есть рабочий. «Солнечному Ветру» предстоял пилотируемый полет к системе Проксимы Центавра и обратно. Расчетная крейсерская скорость корабля составляла 0,7 световой, и главной целью полета было не столько исследование чужой звездной системы, сколько изучение релятивистских эффектов и их воздействие на человека. «Солнечный Ветер» должен дать однозначный ответ на вопрос, может ли человечество прорваться к звездам уже сегодня или задача эта откладывается на столетия, пока физики не сумеют создать свой варп-двигатель, давно обещанный, но по-прежнему фантастический.

Первый фотонник получался настоящим гигантом. Неудивительно — экипажу предстояло жить в нем долгие годы. Ни одна великая космическая держава не справилась бы с такой задачей в одиночку, межзвездный корабль строили всем миром. Но даже так понадобилось одиннадцать лет, чтобы дерзкий проект превратился в красавца-исполи-

на. И все эти годы «Рэд Булл» и четверо его собратьев-близнецов трудолюбивыми муравьями таскали сырье из пояса астероидов. Сначала руду для орбитальных металлургических заводов, затем будущее топливо для аннигиляционной установки. Их и называли соответственно — «камневозы».

Росс Мэнсон водил «Рэд Булл» с самого первого рейса. Последние пять лет — в паре с суперкарго Шейном Рафферти. Вот и весь экипаж. Зачем больше? Задача у камневоза простая: прибыть в Пояс, принайтовить подготовленные ловцами астероиды, доставить груз на верфь, дождаться разгрузки и обратно в Пояс. Мэнсон любил свой корабль. Пусть неказист, медлителен и неповоротлив, зато в тяге его термоядерный движок даст фору любому транссистемному лайнеру. Еще бы! Ему ведь приходится перемещать массу в сотни раз большую. Двигательный отсек, приборный, кабина — все это занимало ничтожную часть корабля, сердцевину огромного крестообразного коромысла, к плечам которого крепились грозди тысячетонных глыб.

Новая траектория получилась почти идеальной, Росс Мэнсон остался доволен работой — своей и бортового компьютера. Прибудут без задержек. Это было тем более важно, что рейс обещал стать последним — запас топлива для фотонника обеспечен. В крайнем случае, предпоследним, если кто-то из коллег слажает.

В любой другой ситуации Лео посчитал бы это подарком фортуны: девушка, на которую ты заключил пари, внезапно оказалась заперта с тобой наедине — спящие в медицинских кувезах буровики не в счет! — в кабине корабля. В любой другой, но не этой. Как поется в старинной песне:

Потому, потому, что мы пилоты,
Космос наш, космос наш родимый дом,
Первым делом, первым делом звездолеты,
Ну а девушки, а девушки потом.

Только подумал, как девушки, вернее, девушка напомнила о себе. Засветился экран интеркома:

— Лео, нам долго еще лететь?

— Долго, — нехотя признался Лео. — Расчетное время — три часа шестнадцать минут.

— А можно как-нибудь побыстрее? Я за Вельяминова беспокоюсь. Показатели совсем не хорошие.

Побыстрее? Собственно, почему бы и нет? Раненым в кувезах ничего не угрожает.

— Если выдержишь три «же», то можно.

Знакомая любому пилоту сила прижала к ложементу. Двигатель «Зайчика» радостно запел — кажется, впервые после ходовых испытаний из кораблика хотели выжать все, на что он способен. Конечно, мы можем быстрее!

Когда на экране радара появилась отметка другого корабля, Лео не заметил. Лишь когда вспыхнула алым надпись: «Внимание! Опасное сближение траекторий!», чертыхнулся. Откуда он взялся? Камневоз, не иначе. Ползет медленно, словно черепаха. Так пусть еще замедлится, время для него не критично. Не раздумывая, отправил в эфир оповещение: «Нештатная ситуация! Прошу не препятствовать движению!»

Ответ появился незамедлительно. Лео удивленно уставился на сигнал внешнего вызова. С камневоза? Они что, оповещение не поняли? Не грамотные ни разу?

Он нехотя включил прием.

— «Рэд Булл» вызывает «Солнечный Зайчик»! — хриплый баритон заполнил кабину. — Парень, извини, но я не могу...

— У меня форс-мажор! — рявкнул, обрывая ненужные объяснения Лео. — Раненые на борту. Тяжелые!

И отключил связь. Огонек вызова вспыхнул снова, но Лео его проигнорировал. Вызвал пассажирский салон:

— Самира, как самочувствие? Держишься? Молодец! Скоро начну сбрасывать ускорение. Через сорок минут будем в Оазисе.

— Да что там за придурок сидит! — Росс Мэнсон выругался вслух, хотя обычно такого себе не позволял. Было отчего нарушить правила: мальчишка, пилотирующий каботажник, не желал слушать объяснений. — Он что, не понимает — мы не можем затормозить при всем желании! Нас же разорвет к дьяволу!

— Вот мерзавец! — Шейн Рафферти полностью разделял негодование капитана. — Двинуть бы ему всей нашей массой по соплам, чтобы в следующий раз мозгами думал.

— Надо бы... — проворчал Мэнсон. — Но у него раненые. Они ж не виноваты, что им такой недоумок в пилоты достался.

— И что нам делать? Груз сбрасывать?

— Есть другие варианты?

— Матерь Божья! Это же получается, мы месяц бесплатно работали?

— Угу. И хорошо, если отбрешемся, что не по своей вине груз потеряли. А то и стоимость горючего на нас повесят.

Мэнсон потянулся к панели отключения замков. Остановился. Убрал руку.

— Ты чего? — удивился Рафферти.

— Нельзя груз сбрасывать. Траектория.

Лишившийся девяноста девяти процентов массы «Рэд Булл» легко уйдет от столкновения. Но гирлянды астероидов продолжат движение по заданной траектории. Нет, верткого курьера они не догонят. Но прямо по курсу — верфь, «Солнечный Ветер», а самое страшное — Оазис. Сбросить груз — все равно что выстрелить по ним из гигантской пращи.

За пять лет капитан и суперкарго научились понимать друг друга с полуслова. И сейчас объяснять Шейну ничего не потребовалось.

— Матерь Божья... Может, не попадут?

Может, и не попадут. Но чтобы рассчитать вероятность, требовалось время. А его как раз не было. Через минуту любые маневры станут бесполезными.

Росс Мэнсон принял решение.

— Шейн, приготовься. Могут быть сильные боковые перегрузки. Пробуем уйти вниз.

— Там же Юпитер... — Рафферти с ужасом уставился на друга.

— А то я не вижу!

Медленно, очень медленно грузовоз менял вектор тяги, позволяя Юпитеру поймать себя в объятия гравитации. Больше всего Мэнсон боялся, что корабль не выдержит. «Рэд Булл» стонал, хрипел, скрежетал под натиском сил, что закручивали леера, удерживающие на привязи астероиды. Казалось, еще чуть, и плечи коромысла не выдержат нагрузки, лопнут. Или того хуже — оторвутся с «мясом», развернув корпус грузовоза.

Обошлось. Маневр длился менее четырех минут, но Мэнсон взмок от пота. Рафферти выглядел не лучше. Капитан посмотрел на друга, вытер рукавом лоб, улыбнулся.

— Теперь точно не попадут. Сбрасывай.

Суперкарго кивнул, протянул руку к тумблеру аварийного отключения замков — отключать их поочередно было никак нельзя, груз следовало сбросить одновременно со всех четырех плеч коромысла. Перещелкнул...

Мэнсон уверен был, что самое страшное позади. Ошибся. Корабль бросило в сторону, крутануло. На миг потолок стал полом, а после ни пола, ни потолка не было. Они словно оказались внутри центрифуги. Хорошо, что накрепко пристегнулись к ложементам, начиная маневр, не то размазало бы по стенам кабины.

— Что... Что за?! — завопил Рафферти.

Мэнсону не требовалось отвечать, сигнальные огоньки на пульте делали это за него. Сработали только два замка, на двух других плечах коромысла по-прежнему висел груз. И по «закону бутерброда» это были не противоположные, а соседние плечи. Центр масс мгновенно улетел с оси корабля в некую гипотетическую точку между двумя гроздьями каменных глыб.

Суперкарго щелкнул тумблером еще раз, еще.

— Дай я! — Мэнсон оттолкнул его руку, попробовал открыть замки сам. Толку от этого не прибавилось.

Матерясь на всех языках, какие он знал и не знал, Рафферти принялся отстегивать ремни.

— Ты чего?! — не понял Росс.

— Чего-чего! Автоматика к дьяволу навернулась! Надо вручную открывать.

Мэнсона передернуло невольно. «Открывать вручную» означало влезть в скафандр, выбраться из кабины в открытый космос и карабкаться полкилометра до края плеча, где крепились леера невода.

Ладно, пусть не карабкаться, а лететь на реактивном ранце вдоль направляющей штанги. Сути это не меняло.

— Тебя сорвет!

— А как иначе?

Иначе было никак.

— Подожди, попробую остановить эту карусель!

— Сумеешь?

Остановить полностью не получилось, лишь замедлить. При этом сжечь большую часть остатков топлива и еще сбавить линейную скорость.

Когда Рафферти появился на обзорном экране, Мэнсон вспомнил, что вдобавок ко всему за бортом жесткое излучение Юпитера. Защита у скафандра хорошая, но в такой близости от источника обеспечить стопроцентную экранировку не могла. Хотел крикнуть: «Шейн, поторопись!» — прикусил язык. Торопливость никого до добра не доводила.

Путешествие к замку и обратно заняло у суперкарго двенадцать минут. Он ввалился в кабину, ухватился за ложемент, чтобы центробежная сила не уволокла к стене, просипел:

— Плохая новость, Росс. Замок я сбил, но там уже леер на коромысло намотало. Распутать никак, надо резать.

Мэнсон прокряхтел в ответ. Резать сверхпрочные композитные тросы? Фантастика! На борту «Рэд Булла» такого инструмента не имелось.

— Думаю, идти на второй смысла нет, — продолжил суперкарго. — Скорее всего, там то же самое. Похоже, самим нам не выкарабкаться.

Мэнсон помедлил. Кивнул. Рафферти прав, пришло время вызывать адмирала.

Не только сам звездолет «Солнечный Ветер» был единственным в своем роде. Печать уникальности носило все, связанное с его постройкой. Орбитальная станция Оазис — цилиндр, диаметром в двести метров и длиной в два километра — космический город с настоящими домами, улицами, скверами, гравитацией, не уступающей марсианской. Первоначально в нем располагалась администрация стройки и жили монтажники. Но постепенно Оазис превратился в столицу юпитерианского сектора Внеземелья, в технический и культурный центр с населением без малого три тысячи человек.

О своем прибытии Лео известил диспетчера Оазиса заранее, потому госпитальная бригада уже ожидала их. Едва стыковка была закончена, как медики ворвались на борт, принялись выкатывать кувезы с ранеными. В этой суматохе и словом с Самирой не получилось перебросится. Чтобы не путаться у медиков под ногами, Лео терпеливо сидел в пилотской кабине и покинул «Зайчика» последним.

Его тоже встречали. На самом высоком уровне — начальник Оазиса контр-адмирал Воронецкий со свитой. Лео растерялся от такого внимания к своей персоне. А стоило адмиралу заговорить, и вовсе впал в прострацию.

— Дайте мне в глаза этому мерзавцу глянуть!

Адмирал не шутил. Маленький, сухонький, он умудрялся смотреть сверху вниз на любого из своих подчиненных. Лицо бледное, пальцы то и дело сжимаются в кулаки от желания врезать пилоту по уху. Сдержался, не дошел до рукоприкладства. А лучше бы врезал!

— Кушнарева от полетов отстранить! Пилотской лицензии лишить!

Развернулся на пятках и, чеканя шаг, отправился восвояси. Свита поспешила следом, остальные присутствовавшие при «разборе полетов» начали расходиться. На жертву кто-то поглядывал осуждающе, кто-то — с сочувствием. Но ни один не был удивлен разносом. Кроме самого Лео.

С минуту он стоял, словно громом пораженный. А чуть пришел в себя, бросился за Димкой Болдыревым, пилот-инженером космопорта и давним приятелем. Догнал, схватил за плечо, заставил обернуться.

— Стой! Это как понимать?! Теперь так принято благодарить за срочную доставку раненых в госпиталь?

Болдырев отводил взгляд, упрямо не хотел смотреть товарищу в глаза.

— Привезти раненых — твоя обязанность. А вот то, как ты с «Рэд Буллом» обошелся...

— Как я обошелся?! Сбросили они груз, и что? Или Воронецкому потерянный груз дороже человеческих жизней? Да какой там груз — камни!

— Не смогли они сбросить, их к Юпитеру утянуло. Падают. Тяги не хватает на подъем такой массы.

— Как падают? — объяснение инженера ошарашило. — Надо же что-то делать? Если не корабль, то хоть экипаж вытаскивать!

— Угу. Китайский взрыволет уже идет к ним от Каллисто. Проблема в том, что подлетное время почти четыре часа. Не факт, что Мэнсон столько продержится. Если «Рэд Булл» опустится до зоны турбулентности, считай, все. А ближе никого нет.

— Постой, постой, почему никого? А я? Я доберусь куда быстрее китайцев!

Болдырев пожал плечами:

— Толку? На резистоджете тебе из гравитационного колодца Юпитера не выбраться. Сбросишь скорость для стыковки, снова не наберешь.

Лео схватился за голову, взъерошил коротко стриженный чуб. Должно, должно быть решение лучшее, чем ждать у моря погоды! И оно есть, оно где-то рядом, нужно только поймать. Поймать... Сеть... Инженер прав, «Зайчик» не предназначен для полетов вблизи планетоидов с сильной гравитацией, он житель открытого космоса. Но садиться на низкую орбиту Юпитера никто и не собирается!

— А я не буду стыковаться! — выпалил он. — «Рэд Булл» — это же камневоз, у них наверняка есть резервная сеть или как там они это называют?

— Невод. Есть, разумеется. Ты это к чему спросил?

Во взгляде Болдырева появилась тревога — уж не спятил ли друг? Но сверкнувшей в голове идеей Лео не поделился. Во-первых, некогда, каждая минута на счету. А во-вторых, идея не созрела пока настолько, чтобы облечься в слова. Ничего, на ходу дозреет!

— Ты не знаешь, где сейчас может быть Воронецкий? Мне к нему надо, срочно!

— К адмиралу? Да он с тобой и разговаривать не станет!

Воронецкий был в центральной диспетчерской, как и следовало ожидать. И да, он не желал разговаривать с опальным пилотом. Но Лео не оставил контр-адмиралу выбора. Внаглую и по-хамски он прорвался сквозь все заслоны, и как ты его остановишь? Не драться же!

— Кушнарев?! — контр-адмирал побелел от ярости. — Почему он здесь, кто пустил? Пилот, тебе наказания недостаточно? Тебя что, под арест взять?!

— Господин адмирал, я могу вытащить экипаж «Рэд Булла»! Разрешите доложить!

Идея была очевидной и дерзкой одновременно. «Солнечный Зайчик» должен не стыковаться с грузовозом, а пройти рядом так, чтобы в точке максимального сближения векторы их линейных скоростей совпали. В это время экипаж «Рэд Булла» выйдет из кабины и развернет невод, закрепив на нем свои скафандры. «Зайчик» угодит в невод словно рыбина и выдернет его вместе с людьми из гравитационного колодца Юпитера.

Контр-адмирал выслушал предложение. Помолчал с полминуты, затем выдал резюме:

— Бред!

— Почему бред? — опешил Лео. — Я все продумал. Если их тросы выдерживают массу астероида, то «Зайчика» и подавно выдержат.

— Тросы выдержат. А люди? Ты представляешь, какое ускорение будет при отрыве? Компенсаторы скафандров не спасут.

— Еще там радиация, — поддакнул кто-то за спиной Лео.

— Именно. Нет, будем ждать китайцев.

Воронецкий отвернулся было, давая понять, что разговор окончен. Но Лео не собирался отступать:

— Риск, конечно, есть. Но я думаю, что мы должны дать экипажу «Рэд Булла» возможность самим выбрать...

Контр-адмирала передернуло.

— Ах, ты думаешь?! Нет, пилот, это не риск. Это убийство и самоубийство! Все, пошел вон. Чтобы я тебя больше не видел.

Пожелание адмирала воспринято было как руководство к действию. Лео подхватили под руки и вынесли сначала из главной диспетчерской, а потом

и вовсе из административного модуля вытолкали — в сквер, цветочки нюхать и горячую голову охлаждать. Что делать дальше, он придумать не успел — через сквер к нему со всех ног мчалась Самира.

— Лео, стой! — подбежала, схватила за руки. Не иначе, удержать от опрометчивых поступков пытается. — Лео, ты все равно молодец! Ты спас буровиков! Вельяминов точно бы не выжил, если бы не ты. А грузовоз... Так случается, нельзя предусмотреть все. Иногда за одни жизни приходится платить другими...

— Да что вы все их хороните?! Я могу их вытащить, понятно?! Могу! — вскипел Лео. И выложил все.

Может быть, пересказанная во второй раз задумка стала выглядеть не такой авантюрной? Или Самира оказалась толковее Воронецкого? Как бы то ни было, поняла девушка с первого раза. Не возражала, не спорила, только заявила:

— Кувезы! Мы должны обязательно взять кувезы!

— Мы? — Лео ошалело уставился на нее.

— Разумеется. Не собираешься же ты отправляться в спасательную экспедицию без медика?

В космопорте им повезло — Болдырев не успел смениться. Однако для пилот-инженера план спасательной миссии пришлось повторить дважды. И даже после второго раза он с сомнением пожал плечами:

— У вас ничего не получится. В лучшем случае вернетесь ни с чем и пойдете под суд. В худшем — угробите себя и экипаж «Рэд Булла».

— Без твоей помощи однозначно ничего не получится, — согласился Лео. — Меня и на борт «Зайчика» не допустят. Я же «от полетов отстранен».

— Дмитрий, ты должен нам помочь, — серьезно добавила Самира. — От тебя сейчас зависит жизнь экипажа «Рэд Булла».

Болдырев посмотрел на нее, затем на Лео. Покачал головой.

— Ненормальные. Двое ненормальных. Ладно, я помогу. Но с одним условием.

— Говори, — кивнул Лео.

— Я лечу с вами. Должен же кто-то затаскивать Мэнсона с напарником на борт твоего «Зайчика»? А они дядьки немаленькие, скажу я тебе! Или ты собирался поручить эту работу хрупкой девушке?

Самира вопросительно приподняла бровь, а Лео улыбнулся. И сделал вывод:

— Трое ненормальных.

Им хватило пятнадцати минут, чтобы все подготовить. Самира вытребовала из госпиталя освободившиеся кувезы, Болдырев добыл разрешение на перешвартовку каботажника с основного причала на вспомогательный. Лео досталась самая простая работа — не привлекая лишнего внимания, прошмыгнуть на борт и затаиться в пассажирском салоне.

Дмитрий заканчивал расстыковку, когда лицо дежурного диспетчера вдруг исчезло с экрана. Контр-адмирал Воронецкий переключил связь с кораблем на свой канал:

— Пилот-инженер Болдырев, немедленно прекратите маневр и верните корабль на место!

Это был прямой приказ, подразумевающий краткий и однозначный ответ: «Есть!» Но Болдырев решился спросить:

— Почему?

— Потому что на борту у вас находится бывший пилот Кушнарев. Приказ об аресте которого я отдал

пять минут назад. Если не хотите стать соучастником, выполняйте!

Кто знает, хватило бы у пилот-инженера запала ослушаться, но, к счастью, контр-адмирал говорил громко, так что слышно было и в пассажирском салоне. Самира пулей вылетела оттуда, припала к микрофону:

— Хотим! И я хочу — спасти экипаж «Рэд Булла»! А вам, господин адмирал, должно быть стыдно! Сидеть в безопасности и угрожать людям, рискующим жизнями!

Чего-чего, но такой отповеди Воронецкий не ожидал. И малой заминки его оказалось достаточно. Самира отключила связь с диспетчерской, а подоспевший следом за ней Лео хлопнул товарища по плечу:

— Молодец! Давай теперь я порулю, «Зайчику» со мной привычнее.

Болдырев кисло улыбнулся.

— Теперь уж точно либо на щите, либо со щитом. «Соучастники»...

Сигнальный огонек вызова диспетчера отчаянно мигал на пульте. Но заставить строптивый кораблик вернуться контр-адмирал Воронецкий уже не мог.

Чертовски трудно смириться с мыслью, что от тебя больше ничего не зависит. Что тебе остается единственное: терпеливо ждать, когда другие придут и вытащат твою задницу из пекла... Если от нее к тому времени что-то останется. Росс Мэнсон не тешился иллюзиями. Он подсчитал, сколько топлива понадобится для корректировки орбиты в следующие три часа и сколько его осталось в резервуаре. Бухгалтерия не сходилась. Помирать так неожиданно, на ровном месте, было обидно. С другой стороны — все там будем. Винить по большому счету не-

кого, сам принимал решение, значит, сам виноват. Родных и близких у Мэнсона не осталось, рыдать по незадачливому космолетчику некому. Вон Шейну куда хуже: на Земле у суперкарго престарелая матушка, взрослая дочь, внуки. Мэнсон искренне сочувствовал другу. Тот места себе не находил. Открывал планшет, принимался писать, стирал, снова писал. «Что, завещание составляешь?» — так и подмывало спросить. Но Росс сдерживался, понимал — этот вопрос не стоит сейчас задавать.

В конце концов Рафферти спросил сам:

— Росс, как думаешь, если адмирала попросить, устроит он нам внеочередной сеанс связи с Землей? Ну... попрощаться.

Прежде чем ответить, Мэнсон откашлялся. Не из-за того, что в горле запершило. Требовалось придумать, что отвечать.

— Что ты так сразу — прощаться... Подождем, глядишь, у китайцев получится. Знаешь, какие у них секретные технологии? Ого-го! Времени у нас полно.

Рафферти кивнул. И отвернулся. Решил, что командир ему врет, пытается подбодрить? С одной стороны, Мэнсон сказал правду: времени у них в самом деле «вагон» — держать безопасную орбиту они смогут часа полтора, если сильно повезет — два. С другой стороны, не хочется выглядеть вруном в глазах друга, нужно объяснить...

Мэнсон открыл рот, но сказать ничего не успел. На пульте вспыхнул сигнал внешнего вызова. Адмирал? Нет. Может быть, китайцы?

Это были не китайцы. Тот самый пацан — пилот курьера.

— «Рэд Булл», вы меня слышите? Как вы там, держитесь? Мы вас скоро вытащим! Есть план! —

и прежде, чем Мэнсон или Рафферти успели ответить, начал излагать.

План был абсолютно сумасшедшим. Чего иного ожидать от этого безбашенного?

— Вы согласны? Хороший план, правда? — пилот курьера улыбнулся смущенно. — Рискнуть придется, естественно...

Его решительно оттеснила от видеокамеры передатчика темноволосая девушка:

— Вы не сомневайтесь, Лео — хороший пилот. Он наших бурильщиков спас, с Европы. И вас вытащит. А я — врач, и у нас на борту есть медицинские кувезы. Мы положим вас в них и быстро доставим в госпиталь. Все будет хорошо, соглашайтесь!

— Эээ... — Мэнсон наконец обрел дар речи. — Нам надо посоветоваться!

Парень и девушка переглянулись. Пилот кивнул.

— Советуйтесь. Я выйду на связь через пятнадцать минут.

Как только экран погас, Мэнсон повернулся к напарнику:

— Что скажешь, Шейн?

Рафферти обескураженно почесал затылок. Пригладил некогда рыжие, а теперь изрядно битые сединой вихры.

— Неожиданно... Почему Оазис нас не предупредил, что планы меняются?

— Думаешь, это адмирал их послал?

— Не могли же они самовольно... Матерь Божья, конечно, могли! Ох, что адмирал с ними сделает!

— Угу. Если вернутся несолоно хлебавши. Ты лучше скажи, что мы решаем?

Суперкарго помолчал, пристально посмотрел на капитана:

— Сначала ты скажи — реально нам китайцев дождаться?

— Если они прилетят вдвое быстрее, чем обещали, то да.

— Понятно. Значит, выбор у нас такой: поверить либо в китайских волшебников, либо в счастливую звезду пацана, который нас сюда и засадил. Даже не знаю, смеяться или плакать? Монетку кинем?

— А если на ребро встанет? Нет, давай уж без монетки. Я вот что думаю: эта девушка-врач в пацана не случайно ведь поверила, полетела с ним против воли адмирала?

— Так то девушка... Ладно, дадим парню шанс, пусть разок попробует. Не получится, не попадет в невод — вернемся сюда и будем ждать китайцев.

— А попадет?

— Ну... Тогда как судьба. — Рафферти вдруг хохотнул: — Не думал я, что случится неводом космические корабли ловить!

Вначале все шло превосходно. Транспортники не артачились, диспетчерская не донимала приказами немедленно вернуться. Все шло по плану... Пока на экране не появилась отметка «Рэд Булла» и бортовой компьютер не посчитал параметры его орбиты. Как же медленно полз этот камневоз!

Лео растерянно оглянулся на Самиру, устроившуюся позади его кресла.

— Ты не знаешь, какую мгновенную перегрузку может выдержать человек в скафандре? 700 «же» выдержит?

— Не уверена...

Лео включил внешнюю связь.

— «Рэд Булл», это «Зайчик»! Вы можете немного увеличить скорость? Хотя бы на одну десятую?

— Вряд ли, — брыластый, бритый наголо дядька на экране покачал головой. — Что-то не получается?

— Перегрузки будут... сильные. Ладно, я сброшу скорость...

— Не вздумай! — дядька встрепенулся. — Не хватало, чтоб вы раньше нас на Юпитер упали. Одна десятая, говоришь? Постараюсь. И ты не переживай, мы крепкие! «Камневозы» же!

Подмигнул.

— Что? — насторожился Рафферти. — Скорости недостаточно?

— Сейчас добавим. Ну-ка, сколько у нас гелия в наличии? Шейн, что скажешь: будем его и дальше экономить или весь в топку пустим?

— Думаю, нет смысла растягивать удовольствие.

— И правильно! Тогда готовь невод, надеваем скафандры, и я запускаю двигатель на форсаж. Покажи, «бычок», на что ты годен.

«Рэд Булл» встрепенулся, будто и впрямь ощутил обильную пищу после долгого путешествия с полупустым брюхом. Перегрузка вжала экипаж в кресла.

— Хорошо-то как идем! — удивился Рафферти. — Так, глядишь, и сами выкарабкаемся.

— Не выкарабкаемся, — охладил друга Мэнсон. — Последние крохи топлива палим.

Он наклонился к микрофону:

— «Зайчик», это «Рэд Булл»! Что скажешь, парень, так лучше?

— Да, замечательно! Готовьтесь выходить — семь минут до сближения.

— Готовы!

Мэнсон переключил внешнюю связь на скафандр, начал отстегиваться от кресла. И словно в ответ на

это алым транспарантом вспыхнуло аварийное табло над пультом: «ВНИМАНИЕ! НАПРЯЖЕНИЕ МАГНИТНОГО ПОЛЯ НИЖЕ КРИТИЧНОГО! ОПАСНОСТЬ РАЗРУШЕНИЯ РЕАКТОРА!»

Суперкарго охнул.

— Гаси, гаси скорее!

— Поздно. Топливо кончится, и само погаснет. Или не погаснет. Тогда шанса вернуться на корабль и ждать китайцев у нас с тобою не будет. Пошли, пошли, не рассиживайся! Нам еще невод разворачивать.

Ускорение уменьшалось быстро, так что в шлюз они вышли без труда. Рафферти шел первым. Открыл внешний люк. Аммиачные облака валились прямиком на голову, казалось — удержаться невозможно, выпадешь из шлюза и рухнешь туда вниз головешкой. Но нет, Юпитер повернулся на бок, подстелился под ноги. Шейн оглянулся на Мэнсона:

— А ты не забыл предупредить парня, что нас вертит вдобавок? — По застывшему лицу капитана понял — забыл. Взмолился: — Ты только не говори ему про реактор! На рожон ведь полезет, жалко ребят!

— Не смогли погасить осевое вращение?!

Ладони Лео мгновенно взмокли. Новость была как удар под дых. Оказывается, надо не просто пролететь рядом с камневозом на полной скорости и не врезаться при этом. Теперь задача — проскочить между крыльями дьявольской ветряной мельницы, готовыми превратить «Зайчика» в груду обломков. Послышалось, что за спиной тихо заскулили. Нет, показалось. Стараясь, чтобы голос не дрожал, Лео уточнил:

— Какая скорость вращения?

— Полный оборот за четырнадцать секунд. Парень, если что — не рискуй...

— Нормально! Успеваем. Вы готовы? Начинайте разматывать сеть.

Лео обернулся к товарищам. По настоянию Болдырева в скафандры они облачились заранее — мало ли что! Перестраховщик... Но сейчас Лео был благодарен товарищу. Он запретил себе прикидывать, во сколько раз упали их шансы на успех. Но таки упали!

— Димка, давай к шлюзу, — приказал. — Будь готов по моей команде выходить и затаскивать их. Самира, может, перейдешь в пассажирский отсек?

— Нет, я останусь с тобой! Ты же начнешь набирать ускорение после того, как мы их поймаем, верно? Тогда и уйду.

Спорить было бесполезно.

Невод суперкарго подготовил заранее. Накрепко принайтовить себя к его противоположным краям заняло минуту. Хлопнули на прощанье друг друга по плечу, включили ранцы и разлетелись в разные стороны. По направляющим до края пустых плеч коромысла, затем сбросить страховку и — в свободный полет.

Уже расстегивая карабин, Мэнсон повернул голову к краю соседнего плеча. Сердце пропустило удар. Рафферти там не было. Суперкарго застрял у основания, где они прощались недавно.

— Шейн, что стряслось?! — заорал Мэнсон в микрофон.

— Ранец... Двигатель не запускается. Наверное, задел его обо что-то прошлый раз.

Возвращаться? Смысл? Да и не осталось времени, чтобы вернуться!

«Рэд Булл» появился на обзорном экране. Не отметка радара — визуальное изображение. Бугристое пятнышко, выписывающее замысловатые загогулины.

Пятнышко распалось на два комочка слипшихся крупинок. Крупинки начали увеличиваться, превращаться в камешки, в камни, в валуны. Вон и ажурный крестик, к которому они привязаны, появился. В самом деле, вращается.

Разумеется, картинку на экране рисовали данные корабельной оптики, грузовоз был еще далеко, чтобы разглядеть его невооруженным глазом. Хотя не так и далеко. Совсем не далеко, время пошло на секунды... И глыбины такие огромные, что смотреть страшно.

— Глаза закрой! Пожалуйста! — заорал Лео на замершую рядом девушку. — Не смотри!

Он не знал, послушалась его Самира или нет. Но сам удержаться не смог. Когда черная, в рыжих подпалинах окислов, громада поползла на экран, зажмурился. И только потом сообразил — никакой сети впереди нет!

Мэнсон сделал единственное, что мог сделать. Они планировали разлететься в разные стороны, чтобы невод развернулся во всю ширину и курьерский кораблик угодил в самую его середину. Теперь этот план не годился. Росс оттолкнулся и полетел как раз в створ двух свободных плеч, наперерез приближающимся спасателям. Невод потянулся за ним, лениво распластываясь, расправляясь. А впереди ждал Юпитер. Мэнсон целил прямо в него, в завиток урагана, слишком огромный и близкий, чтобы разглядеть его целиком. Газовый гигант уже до-

тянулся до человека, обнимал его своей водородной стратосферой. Мэнсон падал туда...

Он не увидел, что случилось. Чересчур быстро, чтобы видеть. Просто кто-то рванул у него невод, пытаясь отобрать. Удар. И Юпитер исчез. Все исчезло.

Очнулся Мэнсон оттого, что его извлекали из скафандра. С трудом приоткрыл глаза. Двое. Незнакомый парень с серьезным скуластым лицом и темноволосая девушка-врач. Стараются все делать осторожно, но на каждое движение внутренности отзываются болью. Адской болью! Заорать впору...

— Шейн? — просипел Мэнсон.

— Ваш товарищ в безопасности, — поспешила заверить девушка. — Ушибы есть, но без серьезных повреждений. Мы уложили его в кувез, он заснул. Сейчас и вас положим. Все будет хорошо!

К ним подошел второй парень. Да, именно подошел, — с ускорением летят. Мэнсон узнал пилота курьера. Как там его зовут? Забыл...

— Спасибо... От нас с Шейном.

Парень улыбнулся смущенно. Развел руками, будто извинялся, сообщил:

— А ваш корабль взорвался.

— Бог с ним... Главное, живы все, можно домой возвращаться, — Мэнсон закрыл глаза, чувствуя, что вот-вот снова отключится.

— Домой? — переспросила девушка. — Мы летим в Оазис.

— Я и говорю — домой...

Когда капитана «Рэд Булла» уложили в кувез и подключили к системе жизнеобеспечения, Лео, победно улыбаясь, объяснил Самире:

— Мэнсон — из здешних старожилов, первопроходец. Они Приюпитерье своим домом считают. И не важно, родился здесь кто-то, не родился! Так что спор ты проиграла.

Болдырев удивленно посмотрел на друзей:

— Вы это о чем?

— Да тут кое-кто доказывала, что Приюпитерье для людей домом не станет, пока здесь ни одно живое существо не родилось. Хотя бы кот!

Лицо пилот-инженера расплылось в улыбке:

— А, так вы главную нашу новость не знаете! На прошлой неделе Муся, — ну, адмирала нашего кошка, — котят привела. Тройня, крепенькие все, бутузы. Настоящие юпитерианцы!

ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО

ДВА БЕЛЫХ СОЛНЦА НАД ПУСТЫНЕЙ

— Нет, — сказала Светлана. — Ни за что!

— Но вы даже не дослушали, — укоризненно промолвил доктор Джонатан Уларапу.

Недавно избранного президента COSPAR, Международного комитета по космическим исследованиям, за стенами офиса и в прессе называли не иначе как доктор У, проводя тем самым незримые параллели с персонажами классических комиксов, по большей части безумными учеными. Доктор У, выдающийся астрофизик-теоретик и научный руководитель многих космических миссий, был, однако же, человек в высшей степени здравомыслящий. Но он все еще не освоился в новых апартаментах и сильно терялся при общении визави с теми, кого обыч-

но отправлял в дальний космос воплощать свои проекты.

— При всем уважении, — твердо заявила Светлана. — Я не гожусь на должность смотрителя зоопарка.

Доктор У тяжко замолчал, обдумывая доводы, которые не задели бы ничьего самолюбия.

— Вы ставите всех нас в ложное положение, Светлана Ахметовна, — вмешался Иван Андреевич Глумов, директор Российского космического агентства. — По результатам глобального опроса...

Светлана закатила глаза:

— О-о, час от часу не легче!

Глаза были большие, безупречно голубые, в обрамлении таких густых ресниц, что казалось, будто те растут в два ряда. «Где мои полсотни лет», — невольно подумал директор Глумов. Вслух же сказал:

— Опрос проводился как среди специалистов в области астронавтики, так и среди обычных граждан. Во всех странах, на всех континентах. У вас не должно быть сомнений в его авторитетности.

По лицу Светланы можно было понять, что сама вменяемость всех присутствующих в штаб-квартире COSPAR сановных лиц вызывает у нее громадные сомнения.

«Не понимаю, что все в ней находят, — думал доктор Уларапу. — Бледная, круглолицая. Волосы, как из соломы. И характер! Такого скверного характера нет ни у кого из моих заместителей. Хотя...» Родители президента всю жизнь прожили в самом сердце Австралийского континента, его ближайшие родственники и по сей день отказывались покинуть окрестности Дарвина. Доктор У был первым коренным австралийцем на столь высоком посту. Поэтому у него были своеобразные представления о женской

красоте. При виде ожесточенного, в пятнах от сдерживаемой ярости, Светланиного лица доктор У не испытывал уже прежнего восторга от всей этой затеи. «Профессионалы высшей пробы, — думал он обреченно. — Сильные, упрямые, самодостаточные. Они лучше любого из нас знают, что такое идеальный экипаж. Найди пять идеальных команд, возьми из каждой самого лучшего, помести в замкнутое пространство, и получишь мешок с дикими кошками. Или зоопарк, как справедливо заметила эта бледнолицая леди. С открытыми клетками. Они сожрут друг дружку».

— Это очень ответственное задание, — сказал доктор У, борясь с неодолимым желанием отвернуться к стене. — Быть может, самое ответственное в вашей богатой событиями жизни. Не знаю, надолго ли потомки запомнят эти ваши межпланетные прыжки. Потомки вообще имеют склонность забывать незначительные факты...

Директор Глумов глядел на него как на идиота. «Если вы, сэр, желали все испортить, — читалось в его глазах, — вам это блестяще удалось».

— Миссия «Гиппарх» — это билет в историю, — уныло закончил доктор У.

— Нет, — повторила Светлана. — Прошу рассмотреть другие кандидатуры.

— Человечество выбрало вас! — сказал доктор У отчаянным голосом.

— Человечеству стоило узнать и мое мнение, — лязгнула Светлана. Металлические нотки в женском голосе казались инородными телами, титановыми стяжками в живой плоти. — Я свободна?

Директор Глумов тяжко вздохнул. Ему не нравилось то, что он собирался сделать, но новоиспеченного президента следовало выручать.

— Светлана Ахметовна, я могу просто приказать.

Строптивая дамочка стояла перед ними по стойке «вольно», заложив руки за спину и уставясь в пол. Как нашкодившая гимназистка на педсовете. Острый носик под русой челкой покраснел, губы дрожали. «А ведь она сейчас разревется!» — с ужасом подумал Глумов. Он-то опасался, что Светлана сорвется и покатит всех присутствующих, невзирая на чины, черным русским словом. По слухам, за ней такое водилось. Но что срыв может обернуться простыми бабьими слезами, он предвидеть не мог.

— Выбор невелик, — продолжал Глумов, сознавая себя последней сволочью. — Отставка, досрочная пенсия... Или частные компании. Как вам такая перспектива?

— Ну-ну, директор, — попытался было вмешаться доктор У. — Зачем же обострять!

— Не хочу приказывать, — сказал Глумов. — А вы не хотите в отставку. Видите, как дивно совпадают наши желания!

— Хорошо, — сказала Светлана бесцветным голосом.

— Аллилуйя! — широко улыбнулся доктор У. — Верное решение. Только вы способны справиться с великой миссией...

— Минуту, сэр. — Глумов положил сухую, пергаментную ладонь на темное запястье доктора У. — Командир Байрамова, повторите ваше согласие, чтобы слышали все. Для истории.

— Я согласна принять на себя руководство вашей безумной затеей... миссией «Гиппарх». — Последнее слово в ее устах прозвучало как ругательство. — Теперь я могу быть свободна?

Когда дверь за нею затворилась, доктор У облегченно выдохнул и рассмеялся.

— Для истории, говорите? — спросил он.

— Пустяки, — откликнулся из своего угла протоколист. — Про безумную затею мы вырежем.

— Н-да... Кто у нас на очереди? — осведомился доктор У. — Командир Монкрифф, не так ли?

— Уступаю вам место, Джейк, — сказал Глумов, демонстративно отъезжая в своем кресле от громадного подковообразного стола.

Директор НАСА Джейк Темпл занял его место рядом с доктором У.

— Должен предупредить, джентльмены, — объявил он. — Монк также не в восторге от предлагаемой ему высокой чести. Еще меньше его вдохновляет перспектива быть всего лишь пилотом миссии, а не руководителем.

— Равно как и командир Люстиг, — ввернула Джина Мартинелли, директор Еврокосмоса.

— Да, — сказал Темпл. — Эти мне супермены... Предвижу, что над речью командира Монкриффа для истории придется особенно кропотливо поработать. Сомневаюсь, чтобы после купюр там сохранилось что-нибудь помимо приветствия.

— Что ж, напомню, господа, — величественно произнес доктор У, внезапно преображаясь в президента COSPAR, каким все ожидали его видеть. — В опросе принимали участие жители всех континентов. Не исключая Австралии, храни ее Господь. Госпожа Байрамова победила за явным преимуществом. Будем уважать выбор наций.

— Вы хитрец, Иван, — сказал Темпл с упреком. — Откопали в сибирской тайге русскую красотку, отряхнули от снега и слепили из нее диву. Когда фермер из Айовы видит перед собой на телеэкране живописную мордашку вашей девочки и, скажем, чугунную рожу командира Монкриф-

фа... Да он вообще ничего не видит, кроме ее глаз, зубов и бюста! Он теряет всякое представление о патриотизме...

— Скажите спасибо, Джейк, — проворчал Глумов, — что ваши фермеры не видели командира Байрамову в купальнике. Могли бы сгоряча выбрать ее губернатором.

«Дорогой Дневник!

Мне совсем не хочется впутываться в эту аферу. Но у меня нет разумных аргументов, чтобы отнекаться, а послать к черту таких людей язык не повернется. Хотя, возможно, следовало бы.

Да, я считаю, что миссия "Гиппарх" — это авантюра. И в научном смысле, и в техническом. Так бывает, когда в естественный ход событий вмешивается Большая Политика. Им, видите ли, вздумалось отметить круглую дату в истории космических исследований чем-то особенным, прорывным. Так было, когда американцы отправились к Луне. Они просто обогнали свое время. А потом время отыграло свое, и никто не летал на Луну еще очень долго.

То же и сейчас. Боссы решили выпрыгнуть из собственных штанов. По логике вещей, миссия вроде нашей могла бы состояться лет через сто. Сейчас в ней нет никакого смысла. Но так удачно — или неудачно! — сложилось, что замаячила круглая дата. И еще в калифорнийской Пасадине внезапно построили арпионный двигатель. Все одно к одному! Сохранялась надежда, что движок не оправдает ожиданий. Взорвется на стенде. Вообще не заработает. Но! Подлость в том, что он работает и не взрывается. Как уверяют, там нечему взрываться. Все, что может арпионный двигатель, это порождать

импульс. Или не порождать. Как хренов кальмар из своего реактивного сопла.

Сами конструкторы, похоже, не слишком понимают, что за диво удалось им создать. Принцип действия имеет касательство не к R-пионам, как можно заключить из названия, а к дополненным бранам. Просто кому-то из теоретиков взбрела на ум арфа как метафора прикладной теории струн. Один из консультантов пояснял: "Арпионный привод — это такая мутная хрень, которая позволит перемещаться вдоль квантовой струны из одной точки вселенной в другую с неограниченной скоростью". Поговаривают, что идею этого движка нам подбросили инопланетяне. С неполным комплектом документации.

Все твердят, что я вошла в историю. Я думаю, что влипла.

Вечером в отельном баре встретила Палому Флорес. Можно было ожидать, что горячая латинская штучка захочет выцарапать мне глаза. Но все обошлось. Она старается не выглядеть огорченной. Улыбается во всю шоколадную физиономию. Даже пыталась угостить меня текилой. Тоже мне вызов!.. Мы опрокинули по два шота текилы, выпили бутылку русской водки и за полночь расстались отвратительно трезвые и печальные. Даже посуду в баре не побили.

Палома не знает, что я хоть сейчас готова уступить ей свое место.

Кажется, это мой последний вечер на воле. Меня уже предупредили, что завтра вокруг отеля будет выставлена охрана. Я буду ограничена в свободе передвижений. Ну, как и все остальные члены команды. Наступает веселая жизнь под присмотром служб предполетного контроля. Тренировки, обуче-

ние, анализы, медосмотры. Все по-взрослому, как на заре пилотируемой астронавтики. Никакой личной жизни. Ее и так не было, сожалеть не о чем. Большой Брат следит за вами, везунчики вы наши».

— Дамы и господа, приветствуем всех на пресс-конференции, посвященной проекту «Гиппарх». С удовольствием представляем международный экипаж, которому предстоит осуществить самую грандиозную миссию в истории пилотируемой астронавтики. Список кандидатов был составлен по национальным квотам от всех стран и континентов планеты Земля и предложен на глобальное голосование. Все претенденты имеют впечатляющий опыт космических полетов, к ним предъявлялись самые высокие требования. На последнем этапе отбор выполнялся профессиональным сообществом. Рад заметить, что имена финалистов ни у кого не вызвали сомнений.

Светлана Ахметовна Байрамова, командир, первый пилот, Российское Космическое Агентство.

Эдвард Скотт «Монк» Монкрифф, второй пилот, НАСА.

Райнер Мария Люстиг, резервный пилот, главный инженер миссии, интеллектроник, Европейское Космическое Агентство.

Эрик Чан, научный специалист, физик, астроном, планетолог, Сингапурское Космическое Агентство.

Небушаднеззар «Неб» Кимамета, научный специалист, медик, биолог, Африканская Объединенная Космическая Корпорация.

Итак, ваши вопросы.

— Василий Демченко, «Москва-Пресс-Офис». Светлана Ахметовна, как ваши родители отнеслись к тому, что вы отправляетесь в самое дальнее путе-

шествие в истории человечества с неясными перспективами возвращения?

— Командир Байрамова, позволяю вам не отвечать на этот вопрос.

— Я отвечу. Господин Демченко, очевидно, был невнимателен, поскольку я уже несколько лет как осиротела.

— Мне очень жаль, я не знал...

— Эта информация есть в биографической справке. Мой отец, пилот-испытатель Ахмет Юнусович Байрамов, погиб десять лет назад. Думаю, его слова были бы таковы: если погубишь корабль, людей и себя, дочка, домой лучше не возвращайся... (Смех в эфире.) Моя мама, Надежда Александровна, педагог, умерла два года назад. Узнай она о моих планах, слов было бы меньше, чем слез.

— Рашель Хаддад, «Франс-Пресс». Как ваше решение встретил бывший супруг?

— Командир Байрамова, вы вправе игнорировать подобные вопросы.

— Я просила его присмотреть за домом, садом и кошками. Он был так мил, что согласился.

— Как зовут ваших кошек и сколько их?..

— Боб Ченс, агентство «Ройтерз Юниверс». Командир Монкрифф, вы по-прежнему считаете верным свое решение оставить астрофизика Грегори умирать в геологической системе Пантеон?

— Командир Монкрифф, можете не отвечать.

— Мистер Ченс, надеюсь, для вас не будет открытием, что система Пантеон находится на Меркурии. Или будет?.. Следовательно, она не может именоваться геологической. Это экзопланетарная система, вам следовало бы лучше подготовиться к пресс-конференции, сэр. (Протестующий гул в эфире.) Я здесь не затем, чтобы кому-то понра-

виться, джентльмены. Для того есть другие кандидатуры... Напомню вкратце. Когда мы прекратили поиски, с момента последнего выхода доктора Грегори на связь прошло восемнадцать часов. Дыхательной смеси у него оставалось на шесть часов автономного существования. Добравшись до ровера, он существенно увеличил бы свой срок выживания. Но мы обнаружили пустой ровер доктора Грегори за девять часов до прекращения поисков. Если бы вы задали себе труд ознакомиться с материалами комиссии НАСА по инциденту «Пантеон», то уяснили бы, что шансов на благополучный исход не было никаких, а мы все сэкономили бы время. Решение покинуть поверхность Меркурия было сложным, но правильным.

— Намерены ли вы точно так же обойтись с вашими спутниками по миссии «Гиппарх», если сочтете, что у них нет никаких шансов?

— Командир Монкрифф, вы можете...

— Если вы не в курсе, сэр, у миссии есть руководитель, и вопрос оценки шансов находится не в моей компетенции.

— Хаддад, «Франс-Пресс». Командир Монкрифф, как вы отнеслись к тому, что вами будет командовать русская женщина?

— Это не мой выбор, мэм. Как всякий убежденный демократ, я умею уважать чужое мнение. Думаю, все дело в моем скверном характере. И я неважно выгляжу в купальнике. (Гул в эфире, перемежаемый свистом.)

— Эрвин Верст, агентство «Дойче Нетцверк-Агентур». Командир Люстиг...

— При всем уважении, господин Верст, предпочитаю, чтобы в рамках этой миссии ко мне обращались «доктор Люстиг».

— Доктор Люстиг, сколько времени вы потратили на восстановление системы ориентации космического корабля «Свалинн»?

— Двадцать семь часов.

— Все это время вы не спали, не пили и не ели, оставались в скафандре и не покидали забортного пространства, не так ли?

— Абсолютно, господин Верст. Справедливости ради следует уточнить, что система жизнеобеспечения скафандра модели «Викинг», мужской вариант, предусматривает снабжение астронавта питательными жидкостями. В моем случае это был сок лайма, который я с тех пор возненавидел.

— Но спасательный корабль ЕКА был уже на подлете.

— У меня нет привычки полагаться на помощь со стороны, хотя бы даже и гарантированную.

— Лу Корбетт, информационное агентство «Пан-Африк». Доктор Кимамета... Вы ведь не станете возражать против такого обращения?

— С какой стати? Я и есть доктор. Во всех смыслах, не исключая медицинского. (Смех в эфире.)

«Дорогой Дневник!

Мы зубоскалим, показываем большие пальцы, демонстрируем энтузиазм. А потом расходимся по своим домам, даже не обмениваясь взглядами. Это не команда. Это пять человек, которым не хочется терять время на глупости.

Китаец ведет себя подчеркнуто уважительно, но при этом держит громадную дистанцию. Отсиживается за Великой китайской стеной, или что там у них в Сингапуре есть великого. В COSPAR сочли, что в экипаже должен быть китаец. Ну-ну. Отзывы о нем благоприятные, а значит, и хлопот не бу-

дет. Не слыхала, чтобы китайцы кому-то доставляли хлопоты.

Немец держит свои амбиции в большом кованом сундуке под амбарным замком. И он лютый технарь, ему нет дела до иерархии. Он меня немного пугает. Эти его окуляры-компьютеры!.. Кажется, он столько времени провел среди механизмов, что и в себя тайком вмонтировал какие-нибудь микрочипы. И он единственный понимает принцип действия арпионного привода. Либо техничнее других прикидывается, что понимает.

Не представляю, что делает в экипаже африканец. Ну да, медик. В экипаже нужен медик. Но это короткий полет, никто не успеет простудиться. Необходимость в биологе вообще под большим вопросом. COSPAR считает, что в экипаже должен быть африканец... Не знаю о нем ничего. Зато он единственный, кто получает удовольствие от своего положения. Улыбка его, шириной в полметра, вполне натуральна. Некоторые любят быть в центре внимания. Особенно если прежде никогда там не бывали. Неб Кимамета, извините за каламбур, темная лошадка. Ненавижу отправляться в полет с темными лошадками, какого бы цвета ни была их кожа.

Самая большая засада — это, конечно, Монк. Сплошные комплексы. Да, он хотел стать командиром миссии. Нет, он им не стал. Да, он опытный черт. Нет, не лучший, всего лишь номер четыре в рейтинге НАСА. В миссию он попал благодаря везению, с чем никогда не смирится. Лучший у них Старый Митч Бауэр, он действительно старый, еще пара каботажных рейсов — и в отставку. Номер два, Райан Шор, встрял в губернаторскую гонку и вправе послать к черту кого угодно. Он, собственно, и послал. Третий... Третья в рейтинге Палома Флорес,

и это я перебежала ей дорожку. Объединенные Нации отдали мне больше голосов, я автоматически становлюсь командиром миссии, и я женщина. Две женщины на первых постах в экипаже экспериментальной миссии — это слишком даже для Большой Политики.

Кстати, "Монк" по-английски означает "монах". Нет прозвища без смысла. Думаю, в старые времена он с радостью отправил бы меня на костер.

Из Пасадины на встречу с нами приезжал доктор Калошин, главный по арпионной физике. Он похож на Деда Мороза, расстриженного в банщики. Маленький седобородый крепыш. Конечно же, русский, сибиряк. Пал Саныч Калошин. Взирал на нас с сочувственным любопытством, меня облобызал по-отечески, потом секретничал с Чаном и Люстигом. Видно было, что наша миссия и ему кажется авантюрой, но по своим причинам.

Интересно, есть ли рейтинги у нас? Хотелось бы заглянуть в них одним глазком. Подозреваю, что я даже не в первой пятерке. Ах! Какой удар по родному мужскому шовинизму!..»

Арпионный космический корабль «Гиппарх» был собран на орбитальной верфи за рекордные два года. Светлана слышала о бешеной активности в ближнем приземелье, но в ту пору ее занимали иные заботы. Она только что вернулась из тягомотной миссии к Венере (мобильная лаборатория, восемь кораблей сопровождения и связка грузовых платформ), все время было занято отчетами. К включению в кандидаты проекта «Гиппарх» отнеслась с философским равнодушием: ее постоянно куда-то включали, делегировали и кооптировали. Но вызов на ковер в штаб-квартиру COSPAR

не входил к число событий, которыми можно было пренебречь. Чиновники из правительства вели себя с наглой предупредительностью асфальтового катка. В родном Агентстве возможность отказа даже не рассматривалась. Два часа на сборы, аэрокаб с гербом на борту, стратолайнер до Парижа и... Вотте здрасьте.

Светлана всегда недолюбливала Париж. Хотя никто ей не верил. Как можно не любить Париж?! Ах, Монмартр!.. Шанз-Элизэ!.. Тюильри!.. Здесь у нее начинала болеть голова, многолюдье улиц раздражало, неумолчный технологический гул вызывал неодолимое желание взять ящик с инструментом и подрегулировать расшатанный механизм. На счастье, офис COSPAR, куда Светлану доставили личным аэрокабом доктора У, размещался в тихом зеленом пригороде. Где ей и сообщено было о выборе наций, горел бы он синим пламенем...

Все это осталось в прошлом, на Земле.

Обитаемая зона орбитальной верфи. Никакого официоза. Никаких напутствий, накачек и благословений. Только родные и близкие. И операторы новостных каналов, беззвучно копошащиеся по ту сторону прозрачной гермозоны, куда же без них.

Светлана стояла у входа в галерею, что связывала верфь с «Гиппархом». Ее никто не провожал. Социальная автономность претендента — один из критериев отбора. Минимум родственных связей. Взрослые дети. Кредитная стерильность. Сирота и анахорет стал бы идеальным кандидатом. В этом смысле Светлана выглядела эталоном.

С остальными обстояло сложнее.

Доктор Неб обнимал сразу двух девиц в пестрых комбинезонах. Девицы рюмили, размазывая черными кулачками слезы по лакированным щекам, сам

же Неб сиял оптимизмом. Похоже, он не чаял от них отделаться.

Эрик, опустившись на колено и возложивши правую длань на плечо крохотного мальчугана, что-то внушал проникновенным басом, в такт словам помахивая левым указательным пальцем. Пацанчик, прилизанный и наутюженный, походил на маленького робота. Вряд ли он понимал хотя бы половину адресуемых ему речей. Чуть поодаль стояла молодая китаянка с горестным выражением на безупречном лице.

Люстиг, поворотясь задом к прощальной мизансцене, меланхолично беседовал по небольшому монитору. Едва ли с семьей — возможно, с каким-нибудь умником из Пасадины.

Что касалось Монка... Мистер Монк тоже был один.

Их прохладные взгляды пересеклись. И даже, кажется, ненадолго сцепились... Нет, померещилось.

— Экипаж, прошу на борт!

Девицы тихонько взвыли. Китаянка потянула сына к себе. Она улыбалась, из очерченных каллиграфическим пером прекрасных глаз сами собой хлестали слезы. «Акварель», — завистливо подумала Светлана.

В галерею она вошла последней. Двое парней из стартовой команды отсалютовали ей. Люк закрылся, отсекая от прежней жизни.

На командном посту экипаж стоя ждал указаний. Так полагалось. Лица слишком спокойные для такой минуты. Что бы эти парни ни думали о миссии, каких бы внутренних демонов ни пестовали, перед стартом в душах всегда горит азарт.

Светлана с комфортом расположилась в кресле командира.

— Господа, за работу.

«Гиппарху» предстояло шесть часов на традиционной реактивной тяге уходить от Земли. Там, за Луной, вдали от орбитальных поселений и оживленных трасс, проснется арпионный привод...

...Или не проснется. Миссия завершится, не начавшись. И все вернутся к реальным делам, а не станут маяться фантастикой.

«Дорогой Дневник!

Можно бесконечно мусолить план миссии. Зачитывать вслух с любого места, вывести на стену каюты вместо релаксирующих обоев. Это ничего не изменит. В сознании бывалого астронавта, поколесившего по Солнечной системе, не помещается дикая мысль о том, что до Юпитера мы долетим за паршивых четыре часа. Как до Нью-Йорка! Кабы не пояс астероидов, то и за два, но из-за метеоритной угрозы придется тормозить и совершать огибающий маневр.

Возле Юпитера предусмотрен первый и единственный пит-стоп, будет испытана в реальных условиях процедура арпионного торможения. То еще развлечение... Колонисты выполнят визуальный контроль корпуса "Гиппарха". С почтительного, конечно же, расстояния: защита корпуса будет поднята и отшвырнет любое инородное тело, будь то шальной астероид, будь то космический катер. Никто не станет опускать ее ради визитов вежливости, дорогое это удовольствие.

Затем арпионный двигатель будет запущен на полную мощь. Устремится вдоль квантовой струны или "собственного трека", как называет ее Люстиг, не отклоняясь под воздействием гравитационных полей. Если верить экспертам, в теории мы

способны развить гиперсветовую скорость. Но это не входит в планы данной миссии. Хотя бы потому, что конструкция "Гиппарха" может не выдержать... Чего именно? Нагрузок? Искажений пространственно-временного континуума? Не стоит-де забегать вперед научной мысли. Как будто мы уже не забежали!.. На самоподготовке Люстиг, по своему обычаю — в раздражающе взвешенных выражениях, пояснил: корпус не проблема, хрен бы с ним, с корпусом. Никто не знает, как поведет себя структура космического вакуума, когда в нее со всей дури вдруг воткнется гиперсветовой шприц. Есть гипотезы, есть теории, но нет точного знания. А мы, что ни говори, все ж таки живые люди, не морские свинки, чтобы ставить на нас запредельные эксперименты.

Если я верно понимаю, задача миссии — продемонстрировать, что человечество совершило фазовый переход к эпохе галактической экспансии. Нет резона в военных конфликтах, религиозных распрях и прочей хрени, когда всех нас ждет Галактика.

Но чтобы проект "Гиппарх" не обернулся феерической вампукой, а утвердил торжество научной мысли, мы должны вернуться. Никакого избыточного риска. Очень быстро, прыг туда и скок обратно.

А теперь внимание: по расчетам, за восемь часов "Гиппарх" пересечет Солнечную систему и достигнет внешних границ пояса Койпера.

Койпер — это не просто далеко. Это чертовски далеко.

Если мы справимся, если "Гиппарх" не развалится при торможении, если никакие квантовые эффекты не лишат нас рассудка... Если мы вернемся... Тогда все в мире было не напрасно.

Мы сидим в своих креслах, перебрасываемся про-

хладными репликами и ждем промежуточного финиша возле Юпитера. Там впервые потребуется участие пилотов в управлении кораблем. Ничего нового, все это мы уже проделывали на тренажерах и возле Луны. Мы — это Люстиг, который уткнулся в свой планшет, Монк и я. Научные специалисты сочли, что сидеть и пялиться на серые экраны не лучший способ времяпрепровождения, и удалились каждый в свою лабораторию.

Наш привод игнорирует старину Ньютона: ардионное торможение — не энергозатратная борьба с инерцией, а банальное прекращение движения. Еще один нюанс, с которым мудрено примириться.

"Полный стоп", — говорю я.

Упругая волна приливает от пяток к голове. Момент слабой тошноты. Внезапное чувство, будто все твое существо устремляется куда-то в обратном направлении, туда, где оно было несколько сотен миль тому назад. На ногах не устоять — рухнешь колодой или, если успеешь сгруппироваться, осядешь на задницу. Но мы сидим в креслах и потому переживаем это необычное ощущение разделения души с телом без последствий. И это все.

"Гиппарх" прибыл на орбиту Юпитера.

Классической астронавтике конец. Межпланетные перелеты превращаются в каботаж. Небритые дальнобойщики с пивом и девками. Японские туристы с фотокамерами. Русские колонисты с богатым духовным миром.

Даже не знаю, радоваться или грустить».

— «Гиппарх», добро пожаловать в систему Юпитера.

— Благодарим. Здесь командир Байрамова. С кем я говорю?

— Диспетчер Мартынов, научная станция «Каллисто». Приступаем к внешнему осмотру корпуса. Желаете услышать директора Кларка?

— Нет необходимости.

— Это правда, что к вечеру вы будете в Койпере?

— Смотря что считать вечером.

— Вы в курсе, что «Гиппарх» со стороны похож на статую Христа-Искупителя в Рио?

— Да, мне говорили. Не будем засорять эфир лирикой.

— Визуально с вами все в порядке. Протоколы осмотра транслируются на ваши компьютеры.

— Доктор Люстиг?

— Подтверждаю прием протоколов, командир.

— «Каллисто», мы признательны за радушный прием. А теперь держитесь от нас подальше, мы начинаем разгон.

— Мегаметр пустоты вам по курсу, «Гиппарх».

— Мегаметра будет маловато, но спасибо.

«Дорогой Дневник!

Арпионный привод делает забавным анахронизмом психологическую совместимость экипажа. Нужно быть законченным психом, чтобы испортить отношения с коллегами за сутки полета. Но психи летают в космос только в плохой старой фантастике. Даже Монк, при всем его гоноре, не успеет мне всерьез досадить. Надеюсь.

Опять же из старой фантастики: наконец-то станет жизненной ситуация, когда астронавты, пускаясь в опасное межпланетное путешествие, знакомятся на борту корабля.

Люстиг: "Командир, хотите посмотреть, как выглядит старт арпионного корабля со стороны?"

Я: "Спасибо, насмотрелась".

Люстиг: "Это не анимация и не тренажер. Юпитер был так мил, что к протоколам пристегнул полученное с Земли видео нашего ухода с лунной орбиты".

Монк: "Я не прочь взглянуть".

Неб (возникая у меня за спиной и шумно устраиваясь в пассажирском кресле): «Командир, ну пожа-а-алуйста...»

Я: "О боже..."

На главном экране возникает картинка. "Гиппарх" в цвете и объеме, в масштабе тысяча к одному. Вместо задника красивое звездное небо с белыми лоскутками туманностей. В правом нижнем углу слабый отсвет невидимого лунного диска. Снимал, как я понимаю, какой-то дрон-смертник, потому что все обитаемые объекты были загодя удалены из зоны старта. Так сказать, во избежание. Оператор Мартынов отметил сходство корабля с заваленной набок статуей на массивном постаменте. А по-моему, куда более сходственно с авангардным подсвечником.

Подсвечник висит в пространстве, словно бы сам не понимая, как и зачем тут оказался.

Затем он исчезает. Просто исчезает, без дешевых эффектов и небесных знамений. Был, и нет его. Как раз в тот момент, когда я произнесла сакраментальную фразу: "Мистер Монк, разрешаю старт".

Все зрители, не исключая меня, синхронно исполняют вздох облегчения и восторга.

Спустя мгновение картинка забивается помехами и гаснет. Смертник получает свое по полной.

К такому положительно нельзя привыкнуть.

Сверхъестественная скорость выметает из меня остатки сомнений, сдувает налет цинизма. Я ужасно хочу, чтобы все получилось».

— Командир, у нас проблема.

— Райнер, оставьте голливудские шуточки при себе.

Люстиг отбросил окуляры на залысый лоб и посмотрел на Светлану стеклянными глазами, в которых не читалось и тени тревоги. Это в нем всегда сбивало с толку.

— Простите, командир, — сказал он. — Привод развил импульс выше того, что предусмотрен программой полета.

Светлана удержала мгновенно возникший в голове естественный вопрос: «Как такое возможно?». Еще будет время.

— Чем это грозит кораблю?

— Кораблю — ничем. — Люстиг в очередной раз продемонстрировал свою приверженность точным формулировкам. — Но есть угроза задачам миссии.

— И экипажу, — ввернул Монк.

— Да, — согласился Люстиг. — Экипажу, а следовательно, и миссии.

— То есть мы неуправляемо летим невесть куда? — уточнила Светлана.

— Именно так, командир, — подтвердил Люстиг.

— Мистер Монк... — начала было Светлана.

Научные спецы! Их кресла пустовали.

Чтобы вернуть этих раздолбаев из лабораторий, потребуется время. Но каждая секунда увеличивает неопределенность.

Торможение будет мгновенным и безынерционным, хотя обратного рывка... когда душа отделяется от тела... не избежать.

Светлана вдавила сенсор общей тревоги. За спиной нервно, с пульсациями застонало. «Надеюсь, дело ограничится синяками».

— ...полный стоп, — закончила она.

— Выполнено, командир, — откликнулся Монк.

Очень быстро. Должно быть, отключил привод, пока она размышляла о последствиях.

— Мы продолжаем движение, — сообщил Люстиг невыносимо спокойным голосом.

«Какого черта?!» — подумала Светлана.

— Мистер Монк, повторить процедуру торможения.

— Уже, командир.

«Слишком скоро соображаешь, сукин сын».

— Райнер?

— Импульс сохраняется. И... м-м... нарастает.

«Так сделай что-нибудь, ты инженер!»

На командный пост ввалился Неб, прижимая ладонь ко лбу.

— Неловко говорить, — раздраженно объявил он, — но я рассек башку! Как на грех, не нашлось темного пластыря, посему буду ходить с белой блямбой на макушке, немым укором вашему хулиганству. Что у вас творится, коллеги?!

— Сядьте и заткнитесь, Неб, — лязгнул Монк. — Мэм, я предлагаю...

— И вы заткнитесь, мистер Монк.

Возникший неслышной тенью Эрик Чан, к его чести, никаких претензий не высказывал. Потирая ушибленное плечо, с каменным лицом тихонько занял свое место.

— Командир? — спросил Люстиг.

Светлана мысленно сделала глубокий вдох. Выругалась, тоже мысленно. Могла и вслух, никто бы не осудил.

— Гасите всю энергосистему.

— Командир, это чревато...

— Выполняйте, мать вашу.

«Дорогой Дневник!
Кажется, ни черта у нас не вышло».

— Что скажете, Райнер?

— Во всяком случае, мы уже не летим, — осторожно заметил Люстиг.

— Ну хоть что-то, — проворчал Монк.

— И у нас появилось время для размышлений, — констатировала Светлана. — Состояние корабля?

— Сообразно ситуации, — сказал Люстиг. — Системы регенерируют после аварийного сброса. Все не так плохо.

— Ну, договаривайте, — буркнула Светлана. — Я отдала неверный приказ?

— В том-то и дело, командир, — вздохнул Люстиг.

— Райнер, не тяните резину, — сказал Неб. — Мы обречены, sawa?

— Вы отдали единственно верный приказ, — произнес Люстиг. — Но с запозданием. Это следовало бы сделать сразу, как только я объявил о проблеме. Но вы этого знать не могли.

— Надеюсь, — сухо заметила Светлана.

— Привод наращивал импульс за счет энергетических ресурсов корабля. Это штатная ситуация, она конструктивно предусмотрена. Но почему привод пошел вразнос, я ответить не готов. Для этого нужно вернуть его на стенд и провести ряд экспериментов. Все же арпионная физика во многом остается интуитивной, нежели формализованной.

— Звучит вдохновляюще, — сказал Монк. — Вы имеете в виду, Райнер, что привод мог сожрать всю энергию корабля для того лишь, чтобы унести нас к черту на рога?

— Близко к истине, Монк, — кивнул Люстиг. — И он своего добился в полной мере.

— То есть у нас нет энергии? — спросила Светлана.

— И мы у черта на рогах? — прибавил Монк.

— Именно так, господа, — торжественно заявил Люстиг. — Очень верное наблюдение. Мы в аду и с голым, простите за прямоту, задом.

— Супер, — сказала Светлана ясным голосом.

Все обратили к ней взоры, полные выжидательного внимания.

— У нас, кажется, есть программа экстремального выживания, — невозмутимо продолжала она. — Самое время применить ее на практике.

— Да, командир, — произнес Неб внушительным голосом. — Есть такая программа. На случай, если мы потерпим крушение при столкновении с космическим камнем. Если рухнем в пустыню или плюхнемся в океан. Ситуация же, когда мы висим в пространстве внутри остывающей консервной банки, считается статистически наиболее вероятной.

— Разумно, — сказала Светлана. — Очень жизненная ситуация. Кто-нибудь в нее попадал? Не поднимайте руки, это риторический вопрос... Что ж, действуем по обстоятельствам.

— Как именно? — деловито спросил Люстиг.

— Эрик, — сказала Светлана. Тот немедленно встал и одернул куртку. — Разберитесь, где мы находимся. Хотя бы приблизительно. Неб, вам надлежит адаптировать программу выживания к нашей ситуации... гм... статистически наиболее вероятной. Ознакомить команду с поведенческими практиками. Экономия ресурсов, энергии, что там еще... И, возможно, нам потребуются нейростимуляторы.

— Что-то мне диктует, что потребуются, и в изобилии, — раздумчиво промолвил Люстиг. — Только не мне.

— Вычеркиваю, — с готовностью сообщил Неб.

— Вы, Райнер, — обратилась Светлана к Люстигу. — Мне нужно представление о том, что случилось с приводом. И каковы шансы на его запуск для возвращения. Подозреваю, эти цели взаимосвязаны. Монк...

— При всем уважении, мэм, — сказал тот. — Джентльмены, это касается всех.

— Хотите сделать заявление, сэр? — усмехнулась Светлана.

— Так точно, мэм. — Монк выпрямился во весь свой немалый рост. — Теперь, когда мы далеко. Когда нет связи с Землей. Когда решаем только мы и никто за нами не наблюдает. Госпожа Байрамова, не считаете ли вы, что в сложившихся обстоятельствах командование должен принять человек, который не запаздывает с решениями?

«Бунт на корабле, — мрачно подумала Светлана. — Ожидаемое событие, я с самого начала была к нему готова. Все равно мерзко».

— Никак не уйметесь, Монк? — спросила она с иронией. — Для вас это так важно?

— Я — потомственный командир, — твердо сказал Монк. — Сын командира и внук командира. За моими плечами целая толпа лидеров. Это не просто опыт — это генетика, не находите?

Светлана заговорщицки понизила голос:

— Но здесь за нами никто не наблюдает. Ни один из ваших блистательных предков!

— Мистер Монкрифф, — внезапно заговорил Эрик, потемнев лицом. — Именно в сложивших-

ся обстоятельствах я и не хотел бы ничего менять. Спокойствие и стабильность.

— При всем уважении, — сказал Неб, ухмыляясь. — Открою маленький секрет. Вы, белые люди, все для меня на одно лицо. Даже вы, Эрик. Без обид. Отправляясь в путь, я точно знал, что командовать мной будет женщина. Не будем вносить путаницу в наши отношения, sawa?

Монк открыл было рот, желая возразить в том смысле, что, конечно, sawa, но все же... Он вдруг обнаружил, что Люстиг отвлекся от возни со своими экранами и взирает на него поверх своих адских окуляров с громадным неодобрением.

— И ты, Брут, — насмешливо изрек Монк.

— То, что вы затеяли, дружище, контрпродуктивно, — сердито сказал Люстиг.

Монк воздел руки, сдаваясь:

— Я лишь пытался улучшить качество командования.

— Но ведь у вас лишь одна претензия к качеству командования, — отчеканил Люстиг. — Что не вы командир. Я тоже не командир. Also? Мне плевать, что будет написано обо мне в анналах.

— Совсем? — вскинула брови Светлана. — Совсем-совсем плевать?

— Нет, — немедля возразил Люстиг. — Буду честен: не совсем. Я всегда честен, если вы заметили, командир Байрамова. Но это ничего не меняет.

— Тем более что где мы, — сказал Неб, ни к кому персонально не обращаясь, — а где анналы.

— Отлично, — сказала Светлана ледяным голосом. — Обожаю демократию. Господа, если у кого-то имеются планы насчет героической смерти... Ну, там, холод, голод, каннибализм... Советую не-

медленно с ними расстаться. Мы вернемся домой. Всенепременно. Это не обсуждается. Вы лучшие из всех. Чтобы развеять иллюзии: себя я тоже не считаю слабым звеном. Итак, я хочу знать, как мы станем отсюда выбираться, что не так с приводом и куда нас занесло. Кажется, я верно расставила приоритеты. Вот еще что. Для экономии фонетических усилий отныне на борту вводится временный мораторий на формулу «при всем уважении». В рабочей обстановке разрешаю ко всем, не исключая меня, обращаться по имени. — Она с трудом изобразила некое подобие улыбки. — Можете звать меня Светла. Временно... За работу!

Наступившую после этой тирады паузу нарушил Монк. Бледно усмехаясь, он поаплодировал.

«Дорогой Дневник!

Светла — меня давно не называли этим именем. Только мама.

Первым ко мне явился Эрик Чан и, сражаясь с рефлекторным позывом именовать меня полным титулом, сообщил нижеследующее.

"Гиппарх" не падает камнем сквозь межзвездный эфир. Он вообще никуда не падает, потому что вращается по высокой орбите над большой планетой. Что за планета нас подхватила, Эрик сообщить не может. Но не Плутон и не Эрида, поскольку пояс Койпера мы должны были проскочить, и не прочая небесная мелюзга. Наша подружка немногим меньше Марса. На вопрос, почему Эрик выбирает варианты из числа транснептуновых объектов, мне было отвечено: сорвавшийся с цепи привод все же не мог вынести "Гиппарх" за пределы облака Оорта. Следовательно, мы имеем несказанную честь полагать себя первоокрывателями новой планеты Солнечной

системы. До решения Международного астрономического союза Эрик предлагает именовать ее Транс, ибо термин "Трансплутон" совершенно скомпрометирован бульварной фантастикой. "Да хоть горшком..." — брякнула я и пожалела, потому что пришлось объяснять, в каком соответствии находятся глиняная посуда и астрономия.

Но, невыразительным голосом продолжил Эрик, есть одно соображение, каковое может начисто разрушить изложенные теоретические построения. Поскольку я молчала, чтобы не сморозить лишнего, он выдержал деликатную паузу и добил меня окончательно.

У планеты Транс два солнца.

Главное светило, перегретый желтый карлик, находится на громадном удалении. Другое, намного холоднее, из тех, что принято именовать коричневыми карликами, расположено почти вдвое ближе. Освещения от солнышек немного, тепла и того меньше, но картину мира они несомненно украшают.

"Похоже на Альфу Центавра, не находите?" — заметила я.

При всем ува... э-э... нисколько. Скорее, на Солнечную систему спустя пару миллиардов лет.

Опережая мой вопрос, Эрик с академическими интонациями поведал мне, что примерно к тому времени Солнце должно увеличиться в размерах и светимости, а старина Юпитер — собраться наконец с духом, раскочегарить топку и сменить статус планеты-гиганта на карликовую звезду. Согласитесь... э-э... Светла, звездой быть намного почетнее.

"Что же тогда получается?" — потерянно спросила я.

Вместо ответа Эрик вкратце изложил арпионную теорию. Не первая попытка, были лекторы

и красноречивее, но понятнее она все равно не сделалась. Квантовая запутанность — не фунт изюму. В частности, Эрик напомнил, что арпионный корабль не подчиняется ньютоновской небесной механике. "Представьте себе весь комплекс физических взаимодействий как свежевспаханное поле". — "Не могу", — честно призналась я. "Тогда примите на веру". В идеале "Гиппарх" скользит вдоль собственного трека над этим полем, не соприкасаясь с ним, что напрочь исключает разнонаправленные гравитационные возмущения. Отсюда и фантастическая скорость, отсюда и парадокс нулевой инерции при торможении. Так вот: арпионный форсаж привел к избыточному возбуждению трека. Привод "Гиппарха", словно расшалившийся котенок, скатал квантовые состояния перед собой в клубок и замутил на ровном месте персональную гравитационную сингулярность.

"Так мы улетели в будущее?!"

Да, и весьма отдаленное. Какие-то безумные миллиарды лет. Земля давно выгорела в солнечном огне, а что сталось с человечеством, остается лишь гадать.

"Вы сами-то себя слышите?"

Других гипотез пока не усматривается.

Ужасно захотелось сползти по стеночке на пол. Спрятать голову в руках и не вникать в этот болезненный бред.

"Черт меня подери".

Вот именно.

"И как же нам отсюда выбираться?" — спросила я, ни к кому персонально не обращаясь.

"Не знаю", — торжественно заявил Эрик.

После драматической паузы он добавил: "Возможно, Райнер знает"».

Белесые призраки, числом четверо, с лазерными мечами в руках неторопливо и расчетливо перемещаются по темным переходам энергетической секции корабля. Словно десант повстанцев внутри какой-нибудь Звезды Смерти. Замыкающий шествие спотыкается о металлический кабель, без затей проброшенный по полу, и шипит на непонятном языке. «Вы что-то сказали, Неб?» — «Это ругательство, Светла. Довольно безобидное, претензия к духам предков». Лазерные мечи оборачиваются крохотными остронаправленными фонариками, других в хозяйстве Люстига не нашлось, не снимать же прожектора с десантного катера. Лучи света выхватывают из сумрака отдельные фрагменты мозаики. Чтобы увидеть картину в целом, всем приходится светить в одном направлении. Можно было бы врубить техническое освещение, но тогда затея сократить энергопотребление до минимума утратит всякий смысл.

— Здесь? — спрашивает Светлана.

— Вы правильно идете, — откликается по коммуникатору Люстиг, который следит за ними по мониторам в инженерном отсеке двумя палубами выше. — Еще восемь футов прямо.

— Весьма странно, — объявляет Неб, который увязался в эту экспедицию из чистого любопытства.

Монк оборачивается, лучик его фонаря упирается Небу в эмблему миссии на комбинезоне.

— Что странно, док?

— Мы так сюда стремились. Возможно, всю свою жизнь готовились к такому приключению. Меркурий, Марс, спутники... без обид... все это мелко, это под боком. И вот свершилось. Мы там, где никто и никогда не будет. Видим то, что никто никогда не увидит...

— И у нас для этого даже нет подходящей аппаратуры, — ворчит Эрик.

— Вы на месте, — говорит Люстиг. — Отключайте все панели, до которых дотянетесь.

— Я правильно поняла, что это вентиляция внутреннего корпуса? — уточняет Светлана.

— Да, командир. Она не скоро нам понадобится.

— И что же мы делаем? — не унимается Неб, снедаемый дефицитом общения. — Мы из кожи лезем, чтобы скорее выбраться из этого дивного нового мира. Это нормально?!

— Еще и как, — смеется Монк. — А знаете почему?

— Потому что мы не готовы, — поясняет Эрик. — Нам здесь не место.

— И это тоже, — не спорит Монк. — А еще потому, что чистое знание не имеет смысла. Спросите хотя бы Райнера, он у нас персонифицирует рациональное мышление.

— Да, спросите меня, — предлагает Люстиг. — Глупо накапливать знания без перспективы обсудить их в научном сообществе, не говоря уже о том, чтобы применить на практике.

— А я что персонифицирую, по-вашему? — любопытствует Неб.

— Белый шум, — желчно роняет Эрик.

— Не нужно думать, будто в руководстве миссии сидят одни дураки, — говорит Монк, — дураков там не больше, чем в любой административной структуре. Выбор наций — прекрасная вещь, но мы пятеро подобраны отнюдь не случайно. Что скажете, Светла?

— Кое-кого стоило бы оставить за бортом, — мрачно замечает та. Монк отвечает понимающим беззлобным смехом, и она продолжает: — Все на-

столько очевидно, что даже бросается в глаза. С вами, Райнер, уже ясно. Неб, что бы ни думал на сей счет Эрик, олицетворяет эмоционально-оптимистическое начало. В то время как сам Эрик воплощает созерцательно-философскую иронию.

— Не возражаю, — отзывается тот.

— А я? — веселится Монк.

— Перманентный раздражитель. Чтобы никто не расслаблялся. Иными словами, заноза в заднице.

Некоторое время все молчат, осмысливая услышанное.

— Дело в том, что я не на своем месте, — наконец говорит Монк. — Как говорите вы, русские: не в своей тарелке. Просто уберите стейк из супницы, и ваше меню преобразится.

— Из любого стейка можно наделать фрикаделек, — парирует Светлана.

Теперь все, не исключая дистанционного Люстига, отвечают благодарным ржанием. Даже пасмурный Эрик отчетливо хмыкает.

— Вы сами-то кто в вашем раскладе? — спрашивает Монк.

— Привношу в сборище фриков эстетический момент, — охотно поясняет Светлана. — А еще я средоточие всех свойств, на которые при комплектации экипажа не хватило людей.

— Аллегория сингулярности, — вворачивает Эрик.

— Звучит недурно, — соглашается Светлана.

— И что вы думаете о моих словах? — спрашивает Неб.

— Вы о грандиозном приключении? Все просто: нужно вернуться. И рассказать.

— О да! — энергично восклицает невидимый Люстиг. — Вернуться и рассказать! Универсальное

правило исследовательских миссий. Кстати, как обстоят дела с отключением вентиляции внутреннего корпуса?

— Мы закончили, — говорит Светлана и гасит последнюю панель, которая до сего момента служила неплохим источником дополнительного освещения.

— Wunderbar. Далее вам надлежит достичь ближайшего поворота. Не пропустите его. И не трогайте руками ничего без моего ведома.

Призраки бредут в поисках обещанного поворота, праздно фехтуя лазерными мечами, переступая через толстые, словно обожравшиеся удавы, кабели и держась подальше от тревожно мигающих сенсорных панелей.

— В развитие вашей мысли, Неб, — вдруг говорит Светлана. — Когда мы вернемся...

— Если вернемся, — вносит поправку Эрик.

— Когда, — с нажимом повторяет Светлана. — И вдруг выпадет второй шанс. Скажите, друзья: будете ли вы готовы повторить этот путь?

— Конечно! — пылко восклицает Неб.

— Вы даже не подумали, док, — замечает Монк укоризненно.

— О чем тут думать? О цене? О смыслах?!

— Я согласен, — сообщает Эрик. — Я подумал. Я вообще быстро думаю.

— Эти мне ученые, — говорит Монк. Его лица не видно, но наверняка там саркастическая ухмылка. — А я так ни за что. Я семейный человек и хочу умереть в своей постели. Нет той цены, за какую я откажусь от этой привилегии.

— Но у вас, кажется, нет семьи, Монк, — замечает Светлана. — Если, конечно, верить официальной биографии.

— Будет обязательно. Я работаю над этим.

— Прямо здесь? — дивится Неб.

Монк пожимает плечами.

— Место не хуже других. Времени на размышления предостаточно. А вы что скажете, Светла?

— Не знаю, — медленно отвечает она. — Думала, вы мне поможете. А у вас сплошь разброд и шатание. Когда я дома, то ужасно хочу лететь. А в полете мечтаю о доме. И чем дальше забираюсь, тем сильнее хочу вернуться.

— Ну, это нормально, — ворчит Монк.

Неб обгоняет ее и с громадным сочувствием заглядывает в лицо.

— Мы забрались так далеко, как никто и никогда не забирался, — говорит он. — Не могу даже вообразить, Светла, как вы рветесь домой. Да ведь вас ничто не остановит, sawa?

— Sawa, друг мой, — улыбается она.

Вечером Люстиг объявился на командном посту, багровый от гнева. Перед собой он едва ли не тычками погонял обоих научников. На пороге разыгралась безобразно-комичная сцена. «Прошу вас, доктор Кимамета!» — ядовито настаивал Люстиг, творя приглашающие жесты. «Вы первый, доктор Люстиг!» — пятясь, дрожащим от гнева голосом отвечал Неб. «Вначале вы, доктор!..» — «Да как же я могу, доктор!..»

— Прекратите балаган, доктора хреновы! — рявкнула Светлана. — Шерочка с машерочкой, Манилов и Чичиков!..

В наступившей тишине Эрик Чан раздвинул спорщиков, словно портьеры, и прошел на свое место, где уселся с видом самурая в ожидании сеппуку.

— Ну? — строго осведомилась Светлана.

— Эти двое подбивали друг друга угнать десантный катер! — с возмущением сказал Люстиг.

Монк сардонически захохотал.

— Это правда? — спросила Светлана.

Эрик хладнодушно пожал плечами, а Неб истово закивал.

— Хотите, чтобы я заперла вас обоих до конца миссии?

— Мы хотим сделать то, зачем прилетели, — фальцетом объявил Неб. — В конце концов, я биолог, а Эрик — планетолог. А под нами, — он энергично топнул ногой в неуставной мягкой тапочке с помпоном, — целый неизведанный мир. Все, что мы желаем, так это придать миссии высокий смысл, sawa?

— Энергоресурсы корабля на исходе! — яростно парировал Люстиг. — Батареи от этих недоделанных солнц не заряжаются! А вы хотите безответственно, ради удовлетворения своей любознательности, отнять у «Гиппарха» изрядный куш мощностей?!

— Не лучшая идея, — проворчал Монк. — Случись что с вами на поверхности Транса, мы даже не сможем прийти на помощь.

— Как вы не понимаете!.. — вскричал Неб, заламывая руки.

— Вы, господа пилоты, печетесь о благополучии корабля, — вдруг заговорил Эрик, прикрыв глаза от ярости. — А вы, госпожа командир, еще и о выживании миссии. Все верно. Но нам выпал шанс на миллиард. На квинтиллион! Судьба забросила нас в будущее Галактики. Такой информации никто и никогда больше не получит. Никто и никогда! Вы же пытаетесь превратить наш корабль в склеп...

— У вашей информации найдется адресат? — злобно спросил Люстиг.

— Тишина на посту! — потребовала Светлана.

Она отвернулась к главному экрану, на котором простерлась во всю ширь ноздреватая лепешка Транса. «Мерзко. Никогда не бывала в такой ситуации. Все правы, все разделились, а мне выбирать. И наживать недругов. Но, в самом деле, зачем мы здесь? Это вопрос вопросов...»

— Полетит один из вас, — бросила она через плечо. — Тот, кого я выберу, ясно?

Пасмурное молчание.

— И пилот. Настоящий пилот, который способен совершить посадку и вернуться. Ясно?!

На сей раз оба слаженно кивнули.

— У нас три пилота...

— Два, — поправил Люстиг. — При всем... Вы, Светла, не в счет. Руководитель миссии не имеет права покидать корабль, за исключением крайней необходимости. В данном случае необходимости нет вообще. Also, два пилота.

— Тот, кого вы выберете, мэм, — напомнил Монк.

— Так и есть, — сказала Светлана. — Монк, катер ваш. Неб, вы пассажир.

Китаец, набычившись, забормотал что-то обиженное.

— Эрик, полетите в другой раз. Возможно. Если все обойдется. Я должна объяснять свое решение?

— Да, — сказали Монк и Люстиг одновременно, фехтуя взглядами.

— Неб, вас я выбрала по алфавиту.

— По алфавиту я первый! — запротестовал Эрик.

— Но не по русскому алфавиту.

— Я везунчик! — захохотал Неб, тыча бурого от гнева Эрика кулаком в плечо.

— Далее. — Светлана повернулась к пилотам. — Должность командира позволяет мне вообще ничего не объяснять. Так? Так, черт возьми?!

— Да, мэм.

— Да, командир.

— Инженер на борту для успеха миссии важнее, чем дублер пилота.

— И если я разобью катер, одной проблемой у вас станет меньше, — усмехнулся Монк.

— Вы для меня не́ проблема, — холодно объяснила Светлана. — Вы для себя проблема.

«Дорогой Дневник!

Мы все вынужденно приняли гипотезу Эрика, но внутренне никто с нею не согласился. С таким невозможно согласиться. Когда Чан доложил свои выкладки экипажу, никакой реакции не было. Монк пожал плечами, Неб неуверенно хохотнул, а Люстиг пробормотал под нос: "Что ж, это многое объясняет". И все.

У мужиков явные проблемы с эмоциональной сферой.

Я играю в Наполеона, что позволяет мне занять мозг чем угодно, только не черными мыслями. Делаю сразу несколько дел. Держу связь с катером Монка. Отлаживаю на нейрокомпе для Люстига непонятную программу. То есть понятно, что и как нужно кодировать, но не очень понятно, для чего. ("Светла, вам надлежит собрать показания всех датчиков энергетических секций A и B, в то время как на другие секции можете не отвлекаться". — "Собрать. Хорошо. И как с ними поступить?" — "Преобразовать по формуле, которую я вам сообщу, когда вы завершите первый этап". — "Преобразовать. Отлично. А что потом?" — "На выходе у вас должны полу-

читься либо нули, либо единицы. Видите, все просто, никто не ждет от вас волшебства. Нули — это sehr gut, а единицы — beschissen. Поначалу будет много единиц, в идеале мне нужны нулевые значения по всем датчикам. Как это у вас, у русских... И будет всем Glück. Но этим мы с вами займемся в динамическом режиме"). В этих играх за главного, разумеется, Люстиг, а Эрик как неоспоримый эксперт по арпионной физике обеспечивает ему теоретическую поддержку.

"Гиппарх" остывает. Мы экономим энергию. Защита корпуса опущена: на пылевую эрозию решено плюнуть. Нам нужно любой ценой оживить привод до того, как мы замерзнем.

Монк — классный пилот. Он не позволит катеру разбиться о поверхность Транса. А его непомерное самомнение сведет к статистической погрешности попытки Неба творить рискованные глупости.

Вчера Люстиг, чья физиономия лучше других подходит для официоза, обратился ко мне с апелляцией: "Командир Байрамова, экипаж просит разрешения временно отступить от предписанных правил личной гигиены, а именно: прекратить бриться".

"Странно, что вы до сих пор... Разрешаю".

Суточная щетина сообщает его облику этакую киношную брутальность. Монк понемногу становится похож на молодого Клинта Иствуда. Что же до научников, то их рожи никаких видимых изменений не претерпели.

Монк докладывает, что благополучно посадил катер. Кто бы сомневался. Я знаю, как для него важен приоритет. Первый на новой планете, это вам почище Колумба!

"Монк, вы заготовили какую-нибудь историческую фразу?"

"Заготовил, но забыл произнести. Мы уже снаружи".

Связь пропадает, когда "Гиппарх" погружается в тень планеты.

Люстиг и Чан торчат, сложившись втрое, внутри инженерного отсека в окружении снятых панелей и блоков. Зрелище устрашающее, но оба клянутся, что знают, как все восстановить. Надеюсь. В воздухе парят экраны с адскими трехмерными схемами и стоэтажными формулами. Временами немец что-то активирует, с любопытством следит за мельтешением цветных линий:

"Ach so!.. Теперь прошу вас, Эрик, разобрать все, что вы собрали на панели 128-алеф".

"Но мы уже делали это, Райнер".

"Ach so... Нужно повторить".

Все же у китайца нечеловеческая выдержка.

"Могу я чем-нибудь помочь?"

Оба глядят на меня оловянными глазами, как на говорящую кошку. Кажется, они забыли о моем существовании.

Затем Люстиг внезапно сообщает: "Не помню, чтобы видел, как вы улыбаетесь, Светла. В чем дело? У вас неправильный прикус?"

Гм... Рискованные шуточки. Кое-кому повезло, что я привыкла вращаться в мужском обществе, не обремененном куртуазностью.

"Я вообще серьезная девушка. Без причины не веселюсь. Дайте повод, и увидите, какая я заводная".

Когда "Гиппарх" завершает оборот вокруг Транса, в комуникаторах возникает голос Монка. Они возвращаются. Ожидаемое событие, не повод для радости.

Спустя два часа парни вылезают из шлюза без скафандров, после душа и волновой обработки. Неб

не скрывает эмоций. Не успеваю уклониться, как он с разбегу заключает меня в объятия.

"Светла, я сберег для вас половину энергоресурса катера", — говорит Монк, с ухмылкой наблюдая за моими попытками высвободиться.

"Прекрасно справились, джентльмены. Как вам планета?"

Неб вопит: "Думал, вы не спросите! Там лед! Мы садились на лед!"

"Черт, вы могли провалиться..."

"Ледовая корка толщиной в несколько миль, — небрежно роняет Монк. — Даже не успела толком протаять. Атмосфера — газовая вуаль... Это безопасная планета, тренажер для новичков".

"Целый замерзший океан! — буйствует Неб. — Мы привезли сто килограммов образцов! Клянусь, когда-то на Трансе была жизнь. Наверняка и сейчас есть, ни один океан не может промерзнуть до дна. Транс — не мертвый камень, это полноценная планета, у нее должно быть горячее ядро..."

Изображаю радость. Не напоминать же сердешному, что научное сообщество никогда не сможет проверить его гипотезу и хотя бы взглянуть на образцы".

На пороге шлюза Люстиг задержал Светлану.

— То, что вы делаете, неправильно.

— Потом напишете на меня докладную.

— Вы знаете, что я этого не сделаю.

— На то и расчет.

— Все равно. Командир не должен покидать корабль.

— Я знаю одного командира, который забил сваю на уставные требования и сутки проторчал снаружи своего корабля, приводя его в чувство. Райнер, вся

астронавтика состоит из нарушений устава. Эрик планетолог, ему нужна эта планета. А вы нужны на борту «Гиппарха», я не могу вами рисковать. По возвращении я хочу услышать, что арпионный привод готов к работе.

Они стояли возле трапа, усталые, слегка подавленные. Никаких особых чувств, кроме слабости в коленях и ухающей пустоты в головах.

Пустыня — серое полотно во все стороны. Темный горизонт, круто забиравший книзу. Острозубая горная гряда, словно вырезанная из бумаги. Два утлых солнышка и много-много звезд на черном небе. Катер стоял, сильно просев на боковую опору, по брюхо увязнув в сером прахе. Вспахивая песок, Эрик сделал несколько шагов. Присев, нагреб полные ладони мелкой сыпучки, подбросил... Они следили, как медленно, красивым ажурным облачком, оседают песчинки.

— Мерзлый океан, — промолвил Эрик. — Мертвая пустыня. Что нам делать с этим, Светла? Вы были возле Венеры, Монк — на Меркурии, я полгода проторчал на Европе. Всюду лед и камень, камень и лед. Иногда песок. Стоило ли за этим лететь?

— Думаете, вы первый, кто задает себе такой вопрос? — усмехнулась Светлана.

— Уж точно не последний.

— Во всяком случае, — сказала Светлана, — теперь мы знаем, что спустя два миллиарда лет в Солнечной системе появится планета Транс, состоящая из песка и льда. Делайте свою работу, Эрик, у нас всего час времени.

— Да, верно, — согласился тот. — Искать смысл бытия можно и в процессе.

Они разместили по большому периметру вокруг места посадки мониторы, сканеры и зонды, кото-

рые будут гнать на «Гиппарх» телеметрию. Пока Чан приводил аппаратуру в действие, Светлана наполняла контейнеры песком. Потом она просто стояла возле трапа и молча глазела на высокие небеса с двумя газовыми шариками над горизонтом.

Восемь триллионов миль и два миллиарда лет. Никто еще не забирался так далеко. Человеку это не свойственно. Где бы ни был, он должен видеть крышу своего дома. Хотя бы внутренним видением. Возвращаться домой сквозь льды и пустыню. Только так.

— Белое солнце пустыни, — неожиданно для самой себя пробормотала Светлана.

— Но здесь их два, — откликнулся Эрик. — Два белых солнца над пустыней.

— Старое кино, — сказала она. — Что-то вроде вестерна в русском стиле. Человек идет домой, а его все время вынуждают воевать. — Эрик с видимым облегчением кивал в такт ее словам. — Русские астронавты смотрят его перед стартом. Традиция, на удачу. Я ее нарушила.

— Никогда больше так не делайте, — строго сказал Эрик. — Традиции устанавливают связь между прошлым и будущим. Вы невольно ее пресекли. Поэтому мы оторвались от прошлого и улетели в будущее. Как камень из пращи.

Светлана печально засмеялась, но ничего не возразила.

«Дорогой Дневник!

Все случилось буднично, даже скучно. Люстиг уведомил, что за результат не ручается. Я ввела стартовые команды. Ничего не произошло. Даже освещение не мигнуло. Монк пожал плечами, Неб вздохнул со всхлипом, а Чан как сидел уставясь в пустоту,

так и продолжал сидеть. Мы молчали, как зрители после дурного спектакля.

Затем немец произнес обычное: "Ach so!.." и стал выбираться из кресла.

"Райнер, — сказал Эрик тусклым голосом. — Вы пытаетесь обмануть квантовую физику. Но этого никому еще не удавалось".

"Пустое, — ответил тот. — Не физику, а всего лишь механику. От которой только и требуется, что отвесить квантовой физике пинок".

"О чем вы?" — спросила я.

Люстиг направил на меня свои окуляры.

"Я пытаюсь насытить арпионный привод энергией, — терпеливо пояснил он. — Видите ли, Светла, дабы привести автомобиль в движение на покатом склоне, достаточно стронуть его с места".

"А достаточно ли покат наш склон?"

"Вполне, — сказал Люстиг. — Но мы имеем дело не с автомобилем, а, допустим, с танком".

С тем он и ушел. За ним, ни на кого не глядя, утянулся Неб. Эрик продолжал пялиться в пустоту, и это с каждой минутой нравилось мне все меньше.

Ситуацию спас Монк.

"Что мы вообще ждем от ваших опытов, Эрик?" — спросил он.

"Вы все когда-нибудь видели арфу?" — осведомился тот, слегка оживляясь.

"И даже играл, — хмыкнул Монк. — Это была маленькая ирландская арфа-круит, а я был сильно пьян и вел себя, как клоун".

Я с трудом удержалась, чтобы не брякнуть, что и трезвый он бывает изрядным фигляром.

"Представьте себе пространство в виде громадной арфы с необозримым числом струн", — продолжал Эрик.

"Теория струн, верно?" — обрадовался Монк.

"Неверно", — возразил Эрик.

"А как же вспаханное поле?" — напомнила я.

"Струны над вспаханным полем", — невозмутимо кивнул китаец.

"Струна — это наш трек?" — уточнил Монк.

"Струна — это метафора трека, — сказал Эрик. Мы с Монком переглянулись, но встревать не стали. — Арпионный привод возбуждает одну из таких струн и следует за волной. В нужный момент он соскальзывает со струны. Мы слишком сильно дернули..."

"И струна лопнула?" — спросила я.

"Нет, — туманно изрек Эрик. — Она трепещет до сих пор. Наш трек все еще ждет нас".

"О!" — с отрадной при иных обстоятельствах слаженностью воскликнули мы с Монком.

Вернувшийся Неб принялся раздавать всем большие желтые пилюли, похожие на шарики из замерзшего масла.

"Что это за дерьмо?" — с недоверием спросил Монк.

"То, что вернет вам ясность ума и крепость духа, — ответил Неб и улыбнулся прежней акульей улыбкой. — А еще разгонит кровь в жилах, чтобы вы не казались снулой рыбой, sawa?"

Пилюля таяла во рту, отдавая испорченным яблоком. От нее плыла голова, а в животе оживал маленький ядерный реактор.

"Ваше снадобье разрешено Всемирной организацией здравоохранения?" — насторожилась я.

"Мы им не скажем!"

"Так что там со струнами, Эрик?" — спросил Монк.

"Наш корабль все еще не потерял свою струну, — сказал тот академическим голосом. — Он завис над

нею. Если заставить его двигаться, он в точности повторит весь путь, но в обратном направлении".

"А как же сингулярность?" — спросила я.

"Мы окажемся в ней вновь. И, если доктор Калошин... тот, из Пасадины... не шутил, вернемся в свое время. Это уже не струна. Это наша нить Ариадны".

"Нынче из вас так и сыплются метафоры, старина, — заметил Монк. — Кстати, Неб, вы и Люстига пичкаете своей отравой?"

"Он мой пациент уже трое суток".

"Чем он там занят, в своей норе?"

"Обвешался экранами и рисует формулы".

"О! — сказал Эрик. — Хороший знак".

"Прекрасный, — согласился Неб. И вдруг преисполнился энтузиазма. — Берегите себя! Берегите друг друга! — витийствовал он. — Поменьше мрачных мыслей, больше светлых надежд. Сохраняйте душевную гармонию и физические силы!"

"Верно, — сказал Монк с непроницаемой физиономией. — На случай, если всем придется выйти и вручную спихнуть старину "Гиппарха" под откос".

Вот уже неделю мы одни во вселенной. Вслух этого не говорят, но мы на пороге смерти. Прежние разлады кажутся мелкими и нелепыми.

Ожидалось, что пятеро недружных людей поднимутся на корабль и отчалят. А потом вернутся, выпьют шампанского на положенных торжествах и никогда больше не встретятся. Наверное, и в этом скрывался некий исследовательский умысел: возможно ли комплектовать экипажи без психологической совместимости, на одном лишь голом профессионализме.

Но вышло так, что наши судьбы спутались в клубок, как и те чертовы кванты, что унесли "Гиппарх" на край пространства и времени.

Запоздало, но мы становимся командой".

— Считаю своим долгом предупредить... — заводит привычную уже песенку Люстиг.

— Да, мы помним, — говорит Светлана.

— Это всего лишь очередная попытка, — продолжает Люстиг успокоительно. — Она может быть удачной, а может и не быть. Но статистика на нашей стороне.

— С чего бы? — негромко роняет Монк.

— Приступайте, командир, — велит Люстиг. — И не слушайте этого циника.

Эрик вдруг привстает со своего места и вздымает руку.

— Подождите, Светла. Одну минуту, коллеги. Это важно.

Все смотрят на него с выжидательнеым изумлением.

— Мы вас слушаем, доктор Чан, — наконец говорит Светлана.

— Сейчас мы попытаемся вновь оседлать свой трек, — говорит Эрик с неожиданным пафосом. — Чтобы вернуться домой. К своей планете и в свое время.

— Если попытка удастся, — уточняет Люстиг.

— Да, — кивает Эрик. — Но, как ответственный исследователь, хочу напомнить, что движение по треку возможно в двух направлениях. Назад и вперед.

— О, я понял! — радостно восклицает Неб. — Дальше в пространство, дальше во время! К концу вселенной, sawa?

— Sawa, доктор Кимамета. Шансы на возвращение в наш мир, который мы так неожиданно покинули, действительно крайне малы, и все мы это сознаем. Арпионная физика не дает на сей счет точных ответов. Так не лучше ли своими глазами увидеть то, о чем грезили все сколько-нибудь образованные представители человечества, от фантастов до астрофизиков? Подумайте еще раз. Если мы отправимся по треку в обратном направлении, такого шанса больше не будет. Может не быть вообще никаких шансов!

— Я бы высказал осторожный пессимизм в отношении грез человечества, — с сомнением замечает Люстиг. — Кто-кто, а я определенно ни о чем таком не бредил.

— То, что вы предлагаете, до безумия интересно, — говорит Неб, которого, очевидно, перспектива скорой встречи с лакированными девицами несколько настораживает. — Хотя это уж точно будет дорога в один конец.

— Какого черта, джентльмены! — с легким раздражением объявляет Монк. — Я готов рискнуть чем угодно, чтобы вернуться на Землю. Что такого мы можем увидеть, последовав вашему совету, Эрик? Гаснущие звезды, холодные каменные шарики? Мы видим это прямо сейчас. Как понимаю, большого впечатления зрелище вселенского угасания ни на кого не произвело. Вам мало космического льда и песка? Или вы рассчитываете наткнуться на дайсоновы сферы с их хозяевами, которые примут нас за животных с биоспутника? Домой, только домой, во что бы то ни стало.

— Похоже, мнения разделились, — выжидательно говорит Люстиг. — Предвижу, чем все закончится, но, Светла, слово за вами.

— Домой, — ни секунды не раздумывая, отвечает та.

— Я обязан был предложить такой вариант, — упрямо говорит Эрик.

— Мы это оценили. Но мне не нравится, что мнения разделились. Где угодно, только не в моем экипаже. Если необходимо, я готова потратить пару минут, чтобы склонить фанатиков и колеблющихся на сторону здравого смысла.

Люстиг с удовлетворенным выражением салютует ей, а Монк добавляет:

— Любое содействие с моей стороны, мэм. Вплоть до силового.

— Полагаю, вы шутите, — иронически парирует Эрик. — У меня черный пояс по карате-фудокан.

— Не в моем экипаже, — жестко повторяет Светлана. — Малейший эксцесс, и отделаю обоих так, что родная мама не узнает.

— Я обязан был предложить и такой вариант, — ухмыляется Монк.

— Приступайте, командир, — говорит Люстиг.

— Стартовая готовность.

— Есть, командир.

— Пуск всех систем.

— Есть, командир.

— Пуск двигателя.

— Есть, командир... Fuck. Пуск двигателя не прошел, мэм.

— Вижу, сэр. Стоп всем системам. Отбой стартовой готовности.

— Ach so!..

Когда холод сделался невыносимым, Светлана велела надеть скафандры. Даже без подогрева, от собственного тепла в них было намного лучше. Она

ушла в каюту и попыталась уснуть, но лежать в громоздких доспехах было неудобно. Тогда она сползла на пол, но сон предал ее. Зато в голову полезли дрянные мысли.

Светлана вышла в темный коридор, слабо подсвеченный люминофоровыми указателями. Спустя несколько шагов она споткнулась о чьи-то ноги.

— Это я, — сообщил Неб. — Берегу энергию. У меня осталось немного пилюль, но этим нельзя злоупотреблять из-за риска привыкания.

— Медик есть медик, — прокомментировал из сумрака Монк. — Здоровье приговоренного превыше всего.

Он сидел на полу рядом с Небом, обхватив себя руками. В некотором отдалении, свесив голову, дремал Эрик. Монк приглашающе потеснился, и Светлана с готовностью втерлась между двумя мужчинами. Толстая ткань скафандра снимала все вопросы.

...Белый песок со следами босых ступней. Обломки мелких раковин. Темное от загара плечо. Крохотная морская звезда на ладони. Звезде не нравится чужое внимание, она хочет домой, в морскую волну...

Светлана открыла глаза. Голова была неудобно пристроена на плече Монка, ужасно затекла шея.

— ...или на Майорку, — негромко говорил Монк. Заметив, что женщина проснулась, спросил: — Вы были на Майорке, Светла?

— Я была на Венере, — проворчала та, крутя головой. — А сейчас торчу в двухстах милях над какой-то дурацкой планетой.

— Два солнца, ни одно из которых не греет, — сказал Монк. — Ископаемый лед, смерзшийся песок, темное небо, холодный мир. А на Майорке тепло. Море, пляж... И вы. — Он сделал красноречивую паузу. — В купальнике.

— В свое время имела хождение занятная теория, — сказал Эрик. — Поскольку в вакууме нет сколько-нибудь серьезного движения молекул, то и теплообмен космического аппарата с внешней средой затруднен. Следовательно, сейчас мы должны были бы изнывать от жары и думать о том, как сбросить лишнее тепло.

— О дьявол, — проворчал Монк. — Я не прихватил купальные шорты.

— Они вам не понадобятся, сэр. Не все теории подтверждаются на практике.

— «Ловелл», инцидент пятилетней давности, — сказала Светлана.

— Там было другое, — возразил Монк. — Полетела система охлаждения. И ее довольно скоро починили.

— На «Свалинне», как я слышала, тоже было довольно жарко.

— Нарушение ориентации в изрядной близости к Солнцу. Они летели неуправляемо, как камень. Райнер многое мог бы вам поведать. Вы знаете, что у него температура внутри скафандра доходила до ста двадцати градусов?

— Это выше точки кипения, — сонно заметил Неб.

— Я имел в виду — по Фаренгейту, дружище, — сказал Монк.

— Да, — промолвил Эрик. — Гораздо чаще корабли остывают. По многим причинам. Как, например, наш «Гиппарх».

— Жаль, — сказал Монк. — Я знаю людей, которые неплохо смотрелись бы в купальнике.

— Дался вам мой купальник, — огрызнулась Светлана.

— Почему именно ваш? — игриво осведомился Монк.

— Вы сами сознались на пресс-конференции, что в купальнике выглядите паршиво.

— Я все слышу, — промычал Неб, не открывая глаз.

— Я тоже, — сказал Эрик. — Врожденная деликатность мешает мне в том признаться.

Светлана фыркнула.

— Еще пара сексистских реплик, и я вас обвенчаю, — предупредил Неб. — У меня дядя священник, я знаю ритуалы.

— Какого культа, старина? — спросил Монк.

— Расслабьтесь, не вуду.

...Снежные колючки в лицо, под лыжами распахивается бездна, восторг под сердцем, холод в животе, несколько мгновений безумного полета, и кубарем в сугроб... Холодно... Холодно...

Кажется, она снова задремала.

— ...Дорогое, бессмысленное удовольствие, — негромко вещал Эрик. — Ни у одной корпорации нет планов строительства станций в дальнем космосе.

— Не было, — поправил Монк. — За два миллиарда лет многое могло измениться.

— Надеюсь, наше исчезновение надолго отбило охоту к шалостям с квантовой физикой. Арпионный привод должен был появиться лет на сто позднее.

— Это вам доктор Калошин напел? — спросила Светлана, потягиваясь.

— Он только о том и говорил. Но его не слушали. Всем хотелось эффектных событий. Прорывов и подвигов.

— Туда и обратно, — сказал Монк. — Простая миссия. Позитивный опыт испытаний на коротких дистанциях. Что могло пойти не так?

— Наверное, нам и следовало погибнуть, — сказал Эрик. — Чтобы все наконец поняли: прогресс свершается не подвигами, а трудами.

— Какой идиот включил в мой экипаж фаталиста? — задумчиво осведомилась Светлана.

Монк хохотнул, а Эрик пояснил:

— Но ведь так и есть. Мы все одиночки. Нам не к кому возвращаться.

— Кто была та женщина? — спросила Светлана. — С малышом?

— Моя дочь, — ответил Чан. — У нее своя жизнь. Я уже двадцать лет вдовец.

— Идите к черту, Эрик, — лениво молвил Монк. — Лично я обязан вернуться. Мне нельзя погибать. Иначе Палома Флорес скажет: мужик облажался, лететь должна была я... А у вас какая мотивация, Светла?

— Две кошки, — ответила та.

Эрик сдавленно хихикнул, повозился и вдруг затих, словно щелкнули выключателем. Монк подался вперед, дабы убедиться, что Неб крепко спит. Затем произнес вполголоса:

— Послушайте, Светла. Насчет Грегори...

— Монк, вы не обязаны со мной откровенничать.

— Велика вероятность, что мы здесь застрянем... Гм... Надолго. Хочу, чтобы у вас не оставалось иллюзий насчет моей репутации.

— А они у меня были? — фыркнула Светлана.

Монк засмеялся.

— Вам виднее, — сказал он. — Я не бросал Грегори в Пантеоне. Он покончил с собой. Мы нашли тело и прочли послание на регистраторе.

— Продолжайте, — сказала Светлана.

— Грегори был болен. Неважно, чем именно. Важно, что недуг отразился на адекватности мыш-

ления. Ему втемяшилось свести счеты с жизнью не где-то, а на Меркурии, ближе к Солнцу. В Пантеоне... Странные представления о вечности. Как ему удалось обмануть все комиссии, разговор отдельный. Психотики бывают весьма изобретательны и убедительны. Всю правду знали члены миссии, а еще ограниченный круг лиц из Центра управления. Мы легко договорились скрыть инцидент. Когда астронавт кончает с собой, это всегда плохо для проекта.

— Согласна, — промолвила Светлана.

— Если уж параноик Грегори обманул систему, то нескольким здравомыслящим мужикам и бог велел. В анналах и архивах хранится фальшивая версия. Да, в итоге на мою репутацию пала тень, но я переживу.

— Знаете, Монк, — проговорила Светлана. — Я тоже хотела бы избавить вас от некоторых иллюзий.

— Похоже, у нас вечер откровений, — выжидательно сказал Монк.

— Я знаю подлинную историю.

— О черт! — рассмеялся он смущенно.

— Вы же не думали, что я отправлюсь на задворки Солнечной системы с пилотом, у которого дурная репутация?

— Но как вы узнали?!

— Задала вопрос нужным людям, и мне дали честный ответ.

— Кто эта болтливая скотина? Кто-нибудь из отставников?

— Не будем показывать пальцем, но это был слоненок.

— Простите?..

— Не обращайте внимания, это специфический русский юмор. В отличие от ваших болтунов,

я умею хранить тайны. Кстати, вы устранили дыру в своей хваленой системе?

— Разумеется. Сейчас там новая защита. Ее уже дважды обходили.

«Дорогой Дневник!

У меня нет ни сил, не желания тебя сочинять.

"Гиппарх" умирает. Мы, как стадо кощеев, чахнем над остатками энергии для двигателя, а сами медленно замерзаем. Внутренние энергоресурсы отданы в распоряжение Райнера под невысказанным лозунгом "Все для победы!". А внешние батареи никак не могут вдоволь зарядиться. Здесь два солнца, и ни одно из них не греет достаточно.

Кают-компания обесточена, там царит сибирский холод. В жилых каютах тоже не сахар. Зато по коридору иной раз гуляет относительно теплый ветерок от системы обеспечения газового состава атмосферы. Поэтому, когда мы не заняты ничем полезным, то сидим, сбившись в бесформенную кучу, на полу в коридоре. Пьем холодный сок и грызем стылый сублимат. Четверо лучших в мире астронавтов. Наши профессиональные качества здесь, на задворках Солнечной системы, не сгодились.

Пятый торчит в инженерном отсеке, окружив себя экранами. Мы ничем не можем быть ему полезны. Мы не разбираемся в арпионной физике. Но хотя бы не путаемся под ногами. Мы надеемся на Люстига, а Люстиг тоже не разбирается. Но, в отличие от нас, надеется на инсайт. Думает, если долго пялиться в схемы, в голове сработают какие-то триггеры и наступит озарение. Ему начхать, что он будет делать со своим озарением вдали от лабораторий Пасадины.

Я была права. Мы все были правы. Мало построить двигатель — нужна инфраструктура. Нужны

пит-стопы на спутниках. Нужны автоматические станции в Койпере. А мы оказались заплутавшим авангардом.

Даже если Люстиг запустит привод, мы сможем вернуться в свое пространство, но не верю, что мы вернемся в свое время.

У нас есть программа выживания, и мы использовали ее по максимуму. Но только мы с Небом знаем, что существует и протокол чрезвычайного завершения миссии. Когда все сдадутся, мы с ним обменяемся понимающими взглядами. И нажмем две кнопки в разных концах корабля, каждый свою.

Как же здесь холодно, господи...»

Кто-то с деликатной настойчивостью тряс Светлану за плечо.

— Черта с два, — сонно сказала она. — Никаких больше высадок.

— Разумеется, командир, — сказал Люстиг.

— Вы все починили?

— Еще нет.

«Чертов киборг, — подумала Светлана. — Мы валяемся, как мерзлые туши на бойне. А он стоит в расстегнутом комбинезоне, руки в боки, рожа синяя от холода и бесстрастная, как приборная панель».

— Приношу извинения за то, что трачу остатки энергии на компьютеры, — торжественно произнес Люстиг. — Предпочтительнее было бы употребить остаточный заряд батарей в утилитарных целях. Хочу вас заверить, что выключу всю технику, как только обнаружу бесплодность своих усилий.

— Доктор Люстиг, вам когда-либо доводилось стать свидетелем бесплодности своих усилий? — с ядом в голосе полюбопытствовал Эрик.

— Нет, — серьезно ответил тот. — Вряд ли тогда я мог бы очутиться в столь удивительном месте и в столь изысканном обществе.

— Каковы шансы, Райнер? — спросила Светлана.

Люстиг вдруг улыбнулся. Словно на приборной панели вдруг ярким маркером нарисовали смайлик.

— Ноль к ста, — сказал он.

— Небогато, — проронил Монк.

— Но вполне достаточно, чтобы рисковать, — возразил Люстиг.

— Он не сдается, — сказал Монк с уважением. — Fuckin' kraut. Чертов фриц. Он никогда не сдается.

— Никто здесь не сдается без моей команды, — устало напомнила Светлана.

— Да, мэм, — кротко согласился Монк.

— Вы пижон, сэр, — сообщила она. — Fuckin' dude.

Монк захохотал и отвалился к стене. Неб тоже отозвался тусклым смешком и поперхнулся кашлем. Эрик, откинув забрало гермошлема, глядел на них, как на полоумных.

— Райнер, хотите пилюлю? — прокашлявшись и прочихавшись, осведомился Неб.

— Вам самому не помешала бы добрая пилюля от простуды, док, — небрежно отвечал Люстиг. — А мой мозг покуда справляется без стимуляторов.

— О! — сказала Светлана, подобрала ноги и села прямо.

Все взгляды обратились к ней.

— Райнер, вы знаете, что такое дефибрилляция?

— Полагаю, что-то из медицины. Неб должен знать лучше.

— Варварская процедура, — сообщил Неб. — Попытка запустить остановившееся сердце при помощи электрического импульса.

— С криками «Мы его теряем!» — ввернул Монк.

— Райнер, — сказала Светлана. — Нужно встряхнуть привод тем же способом.

Бородатое лицо немца тусклой луной склонилось над ней.

— Как вы себе это представляете?

— Никак. Это ваша задача. Вы связали всю энергосистему «Гиппарха» с приводом, не так ли?

— Абсолютно верно.

— Надо ее погасить. Как в первый раз, когда мы прерывали форсаж привода. А затем врубить заново. Но не в штатном режиме, поэтапно, а броском. Чтобы привод получил сразу всю энергию корабля, как и мечтал. Внушите ему короткую иллюзию, будто энергии много.

— Светла, вы говорите о металлокерамической конструкции, как о живом человеке, — заметил Люстиг.

— И злюсь, как на изменившего любовника.

Люстиг поскреб бороду.

— Гм... Но мне понадобятся помощники.

Светлана пренебрежительно фыркнула.

— Как удачно, что вы не один и на корабле есть еще несколько пар рук!..

«Дорогой Дневник!

Давно собиралась это сказать. Мужики, вы — чертовы засранцы. Но вместе мы лучший экипаж в мире. Монк, летчик от бога или от черта, я еще не разобралась до конца... во всех задницах заноза и широкое татуированное плечо. Райнер Мария, пижон, зануда и утонченный насмешник, рядом с кем невольно сознаешь себя деревенской дурочкой. Эрик, дракон в маске тигра, идеальный партнер для покера. Неб, самый добрый и самый черный доктор-айбо-

лит... Что касается меня, я не лучшая из лучших. Из лучших я самая красивая. Ну, извините, так вышло.

С вами трудно ужиться, но классно летать в пекло и обратно. Как же вы мне надоели! Как же я вас люблю!

В темноте, негнущимися пальцами мы собираем последнюю мозаику. Будто в плохой старой фантастике, над которой принято потешаться: соединили пару контактов и спаслись от верной погибели... Есть ли в этом хотя бы крупица правды?

Скоро мы выясним.

Пятеро человек хотят вернуться домой».

— «Гиппарх», вы что-то обронили возле Юпитера? И часу не прошло!..

— Мартынов, тебя я тоже люблю.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
Дмитрий Богуцкий. ОРБИТА ЗАХОРОНЕНИЯ 7
Николай Немытов. БЕСПРИЗОРНИКИ 50
Наталья Кушнир. РЕКОНКИСТА 71
Олег Дивов. НА ТРИ БУКВЫ 88
Сергей Волков. ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ 103
Виктор Войников. ТОКСИЧНЫЙ АКТИВ 119
Антон Первушин. ЧЕЛНЫ СРЕДИ ЗВЕЗД 170
Наталья Духина. КЛИСТРОН 180
Дмитрий Градинар. ЗОДИАК. СИНИЙ. ВОСЕМЬ 217
Майк Гелприн, Марина Ясинская.
ПОДОЗРЕВАЮТСЯ ВСЕ 246
Юлиана Лебединская. ДЕТИ ГАНИМЕДА 274
Далия Трускиновская, Дмитрий Федотов. ЕСТЬ ЛИ
ЖИЗНЬ НА МАРСЕ 307
Игорь Вереснев. ЗЕМЛЯ, ЮПИТЕР, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ . . . 360
Евгений Филенко. ДВА БЕЛЫХ СОЛНЦА
НАД ПУСТЫНЕЙ 388

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, *репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.*

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

Ответственный редактор *И. Минаков*
Редактор *Е. Кондратьева*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.09.2017. Формат $84x108^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 2000 экз. Заказ 8852

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде книги издательства вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
Москва. Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74.
Нижний Новгород. Филиал в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. **E-mail:** server@szko.ru
Екатеринбург. Филиал в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
Самара. Филиал в г. Самаре. Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е». Телефон: +7(846)207-55-50. **E-mail:** RDC-samara@mail.ru
Ростов-на-Дону. Филиал в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10.
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д.44 В. Телефон: (863) 303-62-10. Режим работы: с 9-00 до 19-00.
Новосибирск. Филиал в г. Новосибирске. Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42.
Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск, пер.Дзержинского, д.24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120.
Тюмень. Филиал в г. Тюмени. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени. Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, 9А (ТЦ Перестройка+). Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98.
Краснодар. Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).
Республика Беларусь. Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г.Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92. Режим работы: с 10-00 до 22-00.
Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул.Домбровского, 3 «А». Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99).
Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул.Вербовая, 17а. Телефон: +38 (044) 290-99-44. **E-mail:** sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру. Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-04-089555-7

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЗЕМЛЯН

ОЛЕГ ДИВОВ • АНТОН ПЕРВУШИН • ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО • СЕРГЕЙ ВОЛКОВ • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ISBN 978-5-04-089555-7

Наша Вселенная

СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
литературные проекты